

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин

Роман

Так уж сложилось, что случай не раз и не два сводил меня с некоторыми известными или безвестными “нашими” шпионами, и меня время от времени подбивали написать о них. Романтику шпионажа поощряли в нашей литературе. Да и на Западе она пользовалась успехом. Но я в ту пору такого желания почему-то не испытывал, хотя, как и многие, с удовольствием смотрел фильм “Семнадцать мгновений весны”, читал Ле Карре, Лоуренса, Грэхема Грина и прочих знаменитых “шпионских” романистов. Может быть, отталкивало, что эта профессия требует постоянной, умелой, хорошо отработанной лжи. Жизнь, проведенная во лжи? Мне она осточертела и без романов. Чего другого, но лжи всех сортов – от наглой дурацкой, никому не нужной, до самой утонченной – у нас хватало. Я достаточно много прожил среди вранья, обманов, притворства, чтобы еще и воспевать героев этого искусства.

Наши советские разведчики, наверное, неплохие разведчики. Даже очень хорошие. В этом смысле нам есть чем похвалиться. Отчасти объяснить это можно тем же самым – долгим, по сути пожизненным, пребыванием в атмосфере лжи. Умением прикидываться, вести двойную жизнь, говорить одно, думать другое. Нужда заставила заниматься этим почти каждого советского человека с детства...

Я знал Клауса Фукса, одного из самых знаменитых шпионов второй мировой войны. На самом деле его не следовало бы называть шпионом. Он был хорошим немецким физиком, происходил из известной семьи немецких теологов. Отец его, кажется, был профессором теологии. Когда нацисты пришли к власти, настоящим немецким интеллигентам многое не нравилось в их действиях. Чем дальше, тем больше. Клаус этого не скрывал. Однажды у него произошла стычка со штурмовиками, и его крепко избили. Европейцы такое переносят плохо. Они не желают послушно сносить, когда их бьют по физиономии. Фукс бежал во Францию, затем в Англию. А когда в США развернулись работы по созданию атомной бомбы, его пригласили в Лос-Аламос к Оппенгеймеру. Может быть, они были раньше знакомы, теперь я уже плохо помню подробности рассказа Фукса. Я ничего тогда не записывал, Фукс не был героем моего романа, хотя и отличался от других шпионов – никто его не вербовал, не обучал, он сам пришел к убеждению, что США как союзник не имеют права скрывать от СССР свои работы над новым оружием. Фукс стал искать способы передачи сведений о бомбе советским людям. Оппенгеймер и руководство атомного проекта ему доверяли, дружба его с Оппенгеймером крепла, и он ею пользовался. Каким-то образом он нашел, через американских коммунистов, возможность связи, не знаю, как у разведчиков называется такая передача сведений, и вскоре данные от него стали поступать в Советский Союз. После войны Фукс вернулся в Англию, к тому времени он был уже под колпаком. В Англии его арестовали, судили. Это был громкий, на весь мир, процесс, у нас, конечно, неизвестный.

Если бы существовал справочник по шпионам, то Клаусу Фуксу я бы отвел в нем первое место: шпион-доброволец, идейный шпион-физик, которому денег за эту работу не платили и который ощутимо помог нашим атомщикам. Встретились мы с ним в Дрездене. Он прибыл туда из английской тюрьмы, приговоренный к пожизненному заключению. Через несколько лет его обменяли на ихнего шпиона. Он стал работать как физик в одном из институтов и жил довольно замкнуто, женат он был, кстати, на русской.

Я представлял себе Клауса Фукса типичным ученым, малопрактичным, поглощенным своими занятиями, так оно, наверное, и было, но шпионская работа тоже наложила свой отпечаток. Он держался весьма светски и в то же время настороже, в ресторане садился так, чтобы видеть зал и чтобы его не видели. Когда мы ехали в машине, а вел он машину мастерски, Фукс все время следил в зеркальце, кто следует за нами. Я спросил – зачем, он признался, что привык остерегаться; это была одна из приобретенных на всю жизнь привычек.

О Клаусе Фуксе следовало бы написать интереснейшее исследование. Сюжет его жизни отличается не только бескорыстием, но и научный склад мышления, исследовательский подход к шпионской работе. Самоучка, он в одиночку, без всяких раций, шифров, явок осуществлял передачу ценных материалов. Ученый-шпион. Причем крупный физик и крупный шпион. Ученый-герой. Герой не мысли, а действия.

Одно время меня привлекала и судьба известного физика Бруно Понтекорво, бежавшего к нам, бывшего соратника Энрико Ферми. Великолепный экспериментатор,

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru он по достоинству стал действительным членом Академии наук СССР. То, что он мне рассказывал, достаточно серьезно. Не для шпионского романа, а про то, как возникают и гибнут иллюзии. Может, эти две судьбы своеобразно отозвались в образе моего героя. Вернее, моих героев, которые почти неразделимы, как сиамские близнецы.

I
Знал я его давно, может быть, лет двадцать. Он приезжал к нам домой на старой, раздрызганной машине, тяжелой и толстой, как броневик. Марку машины нельзя было установить, машина состояла из множества разных машин. Слушалась она только его. Когда она ходила, то ходила самоотверженно вопреки всем законам механики. Грохотала, дымила, внутри была так же безобразна, как снаружи. Рессору он подвязывал проволокой, шнурками, эластичным бинтом.

Тощий, бледный, с измятым узким лицом, он сразу же обращал на себя внимание сильным густым голосом. Стоило ему начать говорить – и слышно было только его.

В первые годы знакомства он был интересен мне своими мыслями, а не своим прошлым. Что-то я слышал, какие-то слухи клубились вокруг него и его друга Картоса. Я не расспрашивал, не выяснял. Кажется, их считали шпионами, перебежчиками. Между тем они работали в “ящике”. Ленинград был туго набит секретными номерными институтами, КБ, заводами. Что они делали, никто не знал. Взрыватели, отравляющие газы, приборы для стрельбы?..

Оба были иностранцы, оба говорили с сильным акцентом. Оба приехали неизвестно откуда. “Кому надо, те знают” – висело над ними. Тайна их жизни привлекала к ним и настораживала. Засекреченные иностранцы, да еще на свободе, да еще руководители – странное сочетание тех лет. К тому же люди западной культуры, меломаны, философски грамотные. К тому же коммунисты. К тому же специалисты самой модной профессии – эвээмки, кибернетики...

Того, с драндулетом, звали Брук Иосиф Борисович, второго – Картос Андрей Георгиевич. Первый был еврей, второй – грек.

Поначалу я все пытался пристроить и Брука и Картоса к какой-то известной мне категории, но только поначалу. Чем дальше, тем труднее было с ними управляться. Они перестали кого-либо напоминать. У них обнаруживалось все больше своего, необыкновенного и неразгаданного. Приоткрылось это в самом конце восьмидесятых годов, когда многое высветилось в нашей жизни. Будучи в Штатах, я совершенно случайно многое узнал о них. К тому времени Картос уже умер, но Брук был жив, бодр, правда теперь он носил другое имя – Джо, и другую фамилию – Берт. Какое же считать истинным? То, которое дали родители, или то, под которым он прожил большую часть жизни? Чтобы ответить, надо начать с детства. Потому что это – родина. И когда человек в старости “впадает в детство”, он возвращается на свою родину, которая, оказывается, никогда не отпускала его...

Бруклин, еврейский район Нью-Йорка. Евреи в черных шляпах, котелках, ермолках, чернобородые, с длинными пейсами. Крикливая толпа, красный кирпич, экипажи, помойки, полицейские в черных мундирах, высокие автомобили с клаксонами. Здесь Джо родился, а вовсе не в Иоганнесбурге, как записано в его паспорте. В 1916 году, в семье еврейских эмигрантов. Они уехали из России еще во время первой революции. Откуда уехали – из Одессы, из Риги, с Украины? Джо не знает. Не знает он и настоящей фамилии своего отца.

Когда в США прибывали иммигранты, иммиграционные власти переделывали им фамилии. “Сдобшевский? Это невозможно произнести, запишем Сдоби”. “Беркович? Запишем Берт”.

Тогда, в двадцатые годы, никто не интересовался предками. Да и какой родословной могли похвастаться бедняки-иммигранты – литовцы, ирландцы, евреи, украинцы, вся переселенская рать, штурмующая Америку? Они устремились в будущее, в Новый Свет, и торопились отречься от старого мира. Почти то же самое, что творилось и с нами... Жизнь начиналась с 1917 года, а все, что до этого, сваливалось в одну кучу старья и мещанства – этажерки, конторки, подшивки “Нивы”, гамаша, слоники, бархатные альбомы, самовары, деды, бабки...

К тому времени, когда Иосиф (он же Джо) Брук-Берт родился, семья прожила в Нью-Йорке одиннадцать лет. Но и отец и мать продолжали плохо говорить по-английски, так и не сдав языковой экзамен, тогда, кстати, очень простой. Жизнь в Бруклине позволяла обходиться одним русским. Или идиш. Жили бедно, беднее не придумаешь. То и дело их выселяли за неуплату. Выкидывали вещи на улицу. Детей было четверо – три брата, сестра. Вот они восседают на вещах, сваленных на тротуар, а он, Джо, хвалится перед мальчишками диковиной тех лет – радиоприемником. Семья, безалаберная, скандальная, ни с того ни с сего приобретала необязательные вещи, слишком дорогие – не для голодных ртов.

В тот раз их выселили за драки и шум – соседи жаловались на постоянные перебранки родителей.

Бруклинская среда, бедность и просто обычаи заставили Джо заняться бизнесом. С семи лет он принялся развозить на тачке лимонад. Продавал его строителям. Это было его дело. У него имелся свой район, свой маршрут, свои покупатели, и дело шло.

Довольно быстро Джо сумел расширить свою торговлю. Бизнес давался ему легко. Но сбивала с толку музыка. Старшего брата учили играть на пианино. Джо как замороженный торчал рядом, слушая нехитрые экзерсисы. При малейшей возможности прорывался к пианино и повторял все упражнения. Никто не обращал внимания на его страсть. Не нашлось ни хрестоматийного маэстро, ни учителя, ни старого музыканта, которые заинтересовались бы его способностями. Случайность? Вряд ли. Если из нынешней жизни вернуться в год 1924 и попросить астролога определить будущее нашего оборвыша, то выяснится, что существовало уже тогда направление его судьбы.

Ветры увлечений, соблазнов то и дело утаскивали Джо Берта на иную стезю; казалось, происходил решительный поворот, но затем неведомая сила возвращала его обратно. Своротки оказывались зигзагами, и теперь-то уже видно, сколько усилий приложила фортуна, чтобы не дать ему сбиться с предназначенного... А если сравнить его путь с путем Андреа Костаса – он же Андрей Георгиевич Картос, – то приходит на ум, что фортуны их общались, договаривались, а может, и вообще была она одна на двоих.

Джо пошел в школу шести лет и окончил в четырнадцать первые восемь классов. Никаких выдающихся способностей. Никого он не изумлял. Ничего вроде бы не обещал. Следующие четыре класса, до двенадцатого, провел в так называемой высшей школе. Это было не обязательно. Эдисон не имел образования, и Морган не имел, и многие великие предприниматели, кумиры Америки, не тратили годы на слушанье лекций. Но Джо зачем-то пошел в высшую школу, а затем в колледж. В самый дешевый колледж городского Нью-Йоркского университета, но все же это был университет!

В семье считали, что он теряет лучшие годы.

Единственный, кто как-то подталкивал его, был отец.

Отец состоял в организации рабочих-социалистов, имел казначейскую должность и довольно беззастенчиво “заимствовал” общественные деньги. Непрактичный и хвастливый, жуликоватый и мечтательный, вун и неудачник, он сумел передать Джо восхищение энергией американского капитализма.

В осколках детских воспоминаний Джо об отце среди безжалостных суждений возникает все же что-то симпатичное. Дар речи заменял отцу специальность. Хотя английский его был ужасен. Получалось у него, например, страхование. В ответ на отказ и выпроваживающее “до свидания” он с пугающей меланхолией замечал: “Это еще неизвестно”.

У Джо сохранился в памяти праздник встречи Линдберга, перелетевшего впервые через Атлантический океан. Отец нес его на плече по улице сквозь толпу, воздух заполнял белый дождь летящих листовок, сотни тысяч людей кричали, плясали, ликуя. Отец плакал от восторга, от счастья за летающее человечество, и это запомнилось навсегда.

Навсегда запомнилось, как отец повел его смотреть на первый небоскреб Вулворт высотой в пятьдесят этажей и как они стояли там, а отец с гордостью владельца Манхэттена рассказывал о строительстве новых небоскребов.

Но ни связей, ни положения, ни хорошего английского языка отец дать ему не мог. Тщедушный подросток, Джо всего должен был добиваться сам. Зачем же он избрал столь долгий путь через двенадцать классов и университет? Он поступал так вопреки своим интересам. По крайней мере насущным интересам. Культа знаний у него не было, и кругом такого культа еще не было. Учился он средне, словно выполнял обязанности, программу, уготованную ему. Была ли эта программа внутри него? Джо легче было думать, что Провидение управляет им, а его дело – подчиняться.

Ныне судьба его выступает из тьмы как нечто цельное, как законченный сюжет. Это редкость, потому что чаще всего жизнь человеческая – всего лишь нагромождение случайностей, невоплощенных замыслов, игра без правил, мешанина несчастий, удач, мгновенных взлетов, непоправимых глупостей. Смысл ее быстро теряется в хаосе обстоятельств...

Над сюжетом жизни Джо Берта реют два флага: звездный американский и красный, где серп и молот.

Лучшее воспоминание – утренний час в школе, а они, малыши, поют гимн...

Джо Берт встает, пробует спеть мне этот гимн, и вдруг оказывается, что он забыл

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
слова. Это его поражает...

В школьные годы Джо вместе с друзьями часами, все свое свободное время, шатался по Манхэттену, глаза на огромные витрины магазинов, черные “роллс-ройсы”, шикарные подъезды отелей, раззолоченных швейцаров. Чужое богатство рождало не злобу, не зависть, а энергию: ты такой же, ты все это можешь иметь, если будешь работать, если придумаешь, сделаешь!

Капитализм, в котором вырос Джо, давал пример за примером быстрого преуспеяния. Тот же Вулворт изобрел новую систему торговли: “У меня в магазине не будет ничего дороже двадцати центов!”

История американских фирм – это история остроумных идей. Надо что-то придумать, чем-то заинтересовать. Вроде простейшего и гениального предложения – скидывать один цент, вместо трех долларов ставить цену: 2 доллара 99 центов.

Большинство сверстников Джо свято верили, что смогут разбогатеть. Если не получалось, то считали виноватыми себя: не хватило выдумки, мало затратили энергии, не учли рынка, не выдержали конкуренции. Сердились на себя. Упрекали себя, а не других.

Вера в то, что достигнуть успеха может каждый – великий американский миф, – воодушевляла поколение за поколением. Сила этой веры двигала Америку; внедренная с детства, вера эта до сих пор живет в Джо, в непрерывном потоке его идей.

У американцев короткая история, но зато у них есть уважение к нынешней деятельности человека и к будущему. Отсюда культ гениев бизнеса, торговли, биржи. В отроческих воспоминаниях Джо основное место занимает будущее. Не то будущее, которое обещали нам, не рассказы о коммунизме, о бесклассовом обществе. Будущее Америки было зримым и осязаемым. Джо пропадал на выставках будущего. Их устраивалось множество. Показывали, что будет через двадцать лет, через тридцать. Выставки будущих автоматизированных производств, туннелей, будущей авиации, будущей энергетики. Архитектор Райт выставил проект здания в полтора километра высотой, в котором будет жить миллион человек. Город будет состоять из пяти таких зданий. Никаких дорог между ними. В здании есть все – и производство, и отдых, и спорт. Где-то там, в будущем, находились и его, Джо, бизнес, процветание, его возможности.

Миллиардер Ханг начинал как игрок в покер. Основатель клана миллиардеров Вандербильтов был паромщиком. Крупнейший банкир Америки Амадео Джаннини мальчиком ездил с тележкой зеленщика по улицам Сан-Франциско, торгуя укропом, репой, луком.

Успех валяется под ногами, надо только присмотреться! Чтобы найти, надо поверить в себя. Чтобы поверить в себя, надо верить в Америку.

Перед глазами Джо Берта – Америка тридцатых. Она живая, неприкосновенно свежая, снова страна его юности, не попорченная ни Великим кризисом, ни маккартизмом, счастливая, преуспевающая страна великих свершений – автомобилей, джаза, говорящего кино, лучших возможностей и неубывающих надежд. Сорок лет он скрывал

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
свои чувства, сорок лет он не позволял себе говорить об Америке, вспоминать Америку. Вдруг посреди нашего разговора он встал и хрипло запел:

O say, can you see, by the dawn's early light!

What so proudly we hail'd at the twilight's last gleaming?

Фраза за фразой приплывают из того школьного зала в эту комнату на другой стороне земли. Что-то надсадно хрипит в его груди, ржавый механизм детской любви задвигался. Спрятанное, погребенное очнулось. Он снова там, в Нью-Йорке, к нему вернулось гражданство – он снова американский гражданин самой свободной страны, у него все права – свобода слова, религии, предпринимательства. Сколько бы ни прошло лет, по закону никто не имеет права отнять у него американское гражданство, раз он родился в Америке.

Он поет вдохновенно, стоя руки по швам, счастливый оттого, что вспомнил.

Скользкая от крови палуба фрегата. Раненный – ты приподымаешься, смотришь вверх, в темноту. Разрывы гранат, выстрелы. При вспышках света различаешь широкие полосы и светлые звезды. Наш гордый флаг с нами! Он реет на мачте и, значит, над Страной Свободы и Домом Мужества!

И это он, Джо, все детство сражался на том фрегате за свободу Америки, он держал флаг, и его, убитого, заворачивали в этот флаг и под звуки гимна хоронили в океане.

– Но ведь были же у вас, Джо, и суды Линча, и сегрегация...

– Было, – охотно соглашается он.

Он все подтверждает – и ужасы Великого кризиса, и самоубийства, и трущобы, – и тем не менее чувство превосходства не покидает его.

II

Напарника Джо, в ту пору Иосифа Брука, как я уже упоминал, звали Андреем Георгиевичем Картосом. Он был грек. И скрыть это было невозможно. Скрыли только его настоящую фамилию и имя. Он числился греком из Греции, и никаких упоминаний об Америке.

В нем заподозрить шпиона было легче, чем в Джо. Картос был молчалив и замкнут. Безукоризненно одетый, всегда аккуратно причесанный, собранный, как будто выставленный напоказ. Никаких дефектов, тем и внушает сомнение. Понадобилось много лет, чтобы выяснить, что Андрей Георгиевич Картос на самом деле тот самый

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Андреа Костас, который упоминается во множестве книг. Биография его американцами изучена подробно. Но до того момента как он скрылся. В большинстве книг он фигурирует в разделе “Другие шпионы”. Или “Следующий шпионский круг”.

Андреа унаследовал от своего отца малый рост. Отец его имел пять футов, то есть полтора метра, что, как ни странно, печально отозвалось на его адвокатской карьере. Клиенты не доверяли греку-недомерку серьезных дел, они хотели видеть своего адвоката внушительным, представительным мужчиной. Приходилось вести грошовые дела бедняков, только что приехавших эмигрантов – итальянцев, латиноамериканцев. Благо у отца были способности к языкам. Семья была огромная: пять сыновей, одна дочь. Чтобы прокормить их, в годы депрессии отец мотался с работы на работу, одновременно прирабатывая и страховкой, и как переводчик в суде.

Единственный, кто получил высшее образование в этой семье, был Андреа. Остальные стали бизнесменами – кто занялся скаковыми лошадьми, кто стекольным делом. Андреа тоже должен был пойти работать, университета ему не полагалось, но колесо его фортуны повернул учитель математики, которого мальчик поразил тем, что сам одолел дифференциальное исчисление и стал решать уравнения “просто так”.

Учитель попробовал уговорить отца отдать сына в университет. Отец не согласился. После смерти матери они вынуждены были продать дом. Семью поддерживала дочь, которая работала секретаршей. Кто будет платить за университет? Жили впроголодь. Андреа наловчился во время обеда говорить что-нибудь смешное, это он умел, и пока все смеялись, успевал схватить кусок побольше.

Учитель не отставал, скоро-де конкурс абитуриентов, пусть мальчик попробует себя. Андреа попробовал и выиграл. Не просто прошел по конкурсу, а занял одно из первых мест и получил право на стипендию Моргана. Потом он хвастался, что при вручении диплома сам старик Джон Пирптон Морган пожал ему руку. Хотя Андреа и коммунист, а уважение к миллионеру в крови у американцев. Может, это и правильно, спрашивал меня Джо, ибо что, кроме счета в банке, столь точно может показать степень успеха человека? Слава? Как ее измерить? Заслуги? Тут тоже многое спорно и преходяще.

Розенберг, ярый активист комячейки, куда ходили Джо и Андреа и их друзья, был их сверстником. Напору Юлиуса было трудно противостоять. Он вовлекал всех в политику, в яростные споры, раздавал поручения, собирал митинги.

В партийных ячейках царил культ Советского Союза. Для каждого коммуниста была обязательна безграничная вера в торжество советского социализма. Все, что происходило в Советском Союзе, оправдывалось.

Знаменитый американский генетик Герман Меллер, будущий лауреат Нобелевской премии, в 1933 году приехал в Советский Союз, желая, как он говорил, “учиться социализму”. Работал он у почитаемого им Николая Ивановича Вавилова, и это было для него счастьем, но вскоре кругом стала твориться вакханалия лжи, чудовищных провокаций. Приближался 1937 год, нарастал террор, шли аресты. Меллер придумывал оправдания репрессиям – кровавой мясорубке, которая набирала обороты, – но не выдержал и в 1937 году вернулся в Штаты, подавленный ужасами социалистической действительности. Иностранцы уезжали из СССР один за другим, рассказывали, что творит диктатура пролетариата. Когда на собраниях выступали приехавшие и рассказывали про советские концлагеря, тайные расстрелы, раскулачивание – их освистывали. Джо тоже топал ногами, он не желал слышать ничего плохого про

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
первую в мире...

Юлиус Розенберг организовал партячейку, еще когда они с Джо учились в колледже. Партработа отнимала у Розенберга большую часть времени. Он занимался ею в ущерб учебе, а потом и инженерной своей работе. Он таскал с собой огромный тяжелый портфель, набитый брошюрами, листовками, списками, протоколами заседаний. Типичный очкарик – веселый, добрый, восторженный фанат коммунистической мечты.

Когда Юлиус женился, Этель примкнула к их дружбе. Следующим женился Костас, и все вместе они принялись сватать Джо, усиленно знакомили его с девицами из ячеек.

Но Джо выбрал себе подругу сам, никому не известную красотку-англичанку. Юлиус Розенберг учинил допрос: имеет ли право коммунист на легкомысленные шуры-муры? И сколько времени может продолжаться связь? Не обязан ли Джо жениться на ней, не следует ли обсудить вопрос на партячейке?

Юлиус Розенберг и его жена Этель – те самые Розенберги, которых в 1950 году приговорят к смертной казни, посадят на электрический стул за то, что они якобы передали Советскому Союзу секреты производства атомной бомбы.

Но до этого далеко. У них еще будут дети и много волнений и радостей, связанных с разгромом фашистской Германии. Пока что они заняты партийными делами, Джо ищет возможность открыть свое дело, а Андреа устроился работать в Корнелевский университет.

Годы учебы для него были труднейшие, надо было прирабатывать, помогая отцу. Одно время он дежурил на поле для гольфа, нырял в пруд, доставая мячи. Никакой другой работы найти не мог. То были годы кризиса, страшное время, которое оставило шрам в душе Андреа и спустя десятилетие сказалось роковым образом.

Андреа помогли его способности, он получил приглашение Корнелевского университета. Довольно быстро ему удалось сделать там хорошую работу по питанию циклотрона.

Джо не сумел устроиться по специальности электронщика. Зато ему удалось попасть на государственную службу как проектировщику аэродромов. Государственное предприятие – шаг к социализму, отец похвалил. Джо тоже был доволен: четыреста долларов в месяц, вполне приличная ставка. Он снял себе квартиру на двадцать пятом этаже, точнее, на крыше небоскреба: Пенхаус – что-то вроде дачного участка. Привез земли, развел садик, посадил кусты, вид с высоты был роскошный. К нему любили приходиться гости. Вообще это было счастливое время.

Он успевал работать, бывать на концертах, учиться музыке, влюбляться, страдать, впрочем, не всерьез, мечтать о собственном бизнесе, помогать Юлиусу и его жене Этель в партийных делах.

С началом войны оклады на военных предприятиях подскочили – пошли военные

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru заказы. У Джо появились свободные деньги, и он смог осуществить свою ближнюю американскую мечту – приобрести машину. В 1941 году новеньким автомобилем еще можно было щеголять.

“Форд” последнего выпуска – с радиоприемником – катил воскресным июньским утром по автостраде. Джо за рулем, рядом Андреа, которого он умыкнул из семейного гнезда. Вдруг музыка оборвалась, и друзья услышали экстренное сообщение: Гитлер напал на Советский Союз. Джо до сих пор помнит голос диктора...

Потрясенные, они съехали на обочину, остановились.

Итак, Россия вступает в войну. Пусть в России нищие колхозы, беззаконие, пусть Сталина перехитрили, пусть напрасно он уничтожил военных командиров – все равно это единственный оплот социализма, надо простить все ошибки; сейчас, в этот решающий момент истории, важно одно – помогать России, ей предстоит принять главный удар.

Они жадно читали газеты, слушали радио, выполняли военные заказы, не считаясь со временем, и все равно война доносилась до них глухо, прерываемая джазом, концертами и вечеринками. Когда Америка вступила в войну, жизнь почти не изменилась. Войны для Америки всегда происходили “где-то”.

К тому же им было по двадцать пять лет. Мир лежал перед ними покладистый, влюбленный в них, готовый покориться их уму, таланту, физической силе, красоте. Они все могли. Они вступили в зону уверенности, свершений, подвигов. Секс вовлекал в приключения, молодость требовала радостей, растраты сил. Они старались подойти к сексу научно. У них сложилась дружная компания, они сняли квартиру в центре Нью-Йорка, там проводили эксперименты с разного рода девицами – негритянками, японками, испанками, вдовушками, замужними дамами, проститутками. Секс и музыка... Секс и Восток... Секс и гимнастика...

Они установили, что каждая женщина – волшебный инструмент, способный отзываться в руках умелого музыканта по-новому. Нет бесчувственных женщин, нет фригидных, есть неумелые мужчины. Секс – радость дающего. Секс занимал большое пространство и в мыслях, и в отношениях с людьми. Им надо было все опробовать и сравнить. Они читали труды психиатров по сексуальному инстинкту, привлекали к своим дискуссиям ученых-женщин. Секс и политика совмещались плохо, секс и наука – лучше.

Изучение секса закончилось для Андреа тем, что он попался в капкан, поставленный одной волоокой красоткой, так считали друзья. Утверждение не совсем справедливое, показания свидетельствуют, что капканом они называли ее равнодушие к песням Андреа и к нему самому. Кошачье-ленивые ее движения, таинственная дремотная улыбка уводили в какой-то иной мир, откуда она порой снисходила. Обыкновенные ее слова Андреа воспринимал как обещание чуда. Что он увидел в ней, медлительной, сонной, никто не понимал. Все было бы ничего, если б дело не кончилось свадьбой. Тут-то и прозвучало – капкан. Недоумевали, зная талант Андреа, его умение выстраивать длиннейшую цепь причин и следствий, то есть предвидеть далеко вперед.

Отговаривать влюбленного всегда бесполезно. Смысл любви, ее неразгаданная сила и состоит в том, что любовь слепа. Андреа видел свою Луизу в таком сиянии, что ничего другого, кроме этого сияния, различить не мог.

В те годы он был глух и самонадеян. Звезда его восходила. Секретные работы над атомной бомбой в Лос-Аламосе разворачивались. Физика становилась государственной наукой, это чувствовалось в университетах. Исследования на циклотроне получили неожиданный спрос. Этот спрос вдруг подскочил, как подскакивают акции на бирже. Чиновники, университетское начальство стали чтить физиков. Андреа оказался одним из тех, кого выделяли. Устраивала его молчаливость и то, что он не любил писать статьи, предпочитая эксперимент. В нем счастливо сошлись ученый и инженер. Они не боролись, а чередовались – работа руками и работа с карандашом и бумагой, эксперимент и размышление.

После женитьбы он ушел в работу; кроме того, случилось еще одно событие. Однажды с приятелем Бобби Джонсом они свернули к какому-то бару перекусить и увидели вдали пологий холм, поросший синими цветами. Это было так красиво, что они подъехали поближе. Холм был ярко-синим, как небесная глыба, ветерок колыхал высокие колокольчики, открывая зеленую траву, казалось, они тихо звенят. Запахи нагретой травы, тишина, бегущие тени облаков, совсем иная, незнакомая жизнь нежно обняла их. Бобби, тоже физик, занятый космическими лучами, сказал:

– Сад Божий! Таким был рай!

Местечко называлось Итака. Для Андреа это прозвучало как знамение. Итака – греческий остров, родина Одиссея! Возвращение на Итаку значило: приплыть к родному приюту после многих невзгод.

На счастье, участок продавался. Они решили поселиться здесь, приобрели его на двоих, разделились и вскоре принялись за строительство. Боб заказал проект дома архитектору, Андреа проектировал свой дом сам. Крышу он сделал плоской, проложил в ней водяные трубы, отводящие летнюю жару. Отопление устроил в полу. Зимой солнце обогревало западный брандмауэр. Начинил дом автоматикой, сигнализацией. Сконструировал по своему вкусу фонари, люстры, бра. Ему доставляло удовольствие работать руками, с металлом, деревом, мастерить камин, замки, скамейки. Когда агенты ФБР впервые пожаловали в Итаку, они приняли его за рабочего.

В обоих домах справили новоселье. Музыкальные вечера, на которые приезжал из Нью-Йорка и Джо, устраивали большей частью у Боба. У него был рояль и юная жена, стройная, тоненькая, как свечка. Когда они играли, узкое личико Эн светилось.

Ах, как нас любили после войны! Во всех странах Европы, в Америке, во всех ее городах и городишках! Мы были освободители, герои. Мы спасли Европу от коричневой чумы. Нам сочувствовали. Четырнадцать миллионов погибших, цифра, которую тогда решились назвать, приводила в ужас. Во всех кинотеатрах шли фильмы о войне, показывали советские разрушенные города, парад Победы на Красной площади. Ставили памятники советским солдатам в Австрии, Норвегии, называли улицы, площади в честь Сталинградской битвы.

Любовь к нам казалась прочной, мы были уверены, что ее хватит на наше поколение, останется и нашим внукам. Что другое мы могли оставить им?

Джо, Андреа, Розенберги – все они ходили гордые. Дома у каждого висел портрет

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
Сталина. Они мечтали поехать в Советский Союз, хоть взглянуть на Кремль, на советских людей.

Наступило 5 марта 1946 года. Хмель победы еще не прошел. По дорогам Германии, Италии продолжали двигаться освобожденные из фашистских концлагерей. Вылавливали переодетых нацистов. Еще умирали в госпиталях раненые, возвращались домой солдаты. В этот день в маленьком американском городке Фултоне выступил Уинстон Черчилль. К тому времени бывший премьер.

Черчилль решил высказать то, что тревожило его и его друзей – американцев, решил переступить через недавнее братство по оружию, скрепленное кровью и заверениями в дружбе.

Прежде всего он сказал об атомной бомбе. Сказал, что производство бомбы находится пока в руках Америки и от этого люди не спят хуже. Но вряд ли они смогут так же спокойно спать, если положение изменится и какое-либо коммунистическое или неонацистское государство освоит ужасную технологию. “Бог пожелал, чтобы это не случилось, и у нас по крайней мере есть передышка, перед тем как эта опасность предстанет перед нами”.

Союзники уже знали, что в СССР идет вся работа над бомбой. Черчилль дал это понять и впервые указал на опасность, которая грозит миру. Советскую страну, избавившую мир от фашизма, он объявил главной угрозой всем бывшим союзникам. Кроме того, не постеснялся поставить на одну доску “коммунистическое и какое-либо неонацистское государство”!

Он не называл страну напрямую, он говорил о полицейских правительствах, о власти диктаторов, узких олигархий, “действующих через посредство привилегированной партии и политической коллизии”. Но адрес был ясен.

“От Штетина на Балтике до Триеста на Адриатике железный занавес опустился на континент...”

Речь Черчилля послужила началом холодной войны. Она действительно стала точкой отсчета новой истории, поворотным пунктом послевоенной политики.

Конечно, он и сам был не без греха. В молодости, будучи министром, использовал войска для подавления забастовок горняков, организовывал интервенцию против Советской республики, расстреливал восставших в колониях, всякое было. Но из всех руководителей западных стран Черчилль, пожалуй, лучше и раньше других понял сущность сталинизма. И сущность демократии, по крайней мере английской демократии. Когда спустя два месяца после празднования победы пришло известие, что кабинет его провалился и он, спаситель Англии, должен подать в отставку, Черчилль выскочил из ванной с криком: “Да здравствует Англия!”

III

У Джо между тем дела шли отлично, и было непонятно, почему предчувствие беды не

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru давало ему покоя. Он пробовал поделиться с друзьями своей тревогой – они ничего не замечали, ни Юлиус, ни Мортон, ни Андреа. Чтобы в Америке начались доносы, увольнения, аресты – за убеждения? Этого не может быть!

Джо не успокаивался. У него не было никаких доказательств, тем не менее он уговаривал друзей уехать куда-нибудь – в Канаду, Мексику. Пока их не схватили. Опасность, мол, подкрадывается на цыпочках, стараясь ступить бесшумно, но он слышит скрип половиц, еле сдерживаемое ее дыхание. Наверное, в древности Джо мог бы стать оракулом, вещуном – предсказывать, а главное, предчувствовать угрожающие повороты судьбы. Он несомненно обладал этим редчайшим, ныне забытым даром.

Внезапно для всех его уволили. Вызвали в отдел кадров и попросили сдать пропуск. И никаких объяснений. Это была крупная военная фирма, порядок здесь существовал строгий. Заведующий лабораторией пробовал отстоять ценного специалиста, ссылаясь на то, что работа Джо по радиолокации низко летающих самолетов идет успешно. Не помогло. Отдел кадров стоял на своем.

Впоследствии ФБР будет упрекать кадровиков в том, что те спугнули Джо Берта, помогли ему улизнуть.

ФБР искало советских шпионов: начиналась Великая Охота, и надо было кого-то схватить. Берта “разрабатывали” еще с Колумбийского университета, а когда он, защитив диссертацию, перешел в компанию “Санк”, “устроив” себе репутацию блестящего инженера, и был допущен ко всем секретам фирмы, им занялись уже всерьез. Парень получил – таки право свободно передвигаться из отдела в отдел, посещать любые лаборатории, так что, если надо, он бы смог... Секретные исследования попали бы в руки коммунистов. Не важно, что радары фирмы “Санк” не имели никакого отношения к атомной бомбе. Супруги Розенберг занимались по заданию Москвы атомной бомбой, Джо Берт занимался радарными – следовательно, действовала целая сеть шпионов...

Руководители фирмы оправдывались: дескать, Джо Берт – отличный специалист, а благонадежность – забота других ведомств. Их оправданий не слушали. Что значит отличный специалист? Это значит, что у него есть отмычка, с помощью которой он и проникает на секретные военные объекты.

Конечно, полная безработица Джо не грозила, он мог бы устроиться на подсобку. На обыкновенную инженерную работу, чтобы продержаться некоторое время, пока его не достанут. А доставать будут – антикоммунистическая истерия нарастала. Газеты уже не стеснялись. Заработали комиссии. Вызывали, проверяли, заставляли заполнять анкеты.

Джо ничего не предпринимал, ходил полусонный, прислушивался к чему-то. Откуда-то издали сквозь топот и гам доносились звуки дудочки. Еле слышная мелодия ускользала. У него был хороший слух и хорошая музыкальная память. Эту мелодию он почему-то никак не мог воспроизвести. Она появлялась в самые неожиданные моменты и исчезала. Похожая на песенку из его детства. Когда он пробовал сочинять, ничего прекрасней и выше музыки не существовало.

Однажды он очнулся, сидя на галерке в “Карнеги-холл”. Играли старую музыку – Скарлатти, Перголези, Орландо Лассо. Это было так красиво, что у Джо выступили

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru слезы. А что, если уехать в Европу, заняться музыкой? Изменить профессию, стать музыкантом? Скорее всего композитором. Решение словно бы осенило его. Он понял, что это и есть та дудочка, которая звала его, что колесо его фортуны с этой минуты повернуло на истинную дорогу.

В своих способностях Джо не сомневался. Музыка жила в нем. Главное – решиться, шагнуть, оторваться... То есть уехать. В Европу, на родину музыки – в Италию, Францию, Германию. Окунуться в древнюю симфоническую культуру. Джо представлял себя то за роялем с чистым листом нотной бумаги, то за дирижерским пультом.

Со стороны же его поведение выглядело странным. Друзья старались устроить ему работу, хлопотали, добились двух предложений. Одно, довольно лестное, – в компанию “Белл”, другое – инженером по оборудованию диспетчерских. А Джо отказывается, покупает билет на пароход в Европу.

Единственный человек, который знает о его планах, это Вивиан. Роман с ней зашел далеко. Так далеко, что произошла помолвка. Для Вивиан, как и для любой женщины, церемония имела значение. Она любила Джо. Самая сильная любовь все равно боится разлуки, страдает от нее, как от засухи. Тем более что речь шла о расставании на неопределенный срок. Вивиан предъявила свои права, неоспоримые права нареченной: почему бы им не поехать вместе? Джо согласился, заказал двухместную каюту. Вивиан, однако, продолжала наступление: если мы едем вместе, то почему бы не сыграть свадьбу?

У нее были роскошные волосы, резкая талия и крепкая высокая грудь. Она любила расхаживать по квартире голой, в туфлях на тонком каблучке – Джо любовался ее походкой. Это была поступь женщины, сознающей победность своей плоти, – ни в каком наряде Вивиан не чувствовала себя так уверенно.

Свадебное путешествие – звучало неплохо, но беда в том, что Джо не собирался в путешествие. Он уезжал в неизвестность, в новую жизнь, в совсем иное существование, он должен был завоевать музыку... Доводы Вивиан вызывали досаду. Произошло, по-видимому, еще что-то, что привело к размолвке. А что именно – неизвестно, агенты ФБР пытались и не могли установить. Вышли на Вивиан – она отмалчивалась. Тогда ФБР взялось за нее как следует, ей угрожали, сулили опубликовать кой-какие снимки, письма. Поединок был неравный. С одной стороны, могучая организация с психологами, сыщиками, юристами, аппаратурой, с другой – оскорбленная, покинутая женщина...

Но Вивиан проявила упорство, причины, которые представили агенты, она отвергла. Но и те аргументы, что спустя десятилетия выдвинул Джо, тоже не признала.

Друзья по партии были против отъезда Берта. Коммунист в такую пору, в разгар холодной войны, не имеет права на дезертирство. Надо защищать честь партии, бороться за ее существование. Юлиус Розенберг, правда, несколько успокоился, когда Джо показал ему рукопись своей работы об американской военщине. Его давно раздражала генеральская клика – заказчики, с которыми ему приходилось иметь дело. Напыщенные, гордые победой, которая досталась им так дешево, уверенные, что теперь, обладая атомной бомбой, они положат мир к своим ногам и будут диктовать всем что хотят; при этом они презирали физиков, щеголяли своим невежеством, хамством и откровенным желанием снова повоевать.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Запомните, Берт, блюдо заказываем мы. Ваше дело стоять у плиты. И не задирайте нос, нам хватит одного умника – Эйнштейна. Не понравится стряпня – выбросим в мусоропровод вместе с вами.

Примерно так отчитывал его начищенный, отглаженный генерал, постукивая трубкой по столу.

Джо полагал, что Америка – основной враг Советов, остальные державы не смогут противостоять Кремлю. Во Франции и в Италии сильные компартии, они не позволят воевать с Советским Союзом. Индия и Китай – союзники СССР. У Джо все было разработано. Он был уверен, что знает, как решить проблему всеобщего мира. Политика, социология, право, история, психология и тому подобные науки – чтобы справиться с ними, достаточно здравого смысла. Если бы кто-то сказал, что это авантюра, он бы удивился. Он считал себя расчетливым, предусмотрительным и способным, весьма способным, разносторонне способным. Внутренний свой образ, каким Джо его видел, вполне его устраивал; это был образ, составленный из успехов: ни изъязнов, ни поражений.

И вот теперь его ждала Европа. И музыка. Перед самым отъездом пришло приглашение от Гамбургского университета прочесть курс инженерной математики. Значит, он получит приют и возможность оглядеться.

Три месяца Джо провел в Гамбурге. Немецкий язык его измучил. Затем, кое-как покончив с лекциями, он уехал во Францию, в Париж. В Париж! Учиться музыке, к Местану, в известную музыкальную школу! Сочинять и играть! Несколько месяцев он действительно просидел за фортепиано. Но играть гаммы, этюды отказался. Дескать, стать пианистом можно и самоучкой, это ничуть не труднее, чем овладеть самостоятельно чужим языком, ведь клавиры – тот же язык. Его подбадривали детские воспоминания – как легко он усваивал то, что не давалось старшему брату...

Школа помещалась на Монпарнасе. Учитель играл им Бетховена, “Пасторальную” сонату отрывок за отрывком, анализировал, почему Бетховен написал так, а не по-другому. Джо честно пытался “по-другому”. И всякий раз честно признавался, что получалось много хуже. Да, он достиг беглости, мог играть с листа, но все это оставалось любительством. Слишком поздно. Свое время он упустил. Надо было начинать тогда, в четыре года, когда он сидел под роялем, слушая упражнения брата.

Между тем в голове Джо постоянно звучали ритмы, складывались мелодии. Он бродил по бульварам, сидел в уличных кафе, рассеянно наблюдая за прохожими, музыка внутри него звучала, не заглушаемая ни гудками машин, ни стуком каблучков, ни звоном посуды. Он должен напеть эту музыку, записать на магнитофон, затем переложить на ноты! Увы, в записи она выглядела жалко. Он стал учить гармонию, вчитывался в Хиндемита, стараясь осилить его систему. Мелодия, решил он, сможет сама развиваться, надо только создать ей условия, а дальше уже – техника. Музыка представлялась ему самоорганизующейся системой: первотолчок – и покатила, ожила, разрастаясь причудливыми ветвями.

Специалисты отвергали его сочинения. Он утешал себя тем, что новаторов всегда не понимали. Композиции Франка, Шостаковича, Гершвина не воспринимали их наставники.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
Тем не менее его не покидали сомнения. Кто он такой? Композитор? Исполнитель?
Инженер? Исследователь? Существует ли какой-то наилучший вариант его судьбы?

Вековечная мечта человека узнать свое предназначение – зачем он рожден?..

Он почти не приобрел знакомых в Париже, не хотелось ни с кем общаться. И не писал домой – писать было не о чем.

Однажды, стоя у гробницы Наполеона, Джо услышал, как гид рассказывает о способностях императора к математике; по крайней мере сам Наполеон был уверен, что мог стать математиком, разумеется, великим. Гёте тоже мог стать оптиком, а Бородин – химиком и Ньютон – богословом. Каждый человек ищет в себе другого, не осуществленного. Джо тоже искал другого Джо Берта; легкий взмах руки – и запели валторны, их перебили скрипки, и вот уже весь оркестр подчинился его воле, его напору...

Одна из его тогдашних случайных женщин, певичка в ресторане у Трокадеро, попросила написать для нее песню. Подарить ей на память. Маленькая, верткая, как пичужка, Тереза обладала неожиданно низким сильным голосом. Ему захотелось доставить ей удовольствие. Писалось легко, за два вечера Берт сочинил три песенки на стихи из какого-то журнала. Тереза расцеловала его и накормила за счет оркестра роскошным обедом. А через несколько дней сказала, что ничего не получается, песни его не прошли. Джо потребовал подробностей. Он увел ее из ресторана уже хмельную, по дороге они зашли в бар добавить и когда добрались до ее квартирки, ни о чем уже нельзя было говорить...

Утром он растолкал ее, напоил крепким кофе и заставил рассказать, почему их шививый кабак привередничает, что они смыслят в музыке, ее барабанчики.

Тереза сидела в постели, обхватив колени руками, в короткой рубашонке, покачиваясь из стороны в сторону и морщась от его громкого голоса.

– Заткнись! – вдруг выпалила она. – Меня высмеяли. Это старое, засохшее дерьмо, такое пели лет двадцать назад...

Но взглянув на него, она вскочила, стала его гладить, утешать. А он смотрел на ее блеклое, потрепанное лицо, на котором было всего лишь сочувствие неудачника к неудачнику, и видел себя тапером в какой-нибудь дыре. Пивная – шумная, пьяная, в табачном дыму, – он за расстроенным пианино, под запотелым потолком с медной люстрой. Оттолкнув Терезу, Джо выскочил из квартиры, яростно хлопнув дверью.

Появился он лишь на следующее утро – Тереза была дома. Стоя он отбарабанил на пианино марш, который приснился ему ночью. Лихой, чеканный ритм выскочил из-под пальцев совершенно готовый.

Тереза невольно замаршировала, отбивая шаг, запела:

Звезда рассвета зажжена,

Еще один глоток вина,

Еще глоток, и мы идем, идем, идем –

Иль победим, или умрем!

Ни дать ни взять маркитантка, как на старых картинах! Восторг ее был бескорыстен, она расцеловала Джо, объявив его гением.

Тем же вечером Тереза повторила все это. Со столиков ей подпевали, насвистывали – легкую шагающую мелодию приняли с удовольствием. А через неделю пригласили исполнить марш в фильме “Сын менестреля”. К тому времени Джо сочинил еще одну песню. Он то и дело напевал, тут же подбирал на пианино, записывал голенький мотивчик без аранжировки. Мелодии выскакивали неожиданно. Самые что ни на есть примитивные – пристраивались они легко, Тереза через приятелей сбывала их для радиорекламы. Платили хорошо, наибольший успех имела музыка к рекламе шоколадных конфет “Тулъе”. Поступили заказы от варьете и цирка. Джо выполнял их немедленно. Его мотивчики были, в сущности, поделками. В них не было заимствования, но все они что-то напоминали...

– Один черт, – успокаивала Тереза. – Раз платят, значит – годятся.

Платили, однако, не зря: мотивчики Берта запоминались сразу и прилипали надолго.

Но чем легче у него получалось, тем меньше он ценил свою нежданную удачу. И все-таки – деньги, это было приятно. Тереза ликовала. А для Джо французские деньги, сотенные, тысячефранковые бумажки, не имели ничего общего с долларами, казались такими же ненастоящими, как и его сочинительство – без мук, без поисков.

Когда мотивчики напевала Тереза, получалось мило, может, потому, что при этом блестели ее зубы и спадающая на лицо прядь рыжих жестких волос. Но когда Джо слышал свои опусы по радио, он морщился. В сущности, это была капитуляция, мелочная торговля, распродажа обанкротившегося дарования. А было ли дарование?

Однажды на Монмартре Тереза вдруг уселась на брезентовый стульчик, и уличный художник ножничками стал вырезать из черной бумаги ее силуэт. Из блеска мелких движений появились очертания спутанных волос, линия лба в профиль, без морщин, без голубых прожилок на висках.

Джо смотрел на прокуренные желтые пальцы художника, они действовали безошибочно, это была почти механическая работа, они обводили тень, ничего больше. На маленькой площади сидели художники, без конца писали одни и те же переулки,

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru собор, прохожих. Силуэтчик наклеил тень Терезы на глянцевую картонку. Остался черный лист с вырезанной дырой, как бы след силуэта, его негатив.

– А это дайте мне, – попросил Джо. – Возьму с собой в царство теней.

– Зачем тебе это? – спросила Тереза.

– У тебя будет силуэт, у меня – его отсутствие. Именно отсутствие ощущает разлука.

Что-то ей не понравилось в этих словах, до нее не сразу дошло, но когда через неделю ее допрашивали агенты ФБР, она вспомнила эту фразу. Конечно, и раньше она замечала, что с Бертом творится неладное. Они собирались на юг. Теперь, когда завелись деньги, она затеяла поездку в Ниццу, договорилась о машине напрокат – белый “шевроле”, – решили взять номер в классном отеле, благо не сезон и цены снижены. “Шевроле” было затаенным мечтанием Джо. Она знала, что он скучает без машины, она купила ему желтые шоферские перчатки, поездка предстояла сказочная, Джо никогда не видел Средиземноморья, ему нравилось слушать ее рассказы про солнечную синеву, про виноградники, шоссе вдоль побережья... Плотный солоноватый воздух, обтекающий горячее тело машины...

В газетах промелькнуло сообщение, что в Париже состоится конгресс по быстродействующим машинам. Джо тут же направился в подготовительный комитет. Тереза увязалась с ним, и там они встретили Мака Фергюсона, который преподавал в Корнелевском университете. Он приехал в Париж как член комитета конгресса. Долговязый Мак, румяная обезьяна, добрейшая морда, – они обнялись. Мак хохотал, выставив длинные зубы, и просил Джо выступить на конгрессе с докладом, не важно каким – получит хороший гонорар. У Джо имелась одна идея, которая занимала его давно, – вычислительные машины на транзисторах. Надвигается эпоха компьютеров, вскоре они начнут захватывать научные институты, конструкторские бюро. Наверняка компьютеры проникнут повсюду, это будет их тоталитарный режим. Воображения не хватало сообразить, как переменится жизнь!

Джо только что прочел книгу Норберта Винера “Кибернетика”. Термин понравился Джо. А сама книга произвела оглушающее впечатление. Винер вошел в тот дом, на пороге которого Джо остановился, нет, не в дом, а в страну, в неведомый волшебный мир. Винер словно подслушал мысли Джо! Конечно, это носилось в воздухе, но Берта восхищало, как мастерски Винер опередил всех, недаром книга стала бестселлером. Она протрубила начало новой эры, новой умной жизни. Взамен страшной бесчеловечности атома – царство послушных роботов, верных помощников, готовых, освободив человека от лишней работы, считать, запоминать, выдавать по первому требованию любые сведения. Сказки фантастов предстали техническим устройством, теорией информации, которая извлекается и передается мгновенно. Джо с Маком обговаривали эти потрясающие возможности, аж дух захватывало, когда они пытались заглянуть в будущее.

– Мог ли кто во времена Эдисона предугадать судьбу электрической лампочки, – говорил Мак. – А уж про кибернетику и подумать страшно.

Предполагалось участие Джона Неймана, Хагельбаргера из лаборатории Белла, возможно, пожалуй сам Винер. Теоретиков хватало, не доставало инженерной мысли. Мак уговаривал Джо выступить на тему применения транзисторов в ЭВМ.

Идея вычислительной машины на транзисторах появилась у Джо, когда он занимался радаром. От него требовали сократить габариты, увеличить объем памяти, уменьшить потребляемую мощность. Решить эти задачи могли транзисторы. До воплощения было далеко, ясно, однако, что в новую область рванут десятки лабораторий.

Обдумывая выступление, Джо обнаружил, что у него мало практического материала. Один за другим возникали безответные вопросы. Ни цифр, ни данных, ни технологий. Общие места, дырявые рассуждения, которые легко опровергнуть и нечем защитить. Потом скажут: “Джо Берт?.. Тот самый, что провалился на парижском конгрессе?” Такое не забывают. В присутствии корифеев сесть в лужу значит поставить крест на карьере.

За год своих музыкальных потуг он поотстал от дела, а главное, потерял уверенность в себе, то, чего раньше некуда было девать.

Он поехал к Маку и выложил свои страхи. Мак понял. Бог с ним, с докладом, благодаря своей работе с радаром Джо вплотную подошел к богатейшим возможностям, тут настоящее эльдорадо. Решить всерьез эту проблему можно лишь в Штатах, получить грант, любой университет схватится. Надо торопиться, к этому нынче подбираются со всех сторон, растащат, как шакалы, присвоят, если не застолбить.

Ни о каких песенках, шлягерах Мак слушать не хотел – и как только Джо мог тратить время на такую чушь? Мак заставил его отправиться в агентство, заказать билет на теплоход, внести задаток.

Пришлось расторгнуть договор с рекламной фирмой. Он расплатился с хозяйкой пансионата, собрал вещи. Оставалось самое тягостное – Тереза. Джо не знал, как подготовить ее. Они пошли в итальянский ресторан, где было хорошее мороженое и капучино. Сперва Тереза не желала слушать никаких объяснений. У него же открылся такой талант, он нашел себя. И откуда ему известно, что в этом мире пустяки, а что нет?

В самом деле – откуда?

Лучше хороший шлягер, чем еще одна машина, что толку с этих машин? Надо же ей было связаться с идиотом – все бросить в разгар везухи, когда деньги пошли... А как же их путешествие?

Ему еще не приходилось расставаться так тяжело. Тереза сникла, поняв, что его не остановить. Губы ее опустились, над верхней – белый след от сливок, волосы свесились, глаза потухли. Вот такая несчастная, некрасивая она была ему еще милее – она приедет к нему, обещал Джо, как только он устроится, она сразу приедет в Штаты.

– Врешь ты все, врешь.

– Клянусь тебе, – твердил он, уверенный, что так и будет, потому что сердце его разрывалось от жалости.

– Ты дурак... Дурак или подлец, я не знаю.

– Но ты же знаешь, что у нас не просто так.

– Что ты делаешь, что ты делаешь, – повторяла она.

И он понимал, что покидает жизнь совсем особую, какой у него уже никогда не будет.

Оставалось три дня до отъезда, и Джо уговорил Терезу все эти дни провести вместе.

Посреди ночи Джо проснулся. Кто-то позвал его, потряс за плечо. Никого в комнате не было. Лишь неясная бормочущая тишина ночного города. Он встал, подошел к окну.

Накрапывал дождь. Подъехала машина, погасила фары. Блеснули дверцы. Из автомобиля вышли двое, оба в длинных плащах, остановились напротив пансионата. Тени их смутно угадывались в ночной мгле. Джо показалось, что они смотрят на его окно, он отступил в глубь комнаты. А когда снова выглянул, улица была пуста, блестела мокрая мостовая, дождь усилился, шумно стучал по крышам.

Утром он решил, что все это ему приснилось. Но что означал этот сон? Мышеловка... Мышеловка... Откуда-то появилось это слово, показалось, что его произнес тот, в кепке. Все двери закрыты, осталась только одна, а за ней – мышеловка.

Решение пришло внезапно и безотчетно. Когда его спросили в агентстве, почему он отказывается от рейса, Джо ничего не мог объяснить. Сотрудница, которая принимала у него деньги за неустойку, сочла его за большого, он стал читать ей какие-то стихи по-английски. Он читал ей из “Гамлета”:

Нас иногда спасает безрассудство,

А план обдуманый не удаётся,

Есть божество, ведущее нас к цели,

Какой бы путь ни избирали мы.

Еще недавно он мечтал написать оперу “Гамлет” и некоторые монологи знал наизусть.

В пансионате Джо тоже ничего толком не разъяснил – надо, мол, задержаться в Париже. По словам хозяйки, выглядел он растерянным.

Назавтра все утренние газеты вышли с сенсационным сообщением: в Соединенных Штатах раскрыта шпионская сеть коммунистов, арестованы супруги Розенберг, они передали Советам секреты создания атомной бомбы, вот в чем причина успеха русских – коммунисты проникли во все военные производства США, национальная безопасность Америки под угрозой.

Джо не верил своим глазам, перечитывал знакомые имена – друзья, приятели... “Один из шпионов, Андреа Костас, сбежал, поиски ведутся, служба безопасности надеется, что в ближайшие дни его удастся задержать”.

Обвинения выглядели сомнительными. Что за “секрет атомной бомбы”, какие могли быть “чертежи”? Все это напоминало шпионский роман, бульварную туфту. Джо прочитывал газету за газетой и убеждался, что это грубая фальсификация, ложь от начала до конца. Он позвонил в американское посольство. Какой-то чиновник молча выслушал его излияния, потом холодно поинтересовался, какие у него есть доказательства, чем он может засвидетельствовать, знает ли лично Розенбергов и вообще кто он такой. Джо назвал себя, чиновник переспросил, закашлялся, голос его потеплел, он кому-то передал трубку, и она обрадованно заворковала – очень хорошо, приезжайте, мы запишем ваши показания... Внезапная любезность насторожила Джо, он нерешительно поблагодарил – сегодня никак, разве что завтра вечером. Да ради бога, его будут ждать... Повесив трубку, стал соображать – его даже не спросили, американский ли он гражданин, сработали имя, фамилия, как будто уже были у них на слуху. С чего бы это? Возможно ли, чтобы их запрашивали? Но запросов в посольство присылают много. Запрос, следовательно, был недавний. Или же особый, потому что они даже не сверились... Вариант довольно вероятный – его разыскивают. Зачем разыскивают?

Ресторанчик, выбранный Макком Фергюсоном, представлял собой довольно унылое помещенье на шесть столиков, но был известен своей хорошей греческой кухней. Мак заказал не менее десяти наименований. После шестого блюда и трех порций виски он, приняв ночных визитеров за факт, выразил недоумение. Чего они, собственно, хотят? Арестовать Джо? На основании чего? По какому, спрашивается, пути шла обработка информации? Вероятно, статистическая? Дедукция следствий? Умозаключения по аналогиям?

Несколько раз они теряли нить разговора. Проблемы логических машин и логических ошибок увлекали их больше, чем вещи сны и предсказания.

– То, что выглядело на том, прежнем уровне информации нелепостью, на новом уровне вполне логично, – рассуждал Джо.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru

- Но на каком основании, находясь на нижнем уровне, ты выбираешь нужное решение?
- рассуждал Мак. – Чтобы так расшифровать сигнал, надо иметь другой сигнал!

Они хорошо запутались, так, что не могли найти ни концов, ни начал, даже такое виски, как “Королевский салют”, не помогло им выкарабкаться. К тому же выяснилось, что Мак уже побывал в посольстве и оставил там список участников конгресса, в списке был и Джо Берт.

Под вечер, возвращаясь в пансионат, Джо издала увидел у подъезда длинный серый “линкольн”. Ощущение опасности заставило зайти в кондитерскую, что была наискосок от его дома. Он уселся за столик у окна, заказал себе кофе. Возле машины прохаживался плечистый парень в нейлоновом плаще, шляпе. Челюсти его мерно двигались. Фонари еще не зажигались, но Джо показалось, что он где-то его видел. Двери подъезда открылись, оттуда вышли хозяйка пансионата в накинутой на плечи кофте и мужчина постарше. Они о чем-то поговорили. Хозяйка вернулась домой, и теперь, когда эти двое остались у машины, картина напомнила ночное видение. Не будь его, Джо не обратил бы внимания на этих двоих, так же как не обращала на них внимания июльская улица. В том, что оба американцы, Джо Берт не сомневался, по каким-то неуловимым чертам он в парижской толпе всегда узнавал своих.

Опасность обрела физиономию. Выйдя из кондитерской, Джо не вернулся домой и не пошел к Терезе. Переночевал в гостиничке у Елисейских полей. Крохотный дешевый номер, широкая кровать, биде, туалетный столик и два облезлых полосатых стула. Запах табака, мочи, духов был запахом коротких сеансов любви, чем и жило это заведение. Снизу, от портье, он позвонил хозяйке, предупредил, что будет завтра, она засуетилась, сказала, что его ждут, передала трубку. Мужской голос сообщил, что ему привезли срочный пакет из посольства.

– Вы оставьте, – сказал Джо. – Я приеду завтра вечером.

– Дело-то срочное, может, я к вам подъеду?

– А чего там срочного? – равнодушно спросил Джо.

– Не знаю. Просили лично вам в руки передать.

– Это невозможно. Моя дама будет недовольна. Я должен соблюдать деликатность.

Он не мог отказать себе в удовольствии похихикать. Самоуважение его повысилось.

Он лежал, намечая на закопченном потолке возможные маршруты. Уехать в Ниццу? Вместе с Терезой? И что дальше? наняться в какой-нибудь оркестрик? Но сезон закончился. Инженерная должность требовала документов, для этого надо заполнять анкету. Во Франции американцу укрыться труднее, чем в Англии. Зато там полно сотрудников ЦРУ. Брать визу в английском консульстве значит засветиться. В паспорте у него стоял штамп: “Запрещено в Китай и в СССР”. Если попросить визу в советском посольстве, его наверняка задержат на границе французы. В Латинскую

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Америку? А что там делать? Самое безопасное – податься куда-нибудь в Рим, там
затеряться, переждать.

За стеной хрипело радио, скрипела кровать. В шахматы выигрывает тот, кто сумеет
рассчитать больше ходов вперед. На сколько ходов он может опередить этих парней?

IV

Вскоре после отъезда Джо в Европу Андреа Костаса вызвали в секретный отдел.
Спросили: действительно ли является он коммунистом, членом партиячки такой-то,
с такого-то времени? Затем не стесняясь объявили, что увольняют.

Увольнять за политические убеждения? В Америке это невероятно! Еще невероятней
было то, что все очень быстро смирились с этим. Не прошло и недели, знакомые
стали его избегать, разговаривали, оглядываясь по сторонам. Талантливый,
перспективный специалист, он очутился в пустоте. Фирмы, в которые Костас
обращался, смущенно отказывали. О государственной службе нечего было и думать.
На предложения, посланные в провинциальные, самые скромные, университеты, ответа
не приходило, либо сообщали, что “пока не требуется”.

Однажды, позвонив профессору Оудену, он услышал, как жена крикнула: “...тебя...
этот... Костас!” – профессор выругался, потом все же взял трубку и сказал: “Вот
что, Костас, больше не звоните мне, у меня хватает своих неприятностей”. Но это
по крайней мере было честно. Другие вообще не отзывались на телефонные звонки.
Страхи разлучали людей.

В конце концов он устроился – у себя в Итаке на малярные работы, они
оплачивались хорошо. Надо было кормить семью, платить за дом, участок,
страховку, электричество... Раньше Андреа даже не замечал, сколько приходит
счетов. Его жена, ленивая сластена, как называл ее Джо, восприняла его
увольнение спокойно. Научные интересы мужа были ей безразличны, а зарабатывал он
теперь не меньше, чем в университете. Она грызла конфеты, болтала по телефону с
родными, читала детективы.

Единственные, кто отозвался на его беду, были соседи. Роберт высоко ценил талант
Андреа, они часами обсуждали проблемы астрофизики. Но Роберт приезжал поздно,
навеселе, он весь был в любовных похождениях.

Все-таки следует признать, что не только Роберт и его жена, но и все, кто
посещал их дом, вся их шумная университетская компания, относились к Андреа
сочувственно. Душой этого дома была Эн, жена Роберта, тоненькая, насмешливая,
суховато-колкая, что всегда нравилось ироничной компании. Набивалось порой
человек до полсотни. Эн иногда удавалось упротить Андреа спеть. Пел он греческие
песни, испанские, албанские, что-то нездешнее. Черная небритая щетина шла ему,
делала его похожим на чужеземца. Смуглый грек, словно бы спустившийся с Дельф, с
высоты античных тысячелетий, он напоминал Эн о древних богах, которые покинули
нынешних людей. Вообще это выглядело картинно: Андреа ставил ногу на стул,
взгляд его становился невидящим, голос был слабый, сиповатый, но с особой, ни с
чем не схожей интонацией.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Однажды, приехав из соседнего городка, Костас застал у своего дома машину, на ступенях сидели два сотрудника из Си-Би-Ай. Их интересовало, зачем он так стремился работать на циклотроне, почему оставил свою прежнюю инженерную профессию. Расспрашивали, кто бывал на собраниях в партячейке, как познакомился с Розенбергами. Трудно было понять, чего они добивались. На следующий день взяли за допрос старательней – записывали. Опять про партийные дела, про Розенбергов. А также о Джо Берте, о работе над радарными. Назавтра снова допрос, с утра до вечера и про то же самое, старались, видимо, вытащить новые имена, даты... Но ни разговорить Андреа, ни вывести его из себя не удавалось. В ответ на их грубости он вздыхал и терпеливо повторял свои ответы. Тогда они изменили тактику. Ты на что надеешься? На свой талант, на свое имя? Не поможет. Мы тебя внесем в такой черный список, что ты еще лет пятнадцать только за кисть свою малярную и будешь держаться. Плакала твоя наука. Лучшие годы твои пропадут, никому ты не будешь нужен. Мы на тебе и на твоих детях такое клеймо поставим, вовек не отмоешься. Соседи и те отвернутся. Будешь как черномазый. Мы из тебя сделаем пособника советских шпионов. Прослывешь иудой, продажной падалью. Отец твой и братья от тебя откажутся. Это в том случае, если тебя не удастся засадить лет на десять.

Опытные ребята, они все же сумели нащупать его слабое место. Угроза лишить его возможности заниматься своим делом доконала Костаса. Как-то разом он скис, считай что сломался. Но этого им было мало, они еще произвели обыск в доме, не имея на то официального разрешения, им надо было его дожать. Запретили куда-либо отлучаться из Итаки. Уехали, захватив с собою письма, записные книжки, не сказав, когда вернутся.

Андреа перестал спать. Картины будущего в бессоннице возникали беспросветные, лишённые надежд. Жизнь теряла смысл, и непонятно было, как противостоять этому, с кем бороться.

Эн уговорила Андреа пить джин перед сном, дала бутылку. А он никогда не пил, на вечеринках наливал себе молоко. Перед ним останавливались изумленно: где ты достал сию жидкость? Он показывал на холодильник...

В эти растянутые ожиданием дни у него остался лишь один слушатель и советчик – Эн. Она понимала его чувства. Захлопнуть дверь в науку? Тут истинный ученый обязательно дрогнет! Она видела, как Андреа старается скрыть свой страх, и сердце ее болело от жалости. Может быть, именно через эту слабость она и увидела в нем мужчину, сильного и твердого, которого нельзя обидеть жалостью.

Вечерами, ожидая Роберта, они сидели вдвоем на террасе. Там стоял небольшой испанский шкаф черного дуба. На дверцах были вырезаны Адам и Ева. Перед Евой извивался змей с лицом ангела, над Адамом летал амур со змеинодлинной шеей и целился из лука. Яблоко еще не было съедено. Аллегория деревенского художника не поддавалась простому толкованию. Эн сидела на полу, обхватив руками колени, узкое ее личико светилось в сумерках, как пламя свечи. Андреа замолкал, опять начинал, медленно подбирая слова. Впервые в жизни кого-то занимали его переживания, его дела принимали близко к сердцу, и он позволял себе приоткрыться. Это было спасение.

Впервые за последние годы Эн почувствовала себя востребованной. Роберт не нуждался в ней, Роберт преуспевал, его романы остудили ее любовь.

Пока что ей было просто жаль Андреа, как попавшего в беду хорошего человека,

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru хотелось чем-то помочь, как-то защитить. Но как-то днем, не сговариваясь, они ушли в холмы, и все произошло почти нечаянно. Если бы Эн с ее религиозным воспитанием подумала об этом заранее, она ни за что бы не решилась.

Во второй раз все было труднее, ей пришлось тормозить его, подлаживаться, и, как ни странно, стремление доставить удовольствие дало такую полноту радости, какой с Робертом не выпадало. Тайна греха и влекла друг к другу и мучала. Прежде всего Андреа. В течение супружеской жизни у него было немало “встреч на стороне”. В компании то с Джо, то с тем же Робертом они славно проводили время в Нью-Йорке. Это было в порядке вещей – никто не терзался изменой жене. Эн также могла позволить себе многое. Но одно дело изменить супруге и совсем другое – предать друга.

Эн пыталась его успокоить:

– Напрасно ты себя казнишь. Я не его собственность, которую ты отнимаешь. Это я нарушаю обет, ты обета Роберту не давал.

Слова ее звучали обдуманно-четко, она решительно брала все на себя.

..Опять приехали его допрашивать. С утра пораньше. Повторялись те же вопросы, потом перешли к их городской квартире. Кто приходил туда? О чем там говорили? На этой ли квартире встречались коммунисты их ячейки? Розенберги бывали? Какие доказательства, что там они не бывали? Подробнее про их контакты. Еще подробнее...

Он послушно отвечал, повторял, вспоминал, пытался вызвать в памяти прошлогодние разговоры... А вот записная книжка, найденная при обыске. В ней адрес Розенбергов, вы утверждаете, что четыре года с ними не встречались, – из чего же следует? Может быть, три года? Может быть, вяло соглашался он. Но фактически отошел от партии четыре года назад. Докажите. Костас обреченно пожимал плечами. Чувствовалось, что еще немного – и можно заставить его согласиться на любое свидетельство. Он еле ворочал языком и был в их руках, как готовая к лепке глина. Они явно переборщили. И что-то у них не сходилось. Какие-то сведения не удалось состыковать.

Андреа выглядел совсем измученным. Спросил, можно ли ему съездить в Лонг-Айленд – встретиться с отцом, братьями. В сущности, он просил разрешения попрощаться с ними. Дело шло к аресту – так понимал он, и агенты Си-Би-Ай его в этом не разубеждали. Они пошептались и разрешили. Куда он денется? Дом, двое детей, жена, да и к тому же слабак, как все эти тьюфики, набитые формулами.

Характеристику Андреа Костасу составили не раздумывая: “Нервный, впечатлительный. Поддается нажиму. Даже когда нечего скрывать – тревожится, срывается. Легко довести до подавленности. Поддается на угрозы, связанные с научной карьерой. Разрешил произвести у себя в доме обыск, хотя мы не имели на то оснований. По своим взглядам несомненный коммунист”.

V

В глубине фиордов среди елей и сосен стояли белые виллы. Гладкие багровые граниты спускались в неподвижную воду. Отражение повторяло подробности перевернутого мира. Облака плыли в зеленоватой воде, как ледоход.

Паром шел близко к берегу. Видна была мощенная камнем дорога с бесшумной телегой, вспыхивали стекла парников, висели розовые рыбацкие сети.

Северная природа успокаивала неяркими красками, неспешной, бережливой жизнью среди скал и холодной воды. Дикие утки летали над паромом. Джо не уходил с палубы. Берега будто оторочены белым. Ели, острые крыши словно аккуратно писаны белой краской. Джо не сразу понял, что это снег. Может, остаться здесь, в Швеции, где так легко затеряться в узких извилистых фиордах, бесчисленных островах, протоках? Мир велик, даже слишком велик для человеческой жизни!

А он – изгнанник, беглец, скиталец. Где-то его ищут. Вычисляют, куда он мог деться. На одну, может, на две фазы он опередил преследователей, но не больше.

Ели и сосны каким-то образом прорастали сквозь гранитные расщелины. Холодные валуны, холодная вода, холодное небо. Понятие родины условно. Он не помнил первых лет своей жизни, но был Нью-Йорк, а в Нью-Йорке – Бруклин, и это было его собственное: нора, убежище. Теперь его лишили и этого угла. За это он и возненавидел Америку. Если Америка посмела отторгнуть его, Джо Берта, своего преданного сына, – она недостойна любви.

Паром шел в Хельсинки. Из Швеции в Хельсинки можно было доехать беспрепятственно. Шведскую визу ему дали в Дании, датскую – в Париже, и сразу же. В Финляндию виза не требовалась, и след Берта среди финских хуторов должен был затеряться. В шведском консульстве его приняли почтительно. Он держался по-хозяйски, он не походил на преследуемого, он не стеснялся своего акцента, ведь это был американский акцент, и паспорт у него был не какой-нибудь, а американский. Наоборот, это он морщился и раздражался, когда парижские официанты не понимали, что значит old socks¹. Люди, которые не говорили по-английски, были для него второсортными людьми. Американцев он узнавал с первого взгляда по походке, жестам, раскованности, свободе поведения.

На палубе становилось холодно. У него был тоненький плащ, ничего теплого, он не рассчитывал на зиму. Все его вещи так и остались в пансионате. Хорошо, что при нем были деньги и паспорт.

Перед отъездом Джо позвонил в посольство, извинился, что не смог прийти, сказал, что готовится к международному конгрессу, и обещал появиться после конгресса. Попытка выиграть еще неделю...

В Хельсинки дул пронизывающий ветер, пришлось купить свитер. Он снял дешевый номер в отеле поблизости от порта, денег оставалось немного, хозяин гостиницы, бородатый финн, спросил, на сколько времени он рассчитывает. Джо ответил загадочно – “пока не подойдет мой пароход”. Он и сам не знал, почему он так сказал. Он входил в свою роль бегльца. Чем-то ему даже нравилась бесприютность, чувство постоянной опасности. Эта бедная финская столица, рыбный базар на набережной, неведомый язык... Даже в этой роли он чувствовал свое американское превосходство, Америка гналась за ним, он бежал от нее, но все равно оставался

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
американцем...

Примерно в таком состоянии Джо Берт и появился в советском посольстве, где не сразу разыскали сотрудника, знающего английский. Тот заставлял Джо медленно повторять слово за словом, оба злились. Водили его из кабинета в кабинет, подозрительно разглядывали. Никто не улыбался, лица у всех были непроницаемо холодные.

В кабинете консула висели портреты Ленина и Сталина. Консул сидел неподвижно, сцепив пальцы рук. Большая округлая его челюсть походила на висячий замок.

Вдруг эта челюсть открылась и спросила по-французски:

– Кто за вас может поручиться?

Джо растерялся, пожал плечами.

– Вы член ЦК?.. Нет? Жаль, – сказал консул удовлетворительно. – Если бы были членом ЦК американской компартии, мы бы знали, с кем имеем дело.

Дверь распахнулась, вошел человек в черном костюме, сутулый, с испитым, вялым лицом, коротко кивнул и стал прохаживаться, заложив руки за спину. Он не представился, слушал безразлично, потом спросил, чем Джо занимался в Штатах. Радарами (человек кивнул), ЭВМ, то есть кибернетикой (человек поморщился), радиолокацией низколетящих (человек кивнул). Он неплохо говорил по-английски, внимательно изучил паспорт, чувствовалось, что этот паспорт никакого почтения здесь не вызывает, а вот то, что товарищ Берт не понимает по-русски, не очень хорошо. Узнав, что Берт надеялся сразу же отправиться в Москву, консул хмыкнул, начал объяснять, насколько это сложно и проблематично, но был остановлен коротким жестом пришедшего, который и попросил Джо прийти через два дня по такому-то адресу.

Квартира оказалась в многоэтажном доме. Двери открыла седая женщина в синем халате, провела его в столовую с круглым дубовым столом и стульями с высокими резными спинками и пригласила Сергея Сергеевича, того самого, с испитым, вялым лицом.

Сергей Сергеевич опять задавал вопросы, женщина записывала, макая деревянную вставочку в чернильницу, это напоминало Джо детство, первые классы школы. Где работал, кем работал, кто был шеф, какая лаборатория... От некоторых вопросов Джо уклонялся, некоторые звучали странно: где родились мать и отец, кто из родных какие должности занимают... Когда Джо на вопрос о национальности ответил, что он неверующий, Сергей Сергеевич разъяснил, что национальность не вероисповедание.

– А что же?.. – удивился Джо.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Судя по вашим данным, вы еврей, – сказал Сергей Сергеевич.

– Не знаю... Мать у меня была католичка. Я считал себя американцем.

– Это подданство, – терпеливо пояснил Сергей Сергеевич. – Нам надо знать, кто вы на самом деле. Мы запишем – американский еврей, так будет правильно.

Этот эпизод оставил неприятное чувство. То, что в СССР нет и не может быть антисемитизма, Джо знал, но, может быть, он лично чем-то не понравился этому господину? Ведь и ему не понравился этот чиновник.

Вошел маленький небритый человечек и быстро сфотографировал Джо со всех сторон. Договорились: если он потребуется – сообщает в отель.

– Сколько это может продлиться? – спросил Джо.

– Нам надо все проверить.

Джо вздохнул, попросил учесть, что его разыскивают и нельзя дать понять ФБР, что советское посольство собирает сведения.

– Вы уж, пожалуйста, нас не учите, – жестко прервал его Сергей Сергеевич.

Напоминание о еврействе надоумило Джо отыскать еврейскую общину. Это была маленькая бедная община, но приняли его там приветливо и направили в портовый кабак. По вечерам он играл там на пианино, получая за это ужин и двенадцать финских марок. Мороз донимал, пришлось купить кожаные рукавицы и шарф. Два раза в неделю Джо водил в порту автопогрузчик. В отеле он жил в кредит, американский паспорт еще действовал.

День шел за днем, он жевал эти пустые дни, как жвачку, монотонно, равномерно, входя в неторопливый ритм здешней жизни. Финны в своем тягучем времени чувствовали себя привычно, удобно, они очень нравились Джо лаконичностью: только необходимая информация. Он замечал, что им для общения необязательно разговаривать. Сидят, попивают свое пиво или водку, получая удовольствие от соседства.

По слуху он подобрал несколько скандинавских танцев и песен. Припомнил и американские – из кинофильмов, – остальное время уходило на импровизации. Он играл свое настроение, ожидание, надо, мол, жить, а не ждать, вспоминал Париж... Иногда получалось неплохо, Тереза похвалила бы. Никто из посетителей не замечал его неудач, большей частью его вообще не слушали. К полуночи становилось дымно, шумно, совсем как в той пивной, что привиделась ему в Париже. Предзнаменования, что иногда посещали его, ставили его в тупик.

Ему не хватало Терезы. Обычно она, прижавшись к его спине, начинала подпевать своим простуженным голосом, который потом становился чище, старалась подхватить мелодию, обозначить ее. Грудь ее лежала на его плечах, она помахивала рукой перед его носом, а то и сама пробовала играть, он кричал, что мешает. Рыжие лохмы свисали, касаясь его щек. В кровати она садилась, скрестив ноги, закидывала волосы на лицо, глаза блистали сквозь них, как у пуделя. Почему не позвонил ей перед отъездом? – спрашивал он себя. И отвечал: боялся, что останется... Это было что-то новое, потому что он привык рубить с маху. Пока любил, он отдавался женщинам полностью и так же полностью исключал их из своей жизни, как только покидал их.

Он не ожидал, что мысли о Терезе вернуться к нему. Вспоминал, как они ездили в Барбизон: озеро, плеск воды в камышах, жалобное пиликание какой-то птицы. Вспоминал, как они ругались из-за его прически, и когда он спал, Тереза взяла и остригла его. Теперь, когда ее не было, он любил ее больше прежнего. Во всяком случае, если бы она была здесь, все бы выглядело иначе, и этот город, и кабаки... В плаще во внутреннем кармане он нашел потрепанный конверт с черной бумагой, из которой был вырезан силуэт Терезы. Он наклеил эту бумагу на квадрат оконного переплета в своем номере. Когда он лежал, силуэтом было небо – то голубое, то серое; когда подходил к окну – кусочек порта: краны, трубы, лоток с раковинами и чаном серебристых селедочек...

Отверстие в черной бумаге, хранившее профиль, выражало отсутствие, но именно отсутствие наполнялось красками, движением, жизнь Джо происходила как бы в пределах ее силуэта, вернее антисилуэта...

В английской газете промелькнул короткий отчет о парижском конгрессе. Там же был материал о деле Розенбергов. Продолжались аресты, и в Штатах нарастала истерия. Его фамилию не упоминали, и о Костасе тоже не было ни слова. Но, судя по общему тону, пожар полыхает вовсю. И если здесь, в Хельсинки, его засекут, ФБР не посчитается ни с чем – доставят в Штаты в любом виде. А уж там так или иначе всунут его в какой-нибудь судебный процесс.

Раза два Берт побывал в городской библиотеке. Научные журналы вздохнули обсуждали проблему искусственного интеллекта, проблему памяти, теорию передачи информации. О технической стороне писали скупое. Джо понимал, что именно тут начинается главная битва между фирмами, лабораториями, потому и секретили основные данные ЭВМ – объем, быстродействие, вес, все то, что важно заказчику. Нетерпение и досада охватывали его – уходило золотое время...

В воскресенье, прогуливаясь по рыбному рынку, он встретил консула с женой. Джо кинулся к нему – когда же наконец?... Физиономию консула заморозило, а Джо, не давая русскому раскрыть рта, заторопился: решающий период... кибернетика выбирает направление... очень важно именно в этот момент... его идея о транзисторах...

– Вы что, с ума сошли... здесь, на улице? – процедил консул. – Кто вы такой?

– То есть как?... Вы же знаете.

– Ничего мы еще не знаем, – твердо произнес консул. – Ни-че-го, – скривился брезгливо, как будто к нему прицепился попрошайка, и, сказав что-то жене,

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
направился к машине.

Джо рванулся за ним, но остановил себя. В самом деле – кто он для них? Мало ли какой шпион может выдать себя за специалиста, лишь бы пробраться в Советский Союз. Известно, сколько агентов засылают в Россию империалистические разведки, кем они только не рядятся. Не мудрено, что советские дипломаты столь бдительны.

Конечно, могли быть и посимпатичнее и этот консул и другие, но работа накладывает отпечаток – мрачность, настороженность, на самом деле они же сердечные ребята...

Вечером в ресторане к Джо подошел парень, облокотился на пианино, не вынимая сигареты изо рта, сказал по-английски:

– Неплохо ты устроился. Небось и кормят, и денежку платят.

– Платят, но не за каждую ноту.

– То-то я смотрю, еле пальцами перебираешь. – У него был маленький, кошачий подбородок и толстая шея.

– А ты что, опаздываешь?

– Шутник, значит. Я вот чего не понимаю: если человек в ресторане работает, зачем ему на рынок таскаться?

– Рынок – место общения людей, – сказал Джо. – А общение дает радость.

– Кому дает, а кому поддает. – И парень хохотнул, обнажив острые маленькие зубки. – Мой совет тебе: сиди тихо. Бренчи себе и не плавай.

– Ты кто? – спросил Джо.

– Я? Не сообразил? Петя я, Петр Ильич. Достаточно? Так что имей в виду: будешь дергаться – ничего не дождешься. Могут неприятности быть.

– Какие неприятности?

Парень как бы мечтательно усмехнулся, задумчиво выпустил дым в лицо Джо.

– Попадешься местной полиции. А те возьмут и сдадут тебя америкашкам. Усек? Так что по рынкам незачем тебе шляться.

Он играл этакого гангстера – широченные, подложенные ватой плечи, расстегнутый воротник, челочка, узенький, сбитый набор галстук. За этот галстук Джо взялся двумя пальцами как бы поправить, вместо этого намотал его на руку, не поднимаясь со стула, потянул вниз, к себе. Наверное, сумасшедшие были у него глаза, парень забился, схватил его за руку, полузадушенно крикнул:

– Ты что, ты брось... кончай! – И что-то еще по-русски.

Джо дернул его так, что голова мотнулась, и еще раз. На них смотрели, привлеченные тем, что пианино замолчало. Подошел бармен, белобрысый молодой финн в меховой жилетке.

– Все о'кэй, – успокоил его Петя, потирая шею. Дружески похлопал Джо по плечу. – Мое дело передать. Понимаешь, мне здесь не положено вступать с тобой в дискуссию. Служба. Но мы с тобой, надеюсь, встретимся. Никуда ты не денешься. Так что мы еще договорим. Мы с тобой еще споем. Я ведь тоже играю. На аккордеоне.

VI

Андреа Костас исчез. В Нью-Йорке у родных он побывал. И затем исчез. Допросы отца, братьев ничего не дали. Куда он отправился из Нью-Йорка, никто из них не знал. По их словам, состояние его было такое тяжелое, что возникло предположение о самоубийстве. Последующие допросы, однако, выяснили, что приезжал он не один, с какой-то женщиной. Не известной никому из членов семьи.

Кто была эта женщина, установили не сразу. Постепенно, по мере того как картина прояснялась, начальство приходило все в большую ярость. Прежде всего оно измордовало агентов. Пальцем деланные доноски, все ведомство посадили в дерьмо! Когда журналисты узнали, что Костас сбежал, и не один, что политика связана с пикантной любовной историей, которую, можно сказать, спровоцировало ФБР, то они, разумеется, подхватили этот материал и расцветили, не жалея красок. Да еще и всласть поиздевались над характеристикой, данной фэбээровцами Андреа Костасу, – олух, слабак. А по версии журналистов, этот греческий прохиндей разыграл затравленного кролика так мастерски, что ФБР поверило ему, вообразив, будто он обделался со страху – дал показания. Между прочим, совершенно безвредные, пустые показания. Облапошил как цуциков, подхватил свою любовницу и был таков. Сразу видно опытного профессионального шпиона. Так профукать, так осрамиться! Теперь-то понятно, почему вольготно чувствуют себя в Штатах иностранные разведки...

На самом деле все было и проще и сложнее.

В распоряжении Андреа оставалось два дня. И он действительно хотел повидаться с родными. Эн же должна была утром уехать с Робертом в Бостон. На неделю. И он

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
зашел к Эн. Она возилась в саду. Он сказал ей:

– Поехали?

– Куда?

– Со мной.

Она выпрямилась, посмотрела на него. Куда – не важно, “со мной” – так говорит мужчина. Она вытерла передником перепачканные землей руки, прошла в дом, взяла чемодан, сунула туда платье, ночную рубашку, мелочи.

– Оставь Роберту записку.

– Какую? – спросила Эн.

– Чтобы не искал тебя хотя бы два дня.

И она написала, что заедет к подруге в Бостон, оттуда даст о себе знать...

Они сели в автобус. В Рочестере сошли, здесь жил их знакомый физик Петерс. Студентом Петерс сидел в концлагере в Дахау, и Эн надеялась, что у него могли сохраниться какие-то связи с антифашистскими организациями, которые помогут Андреа скрыться.

К Петерсам Эн поднялась одна. Петерс развел руками: никаких связей не осталось. Предложил деньги – Эн отказалась, найдутся-де другие варианты. Никаких других вариантов у них не было. Денег тоже. Она не поняла, почему так решительно отказалась от денег Петерса, – мелькнула какая-то смутная мысль-предостережение.

Они спрятались в баре, обсуждая, как быть дальше. Все друзья Костаса засвечены, оставались друзья Эн, и пока что для ФБР побег Андреа из Итаки никак не связан с ее отъездом. Значит, в запасе у них два дня и ночь. Вернее, полтора дня и одна ночь. Перелистав мысленно список, Эн выбрала одного старого приятеля их семьи, нью-йоркского адвоката, известного своими либеральными взглядами. Сам он жил с семьей на загородной вилле, его городская квартира пустовала. Эн дозвонилась на дачу, и адвокат распорядился, чтобы швейцар пустил их в квартиру. Она ничего не объясняла адвокату, и он, опытный юрист, ни о чем не спрашивал.

В огромной квартире на Пятой авеню были библиотека, концертный зал, столовая, спальни, бар, гостиная. Взявшись за руки, они ходили по толстым коврам из комнаты в комнату, качались на диванах, рассматривали картины, пили кофе, играли на рояле, слушали пластинки. Расходились, окликались друг друга, встречались, раскланивались. У них никогда еще не было такого большого вечера и такой

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
огромной ночи. Они наслаждались каждой минутой, смаковали ее, подбирая все до крошки.

Наутро Эн проводила Андреа к его родным. Никого из них Андреа не стал посвящать в свои дела, не хотел вмешивать, особенно отца. Когда человек ничего не знает, он и не проговорится, и не может отвечать за то, что ему неизвестно. Отец тоже ни о чем не расспрашивал. Настроение у беглецов было неприлично веселое, трудно было представить, что они беглецы. И все же отец, стоя в дверях, перекрестил обоих.

Старший брат Андреа раздобыл машину, потрепанный “паккард” неопределенного цвета, с драными сиденьями. Эн закинула в багажник свой чемодан, и они двинулись. Пересекли Манхэттен, какие-то малознакомые скучные кварталы, обогнули парк. Перед автовокзалом Андреа остановился, вопросительно посмотрел на Эн. Отсюда уходили автобусы на Бостон, и она могла как ни в чем не бывало вернуться в свою прежнюю жизнь – заехать в Бостон, позвонить Роберту...

Эн неподвижно глядела через грязное стекло машины на площадь, где разворачивались длинные автобусы.

– Не уходи, – сказал Андреа. – Ты мне нужна...

Он подождал, потом добавил:

– Придется вести машину по очереди. Надо поскорее пересечь границу.

Много позже Эн призналась: не скажи он этого, она бы сошла, распрощалась и отправилась в Бостон. Поплакала, погоревала, но вернулась бы к Роберту. В тот миг ей, чтобы решиться, нужна была его просьба, именно такая – не мог же он вести машину сутками. По крайней мере до границы она была обязана проводить его. Когда Андреа забирался на заднее сиденье поспать и Эн садилась за руль, она мысленно обращалась к некоему Судье: “Вот видишь, а что бы он делал без меня? Стоит задремать за рулем – и все, капут!”

Она часто потом возвращалась к этой минуте и все лучше понимала, почему Андреа так сделал – дал ей возможность рассмотреть его как бы под увеличительным стеклом. Некоторые моменты из пережитого она любила перебирать, разглядывать примерно так, как это делала с Библией, перечитывая темные места, уходя все дальше в их сокровенную даль.

VII

Когда агенты ФБР вышли на Терезу, она показалась им обыкновенной шлюшкой. Третьеразрядная ресторанный певичка, большеротая, грудастая, с вертлявым задом, мочалка не первой свежести и небольшого ума. Достаточно жадная и любительница выпить. На таких стоит поднажать – и они поплывут.

Они посидели с ней в баре, разыгрывая из себя нью-йоркских друзей Джо, но Тереза после третьей порции виски высмеяла их, от них за версту несло легавостью. Надо отдать им должное – они не отпирались: Джо Берт нужен как свидетель. Нужны его показания. Ему же лучше. А так власти сочтут, что уклоняется. Значит – виноват. И если она не поможет связаться с ним, придется привлечь французскую полицию. Дело пойдет об исчезновении американского гражданина. А полиция, естественно, возьмется за нее, поскольку она, Тереза, была с Бертом связана, она последняя, кто его видел. В полиции же не станут распивать с ней вино. Когда они взяли так круто, Тереза призналась, что Джо отменил свой отъезд и остался в Париже из-за нее – “не мог оторваться”, “боль разлуки оказалась невыносимой”. Остался, и они “провели упоительный день”. Должны были встретиться на следующий вечер, но он не явился. С ним это случалось. Исчезнет, потом вернется как ни в чем не бывало. Почему она так уверена, что он вернется? Да потому что лучшей любовницы у него не было и не будет.

Они умело подпаивали ее и подначивали: Джо Берт не из тех, кто чувствует себя связанным с женщиной, он бросает ее, думая только о себе. Они показали Терезе его фотографии с Вивиан, но зацепить ее этим не удалось: “Да со мной он о всех других бабах забыл”. И тут началось такое, что даже эти ребята в своем отчете могли обозначить лишь как “интимные подробности”. Несмотря на ссоры, уверяла Тереза, Джо Берт всякий раз возвращался к ней, его тащил к ней Джо-трахальщик, которому он не мог противиться. В каждом мужике живут двое – один деловой, другой – трахальщик. То один перебарывает, то другой. Одному хочется поговорить, другому не терпится залечь с ней, и один на всякий случай припасает презерватив, другой терпеть их не может...

Фабээровцы гоготали, признаваясь, что в этой бабехе что-то есть, у Джо Берта губа не дура. Знает ли она кого из приятелей Берта? Нет, вроде никого он не упоминал, Джо Берт – это человек, который много болтает, но мало рассказывает, разве что однажды случайно встретили у Трокадеро хромого американца, звали его Мак, кажется, он ученый. И все же в ее рассказах была какая-то несообразность. Если Джо Берт остался ради нее, то спрашивается, отчего они не вместе? Отчего, позвонив в посольство, он не приехал туда?

Знала ли она сама, где находится Джо Берт?

Они пообещали полтысячи долларов, если она сведет их с Джо Бертом. Сумма по тем временам приличная. Тереза обещала подумать. Назавтра она сообщила им, что Джо звонил откуда-то с севера, обещал приехать, ему надо быть на конгрессе, который открывается через два дня.

Ни на пленарном заседании, ни на секциях он так и не появился. Потеряна была целая неделя. Стало ясно, что в Париже Берта нет, то ли Тереза стукнула, то ли с самого начала валяла дурочку. Она клялась, божилась, плакала от того, что они ее обманули и она лишилась обещанных долларов. Ей не поверили. Спустили на нее парижскую полицию, обвинив в исчезновении американского гражданина. Из отчетов агентов известно, что в полиции Тереза вела себя агрессивно, заявила, что ее пытались подкупить, подпаивали, угрожали, шантажировали, чтобы она выдала Джо Берта, замечательного музыканта, которого преследует ФБР за политические взгляды. Что во Франции хозяйничают и командуют американские службы, что на самом деле никаких сведений о Джо Берте она не имеет, травила агентам ФБР только то, что могло выручить Берта.

Еще несколько недель за ее почтой присматривали, но писем от Берта не было. Вскоре Тереза сошлась с виноторговцем из Клиши, перебралась к нему, и наблюдение

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
сняли.

Машина свернула с шоссе на заснеженную лесную дорогу. Шофер и двое провожатых были неразговорчивы. Холодно-любезное выражение делало посольских людей похожими друг на друга. Человек в пушистой шубе открыл глухие железные ворота; по аллее, посыпанной желтым песком, они подъехали к двухэтажному особняку. Коричневые стены, белые переплеты окон с белыми каменными наличниками – все свежавыкрашенное, ухоженное. В большой гостиной пылал камин. Гостиная переходила в столовую, на длинном накрытом столе блестели винные бутылки, блюда с закусками. Стопки тарелок. Застекленная часть стены выходила в сад, заваленный снегом. Висели картины в золоченых толстых рамах. Вдоль стен стояли обитые полосатым шелком стулья. Бра – хрусталь с золотом, на каминной полке бронзовые часы, бронзовый торшер. Кресла желтой кожи, столы черного дуба, светлые столики карельской березы, разные гарнитуры кучковались, как в мебельном магазине.

Раскинув руки, к Джо направлялся восточного вида незнакомец с черными усиками и белозубой улыбкой. Она сияла такой неподдельной радостью, что Джо не удержался, тоже заулыбался. Оглядев Джо, белозубый удовлетворенно прицокнул языком, крепко взял за плечи, потряс как бы взамен объятия, представился: Николай Георгиевич, а лучше просто Нико, без всяких отчеств, коротко и запросто, как Джо. Говорил он по-английски с южным акцентом и с некоторой церемонностью. Затем к Джо подошел, натужно улыбаясь, Сергей Сергеевич; за ним – консул с улыбкой старого приятеля. Чувствовалась некоторая торжественность, не хватало разве что музыки. Джо поднесли аперитив, подвели к столу с закусками. Потчевали наперебой. Все это походило на возвращение блудного сына, которого еле дождались. Официантка в белой наколке появилась с подносом горячих пирожков, поначалу она остановилась перед Нико, но он галантно переадресовал ее к Джо, как бы показывая, кто здесь главный. Судя по тому, как Нико любовался гобеленом и диваном “честерфильд” красной кожи, был он здесь и гостем, и в то же время хозяином. Принесли осетрину на маленьких вертелах. Сергей Сергеевич рассказывал про зимнюю рыбалку, которая, как он выразился, та же выпивка, но в валенках, и тут же без перехода вставил, что вопрос решен, для Джо подготовлен новый паспорт с чешской визой, завтра можно лететь в Прагу, за это и предлагается выпить. Почему в Прагу, удивился Джо, почему не в Москву? Это временно, временно, успокоил Сергей Сергеевич, пока что товарищ Джо поселится в Праге, поработает там, а затем и в Москву. Позвольте, в Праге ему нечего делать, в Прагу он не просился, если уж работать, то в Советском Союзе, сейчас решающий период, когда формируется направление, идея перехода на транзисторы имеет важнейшее значение...

Физиономия Сергея Сергеевича вернулась к привычной вялой невозмутимости; у чехов хорошая лабораторная база, передовое станкостроение...

– Да при чем тут станкостроение? – взвился Джо. – Вы понимаете, что такое кибернетика?

– Я-то понимаю. – Голос Сергея Сергеевича внезапно отвердел. – Очень хорошо понимаю!

Нико поднял рюмку, и Сергей Сергеевич мгновенно замолчал.

– Прекрасное вино, но вам, Джо, рекомендую водочку, вам к ней надо привыкать. В России все важнейшие дела делаются за бутылкой водки. Пока не научитесь выпивать, вам туда нельзя ехать. – И он захохотал так заразительно, что и все засмеялись.

Жена консула, могучая крашеная блондинка, туго затянутая голубым шелком, пела старинные романсы. Большие лошадиные глаза ее зазывно смотрели на Джо.

Сергей Сергеевич обнимал Джо, жарко шептал в ухо:

– Хочешь? Она не прочь.

– Это странно, – говорил Джо.

– Ничего странного. Мы, русские люди, когда гуляем, так все можем. Ты еще узнаешь, что такое русская душа. Мы, к твоему сведению, самые большие интернационалисты. Мы всех принимаем. Война только кончилась, а уже немцев простили. Русская душа – это великий икс. Ученые всего мира не могут этот икс разгадать. А русское гостеприимство! – Он обвел рукой стол, гостиную. – Все в твоём распоряжении!

– Я думаю, что это я в вашем распоряжении, – сказал Джо.

– Напрасно иронизируете, если такой человек сам приехал... – Сергей Сергеевич головой мотнул в сторону Нико.

Вот это и было непонятно. Джо напомнил, как его спрашивали про члена ЦК – не вышло ли какой ошибки? Сергей Сергеевич похлопал его по плечу:

– У нас ошибок не бывает. Ты выбрал социализм, и это пример для всех. Думаешь, мы не знаем, что ты мог укрыться где-нибудь в Италии, остаться в Швеции. А ты понял, что капитализм обречен. Согласен?

– Да, я думаю, что социализм побеждает, – подтвердил Джо.

– Я тебе завидую.

– В чем?

– Ты переходишь из царства врагов в царство друзей, из тьмы в свет. А мы совсем наоборот.

– Да, наверное, – растроганно согласился Джо, прощая и жалея, он чувствовал себя почти счастливым оттого, что его хвалил советский человек, от внимания к нему,

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru от праздника, который устроили в его честь. Среди таких людей ему предстоит жить, приветливых, широких, сердечных...

Сергей Сергеевич что-то сказал Нико, и тот подошел к Джо, нежно взяв его под руку.

– Мы простые люди и мы ценим скромность. Но излишек скромности мешает нашим друзьям. Мы все делаем, чтобы вам было хорошо, не потому, что принимаем вас за какого-то князя. Вы наш гость. Вы пришли к нам, попросили помочь, этого достаточно. Вы даже не сказали нам, что вас преследуют. За вами охотятся агенты ФБР?

– У меня не было прямых доказательств.

– Зачем нам юридические тонкости? У нас в Грузии говорят: “Враг моего врага – мой друг”.

– Я вообще-то поделился своими подозрениями с господином консулом.

– Поделились... – Нико задумчиво посмотрел на консула, тот вытянулся, руки по швам, заговорил по-русски, тяжелая челюсть его подпрыгивала, точно лязгала. Нико удрученно вздохнул. – Вы поделились, а он не поделился... Дорогой Джо, нам с вами надо думать и за себя, и за противника. Американские службы станут вас искать в Москве. А вы будете в Праге, где, как вы считаете, вам нечего делать. И они соответственно так же сочтут. Пока не убедятся, что в Союзе вас нет. Вот когда они угомонятся, тогда можно появиться и в Москве.

Рокочущий низкий голос выстраивал убедительную цепь логических заключений.

– За ваше здоровье! – заключил Нико.

– Чего за него пить, только портить, – сказал Джо. – Сколько, по-вашему, я должен просидеть в Праге?

– Водку пьют разом, – сказал Нико. – Ее опро-ки-ды-ва-ют! Поучитесь у Сергея Сергеевича. Прага – красивый город... Дорогой Джо, как вы думаете, мы для кого-то будем таскать каштаны из огня? Нет уж. – Он весело подмигнул и вдруг перешел на серьезный тон. – Мне товарищи рассказывали про ваше нетерпение. Будьте осторожны. Ваши земляки не постесняются.

И он рассказал с примерами, что американские агенты могут выкрасть, усыпить и доставить нужного им человека в Штаты на самолете, могут просто уничтожить – случайный укол в толпе, авария, угостят кофе, после которого инфаркт или паралич, техника у них отработана. Он не скрывал от Джо своей озабоченности, пугать не хотел, но и остеречь следовало, лучше знать “про наших оппонентов” правду. Что-то сказал он и консулу, и тут же в его руке очутился лист газеты

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
“Фигаро” с заметкой, очерченной красным карандашом, о том, что полиция по ходатайству американского посольства ведет розыски исчезнувшего Джо Берта и допрашивает некую Терезу Рутли, которая подозревается...

Джо покраснел.

– Сволочи, какие сволочи! – Он выпил водку. – Надо телеграфировать.

– Никогда не делайте того, что сразу приходит в голову, – сказал Нико. – Они специально высвистывают вас.

– Но я должен что-то сделать.

Нико молча заходил взад-вперед пружинисто, голова пригнута, руки полусогнуты, как у боксера на ринге.

– Мы дадим телеграмму, только не отсюда, а из Марселя, – сказал он. – Честно говоря, боюсь, боюсь за вашу жизнь. И в Праге тоже. Прага – проходной двор. Но ничего, – он потер руки, – как говорят финны, и у старой лисы голова в кувшине может застрять!

Его нескрываемый азарт игрока и в то же время уверенность действовали успокаивающе. Он пил вино, густо мазал черной икрой сухарики, аппетитно хрустел ими, выяснял, знала ли Тереза, куда он отправился, и не могла ли догадаться из каких-то обмолвок... Была в нем привычная для Джо чисто американская свобода поведения, умение не отвлекаться, не упускать главного. Паспорт заготовлен, осталось вписать фамилию, все будет новое, и год рождения и место рождения, фамилию консул предложил Гендерсон, Джордж Гендерсон из ЮАР, Иоганнесбург.

– Видите, товарищи время не теряли, – примирительно сказал Нико. – Позаботились...

– Почему Иоганнесбург? – удивился Джо.

Сергей Сергеевич объяснил, что с ЮАР отношений нет, проверить будет трудно, вообще край света.

Фамилию Джо отверг. Не понравились ему и Торндайк и Парсонс, он хотел бы нечто поближе, например, Брук, Иосиф Брук.

Сергей Сергеевич скривился, пробормотал что-то, консул тоже сказал что-то по-русски, Джо понял, что тот поддержал его. Нико засмеялся, сказал, что товарищи хотели избавить его от подчеркнутого еврейства, тем более что внешность не ярко выраженная, к тому же откуда евреи в Южной Африке, это как-то не вяжется. Джо успокоил их: во-первых, евреи водятся всюду, во-вторых,

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
“национальность – неотъемлемый признак каждого человека, как определил Сергей Сергеевич, такой же, как половой признак”.

Нико отошел к камину, погрел руки перед огнем, не оборачиваясь проговорил:

– Лучше сделать, как просит Джо, чтобы ему удобно было.

Ночевал он на вилле. Перед сном долго рассматривал паспорт, привыкал. Некий Брук из ЮАР, тридцати лет, рожденный в Иоганнесбурге. Отец – Говард Брук, мать – Ивонна Брук. День рождения – 7 января. Где этот Иоганнесбург, Джо представлял смутно.

Все его прошлое смыто. Он перестал быть американцем, лишился американского гражданства. То есть как бы лишился, потому что внутри он американец, раз он родился в Америке, значит – на всю жизнь американец. Этот никому не ведомый Брук, непутевый сын никому не ведомых эмигрантов...

Синий, пахнувший луком передник матери, в который Джо утыкался мокрым от слез лицом, пальцы ее почесывали ему голову, зарывались в чашобу волос... Кофейник, коричневый, эмалированный, бренчал крышкой, отец надевал золоченые запонки, напевая глупую песенку про корову. У отца был длинный мундштук белой кости, часы, которые он то закладывал, то выкупал, на толстой серебряной цепочке... Ничего из той первой жизни, ни одной самой малости, он не взял с собой в новую жизнь... Даже жалкое шмотье, брошенное в его номере, и то было приобретено здесь, в Хельсинки. Единственный сувенир – оконное стекло с профилем Терезы, за которым он съездил в отель. Пришлось вынуть его из решетчатой рамы ножом – бумага не отклеивалась.

...В отель Джо вырвался со скандалом.

Согласно предписанию он должен был ночевать на вилле, дожидаясь, пока его отвезут в аэропорт. За номер в отеле рассчитаются без него и возьмут вещи по его записочке, где он сообщит, что уезжает в Данию. Если что-то надо в дорогу, купят в универмаге. Пусть даст список – рубашки, носки и прочие принадлежности. Короче, все было предусмотрено. Однако Джо хотел поехать в отель сам. Почему – не объяснял: нужно, и все. Сергей Сергеевич заявил, что это невозможно – по некоторым, мол, сведениям американское посольство в Хельсинки получило шифровку и наводит справки о Джо Берте по всем гостиницам. Не стоит рисковать. Тон становился все более жестким, но Джо упрямо твердил свое.

– Мы за вас отвечаем, – настаивал Сергей Сергеевич. – Мы вас не отпустим.

– Интересно, – сказал Джо, – как это не отпустите? Что же, вы меня силой держать будете? Тогда я ни в какую Прагу не полечу.

– Полетите.

– Посмотрим.

Гнев безрассудный, хмельной ударил ему в голову. Губы пересохли, он стиснул кулаки, готовый сопротивляться. Никто, однако, его не тронул.

Джо спустился по лестнице, надел плащ. Ни дежурный в холле, ни сторож у ворот его не остановили.

Тут мы сталкиваемся с тайной человеческих поступков. Почему человек поступает вопреки, казалось, очевидным своим интересам, обнаруживая упорство, в котором нет ни предчувствия, ни осторожности? Назвать Джо Берта бесстрашным нельзя – для этого он всегда был достаточно расчетлив. Все свои действия просчитывал наперед по всем законам логики, ища оптимальный вариант. Но вдруг все отбрасывалось...

Лесная дорога была пустынна. Снег скрипел под его ногами. Джо Берт шагал, не чувствуя ни мороза, ни ветра, не представляя, сколько надо пройти до шоссе. Потом он услышал позади легкое рокотание мотора. Машина обогнала его, остановилась, из нее вышел Нико в меховой куртке, в вязаной шапочке.

– Садитесь, – сказал он. – Поедем в отель.

По дороге он ни о чем не расспрашивал, не успокаивал, жаловался, что в посольстве не умеют варить кофе, да и в Москве, и в этой Скандинавии тоже. Джо был благодарен ему. Первые советские люди, которых он встретил в консульстве, вызвали у него разочарование. Угрюмые, подозрительные, бестактные, они никак не подходили под его представление о людях из страны социализма. Он даже признался себе, что они какие-то некрасивые, физически неприятные. Один Нико был совсем другой. Наверное потому, что недавно приехал из Москвы и здешняя капиталистическая жизнь еще не испортила его. Даже внешне он выглядел свежее и здоровее консульских чиновников. Но почему же он сразу не поехал с ним? Нико скопил черные блестящие глаза.

– Во-первых, дорогой Джо, я хотел выпить этот паршивый кофе... Во-вторых, мне интересно было выяснить, на что ты способен.

Джо расхохотался, и они подъехали к отелю друзьями.

Когда Джо появился с мешком, где умещались его пожитки, Нико покачал головой: с такой кладью выходят из тюрьмы, а не приезжают из ЮАР. В универмаге они купили чемоданчик из какого-то легкого белого металла, несколько хороших рубашек, меховую шапку, меховые сапоги. Нико денег не жалел.

– Считайте, что вы мой гость, – приговаривал он, – когда гость приходит, он становится господином, когда ест – пленником, когда уходит – поэтом.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Вечером в день отъезда Нико устроил прощальный ужин. Сергея Сергеевича он не позвал, был консул с женой, веселые молодые девицы, которые хорошо пели, Джо аккомпанировал им на пианино. Открыли шампанское, Нико с чувством произнес тост за Сталина. Выпили стоя. Джо разволновался и сказал, как он счастлив быть среди советских людей. Какая богатая, могучая Советская страна – он показал на заставленный блюдами стол, на зал, отделанный дубовыми панелями. Впервые в жизни он пировал, можно сказать, жил в такой роскоши. Он ничем еще не заслужил такого приема, он, рядовой инженер. Нико, сильно сокращая, переводил его речь. “Социализм... Сталин... Москва”, – настойчиво повторял Джо по-русски, чтобы они поняли, он был действительно счастлив оттого, что все понимали его, улыбаясь, чокались с ним, женщины целовали его, называли Иосиф..

Потом долго не мог заснуть. Предстоящий отъезд в Прагу его почему-то не волновал, занимало другое – почему с ним так возятся? Он ощущал какое-то несоответствие: может, его принимали за кого-то другого? Но он ведь ничего не обещал, не обманывал, не хвастал, не был самозванцем.

Успокоить себя было чем, но успокоения не получалось.

Вопросы эти возникнут у всех американцев, которые занимались изучением жизни Джо Берта, вопросы безответные, ибо с этого момента следы его теряются. В Америке, в Париже их еще можно было разыскать, за железным занавесом судьба его проступает редким пунктиром, сквозь который проваливаются существенные подробности.

VIII

Исчезновение Эн спутало все предположения. Сперва считалось, что она уехала в Бостон. Из Бостона в Итаку пришло письмо с первым ее, еще неясным признанием. На самом деле письмо с бостонским штемпелем отправила бостонская подруга, получив его вместе с запиской от Эн. В записке была и фраза о том, что она, Эн, “влекома обстоятельствами против ее воли”. В письме же Роберту она просила сжечь его сразу после прочтения. Сделал он это или нет – неизвестно, но категорически отказался обсуждать этот сюжет с агентами ФБР.

Надо отдать должное ФБР: привлеченные к этому делу спецы сумели-таки установить связь между бегством Костаса и отъездом Эн. Каким-то образом они выяснили, что те уехали вместе и что Эн в Бостоне не было. В результате сложилась версия, что политика, атомная бомба, Розенберги и коммунисты тут ни при чем. Однако, по общему мнению, Эн была прекрасной матерью, безупречной женой, домовитой хозяйкой. Луиза Костас, та действительно была когда-то связана с коммунистами. Что касается Эн, то ее муж на всех допросах утверждал ее полную аполитичность, он вообще упорно защищал ее, ничем не компрометируя. Следствие не могло получить от него никакой помощи. У тех, кто бывал в их доме, не возникало никаких подозрений. Правда, было замечено, что Эн близко приняла к сердцу неприятности соседа. Но не более того.

Роберта тем не менее предупредили: его семейная история будет обнародована, его сделают посмешищем, героем скандального процесса. Чтобы до этого не дошло, он должен помочь следствию – назвать возможные адреса... Но Роберт с ходу отвергал любые сделки. Никто не ожидал, что обманутый муж так твердо будет защищать честь жены.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Где ваше самолюбие? – недоумевал следователь.

– Оно отдыхает вместе с вашей порядочностью, – отвечал Роберт.

Его поведение разъярило службу безопасности. А что, если он участвует в хитрейшем спектакле, поставленном коммунистами, и вызывает огонь на себя? Допросы ожесточились. Вновь всплыла квартира, снятая в Нью-Йорке. Роберта чуть ли не мордой тыкали в найденный там проектор для микрофильмирования. Но у него и на это был разумный резон: у любого фотолюбителя есть такой. Но ФБР был нужен крупный, технически оснащенный заговор для постановки процесса века, грандиозного шоу – спасение отечества.

Гончие ФБР загоняли в круг причастных все новых и новых людей. То, что упустили Костаса, усиливало их рвение – они вымещали на Роберте свою досаду. Что с того, что он не имел касательства к коммунистам, слыл лояльным, добропорядочным, к тому же исправным католиком? Они добились – таки его увольнения из лаборатории.

Машина шла на юг. План созрел постепенно. В Аризоне жил муж покойной сестры Эн с двумя сыновьями, единственные ее родственники. Единственность настораживала Андреа, он предпочитал считать преследователей достаточно умными. Но Эн напомнила ему старую поговорку: нельзя съесть свой пирог и в то же время сохранить его. Если считать, что ФБР умнее их, то не стоит и прятаться...

Ночью, особенно в городах, полиция часто останавливала машины, проверяя документы. Поэтому по ночам они предпочитали автострады. Ночью машину вела Эн. Как-то утром, набрав в термос кофе и купив сыру, они, возвращаясь к бензоколонке, увидели у своей машины полицейских. Эн замедлила шаг, полицейские смотрели на них, Андреа взял ее под руку. “Откройте багажник”, – попросили полицейские. Оказалось, что искали похищенного ребенка...

Вскоре миновали Канзас. В Топине Андреа сбрил усы, чтобы издалека сойти за индейца. Эн тоже подстригла свои кудряшки и сразу помолодела.

Однажды, сбившись с дороги, они угодили в какой-то развлекательный ковбойский поселок для туристов. Сувенирные лавки, ярмарки – все яркое, разукрашенное... старомодные фермерские дома, кибитки переселенцев, конюшни... К тому же там снимался кинофильм. Шла пальба, жарилось мясо, скакали каскадеры.

Они вышли из машины – поглазеть. Киношники, увидев Эн, стали уговаривать ее сняться, что Андреа не понравилось. Дошло до потасовки. Андреа разбили губу и чем-то огрели по ноге, так что он долго хромал. Они еле выбрались. В лавке приобрели револьвер, совсем как настоящий.

Серебристые силосные башни проплывали за стеклом машины, неразлично похожие, мелькали поля, пашни, красные трактора, изгороди, скотные дворы – бескрайняя трудовая, благословенная солнцем, плодородная страна...

Расщелина Большого Каньона потрясла Андреа. Ничего более величественного нельзя

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru было представить. Не верилось, что эта фантастическая картина – результат тысячелетних бессознательных усилий маленькой речки. Сотни миль Каньона казались произведением гениального мастера – единый замысел словно бы связывал эти красно-коричневые уступы, врезанные в глубь тела земли, гигантские каменные башни восходили из пропастей.. Размах и вдохновение Творца ощущал Андреа в этой картине. Ни фотографии, ни фильмы не могли передать присутствие Бога, которое явственно ощущалось здесь..

Краски непрерывно менялись. Золотистые водопады превращались в седые, синяя мгла поднималась снизу, из холодной тьмы ущелий, к раскаленно-оранжевым каменистым отрогам. В час заката Андреа почувствовал, что хотел бы поселиться здесь. Каньон казался ему таинственным существом, духом земли, созданным в первый день творения. Человек здесь словно бы лишился своего величия, и это было приятно. Андреа не был ни религиозным человеком, ни атеистом. Гармония мира и красота мира не укладывались в законы науки. Было в жизни нечто уму непостижимое. Например, Каньон. Зачем он создан? Ум невольно отступал перед неведомым замыслом.

В индейских деревнях их раздрызганная старенькая машина вызвала братское чувство, помогала находить уют.

...Индейцы навайо справляли свой праздник. Горел маленький костер, светились стеклянные тарелки с маслом. Били барабаны, юноши исполняли танец на травяной площадке. Женщины пели. Смуглый черноволосый Андреа ничем не отличался от индейцев. Он тихо подпевал, рука Эн лежала на его плече. Угроза разлуки висела над ними. Они избегали говорить о ней. Будущее ограничивалось завтрашним днем.

Никогда они не ощущали так явственно уходящее время. Они и торопились и медлили, петляя на пути к Аризоне, и, переехав границу штата, зачем-то опять свернули в индейскую деревню. На самом деле они знали, зачем они заехали сюда – переночевать. Все эти дни они не позволяли себе остановиться в отеле, чтобы уснуть в кровати обнявшись, чтобы просыпаться и вновь уходить в сон, чувствуя друг друга.

Мгновения близости – самородки времени, говорил Андреа. Вернее, напевал, придумывая песенку о безостановочном потоке времени. О том единственном случае, когда ход времени нарушается.

Ночевали они на складе, зарывшись в ворох стружек и прикрывшись циновками. В лунном свете поблескивали пилы, пахло смолой. Глаза Эн безумно и счастливо останавливались. Все останавливалось. Ветер стихал, смолкали цикады, останавливалось сердце..

Существовали две Эн. Одна та, которую знали все окружающие – друзья, гости: приветливая, аккуратно причесанная, подтянутая, деловая, постоянно занятая, холодно-разумная. Не мудрено, что никто из друзей не мог представить себе Эн, сбжавшую из дома с любовником. Само существование любовника у этой женщины представлялось странным, не шло ее расчетливой натуре. Она могла помочь Костасу, в доброте ей не откажешь, дать ему денег, проводить его, – но бежать с ним? Долгое время все были уверены, что Костас просто увез ее силой, похитил, чтобы запутать погоню. Один Роберт не принял эту версию, он знал или догадывался о существовании второй Эн.

Лицо Андреа светилось с утра, с той минуты, как они проснулись, с него не сходила та внутренняя улыбка, которая ярче наружной, она-то отмечает человека сиянием, почти нимбом. Он сам это чувствовал, потому и сказал тогда, по дороге в Бенсон, что святые были, наверное, счастливые люди, вряд ли несчастный человек может стать святым.

Муж сестры Эн работал в Бенсоне на железной дороге. Эн позвонила ему из пригорода. Но все было в порядке, пока еще никто не навещался. Со дня на день, конечно, вычислят и его, но пока что они могли день-два спокойно провести в Бенсоне.

Шурин ни о чем не расспрашивал Эн, ни о Роберте, ни о детях, по-видимому, даже при беглом взгляде на этих двоих все становилось ясно. Вечером, разложив карту, прикинули, как лучше перебраться в Мексику. На границе в последние дни охрану усилили. Шурин советовал ехать на поезде, в служебном вагоне, там можно будет укрыться.

Ночью Эн босиком прошла в спальню мальчиков. Племянники спали, маленький внизу, старший наверху. Она смотрела на них и беззвучно плакала. Она ужасалась себе, тому, что добровольно бежит с Андреа. На этом последнем повороте он уже ни о чем не просит, не настаивает, она сама бросает дочь и сына, совсем малышей. Не осталось никаких оправданий, и ей нечего сказать Судье – все прошлые аргументы оказались ложью.

Был последний шанс: остаться здесь, в Бенсоне, а затем вернуться в Итаку. Совершенно естественно вернуться, с поднятой головой, и Роберт, она знала, никогда ни в чем не упрекнет ее. Не боясь ни властей, ни пересудов, она помогла честному человеку уйти от несправедливого преследования, от этой гнусной травли, которая бесчестит страну... Пусть попробуют осудить ее! Она бы многое могла рассказать о том, как калечат жизнь ни в чем не повинных людей, на примере Андреа она бы показала, как обращается Америка с талантами.

Ей вдруг пришло в голову: если бы не ФБР, тайная их связь продолжала бы тянуться, обрастая ложью, притворством. Вряд ли они решились бы на бракоразводные процессы. Обычный адюльтер не требовал скандальной рокировки. Стопроцентная американка, она бы аккуратно вела двойную жизнь.

А дети спят – здесь племянники, а там, в Итаке, ее малыши.

Машину они оставили мальчикам. Восторгу их не было конца – вертели руль, включали фары, гудели, принялись тут же во дворе мыть машину, и когда Эн уходя обернулась, они наспех приветственно помахали мокрыми тряпками.

Границу переехали благополучно, заночевали в Чиуауа, утром сели на автобус и двинулись дальше.

Была вторая половина июля. Жара в автобусе невыносимая. Пеоны осоловело покачивались. Пахло потом, персиками, чесноком; сиденья, стенки – все было раскалено. Эн впервые в жизни вынуждена была пить пиво.

В Эройке пересели на поезд. Совсем измученные, через два дня добрались до Мехико-Сити. В этом гигантском городе среди лачуг, небоскребов, базаров, кабаков, мастерских можно было затеряться и хоть несколько дней отдохнуть. Они нырнули в первый попавшийся отель, заплатили вперед за неделю, но наутро обнаружили, что в пансионате полно молодых американцев, скрывшихся от войны в Корею. Это было опасное соседство. За таким пансионатом наверняка наблюдали, могли устроить проверку документов. Пришлось уходить. Задержались, только чтобы принять душ.

Вещей минимум – шикарную кожаную сумку Эн пришлось отдать горничной, чтобы не удивлять портье в дешевых отелях. Горюя и вздыхая, она подарила другой горничной свое модное красное пальто. Надо было стать незаметными бедными туристами. Без всяких примет. Они нигде не задерживались дольше чем на две ночи. Ехали автобусами, набитыми мексиканцами. Эн немного говорила по-испански. Андреа – вполне прилично, у него вообще были способности к языкам. Деньги приходилось экономить. Те небольшие, что дал Джордж, старший брат Андреа, таяли, Эн продала кольцо с бриллиантом.

На некоторое время пристроились у дальних родственников Андреа в пригороде Мехико. И здесь никто не спрашивал Андреа, развелся он или нет, откуда взялась эта женщина. Их свежая любовь светилась слишком явно. Они сами не замечали, что их руки, глаза все время искали друг друга. Иногда в церкви, куда они заходили отдохнуть, Эн спохватывалась, отодвигалась от Андреа.

Семейство родственников мастерило сувениры, Андреа старательно помогал – резал из дерева маски, раскрашивал, пилит, тесал. Эн шила передники. Они погружались в трудовую бедную жизнь. Важно было отсидеться, уйти, залечь. Гулять выходили только в сумерки. Андреа надевал темные очки, Эн вела его как слепого.

Мания преследования мучила их, в то время многие страдали ею. Все стало казаться подозрительным: приход соседа, продавца газет, такси, почему-то остановившееся на углу. Они постоянно ощущали на себе чей-то взгляд. Ужинали в рабочих мексиканских закусочных. Иногда заходили в бар, но стоило Эн выпить, она тут же начинала плакать. Мерещилось, что дети больны, а позвонить домой она не могла, чтобы не навести на след, да и боялась, что не выдержит, услышав их голоса.

Чтобы ее отвлечь, Андреа стал устраивать вылазки на рынки. Среди пестрой суматохи огромных городских толкучек они были в безопасности. Эн покрасила волосы, Андреа нацепил сомбреро и шейный платок. Его почему-то принимали за перуанца. Мексиканский рынок походил на представление. Эн, зачарованная, стояла перед чудищами на палках, фантазией давно исчезнувших племен.

В это время в газетах напечатали сообщение, что один из руководителей американской компартии бежал в Мексику. Его задержали прямо у советского посольства. Значит, американские службы уже осведомлены об этом маршруте бегства и уже работают здесь. Несколько раз Эн с Андреа все же попробовали пройтись по парку, разглядывая здание советского посольства. Все выглядело мирно, порхали желтые и краснохвостые попугаи, рабочий катил тележку с песком. Потом подъехали мусорщики. Стояло несколько машин. У посольства ни души.

Покой капкана, вспомнил Андреа поговорку. Что чаще всего подводит людей? –

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
банальность мышления. Многие американские коммунисты сейчас, очевидно, пытаются скрыться тем же путем – через Мексику. Это первое, что приходит в голову.

– Мы тоже приняли самое очевидное решение, – признался он, – а всегда лучше второе.

– Если оно есть, – сказала Эн.

Они присели на железную скамейку – подальше от посольства. Бегали детишки, играли в мяч. Под платаном сидели матери с колясками. Черные кружевные шали, высокие гребни придавали им вид старинных придворных. Твердые рыжие листья слетали в пруд. Надвигалась осень. Пахло горечью отцветающих трав.

Новенький синий “опель” несколько раз медленно проехал мимо них, затем остановился неподалеку. “Спокойно”, – сказал Андреа, и они принялись целоваться. Потом побежали через газоны к автобусу. Несколько кварталов “опель” не отставал от автобуса.

IX

Устроили Джо в фирму “Тесла”, по имени Никола Теслы, знаменитого чешского электротехника.

В Европе фирма считалась известной. Однако на Джо после американских производств она не произвела впечатления. Все здесь совершалось как в замедленном кино, в раздражающе вялом темпе. То и дело происходили длинные совещания, много говорили, уговаривали друг друга. Оборудование было старое, и его не собирались менять. В лаборатории болталось много лишнего народу. К Джо, однако, отнеслись внимательно. Руководил отделом профессор Карел Голан, автор нескольких хороших работ по полупроводникам. Ему доставляло удовольствие практиковаться в английском. Чехи нравились Берту мягким юмором, умением подшучивать над собой – миролюбивый народ, никому не завидующий. Особенно милыми показались ему чешские женщины. Совершенно незаметно, сам собой у него завязался роман с медсестрой, которая работала в поликлинике. Когда Джо пригласил ее на чашку кофе, она весело расхохоталась его немыслимому чешскому языку. Холостяцкая квартира, большой радиоприемник – первое, что купил себе Джо, – женский силуэт, прилепленный к оконному стеклу, – все вызывало у нее радостное удивление. Ее нельзя было считать искусной в любви, но в ней была какая-то спортивная свежесть. Ногти, губы, зубы – все благоухало чистотой и молодостью. У нее была смешная привычка: “Раздевайся в темноте, – просила она, – когда я вижу голого мужчину, я чувствую себя в больнице, у меня пропадает всякое желание”.

По вечерам она водила его по пражским пивным, помогала учить чешский язык и сама училась говорить по-английски. Однажды Карел Голан заметил, что его чешский продвигается неплохо. Наверное, лучше, чем у Милены английский. Он что, знает Милену? – удивился Джо, но Карел отрицательно помотал головой и усмехнулся. А в следующий раз спросил Джо, как им понравился вчерашний фильм. И что-то в его тоне удержало Джо от прямого вопроса. Он попытался узнать у Милены, нет ли у нее общих знакомых с Голаном. По ее словам, не было, да и про кино она вроде бы никому не сообщала. Обдумав все, Джо пришел к выводу, что Карел дает понять: за ним наблюдают. В самом факте не было ничего особенного, – но откуда об этом мог узнать Карел?

Примерно месяц спустя Джо, которого теперь называли Иозеф Брук, был вызван в министерство безопасности. Помощник или порученец – или как он там называется – встретил его внизу, провел через посты к какому-то большому начальнику. Там его угостили хорошим кофе с печеньем, расспрашивали о работе, о жилье, просили не стесняться, если есть в чем нужда. Разговор вел хозяин кабинета, бледный, наголо обритый, прямой, как трость, человек во френче; время от времени подавал реплики болезненного вида толстяк, который, задыхаясь, подсказывал английские слова. Речь зашла и о том, что Иозефу Бруку не мешало бы обосноваться прочнее, а для этого надо жениться. Джо отшучивался, все смеялись, и тут хозяин кабинета, сохраняя улыбку, сказал, что имеются подходящие невесты, две или даже три. Товарищу Бруку дается возможность выбрать, все они знают английский язык, проверенные люди. Взгляд его светлых глаз стал безулыбчив, и Джо понял, что это говорится всерьез. Тем не менее, сохраняя веселый тон, он поблагодарил за заботу и обещал сам заняться поисками, потому как при заполнении анкет у него не поинтересовались, какого типа женщин он предпочитает. Но иронию проигнорировали. Женитьба в данном случае не есть его личное дело. Рядом с ним должен находиться неотлучно надежный человек.

– И нам будет лучше, и вам. Считайте, что это задание партии. Мы не хотим, чтобы вы попали в ловушку.

– Зачем торопиться?

– Вы же не монахи... Мы же знаем, что вы не монахи. – И толстяк одышливо хихикнул.

Незаметная дверца между шкафами открылась, и в кабинет вошел человек – в домашней куртке, усталый, с тускло-сонными глазами и трубкой в руке. Собеседники Джо вскочили, почтительно выпрямились. Джо остался сидеть, закинув ногу на ногу.

– Ну как, договорились? – спросил вошедший.

– Не совсем, – ответили ему.

– Вы бы показали товарищу фотографии.

И сразу же перед Джо было положено несколько фотокарточек анфас и в профиль. Но тот даже не взглянул на них.

– Вам объяснили ситуацию?

Джо молча пожал плечами.

– Это не каприз. Мы заботимся о вас. Будь нам наплевать, мы бы не занимались

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
этим. Мы не можем рисковать делом, которое собираемся вам поручить.

– Браки заключаются на небесах, – попробовал отшутиться Джо.

Человек в куртке пососал трубку, задумчиво глядя на Джо, и вдруг рассмеялся, взгляд его при этом оставался безучастным.

– Считайте, что мы и есть небеса.

– Да уж – выше ничего нет, товарищ председатель, – подхватил толстяк, колыхаясь от смеха.

Джо молчал.

– Ну что же, не хотите выбирать, тогда мои сотрудники выберут по своему вкусу, – сказал председатель.

Джо облизнул губы.

– Ничего не получится. Личные вопросы я решаю сам.

Сонный взгляд оживился, интерес слабо вспыхнул в глубине тусклых зрачков и погас.

– Вы не знакомы с нашими порядками. Здесь так не разговаривают. Это не личный вопрос, речь идет о государственных интересах, и мы не будем считаться ни с чем.

Он произнес это без гнева, великодушно, как может говорить человек с автоматом с безоружным чудаком.

В биографии Джо почти не встречается безрассудных поступков. Есть необъяснимые предчувствия, есть глупости и явные промахи. Похоже, что и тут безрассудства не было, а был приступ ослиного упрямства. Так когда-то называл отец эти странные выходы сына, когда выключались чувство страха и осторожность и его ничем нельзя было сдвинуть с места.

– Нет, этого не будет, – тупо пробормотал он.

– Как? – переспросил председатель.

– Не будет, – повторил Джо по-чешски.

– Ну-ну, – председатель направился к дверям, – напрасно вы...

– Мы так не договаривались, – повысил голос Джо.

– С кем? – настороженно спросил бритый.

– Вы знаете с кем, – сказал Джо. – Мне нужна жена русская... Я буду выбирать из советских, – вырвалось у него неожиданно, он еле успел спрятать свое торжество.

Председатель остановился у дверей, посмотрел на него испытующе.

– Полагаю, это вас устроит, – сказал Джо.

Председатель помолчал, медленно повел головой.

– Нет. Пока вы здесь, вы живете по нашим правилам. В Союзе сможете получить другую подругу.

...Приложив палец к губам, Карел Голан вывел его на улицу, и там Джо продолжил рассказ. Судя по описанию, им занимался сам шеф безопасности страны – Сланский. Не следовало так говорить с ним. Человек не в состоянии бороться с учреждением, тем более с системой. Это нелепо. Профессор был расстроен. Откровенность Джо его тяготила. Вряд ли положено сообщать о таких разговорах. Даже если Джо не давал подписки.

– Мне не с кем поделиться, – оправдывался Джо. – Мне надо с кем-то посоветоваться.

– Я вас понимаю.

– Вы тоже были со мной откровенны.

– Я знал, что вы поймете.

– Откуда вы знаете про Милену? От них?

– Они просили предупредить вас. Но я сделал это немного иначе. Я хотел, чтобы вы знали и про меня...

– Зачем?

– Чтобы вы остерегались меня.

– Вы что же... – Джо поискал подходящее выражение, – связаны с ними?

Карел промолчал.

– Как это получилось? Вы же крупный ученый.

– Ах, вам этого не понять. – Карел остановился, снял толстые очки, стал протирать их. Влажные глаза его близоруко уставились на Джо. – Я не знаю.. Наверное, вы тоже должны информировать, судя по всему... – Он надел очки, морщась, покачал головой. – Невозможно жить. У меня мания... Мне всюду мерещатся ускользающие глаза, никто не смотрит прямо. Вы спрашиваете, как это получилось. Чтобы сделать мои работы, чтобы опубликовать их, чтобы выступить на Лондонской конференции... Понятно? Иначе бы не пустили. – Он взглянул в глаза Джо, спросил вызывающе: – Стоит того? А?

– Не знаю.

– Перед вами тоже могут такой вопрос поставить. Собственно, они уже поставили.

– Но как они могут заставить?

– Вы их не знаете. Я вам скажу честно: я боюсь. Разве вы не испугались?

– Я не верю! – заторопился Джо. – Это же социалистическая страна! У власти коммунисты!

– Позвольте поставить перед вами и такой вопрос. Вы верите партии и социалистическому строю? Вера не терпит вопросов. Вы должны поступать, как вам велят. Справедливо это или нет, не вам решать. Помните Книгу Иова?

– Но они не испытывают меня. Они лишают меня свободы. Неужели в Советском Союзе то же самое?

– Не думаю, – сказал Карел. – Это наша маленькая трусливая Чехия, мы всегда стараемся приспособиться. Знаете зачем? Сохраниться хотим. Выжить. Послушанием. Но это пройдет. Мы только что освободились от капитализма. У нас еще много внутренних врагов. Все же карающий меч органов необходим. Без него нельзя.

– Поэтому я должен отныне спать с вашим карающим мечом?

Карел усмехнулся.

– А я бы согласился. По крайней мере при мне был бы управляемый источник информации. Хуже нет, когда не знаешь, кто к тебе приставлен. Всех подозреваешь.

– Я не намерен соглашаться. Я не привык, чтобы со мной так обращались!

– Тихо, не кричите! А с вашими неграми в вашем Иоганнесбурге как обращаются?

– Но я приехал в страну социализма.

– Я завидую вашей непосредственности. Боюсь, что скоро вас укоротят. Посадят на привязь.

Перед глазами Джо возникла вялая усмешка председателя, и волна злости вновь накатила на него.

– Силенок не хватит у вашего Сланского!

– Не надо так, – печально сказал Голан. – Не забывайте, что меня будут расспрашивать. А что касается привязи, то не тот силен, кто посадит на нее, – сильна сама привязь.

К этому времени они уже сидели в пивной “У Томаша”, где все знали профессора и где у него был отдельный столик, и пили третью пару пива.

Профессор выглядел старше своих пятидесяти лет. Блестящую лысину окружали вспученные черно-седые волосы. У него был толстый нос, толстые губы, толстые уши. И сам он был как бы весь вспухший, красно-воспаленный. Он был некрасив и чувствовал свою некрасивость. Стеснялся женщин, они же относились к нему заботливо, как относятся к вдовцу. В отделе его уважали, хотя многих раздражала его слишком стремительная сообразительность. На семинарах рядом с ним многие чувствовали себя туповатыми. Жена у него умерла два года назад. Дети уехали в Германию. Он жил со старенькой теткой, бывшей баронессой Штольберг, которая уверяла, что ее нельзя назвать бывшей: нельзя же разжаловать овчарку и считать

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
ее бывшей.

Голан много рассказывал о себе. В первый и последний раз они так посидели, и, может, потому, что это был единственный раз, Джо запомнил многие его высказывания. А может, эта как бы постпамять была связана с тем, что случилось позднее.

– Я урожденный идеалист. Мир слишком гармоничен, чтобы считать его результатом эволюции. Он не мог возникнуть постепенно, он – чудо, которого не достигнуть перебором проб и ошибок. Он появился внезапно и далее рос. Для нас, занятых наукой, всегда стоит вопрос: имеем ли мы право улучшать, поправлять природу? То есть совершенно ли творение Бога – Земля, космос, природа, человек? Как судить об этом нашему разуму, тоже сотворенному кем-то? Нам кажется, что человек несовершенен. Но разве мы знаем, для чего он предназначен природой? Мы тщимся исправлять природу, поправлять ее, вместо того чтобы постигать ее совершенство. Возьмите, к примеру, проблему электростатики. Как ее решает природа?..

Мысли Карела Голана об электростатике через несколько лет Джо использовал весьма удачно. При этом он всегда упоминал профессора Голана, не ссылаясь на публикации, ибо таковых не последовало.

Отворив дверь, Джо увидел, что в квартире горит свет. Потом он почуял запах жареной рыбы и лука. Потом в передней появилась женщина. В фартуке, раскрасневшаяся. Она поздоровалась и встала у кухонной двери, чуть улыбаясь. Джо молча снял туфли, пиджак, причесался у зеркала. Женщина вздохнула и заговорила. Ее звали Магда. С той же маленькой улыбкой она сообщила, что отныне будет жить здесь на правах жены. Сейчас она привезла только самое необходимое. Конечно, в этой двухкомнатной квартире тесновато, но она надеется, что удастся получить трехкомнатную в этом же доме. Ей обещали. Тогда у него будет отдельный кабинет и она не будет ему мешать. Пока же устроит себе постель на диване в столовой.

Говорила Магда по-английски медленно, аккуратно выговаривая каждое слово, каждый артикль. Коренастая, крепкая, примерно лет тридцати, она выглядела грубовато. Гладко зачесанные на пробор пегие волосы открывали крутой маленький лоб, лицо бесцветное, слегка одутловатое. Морщинки под глазами. Большие руки. Золотое кольцо. Как бы не замечая своего двусмысленного положения, она держалась скромно и в то же время твердо. Довольно резко он заявил, что привык жить один. Она ответила, что тоже привыкла жить одна, но ничего не поделаешь. И тут же спокойно предупредила: квартира ведомственная, комендант получил указание, что отныне здесь будут жить двое. “Каждый в своей комнате”, – заявил Джо. “Как будет угодно”, – согласилась Магда. И вообще он может выбрать любую, но, очевидно, ему хочется занять большую. Если желает, может давать ей деньги на хозяйство, готовит она неплохо, и вообще – ужин давно готов.

Не собирается ли она, ублажая его чревоугодие, добиться своего?

А ей ничего не надо добиваться. Есть указание поселиться здесь и считаться женой пана Иозефа Брука, что она и выполняет.

Он надеется, что нет указаний целовать его на ночь, ходить с ним в гости и выяснять, почему он не ночует дома?

Как часто ей надо докладывать об их супружеских делах?

Сколько ей платят за ее обязанности?

Хотелось довести ее до слез, чтобы хлопнула дверью...

Тишина в соседней комнате раздражала, он заглянул туда. Магда сидела на диване, сложив руки на коленях, и смотрела прямо перед собой. Две ночи он провел у Милены. Она жила с матерью, но он наплел, что дома у него ремонт, пахнет краской. Когда он наконец появился, то тихо, про себя ахнул: в квартире все блестело от чистоты, полы были натерты, в комнатах стояли цветы. Магда в темном платье с белым кружевным воротничком встретила его как ни в чем не бывало, предложила поужинать. Он сел на кухне, спросил, нет ли у нее градусника, она тронула его лоб и побежала к соседке...

Несколько дней с температурой под сорок он провалялся в grippe. Магда сидела у его кровати.

– Вы меня ставите в унижительное положение, – сказал он. – Я не хочу быть вам обязан.

На это она тихо проговорила:

– Мое положение еще более уничительно.

Были вопросы, на которые она отвечала охотно. Оказывается, она была замужем. Три года. Муж погиб в 1945 году во время Пражского восстания. Фашисты расстреляли трех человек, прямо на Карловом мосту. Английский изучала в университете. Работала переводчицей в туристской фирме. Потом ее взяли переводчицей в органы.

– Что вам сказали про меня? – внезапно спросил он.

Магда ответила не сразу. У нее была манера отвечать помедлив, как будто фразу она складывала в уме. Поэтому ее никогда не удавалось застать врасплох...

Сказали, что наверняка будут провокации и он нуждается в защите. Что на него будут охотиться иностранные разведки, подсылать к нему женщин...

И как же она собирается его защищать? У нее есть оружие? Чем же она отразит нападение? У нее даже нет кочерги.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Кажется, ему удалось ее рассмешить. Ее крупному лицу не хватало красок.

– Вам бы пошла косметика...

– Вам бы тоже пошли плечи пошире, а шевелюра погуще, – ответила она.

Оказывается, она умела постоять за себя! Однажды он застал ее за картами.

– Это что, пасьянс? – поинтересовался он, потому что любил пасьянсы.

– Нет, я гадаю.

– На кого?

– На вас.

– Что получается?

– Долгая жизнь. Вам предстоит большое дело.

– А в личной жизни?

Она подняла глаза.

– Я не могу на себя гадать.

– А на других?

– Не хочу.

После выздоровления, в первый день, когда он вернулся с работы, Магды не было дома, а его книги были сложены на подоконнике. Джо разозлила эта бесцеремонность. Но он сразу успокоился, заметив, что и книги и бумаги были перенесены в том же порядке. Джо открыл шкаф – его белье было аккуратно разложено. Но доконали его носки. Он их всегда стирал себе сам и никогда не гладил. А тут... Выглаженные носки, выглаженные трусы. Квартиры, комнаты, гостиничные номера – обычно это были захлапленные помещения, кое-как прибранные

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
горничными или приходящей уборщицей...

Он посидел в кресле, зажег торшер, на кухне заглянул в холодильник, там тоже все было разложено по отделениям – помидоры, морковка, бутылки молока. Возникло ощущение налаженного домашнего порядка, уюта, какого-то непривычного ему, слишком аккуратного существования, приготовленного для спокойной работы. Эта демонстрация преимуществ семейной жизни забавляла и одновременно раздражала. Очевидно, делалось это исподволь, пока он болел. Он посмотрел на грязные следы своих сапог, скинул их, подтер пол щеткой.

Когда Магда пришла, он сказал:

– Вы здорово постарались.

– Я думала, вы не заметите, – смутилась она. Потом добавила виновато: – Для меня это было удовольствие.

Он заметил, что она слегка напудрена, надушена и белесые брови чуть подведены. Это ей шло.

Впервые они вместе поужинали. Кнедлики в мясном соусе, тушеная морковка и чай с горячими гренками. Ничего особенного, но Магда покраснела и была явно довольна. Разговор шел о пустяках. Магда вдруг спросила, не хочет ли он пригласить послезавтра кого-либо на свой день рождения, это неприятно поразило Джо. Гостям придется представить ее. Интересно, в качестве кого?

– В качестве жены, – сказала она, глядя в стол. Пальцы ее больших рук были крепко сцеплены. – Я думаю, противиться нет смысла. Раз уж нам выпала такая судьба. Зачем вы осложняете себе жизнь?.. Я здорова. Я хочу иметь детей. Я знаю цену покою и верности... Вам надо много работать. – Она подняла на него глаза, слегка покраснев. – Сколько браков начинались любовью и кончались ненавистью. Любовь быстро исчезает. Вам это известно. Брак по расчету надежнее. Если бы мы с вами встретились случайно, мне было бы проще. А так... – Бледные губы ее дрогнули. – Мне трудно, я не могу держаться естественно. Вы все время думаете, что я выполняю поручение...

Она не сорвалась ни на крик, ни на слезы, не прибежала ни к каким уловкам. И Джо слушал ее с любопытством. Она домогалась не его любви, ей нужен был брак. Сам Джо тут мало что значил, для этой женщины он был лишь возможностью завести семью, очаг, детей, возможностью заботиться о ком-то, чувствовалось, что это ее горячая неистраченная потребность.

Вспомнив правила, рекомендуемые профессором Голаном, Джо предложил пройтись перед сном. В центре вечерняя Прага шумела, сияла огнями, группы подростков толпились на Старомыстной площади. Осенний ветер гонял листья по мостовым. Черные деревья стояли мокрые и тихие. Магда заставила его поднять воротник, закутаться шарфом. Они останавливались у ярких витрин. Магда держала его под руку, с ней было тепло и покойно. Он разоткровенничался, рассказал ей о Терезе, о том, что скучает по ней.

– Это ее силуэт на окне, – догадалась Магда.

Время не приглушило воспоминания о Терезе, наоборот, голос его дрогнул. Магда сжала его руку, но ничего не сказала.

– Такая вот причина, – сказал Джо.

Они задержались перед витриной часового магазина. В стеклянной глубине маятники качались, крутились, время проживало в деревянных футлярах, фарфоровых, в крохотных золотых цилиндриках, в дешевых будильниках, в бронзовых дворцах.

– Вы надеетесь с ней встретиться? – спросила Магда. – В ближайшие годы не получится. Чуда не будет. Я тоже ждала чуда. Теперь я поняла, что чудеса не про мою честь. Но мы с вами гуляем – это уже кое-что. – Она смущенно засмеялась.

С Миленой было приятно зайти в ресторан, в пивную, на нее заглядывались. Она украшала его. С Магдой же он не замечал окружающих, она была как бы под стать ему и в чем-то опытней. У нее была практическая хватка, она, например, в первые же дни посоветовала потребовать, чтобы дирекция фирмы выписывала для него американские научные журналы. Вместо того чтобы самому ловить их в библиотеке. С ней он мог говорить на родном языке не упрощая, это тоже много значило. Карел Голан, который навестил его во время болезни и познакомился с Магдой, сказал: “Вы не должны жаловаться, вам достался удачный вариант”. Джо не удержался: “Господи, какие у нас разные понятия!” – “О чем?” – “О свободе!” Карел Голан виновато улыбнулся. Он не умел обижаться. Но, кажется, в его словах что-то было.

Джо спросил Магду, почему она не вышла замуж вторично. Неужели не было подходящего?

– Были, – сказала она.

Помолчала.

– Не могла, – сказала она.

– Как это?

– А вас водили к дому Моцарта? – вдруг спохватилась она. – Он тут рядом.

– Вы не ответили.

– Почему я должна отвечать?

– Не мешает мне кое-что о вас узнать, раз вы уже решили стать моей женой.

– Меня не интересует ваше прошлое.

– Я решаю или вы?

– Все решено за нас... Там пороховая башня, ее построил Матиас Рейсен, о нем есть легенда...

– Магда, я не экскурсия.

Но она продолжала рассказывать про Национальный театр, Влтаву, художников, которые живут тут, бегство гестаповцев – отработанный текст с рекламой театров, выставок и чешского стекла.

– Я понимаю, – сказал Джо, – но я не про это прошлое.

– Я бы не хотела.

Потом она сказала:

– Я не имею права.

И еще через некоторое время уточнила:

– Мне пришлось выполнять некоторые задания. Если бы у меня был муж, это было бы нечестно.

– То есть вы должны были жить с иностранцами? – жестко спросил Джо.

– Правительственные делегации. Особые задания. – Она говорила об этом буднично, без отвращения, без хвастовства, работа есть работа, ничего не поделаешь. – И поэтому-то теперь я не хочу никакой косметики, – конфузливо призналась она, ее лицо на мгновение стало девичьим, почти детским.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Перед сном Магда, постучавшись, вошла к нему в халатике, но остановилась в дверях.

– Пан Иозеф, я решилась вам сказать, что с ними лучше... Не надо их дразнить.

– Вы про что?

– Не стоит вам встречаться с Миленой... У нее могут быть неприятности.

Что-то она еще сказала, он не обратил внимания на ее слова, он раздумывал, не попросить ли ее остаться. Голые ноги ее блестели, стоило только сделать жест, подойти, но тут же он представил, как это могут преподнести Милене и как он сразу лишится нынешних преимуществ перед Магдой, здесь все просматривалось, может, прослушивалось, кто-то наблюдал и за его колебаниями.

– Спокойной ночи, – сказал он.

На следующий день в лаборатории старшая лаборантка пани Кучера обрадованно возвестила, что видела его вчера у театра с барышней.

– Одобряю ваш выбор, пан Брук, она со вкусом одевается, видно, что душевный человек и вас любит.

“Почему бы и нет”, – неожиданно мелькнуло у него.

Собственная его тема в лаборатории продвигалась еле-еле. Кроме профессора Голана, никто в ней ничего не понимал. Транзисторы не имели прямого отношения к высокочастотной аппаратуре. Предприятие занималось традиционными аппаратами, имеющими сбыт, но не имеющими будущего. И никого почему-то не беспокоило, что их могут обогнать конкуренты. “Какие еще конкуренты?” – недоумевали сотрудники. Мнение нового инженера мало кого интересовало. Бывший гражданин ЮАР, по-чешски еле ковыляет, по-немецки ни гугу, к пивному общению не тянется. Когда он вмешивался в рецепты составления схем, его ловко подсекали – откуда, мол, это известно в ваших джунглях? Африканец – это еще не иностранец.

Американские газеты доходили случайно, по ночам Джо слушал радио. В одном только госдепартаменте, утверждал сенатор Маккарти, удалось обнаружить более двух сотен коммунистов. Выискивали коммунистов, им сочувствующих, во всех учреждениях создавали комиссии по расследованию. Проверяли тысячи, сотни тысяч американцев на лояльность. ФБР составляло списки на представляющих угрозу. Пытались выявить тайных коммунистов. Создано было бюро по контролю за подрывной деятельностью. Бестселлерами стали антикоммунистические детективы. Психоз разрастался. Эфир истошно вопил об угрозе существованию страны, требовали сменить правительство! То там, то тут вспыхивали процессы, нелепость которых отсюда, из Праги, была очевидна. Слушать это было страшно, до глубокой ночи Джо крутил ручки приемника не в силах оторваться, не в состоянии понять, что случилось с Америкой. Никаких прямых доказательств вины Розенбергов не приводили, тем не менее петля затягивалась все туже. Главным свидетелем обвинения был Давид, брат Этель,

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru который якобы видел, как Юлиусу передавали какие-то чертежи, по словам журналистов – наброски, сделанные от руки. Это и был весь пресловутый секрет атомной бомбы. Эксперты ловко уклонялись от определения, к чему относятся эти схемы. Покрывало секретности делало сообщения туманными. Что за сведения передали Розенберги в Советский Союз, оставалось неясным. Впрочем, технические подробности меньше всего интересовали правосудие. Выступающие твердили лишь о том, что секрет бомбы выкрасть могли только американские коммунисты, они одни способны на такое чудовищное предательство.

После взрыва атомной бомбы в июле 1945 года генерал Гровс заявил конгрессу, что русским понадобится минимум пятнадцать лет, чтобы догнать американцев. Прошло четыре года и сорок шесть дней – и на семипалатинском полигоне поднялся к небу атомный гриб советского происхождения. Взрыв потряс Америку. Ясно, что русским помогли шпионы, из-за них Америка лишилась преимущества, отныне Москву нельзя будет остановить, демократия в опасности, худшие предсказания Черчилля сбылись. Жажда найти виноватых обуяла власти, прессу. Розенберги были обречены, их швырнули на арену. Извечный крик толпы был удовлетворен. Возможно, один Джо спасся. Беглец. Почетный дезертир. Что-то постыдное, незаслуженное было в его обеспеченной безопасности. Ему удалось сбежать, улизнуть – не от агентов, а от общей судьбы. Ни на минуту он не верил в предательство друзей. Какие они шпионы? Особенно сейчас, когда война давно кончилась. Они ненавидели американский капитализм и боготворили свою Америку. Не было страны лучше, красивей. Самая великая, самая свободная в мире. Чтобы как следует выругать Америку, надо очень любить ее. После воскресного отдыха Господь учел все ошибки и сделал Америку и американцев, это лучшее, что у него получилось.

И не с кем поделиться. Кому дело тут, в Праге, до американских судебных процессов? И какое могло быть дело до них инженеру из Иоганнесбурга? Почему его должна волновать судьба Розенбергов в Нью-Йорке?

Х

Итак, путь в советское посольство был закрыт. От родственников Андреа и Эн съехали в пансионат, из пансионата – в отель. Снимали самые дешевые комнаты. С железными кроватями, кувшином воды, железной сеткой в окне. Вонь и шум перенаселенных кварталов, полицейские сирены, проститутки, скандалы... Заработки уходили на жилье, питались бананами, сорго, вареной кукурузой. Прошел еще месяц. Они обносились. Советское посольство оставалось недоступным. Все другие посольства могли стать ловушками, выдать их американцам. Даже формально: у них потребовали бы заграничные паспорта США. Паспортов не было.

Починив приемник в гостинице, Андреа на полученные деньги купил гитару. Вечером они отправились в таверну. Увидев его с гитарой, мексиканцы попросили спеть. Для виду он отказался, потом спел две песни команчи и одну апачей. Ему аплодировали. Он осмелился спеть мексиканскую косиону и котридо. Акцент его пришелся по душе. Набилось много народу. Эн не стесняясь прошлась между столиков с его сомбреро. Андреа разошелся, исполнил несколько негритянских песен и песню местного композитора Понсе Мануэля, что вызвало восторг. Они заработали целых сорок долларов! Хозяин пригласил его выступать каждый вечер. На четвертый день они увидели расклеенные на улице афиши с его фотографией – американский певец Андреа! Они сдирали со всех стен эти желтенькие афишки и переехали в другую часть города.

...Изукрашенный скульптурами и мозаиками богатый дом, куда привел ее Андреа, был выбран в результате множества умозаключений и наблюдений. Раз советское посольство заблокировано, остается попробовать посольства других

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru социалистических стран. Андреа выбрал польское. Ему казалось, что поляки наиболее независимые, свободолюбивые люди.

Оно располагалось на втором этаже жилого дома. Улочка была узкая, парковаться там было негде. На всякий случай они прошли несколько раз мимо. Ничего подозрительного не заметили. Поднялись на верхний этаж, оттуда пешком спустились на второй, позвонили, их проводили в кабинет, где сидел седоусый старик в белом костюме. Он молча выслушал их рассказ. Глаза его за выпуклыми стеклами очков ничего не выражали. Он сидел, утопив голову в плечи, неподвижный, похожий на сову. Наконец он сказал:

– Напрасно вы пришли сюда. Вас наверняка заметили.

– Мы проверили, – сказал Андреа, – никого не было.

– Взгляните в окно. Не вставайте, не подходите. Видите дом напротив? Оттуда они снимают каждого, кто к нам заходит.

– Нам все равно, – сказал Андреа. – У нас нет выхода.

– Вы что, хотите в Польшу?

– Да.

– Зачем?

– Мы хотим помочь строить социализм в Польше.

Движение пошло по его морщинистому лицу. Потом оно снова замерло. Он погладил усы, спросил:

– Почему в Польше?

И вопрос и тон показались Андреа странными. Он стал излагать свои идеи социалистического общества, основанного на высшей технике с применением счетных устройств, роботов.

Желтые глаза старика полузакрылись. Он слушал не прерывая, потом сказал:

– Сейчас из офиса на первом этаже пойдут служащие, и вы с ними. Повернете

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru направо, через два квартала будет маленький парк. За каменной статуей на второй скамейке сидите каждый вечер в восемь часов. Хотя бы полчаса. Каждый вечер. Кто-нибудь подойдет к вам. А сюда больше не приходите.

Больше этого старика они никогда не видели. Но по вечерам аккуратно являлись в парк. Андреа садился на скамейку, Эн ходила вокруг, так было безопаснее. Полчаса проводили в ожидании, к ночи добирались к себе.

Миновала неделя, пошла вторая. Однажды на их скамейку присел маленький человек в каком-то зеленом поношенном мундире с золотыми пуговицами, в надвинутой на глаза шляпе. Не представясь стал по-испански расспрашивать, кто такие, где работали, как здесь очутились. Не темните, оборвал он Андреа, выкладывайте все как есть. Их ответы его не удовлетворяли. Спросил, как у них с деньгами, где живут, сколько платят за жилье. Узнав, зашипел: “Вы платите вдвое больше, чем положено. Вас обирают. И наверняка уже заподозрили. Переезжайте туда-то”.

Они переехали. Встретились, как и было условлено, в парке Чапультепен. Там было гулянье. Мистер Винтер, так он представился, взял их под руки, повел сквозь толпу и опять стал расспрашивать с дотошностью следователя. Бесцеремонно копался в их отношениях, уточнял даты, адреса. Память у него была исключительная. Довел Эн до слез, выясняя, как же она решилась бросить детей. Перешел на английский, придирался не скрывая, что не верит ни одному их слову, убежден-де, что они брехуны, авантюристы, подосланы ЦРУ. Андреа не выдержал, сравнил его с агентами ФБР, – те вели себя тактичнее. Мистер Винтер довольно потер волосатые руки.

– Вы кто такой? Ах, инженер! Откуда это следует? Где ваши документы? В ФБР знали, кто вы, а для меня вы свалились с луны. Полагаете, что поляков легче провести, чем советских чекистов? Посмотрим. Моя задача – поймать вас на вранье. Вы небось ждали, что от вашего воркованья я уши развешу? Очаровательная легенда – сбжавшие любовники ищут, где бы им пристроиться строить социализм! Такое диво мне еще не попадалось.

Они остановились у прилавка, заваленного тканями и украшениями из птичьих перьев.

– Мне жаль, что вы не можете себя вести достойно, – сказал Андреа. – Поляки, мне казалось, джентльмены. Но у нас нет выбора.

Мистер Винтер притянул его к себе за отвороты куртки и, обдавая нечистым дыханием, проговорил:

– Форсу у вас много. Не стоит передо мной заноситься. Вы у меня вот где. – Он похлопал себя по затылку. – Не устраивает – катитесь к чертовой матери. А нет, так терпите.

Они учились смирению. Самому трудному из всех человеческих качеств, утверждал Андреа, во всяком случае для любого американца, для них особенно. Потому что они все же считали себя особенными, тут Винтер их раскусил.

В следующие встречи Винтер появлялся то удрученный, то придиричиво-капризный, требовал, чтобы они оделись иначе, купили себе то-то и там-то. Они покупали то-то и то-то, там-то и там-то. Андреа сочинил песенку про того-то и ту-то, которые делают то-то и то-то, докладывают кому-то, который посылает их туда-то. Мистер Винтер, выслушав, сердито рассмеялся. Новый облик их, новая прическа Эн, хлопчатобумажные брюки, старые шерстяные куртки, плетеные корзинки несколько успокоили его. По его теории, чтобы тебя запомнили, надо чем-то выделиться. “Обращают внимание на мой дурацкий мундир, а не на меня. Стоит его снять – и меня никто не узнает!”

Это был большеголовый, большерукий, костлявый человек, всклокоченный, всегда как бы занятый чем-то другим, его рассеянно бегающие мышинные глазки были как бы от другого, а не от этого боксерского, изувеченного, картофельного лица. Казалось, что мистер Винтер – некое устройство, собранное из нескольких людей: был среди них военный, был мелкий деляга, был портовый грузчик, мафиози, бандюга, урка и даже молодой папаша. Из его бурчаний, ругани выяснилось, что из Варшавы его внезапно отправили в Лондон, оттуда в Мехико. Даже не мог заскочить домой – попрощаться с женой. А у них двое маленьких – два года и полгода. И от первого брака у него сын – пятнадцати лет. А теперь вот приходится торчать тут из-за каких-то америкашек, которые наверняка ничего из себя не представляют, туфта, рисуют слона, а получится дворняга. По его словам, о его приезде сюда пронюхали, чуть не накрыли. Эн умилилась, переживала, Андреа успокаивал ее: эта агентурная братия любит цеплять на себя ленты-бантики приключений, пугать балаганными тайнами с холостой пальбой.

Как выразился Андреа, мистер Винтер существовал в режиме призрака. Появился, бесследно исчезал неизвестно куда и все же оставался единственно реальной надеждой.

На этот раз Винтер явился в клетчатой кепке, обтрепанных гольфах и рыжем дырявом пуловере с вышитым алым быком. Глаза прикрывали дымчатые очки. “Образ падшего гринго” – так он определил “стиль” своего костюма. Встречные в луна-парке невольно оглядывались...

Настроение у Винтера было неплохое. Он помахал какой-то бумагой и объявил, что дело стронулось. Во-первых, оказывается, что Костас, за которого выдает себя Андреа, судя по фотографии, совпадает в основных чертах с греком, которого он видит перед собой, во-вторых, их засекли. И он прочитал им фотокопию расшифрованной телеграммы № 1904/26 из Вашингтона в американское посольство: “Из достоверных источников стало известно, что готовится отправка АК из Мехико-Сити в Париж и оттуда в Варшаву силами польских служб, что надо предотвратить. Министерство юстиции вторично обращает внимание на необходимость доставки АК в следственные органы как чрезвычайно важного свидетеля обвинения и, очевидно, соучастника ряда антигосударственных акций. Предлагается привлечь к содействию управление разведки госдепа”. Какие-то фразы Винтер опускал, кричал, хмыкал, но в общем и целом не скрывал своего удовлетворения. “Польские службы” – это был он! Он получал высшую оценку противника! С ним вступали в поединок. Недаром он с самого начала почувствовал, что Андреа – стоящий субъект, чутье профессионала его не обмануло. Он не сдерживался в похвалах себе и ругани в адрес шнырей, из-за которых придется менять планы. Факт, что из Мехико рискованно, придется кантоваться через какую-нибудь бананово-ананасную мелочевку. Новый маршрут будет и длиннее, и дольше, и опаснее.

Похлопав по плечу опечалившегося Андреа, пошутил: “Лучше, чтобы молоко скисло, чем подгорело” – и повел их угощаться мороженым. Сегодня он был щедр, праздничен, без обычной осторожности. Сказал, что под наблюдение взяты аэропорты и отчасти шоссе, к ним ведущие.

Цветные шарики мороженого, украшенные сливками, бисквитами, засахаренной вишней, составили целую гору на фарфоровой подставке. Посреди пиршества Винтер попросил Андреа пойти позвонить по такому-то номеру и спросить, когда можно забрать машину – красный “дождь”.

Теперь, когда они оказались за столиком вдвоем, приветливость давалась Винтеру с трудом. Посетовав на измученный вид Эн, на то, как она похудела, заговорил о трудностях предстоящих переездов. Придется, мол, нелегально переходить границы, ночевать где попало, карабкаться по горам, вряд ли ей такое под силу. Винтер поднял руку, не давая прервать себя. Перед Костасом не придется оправдываться, Винтер просто ее не берет, у него нет сил протащить обоих через столько препятствий, и с одним-то намучается. Костас – тот вынужден бежать, за ним гонятся, а она может и подождать. Не давая ему кончить, Эн спросила, почему же он раньше не заикался об этом.

Да потому, что раньше можно было лететь из Мехико, через Париж, а теперь...

– Нет, я не могу его оставить, – решительно сказала Эн. – Это невозможно.

– Невозможно остаться здесь – это вы хотели сказать?

– Какая разница.

– Большая. Вы думаете о себе, а не о нем.

– Он тоже не согласится без меня.

– Вы должны его уломать. Вот что, Эн, давайте будем говорить прямо. Вы ему не жена – раз, вы не специалист – два. Для нас вы ценности не представляете – три. Вы что, думаете, там, у нас, он не найдет себе женщины?

– Мистер Винтер, мы любим друг друга. Вы любите свою жену? Может, вам это неизвестно, но есть чувства, когда невозможно расстаться.

Винтер присвистнул.

– Только не вздумайте мне плести про любовь до гроба. Погуляли – и хватит. Скажите спасибо, что судьба подарила вам прекрасное приключение. Ах, какая трагедия – вернуться к своим маленьким детям, в шикарный дом. Как вам не стыдно! В вашем возрасте глупо строить из себя Джульетту.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Эн сосредоточенно следила, как таяло мороженое. Шоколадные, фисташковые, сливочные разводы...

– Я не могу вернуться, – проговорила она.

– Можете, вас доставят в Штаты.

– Я беременна.

Он недоверчиво оглядел ее тоненькую фигурку.

– Не знаю, не знаю... Тем более! – Он ожесточенно обрадовался. – Я вас не имею права брать.

– Какое право, какие у вас права?

Винтер наклонял голову в одну сторону, в другую, как бы высматривая нужное место, и Эн отодвинулась, прижалась к спинке стула.

– Ваш брак не оформлен? Так ведь? У нас перед вами нет никаких обязательств. Юридических и моральных. О вас и ФБР не упоминает. Следовательно, вам ничего не грозит. Правильно? Так что нечего смотреть на меня как на злодея. – С некоторой нерешительностью он накрыл ее руку своей волосатой ручищей и принужденно бодро сказал: – Остаться в живых – это еще не самое худшее в вашем положении.

Эн вопросительно вскинулась. Щеки ее ввалились, веки покраснели, но глаза были сухие и тусклые.

– Видите ли, неизвестно еще, как у нас там... – сказал Винтер.

Морщины между его бровей углубились, что-то там происходило. Он остановил себя, заговорил с хищной веселостью:

– Что мы уговариваем друг друга? Ведь можно все упростить. Вместо этого я нянчусь с вами. Смотрите вот туда. – Он пальцем показал на двух полицейских, стоящих у пивной стойки. – Мне ничего не стоит сделать так, чтобы вас забрали в полицию. Документов нет – и прощайте. Не Костас пошел бы звонить, а мы оба, и вас тем временем пригласили бы в полицию. Делается это кивком головы. Прощай, как сказал Байрон, и если навсегда, то навсегда прощай. Ничего не поделаешь, нам придется двигаться дальше вдвоем. Существует много способов от вас избавиться.

– Так ведь и с вами можно сделать то же самое, – сказала Эн.

Он с любопытством посмотрел на нее, словно увидел Эн впервые.

– Пожалуйста, хоть сейчас, – чужим голосом произнесла она.

Винтер покачал головой.

– Господи, куда вы суетесь? Разве это вам под силу? Я-то выкручусь, а вы пропадете. Милая вы моя, это же профессия. Вы ничего не можете, запомните – ничего! Вы мне нравитесь, и тем не менее я вас выдам, если вы не останетесь. Такая у нас работа... Идет ваш Ромео, не вздумайте перекладывать решение на него, вы же уверяете, что действительно любите его... Господи, от этих слов меня тошнит.

– Все в порядке, – сказал Андреа, он вопросительно посмотрел на Эн. – Что-нибудь случилось?

– Мы тут обсуждаем наше путешествие, – опережая Эн, сказал Винтер и выложил то же самое, что говорил Эн, но как бы улаженное, принятое обеими сторонами как печальная необходимость.

Андреа внимательно оглядел обоих.

– Ты тоже так решила?

– Решаю здесь я, – сказал Винтер. – Она разумная женщина и думает о вас больше, чем о себе.

Андреа не спускал глаз с Эн.

– Что ты скажешь?

– Нехорошо взваливать на нее ответственность. Это не по-мужски, – сказал Винтер.
– Хватит того, что она помогла вам добраться до Мехико.

– Да заткнитесь вы, черт подери!

Эн вынула пудреницу, отвернулась, стала приводить себя в порядок.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
Крутилась карусель, вагончики неслись вверх, неслись вниз, дети вскрикивали, мулы тащили старинные высокие коляски. В теплом лиловом небе обозначились звезды. Андреа подозвал официанта, заказал три порции кофе.

– Без меня вам будет легче. Мистер Винтер прав, – сказала Эн, пряча пудреницу.

– Без нас обоих будет еще легче.

– Но он не сможет...

– Не сможет – не надо, – холодно сказал Андреа. – Будем искать другие варианты.

– Какие? – спросил Винтер. – Где?

– Мало ли. Ткнемся к болгарам. Что-нибудь придумаем.

Принесли кофе. Андреа пил с удовольствием, положил туда остатки мороженого. Его нельзя было принять за человека, убитого случившимся.

– Извините нас, мистер Винтер, за доставленные хлопоты. Врозь у нас с Эн не получится.

– Глупо.

– Никто не бывает дураком всегда, изредка каждый.

– Мне жаль вас, потому что если я не сумею, то никто не сумеет. Уверю вас. Я профессионал. Я отличаюсь от других тем, что меня наградят посмертно.

– Верю вам на слово.

– Вы думаете, что это бахвальство?

– Я думаю, что у нас нет выбора.

– У меня тоже.

Андреа пожал плечами. Он вел себя как человек, у которого в запасе есть выход из положения. Не чувствовалось ни малейшей фальши в его поведении. На последние деньги он заказал по рюмочке ликера отметить прощание, и было неясно, скорбит ли он о случившемся, доволен ли, во всяком случае черные его глаза оживленно блестели. Все трое подняли рюмки, Винтер повертел свою в пальцах, разглядывая на свет густую зеленоватую жидкость.

– Жалко с вами расставаться, – начал он и замолчал. Он ждал, он умел ждать, но и эти двое тоже это умели. – Хорошая вы пара.. – И опять пауза. – Дай Бог, чтобы лет через двадцать об этой минуте вы вспомнили с удовольствием.

Эн вопросительно подняла брови, но ничего не сказала.

– А-а-а! Была не была! – Винтер отчаянно зажмурился. – Не рискуя не добудешь. – И выпил.

– Что добудешь? – спросил Андреа.

Не ответив, Винтер перешел к делам. В путь отправляться завтра, лучше всего в час пик. Все запланировано на двоих, на него и Костаса, считалось, что Эн останется. Придется перестраиваться уже на ходу.

– Эх, не дает судьба мне никаких поблажек, – вырвалось у него. – Все обходится втридорога.

Эн поймала его взгляд, блеснувший, как нож. Вечером она спросила у Андреа, что имел в виду Винтер, сказав про эту минуту спустя двадцать лет. Андреа тоже не знал. Не пожалеют ли они, что не расстались? Он ляпнул это с мужской нечуткостью, и на них из тьмы потянуло знобким холодком предстоящего.

XI

На Милену напали ночью, когда она шла домой. Произошло это в полусотне шагов от ее подъезда, на баскетбольной площадке соседней школы. Она только что рассталась с Джо. Весь вечер они музицировали у подруги Милены, в большой квартире с роялем. Джо исполнил кое-что из своих парижских вещей. Будь рядом Тереза, успех был бы большой. Эти пражане отлично разбирались в новинках свободного джаза, в музыкальных диалектах Америки. В компании Милены Джо чувствовал себя моложе, они наигрывали друг другу, напевали, Милена командовала, ее румянец словно поджигал всех. Невольно Джо сравнивал ее с Магдой. Та была как бы для повседневности, для домашней жизни, приспособленной к его работе, надежно обустроенной, с охраняемой тишиной, чтобы он мог, придя домой из лаборатории, по вечерам обдумывать результаты, посмотреть журналы, книги, прикинуть завтрашний распорядок, а главное, найти простейший подход к своей идее, убедительно выгодный.

Милена же принадлежала той поре, которая уже уходит. Еще можно поплясать, попеть, погулять напоследок, годик, полтора – и конец, поезд придет на конечную станцию... Чем дальше, тем слаще становились эти последки, но и тем сильнее он

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
ругал себя за трату времени.

..Били трое. Молча. Когда она закричала, ударили в рот кастетом, выбили передние зубы. Били и ногами, когда свалилась. Ее отвезли в больницу, положили в отдельную палату. Джо долго не хотели к ней пускать. Врачи считали, что надо снять шок. Она не могла говорить. Увидев Джо, стала плакать. Голова перевязана, белый марлевый шар, сотрясаемый мычащими рыданиями...

В полиции усатый инспектор уверял Джо, что в течение суток отыщут хулиганов. А может, это местные парни взревновали, у них свои счеты, своя компания. Инспектор старался успокоить Джо, просил подождать, о вечеринке не расспрашивал, и следователь не расспрашивал, записал только, когда расстались, и особенно – что пили, сколько, не была ли Милена пьяна.

По словам ее матери, незадолго до вечеринки Милене звонили на работу, посоветовали прекратить общение с иностранцем. В следующий раз мужской незнакомый голос пригрозил, пообещав проучить.

– Это еще ничего не доказывает, – стоял на своем полицейский инспектор. – Предупреждали? Надо было прислушаться.

Пухлые руки его покоились на пивном животике, свекольный нос и свекольный румянец придавали ему сходство с бравым Швейком.

– Вы не умеете работать! – кипятился Джо. – Вы не хотите работать, вы очень хороший для преступников.

Его чешский насмешил инспектора.

– Вы тоже неплохой для преступников. Провожать надо женщину, за которой ухаживаешь.

Джо решил обратиться к профессору Голану.

Утомленный после какого-то заседания, Голан слушал его вполуха, отчего Джо еще больше разошелся: что это за полиция, что за порядки, бездельники, не желают искать бандитов! Может, им надо заплатить, может, надо дать взятку или нанять детектива? Жажда мести сжигала его тем сильнее, чем явственней он наталкивался на вежливое нежелание что-то предпринять. Нежелание было ускользающее, как взгляд Карела Голана и уклончивый его совет:

– Если не хотите для Милены новых неприятностей, прекратите эту связь.

Ну конечно, и почтенный профессор, цвет пражской науки, больше печется об

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
авторитете полиции, чем о законности!

– Боюсь, что тут полиция ни при чем, – обронил Голан.

Слова эти заставили призадуматься. Джо вдруг вспомнил предупреждение Магды. Какой же он идиот! Магде заранее было известно. Полиции – тоже, поэтому и не хочет вникать. И Голану. Поэтому-то он и подает советы такого сорта!

– Вы, пан профессор, значит, знали про эту акцию? Под каким кодовым названием она шла? Акция “Иностранец”? Акция “Создадим крепкую семью”?

Предостерегающие знаки Голана не действовали на Джо. Он не снижал голоса, хотя и сидел рядом с телефоном.

– Я этого так не оставлю! – кричал он всем подслушивающим устройствам. – Я до президента дойду! Я доложу советским товарищам про эти фашистские методы.

В ужасе Голан зажимал уши, он весь вспотел.

– Вы не имеете оснований... В конце концов, американцы тоже не стесняются, посмотрите, что они выделывают, возьмите Корею, каждое правительство...

– Нет, извините! – вопил Джо. – По-вашему, в социалистическом государстве можно выделывать то же самое, что и в капиталистическом? По-вашему, нет разницы?

– Я этого не говорил! Не говорил! – взвизгнул Голан. – Как вам не стыдно!

– А я вам не верю. Вы заодно с ними!

Джо вскочил, он готов был броситься на этого толстого, взмокшего от страха человека. И он бросился бы или запустил в него чем-нибудь, но Карел Голан сам кинулся к нему с какой-то испуганной готовностью, снимая на ходу очки и подставляя под кулаки Джо свои близорукие глаза... Джо опомнился – перед ним был профессор Голан, автор классических работ по математической логике...

И Голан обмяк, опустил на стул, сгорбился, закрыл лицо руками. На него жалко было смотреть. Господи, до чего они дошли. В этой маленькой стране такого человека должны были на руках носить, он должен был чувствовать себя королем. Самое странное заключалось в том, что Голану действительно оказывали почести – награждали, приглашали на правительственные приемы, – а он пребывал в страхе, липком, вонючем страхе, прислушивался, оглядывался, никак не мог выпрямиться. Судя по рассказам ассистентов, у пана профессора была безусловно чистая биография кабинетного ученого. Чем же они могли его зацепить? Джо подозревал, что здесь американский опыт недостаточен, но другого у него не было. Несомненно

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
одно: поведение этого человека не соответствовало его положению. На его месте Джо не задумываясь обратился бы к министру.

– Это они вас должны бояться, у вас международное имя.

Голан усмехнулся, вытер лицо мятым клетчатым платком. Взяв бумагу, Джо тут же на краешке стола написал заявление на имя министра Сланского, изложив свои подозрения: дескать, он пришел к выводу, что это работники его министерства организовали избиение Милены К. Он требовал наказания для преступников, они позорят и прочее. Иначе... Что – иначе? Джо запнулся. Иначе он доведет это до сведения международной общественности (каким образом – он понятия не имел), и в первую очередь до сведения советских товарищей (тут он чувствовал себя уверенней). Такие, как товарищ Нико, их не одобряют. Он писал крупными печатными буквами по-английски, пользуясь самыми простыми выражениями. Получалось как бы письмо детям. Или малограмотным. Читая, Голан не мог удержаться от улыбки, но, закончив, покачал головой.

– Это невозможно. Вы погибнете.

– Ничего со мной не будет, – успокоил его Джо.

Вопрос только в том, как передать письмо, чтобы оно попало прямо в руки министру. Это может сделать только Голан, ему не откажут в приеме. Это его моральный долг, дело его совести, гражданской чести.

– Чего вы так боитесь? Чего? – допытывался он и успокаивая Голана, и негодуя, и жалея его. – Имейте в виду, – пригрозил он, – я сообщу в министерство, что отдал письмо вам.

Круглые, увеличенные очками глаза Голана приблизились к его лицу.

– Вы такой же, вы пугаете, как они! – прошептал он, попятился в ужасе к дверям, выбежал.

– Иначе с ними нельзя! – крикнул вслед ему Джо.

Домой Джо шел пешком, стараясь привести свои чувства в порядок.

Магды еще не было. Он плюхнулся в кресло как был в пальто, закрыл глаза... Очнувшись, услышав, что Магда ходит по кухне, вот стукнула дверь в ванную, зашумела вода. Джо заставил себя подняться.

Магда стояла под душем в розовой резиновой шапочке, струи воды били в ее плечи, груди, шумно стекали вниз.

– Что с вами? – спросила Магда, неуверенно улыбаясь.

Не расслышав за шумом воды слов, он спросил в лоб: зачем она это сделала?

Магда поняла сразу.

– Я не могла. Я ничего не могла. Я могла только предупредить вас.

Она прикрутила воду, обреченно прижалась к белому кафелю стены, готовая к тому, что он сейчас ее ударит.

– Они что же – думали, что я смогу после этого с тобой оставаться? – сказал он устало, гнев его выдохся.

Капли скатывались по ее животу, бедрам, она стояла перед ним, забыв о своей наготе.

– Они не думали о нас, они выполняли свою задачу.

– Какую? О чем ты?

– Им надо было обеспечивать вашу безопасность.

Джо смотрел на нее брезгливо.

– А может, это ты им подсказала?

– Нет, нет, – она отчаянно замотала головой, – я хотела по-другому.

– Как это по-другому?

– Чтобы мы уехали.

– Куда уехали?

– В Советский Союз.

Ни разу никому здесь Джо не заикался об этом – как же она могла узнать? Он смотрел на нее во все глаза. Широкие плечи, крепкие большие груди и при этом тонкая талия. Тело словно бы придало совершенно новое выражение ее одутловатому, несколько хмуро-замкнутому лицу. Что-то волнующее, любопытное было в этом контрасте.

– Ты бы поехала? – зачем-то спросил он.

– Да, да... – Она схватила его руку, стала целовать ее, и он ощутил, как по ее прохладно-мокрой щеке бегут горячие беззвучные слезы. Она не требовала утешения, в ней была потребность прижаться к его руке. Ему еще не приходилось сталкиваться с такой силой чувства, чисто женского, ищущего любви.

Женщины для Джо существовали как украшение, как возможность физической радости, ему нравилось завоевывать их, красоваться перед ними. Со временем у каждой из них появлялись захватнические намерения, он научился ловко уклоняться от мучительных сцен, порывать разом. Теперь Магда лишилась всяких прав удерживать его, осталось только отчаянное чувство, которое нельзя было назвать любовью. В постыдной, навязанной ей роли принудительной спутницы она пыталась создать какое-то подобие любовных отношений, и все рухнуло, она лишилась даже права на сочувствие. Разойтись, разъехаться им не позволят, в этом она была уверена, их приковали друг к другу. В Советском Союзе им, может быть, удастся построить другие отношения.

Она открывала свои прежние планы, несбыточные, отныне безнадежные, но Джо был интересен выношенный ею вариант его жизни.

В ту ночь они спали вместе. Получилось это само собой.

Теперь, когда Джо Берт освободился от всяких обязательств по отношению к Магде, она стала для него просто молодой женщиной, тело которой возбуждало желание. Неизбежность прощания бушевала и в ее ласках; больше им вместе не бывать, поэтому нет ничего стыдного... И был миг, который она ощутила как миг зачатия. У нее будет ребенок! “Если ничего не случится”, – суеверно прибавляла она, наполненная благодарностью, лежала, боясь пошевелиться. Ее ребенок, желанный ребенок, самые лучшие дети, самые здоровые, удачливые – это желанные. Больше ей от Джо ничего не надо.

Она вдруг вспомнила фразу из Диккенса: “У них все было впереди, у них впереди ничего не было”.

– Это про нас, – сказала она, как бы спрашивая.

В ответ он рассказал ей про письмо Сланскому. Она встревожилась, слишком хорошо

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru зная порядки этого учреждения и их мстительность. “Они” все могут, все знают, бороться с ними бессмысленно.

– Подавятся, – благодушно сказал Джо и заснул у нее на руке.

В больнице его встретила мать Милены, подтянутая, накрашенная, быстроглазая, прежде – сладко-радушная, ныне же – церемонно-отчужденная. Приняла цветы, апельсины, конфеты, поблагодарила и: “К сожалению, Милена вынуждена прекратить знакомство, с нее достаточно того, что произошло. Но ей, бедняжке, придется вставлять зубы, операция дорогая, надо сделать у частных стоматологов, потому что передние зубы для девушки – тут нельзя скупиться. Кроме того требуется курс лечения, чтобы избавиться от психической травмы”.

Джо тут же предложил все, что у него было, и обещал завтра же прислать еще. Деньги мать Милены тщательно пересчитала, сунула пачку в свою вышитую бисером сумочку, громко щелкнула металлической застежкой и, смягчившись, погладила Джо по руке.

Двери в квартиру почему-то открыты. Джо постоял на площадке, прислушался. Из глубины доносилась музыка. Приемник был включен на полную мощность. Передавали симфонию Гайдна. Не раздеваясь он прошел в комнату. Все стояло на своих местах.

Заглянул к Магде. Она укладывала чемодан. Бросала туда платья, кофточки, белье. Глаза красные, опухшие от слез. Увидев Джо, она сказала, что уезжает к дяде в Кладно. Не уезжает, а бежит. Что-то темное, затаенное, какой-то ужас исходил от нее. Джо охватило памятное по Парижу ожидание беды.

Под орущее радио Магда шепнула, что начинаются аресты. Он не отозвался, застыл, держа туфли в руках. “Аресты”, – бормотал он удивленно. Туфли упали, Магда потянула его за отвороты пальто – нечего притворяться, еще позавчера ему было все известно...

Вдруг музыка оборвалась, и там, вдали, перед микрофоном сдавленно задышали люди. Шорох, шепот... А потом – хриплый голос диктора: правительственное сообщение, арест группы заговорщиков, пособники американского империализма во главе со Сланским... Далее следовал перечень, фамилия за фамилией, выбывающих из жизни.

Так вот что это было! Раскинув руки, Джо повалился на диван. Разумеется, он знал, давно знал, что так и будет, так им и надо, это она, Магда, не поверила ему. А могла бы предупредить своих боссов, своих бесов, всю эту шайку-лейку. Она отстранилась опасливо, словно перед ней оказался дьявол с рогами, с запахом серы, а Джо, виляя хвостом, понесся по квартире, отбивая дробь копытцами, славя справедливость – раскусили-таки этих подонков, фашистскую мразь! Он пинал казенный шкаф, казенные стулья “из ихних складов”, казенный стол, четвероногих соглядатаев, наверняка утыканых микрофонами, и в этот балетный абажурчик вставлен жучок, и Магде куда-нибудь вставили эту штуковину. Он не щадил ее, не щадил и Карела Голана, которому тут же позвонил – слышали, пан профессор, каковы ваши рыцари революции, ее доблестные щиты, ее охранники, эти предатели, продажные душонки, стоило ли из-за них так долго ходить с мокрыми штанами! Слава богу, избавились, поздравляю, наконец-то вы свободны... Голан испуганно откликнулся, голос его дребезжал, будто там, в трубке, что-то сломалось:

– Для нас с вами ничего не изменится. Мы просто перейдем к новым владельцам.

Ерунда, партия исправит нарушения, которые не соответствовали социализму. Выявлены виновники, “мы же с вами этому способствовали”, письмо, переданное пану профессору, “ляжет на весы правосудия”, “мы реально помогли, практически помогли (Джо великодушно присоединил к себе и своего шефа) найти преступников, палачей...”. Примерно в этом месте он споткнулся о слова Голана: письмо-де куда не передано, так и лежит, не на весах правосудия, а перед ним на столе.

– Ох, подвели вы меня, шеф. Такую возможность упустить! (Сукин ты сын, трус пучеглазый!) Не поверили, вот и получайте, вместо того чтобы в героях ходить! (Останешься засранцем, поддавай.)

– Да, дорогой Джо, как это ни печально, но Карел Голан, член четырех академий, почетный доктор Венского университета, почетный член Академии наук Советского Союза и прочая, не осмелился. Смешно?

– Не очень...

Джо никогда не позволял себе попусту досадовать: с потерями надлежит мириться быстро и легко.

– Все равно палачи получают по заслугам! – провозгласил он, чтобы успокоить Голана, и тут же получил ехидный вопрос: откуда... известно, кто палач, а кто жертва? Не превратятся ли потом палачи в жертвы?.. Ах, сообщения! Значит, до суда, без суда все всем ясно и можно требовать смертной казни.

– я не требую, – пробормотал Джо.

Но Голан удалялся в будущее, откуда нынешнее разоблачение может перевернуться и оказаться подделкой. А что, если с годами выяснится: кому-то потребовался заговор, нужны были шпионы, и новая порция ненависти, и новые внутренние враги, так же как это делают сейчас в Штатах?

Последнее соображение ошеломило Джо, такое сравнение не приходило ему в голову.

– Внутренний враг – полезнее наружного. Для политиков, – произнес Голан напрямую, без всяких оговорок. Что-то с ним стряслось, если он решил говорить по телефону не остерегаясь.

На всякий случай Джо изругал политиков с их грязными комбинациями. Такой ученый, как Карел Голан, выше всех этих паразитов. Его биография – это его библиография, его имя не зависит от политики.

– Наука, наука... – пренебрежительно повторял Голан. – Из нее сделали горничную. Нет, денщика для генерала. Из нее вынули божественную идею. Чему служит наша наука?

Не ожидая ответа, он признался, что уступал и уступал им, пытаясь найти какое-то равновесие выгоды. Лгал, выступал с холуйскими речами, оправдывал мерзости. Взамен получал для лаборатории привилегии, хороший бюджет... “Никто не знает, чего это стоило” – последняя эта фраза особо запомнилась Джо. Научный авторитет Галана возрастал, он продавал его все дороже.

Холодно, отрешенно анализировал Голан историю своего самопожертвования. Он считал, что получает больше, чем жертвует...

– Послушайте, Карел, с чего это вы вдруг стали считать?

– Они разрушили меня.

– Как это?

– Раз-ру-шили, – повторил Голан. – И вас будут разрушать. У нее много голов, у этой гидры. Есть хамы, есть садисты, есть льстецы, но все это обличия дьявола, имейте в виду.

Странно было слышать такое от всегда уклончиво-осторожного, запуганного Голана, как будто с него сняли все ограничители. Но даже в тот момент Джо не усомнился в его нормальности. Потом, восстанавливая в памяти этот разговор, он сообразил, что Голан излагал хорошо обдуманно вещи.

– Наверное, вы видели чумные столбы на наших площадях. В память об избавлении от чумы. Так вот, у нас чума.

Джо никак не удавалось увести его мысли в иную сторону.

– Чуму разносят крысы, – говорил Голан. – Чуму не лечат, от нее бегут!

– Боже мой, Голан, что с вами, я не узнаю вас.

– Они уверены, что всесильны. А это так просто опровергнуть... Никогда не думал, что это так просто.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
Как установило следствие, спустя полтора часа после их разговора Голан покончил с собой. Вышел на балкон своей квартиры на пятом этаже и бросился вниз. Скончался, не приходя в сознание, в машине “скорой помощи”. Перед смертью написал письмо своим сотрудникам и короткую записку родным. Содержание письма осталось неизвестным, его изъяли следственные органы в присутствии сестры покойного вместе с другими бумагами.

Следователь, молодой, вкрадчиво-любезный, прилизанный, похожий на вышколенного официанта, объявил Джо:

– Вы в сюжете.

Попросил рассказать о телефонном разговоре с К. Голаном. Выслушав, посочувствовал:

– Обидно, что он не передал ваше письмо. Это ведь был ваш гражданский подвиг. Вы имели полное право возмутиться. Дорога ложка к обеду. Он ведь с вами считался?.. Не могли ли на него подействовать ваши упреки? Знаете, как это бывает, – еще одна соломинка, и все, хребет сломался. Последний толчок. О нет, вы и предположить не могли, ваша непричастность очевидна. Но у вас не было никаких подозрений? Или предчувствия?

Джо прошибло жаром – как же не почувствовал? Он должен был почувствовать! Ведь был сигнал, пусть и слабый...

Следователь впился в него глазами.

– Вспоминайте, вспоминайте!

– Пошел ты знаешь куда! – рявкнул Джо по-английски в лучших традициях старого Бруклина.

– Не хотите вы нам помочь, – удрученно сказал следователь. – В своем письме Голан кается, что не выполнил вашей просьбы. Считает, что после его смерти послание ваше передадут властям. Выходит, принял близко к сердцу ваши упреки... В каком-то смысле, если смотреть объективно, его самоубийство пошло вам на пользу.

– Ловко вы поворачиваете, – сказал Джо. – Вы мастер своего дела.

– Спасибо, но будет лучше, если вы постараетесь отвечать по существу.

– Тогда давайте подумаем, когда Голану пришла мысль о самоубийстве. После разговора со мной или же до этого?

Физиономия следователя настороженно застыла. Джо продвигался на ощупь, в темноте, какая-то не ясная еще мысль влекла его.

– Думаю, до.

– С чего вы решили?

Другой, не с таким музыкальным слухом, как у Джо, возможно, и не заметил бы небольшого смещения в тоне следователя. В разговоре с Голаном однажды тоже тональность сбилась, пошла на крещендо, вот это-то место и надо было вспомнить.

– Я знаю, – сказал он, – есть ведь запись нашего разговора.

Следователь ответил тонкой улыбкой.

– Дайте прослушать, и я вам докажу, – сказал Джо.

– А без нее?

Джо подумал.

– И без нее можно.

– Так все же – почему Голан покончил с собой?

– Может, устал. Надоело. – Джо помолчал и добавил: – Но, может, был и толчок.

– Какой? – быстро спросил следователь, и любезность его исчезла.

– Толчок был до разговора со мной, – так же быстро сказал Джо.

– Какой? – повторил следователь.

– Вот это вам и предстоит выяснить.

– Ваши догадки бесплодны. – Следователь встал, прошелся по комнате. – Самоубийство всегда тайна. Боюсь, что мы никогда не узнаем истинной причины. Винить кого-то нельзя. Даже если ему угрожали чем-то... Он бросил взгляд на Джо, вздохнул. – Ваше имя мы упоминать не будем. У нас есть документы, свидетельствующие, что профессора использовали в своих целях заговорщики.

Он проводил Джо до лестницы и на площадке, прощаясь, задержал его руку.

– Напрасно он испугался... Никто бы его не тронул. С таким именем... Какой нам смысл такого человека...

Назавтра вместо некрологов газеты поместили краткие заметки о самоубийстве профессора К. Голана, известного ученого, которого “запутал в свои сети Сланский”, – “еще одна жертва заговорщиков”.

В лаборатории и в Академии наук сотрудникам посоветовали не ходить на похороны. От дирекции послали скромный венок. Джо поехал на кладбище. У могилы собрались несколько человек родных. Двое неизвестных стояли поодаль под зонтиками и всех фотографировали.

Шел надоедливый осенний дождь. Слышно было, как он стучит по дубовой крышке гроба. Все молчали. Никто не решался произнести прощальное слово. Это была нехорошая минута. Каждый ощущал свое молчание, не за кого было спрятаться. Сестра Карела тихо плакала, она не разрешила поехать на кладбище ни своему мужу, преподавателю университета, ни сыновьям-студентам. Молчание затягивалось, становилось невыносимо стыдным. Могильщики приготовили веревки. Джо откашлялся. Он не осуждает молчание людей, с их стороны потребовалось немало, чтобы прийти сюда, – но знает ли кто из них, что потеряла наука? По-настоящему никто не знает, и Джо не знает, что бы еще мог создать мозг Голана. Оценить сделанное тоже нелегко. Займутся этим на будущих конференциях его памяти.

В этом месте один из молодых людей подошел поближе и стал записывать речь Джо, делал он это напоказ, как бы предостерегая оратора. Джо повысил голос, обращаясь теперь к ученикам Голана, которых здесь не было, к его коллегам в других странах, к тем, кто будет пользоваться его работами.

Записи в блокноте вошли в досье, и через много лет, когда я читал их, они означали куда меньше, чем в тот день на кладбище. В самом деле: “Карел Голан составляет гордость чешской науки. И ее трагедию”. Сегодня это звучит тривиально.

Можно лишь догадываться по этим торопливым записям, какой крамолой казались слова Джо и с каким удовольствием их подшивали в толстую папку И. Брука “1951–1983 гг.”.

Признаюсь, для меня было большой радостью, что Джо заговорил, не решился он, мой интерес к моему герою упал бы. Из-за этой надгробной речи я многое простил ему. Он единственный, кто выступил на похоронах, попрощался с Карелом Голаном от имени всех, сказал ему спасибо за то, что Голан спасал честь и достоинство

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
чешской науки.

Гроб на белых веревках опустили в мутно-желтую воду, в которой отражалось тяжелое низкое небо, ветви березы и склоненные лица людей...

Господи, прости нас, грешных, мы все виноваты перед тобою, Карел.

Сперва сровняли могилу с землей, потом вырос холмик в форме гроба, все смотрели, как ловко обшлепали его лопаты могильщиков. “Вот так же обозначат и каждого из нас, точно таким же холмиком и обшлепом...” Не впервые Джо сталкивался со смертью лицом к лицу, она молчала, не выдавая, что хотел сказать Голан напоследок, зачем позвал ее. То, что Голан мертв, было понятно, что его труп положен в землю – очевидно, но от этого Голан не исчезал. Им продолжали интересоваться и здесь, в Праге, и за рубежом...

Сестру Карела звали Здена. Седые пышные волосы делали ее молодое лицо еще моложе. Она показывала Джо фотографии в кабинете Карела Голана. В рамках на темно-синих обоях висела как бы галерея предков – деды, прадеды в сюртуках, мундирах, бабки в кринолинах, огромных шляпах с перьями, девицы, перетянутые в талии, усатые очкарики времен Дворжака и Яначека на фоне античных колоннад, спокойные, добрые лица. А вот и маленький Карел, белокурый, в коротких штанишках, он стоял между матерью и отцом, таким же пучеглазиком в пенсне, мать грудастая, веселая, белый кружевной зонтичек на плече. У Карела удивленно поднятые брови, как и у матери.

Кабинет хранил устойчивый запах трубочного табака, старой кожи, каминного дыма. Огромное кожаное кресло стояло у камина. Старый граммофон с красной пастью трубы. Этажерка, набитая справочниками. Книг было немного. В двух шведских шкафах сочинения Декарта, Гёте, Толстого, Диккенса. Громоздкий бронзовый письменный прибор с двумя чернильницами, подсвечниками, пресс-папье. Вещи потомственные, переходящие из поколения в поколение. Здесь все имело почетную родословную, все было связано с именами, известными чехам. Какие-то коллективные снимки конгрессов, конференций. Здена показывала Карела – вот он, в центре. Группа молодых гениев на пароходе, некоторые лица казались Джо знакомыми, но узнал он лишь Жака Адамара по отдельной фотографии с дарственной надписью, сделанной великим французским математиком, и чешского математика Эдуарда Чеха.

На синем сукне стола лежали вверх дужками очки Карела Голана. Значит, перед тем как выйти на балкон, он снял их. Джо перегнулся через балконную решетку. О чем он думал, когда летел, когда уже нельзя было вернуться назад? Так легко перемахнуть через эти узорчатые перила? Ощущение полета соблазняло, высота втягивала, это было так просто... “Это так просто, – вспыхнули перед ним слова Карела. – Никогда не думал, что это так просто”. Наконец-то Джо вспомнил! Именно три этих слова! Голос Карела потому и изменился, что у него все было решено! Бесповоротно решено! Он говорил как бы уже после падения, с того света – очищенным от страха, полновзвучным голосом.

Здена сидела на кушетке и плакала. На кладбище она кое-как держалась, а сейчас дала волю слезам. Карел не имел права кончать с собой, он должен был предвидеть, как они повернут его самоубийство! На их семью ляжет позор, у них будут неприятности, шутка ли – объявить его причастным к этим предателям и шпионам. Джо молча ходил по кабинету. Честь семьи, фамильная гордость, у него никогда не было ничего подобного и не будет, потому что у него не было родословной, не было предков, оседлой жизни, где по наследству передаются вещи, дома, предания,

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
обычай, этот отлаженный быт.

– Вы должны нам помочь, – вдруг тихо сказала Здена. – Они не имеют право клеветать на Карела, он ведь подписал бумагу, которую они привезли.

– Какую бумагу? – вскинулся Джо.

Оказывается, в тот вечер Карел позвонил сестре и рассказал, что к нему приезжали и требовали подписать заявление в газету, где он бы осуждал заговорщиков, выражал свое возмущение и требовал самой суровой кары. Он подписал. И он был в отчаянии от того, что согласился, уступил.

– Так вот в чем дело, – сказал Джо. – Теперь понятно. Они разозлились потому, что Голан ускользнул.

– Но они не имеют право мазать его грязью.

– Наверное, это и подтолкнуло его.

– Может быть, он написал об этом в предсмертном письме.

– Вы читали его? – спросил Джо.

– Нет, не читала. Мы приехали с мужем. Мы видели это письмо. Но оно было адресовано не нам.

– О господи! – сказал Джо. – А теперь какого черта вы мне все это выкладываете? Что я могу?

– Вы человек независимый. Вы иностранец. Они должны считаться с вами... Вы где-то там сможете сообщить... Я хочу защитить имя Карела.

Джо стоял перед ней, засунув руки в карманы.

– Не смотрите на меня так, – сказала Здена. – Да, я сейчас забочусь о своих детях. Карел не подумал о них, у него не было детей.

– Они не знают, что вы знаете... Вам лучше помалкивать об этом.

Она поняла.

– Я никому не говорила. Может, и вам не надо было?

– Может быть, – сказал Джо.

На камине стоял мраморный бюст Марка Аврелия с латинской надписью.

– Что здесь написано? – спросил Джо.

– “Скоро ты забудешь обо всем, – перевела Здена. – И все в свою очередь забудут о тебе”.

– Это правильно, – сказал Джо. – Вряд ли я что-то смогу. Попробую, конечно.

В суматохе этих дней он как-то не заметил исчезновения Магды. Он приходил домой и ложился на диван, лежал бездумно, дремотно, иногда так и засыпал не раздеваясь. Приходил на работу небритый, в мятой рубашке... Когда с ним заговаривали, он некоторое время заставлял себя слушать, потом ему становилось скучно, он поворачивался и уходил. Газеты, погода, радио, книги, еда, девицы – все стало неинтересным. Музыка и та звучала тускло. Не хотелось никуда идти. Жизнь внезапно лишилась смысла. Неизвестно, был ли он раньше. Наверное, был, потому что Джо был занят борьбой. За каждый день своего пребывания в этом благословенном мире. Он рожден был для борьбы: со своими слабостями, недугами, беспомощностью своей мысли, сам процесс борьбы был наслаждением независимо от того, побеждал Джо или нет. И вдруг все это утеряло смысл.

Он лежал и слушал, как через него перетекало время. Время текло в этих неприбранных комнатах, на этой кровати, в затхлом, непроветренном воздухе точно так же, как если бы он мчался в машине, выступал на конгрессе, занимался любовью, – часы и дни шли бы с той же скоростью.

...Самоубийство не грех, жизнь – единственная собственность человека, и он вправе распоряжаться ею по-своему. Нельзя постоянно зависеть от жизни, слишком ценить ее. Жизнь – короткая искра между двумя полюсами небытия: вечностью до рождения и вечностью после смерти, мгновенная вспышка, стоит ли относиться к ней всерьез? Карел Голан жил в страхе, в последний раз он уступил тоже из-за страха, но затем он взбунтовался и перешагнул перила. Было ли это восстание или же победа совести? Или что-то еще. В какой-то книге о России Джо читал про раскольников, которые сжигали себя, не желая подчиниться новой вере. Самоубийство придало жизни Голана какой-то новый смысл. Снова он возвращался к тому, что происходило в кабинете Голана, прокручивая их разговор. Голан перешагивает через перила, летит вниз, долго летит, и вместе с ним летит Джо, затем к ним присоединяются Этель и Юлиус Розенберг, все они падают вниз головой на камни. “Видите, – говорит Голан, – я лечу добровольно, и Розенберги тоже добровольно, а вы, Джо, сопротивляетесь, вы не хотите, но все равно вы тоже несетесь вниз”.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Суд приговорил Розенбергов к смертной казни.

Время от времени радио сообщало, что им обещают помилование, если они признают свою вину, то есть признают себя советскими шпионами. Они сидели в камере смертников, и, по слухам, психологи по указанию ЦРУ занимались их психологической обработкой. Пока безрезультатно.

По ночам Джо ловил американские передачи. Он никак не мог понять, хочет ли он, чтобы Розенберги оговорили себя и остались живы. Он ставил себя на их место и не находил выхода. Журналисты, судя по сведениям, доходившим из тюрьмы, считали, что Розенберги должны уступить, хотя бы ради детей. “Ну что ж вы молчите, – говорил голос Голана, – скажите им, посоветуйте”.

..Они падали, все четверо, вместе, неслись так, что у Джо замирало сердце, это было как в детстве, когда он просыпался от страха, что камнем летит вниз.

Разговоры с людьми казались пустыми. Однажды позвонила Милена, поблагодарила за деньги, да, да, сказал он, извини, я занят.

Никому на всем белом свете не было дела до него (если бы так!). Он зарос, ел с невымытой посуды, квартира превратилась в хлев, в грязную, дурно пахнущую ночлежку.

Другие запивают, входят в штопор, буянят, у каждого свое, этот, по отчетам спецслужб, впал в апатию. У творческих натур это бывает. Наблюдение сообщало также, что у Брука никто не бывает, никто не звонит, и “африканец”, так его именовали в донесениях, считает себя покинутым. Судя по всему, кризис разразился после самоубийства профессора. Придется с ним повозиться. Но сейчас трогать не следует: пусть доходит. Он не прыгнет, не повесится, его на плаву будет держать идея, идея его из любой ямы вытащит. Когда у человека появилась идея, когда он понял, что нашел истину, он на любое пойдет, любые оправдания отыщет, любые лишения перенесет. Ведь даже Голан согласился стать информатором ради поездки на какой-то месячный симпозиум в Англию, там он, бедолага, доложил о своем открытии, заработал аплодисменты, мантию. “Африканец” из того же материала. Когда оклемается, с ним придется провести профилактику.

Он человек умный, поймет, что и действия его, и разговоры, и встречи – прозрачнее, чем ему кажется, и соответственно оценит наши заботы о его безопасности. Объект, однако, не должен думать, что он совершенно прозрачен, ему нужна иллюзия одиночества, заброшенности, ему надо дать укрыться от всех, иначе может свихнуться.

XII

Винтер ничего не пояснял. “От того, кто ничего не знает, никто ничего и не узнает”, – повторял он. Одно было ясно: они двигались на юг.

Машина, старый красный “додж”, к полудню раскалилась. Андреа попросил

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru остановиться в тени, передохнуть. Винтер отказался, это, мол, не туристическая поездка. Был он в кожаных брюках, клетчатой рубашке, на плече – свернутое пончо, но не испытывал ни жары, ни голода, ни желания остановиться по нужде. До темноты всего однажды неохотно уступил настояниям Эн, когда свернули на сельскую дорогу у бензоколонки. Время от времени Винтер сверялся с нарисованным от руки планом. Остановились на окраине поселка перед одноэтажным мотелем. Кроме подвыпившего хозяина, в нем не было ни души. Винтер расположился в соседнем номере. Предупредил, чтобы никому не открывали.

Утром красный “додж” исчез, на его месте стоял потрепанный “виллис”. Оставляя за собой хвост пыли, ехали весь день по разбитым дорогам мимо банановых плантаций, апельсиновых рощ. Заночевали у какого-то фермера в горах.

Подняли их затемно. Перевал. Холодина. Дорога крутила, они заблудились, не там свернули, вернулись обратно через тот же перевал. Хижины. Плато. Снег. Мистер Винтер куда-то уехал. Они сидели в доме, сложенном из камней. Пылал огонь в очаге. Кипел огромный медный закоптелый чайник. Индианка ногой качала люльку и толкла кукурузу. Андреа сказал, что не желает больше терпеть грубостей Винтера. “Если где-то там решили, что с нами стоит возиться, нам не мешает то же самое думать о себе”. В его тоне не было раздражения. У него все обдуманно. Он ошибался в простых житейских вопросах, его обманывали на рынках, выманивали деньги, обсчитывали в барах, и вместе с тем он вдруг поражал Эн своей прозорливостью, точным психологическим расчетом. Совместная жизнь, какой бы обрывчатой она ни была, поворачивала их друг к другу незнакомыми сторонами. Происходило узнавание. Андреа утомлял своей аккуратностью, почти педантичностью. Эн была обидчива, пустячное невнимание – и она погружалась в мрачное молчание. Она ничего не могла поделаться со своим самолюбием. Поначалу ее оскорбляла задумчивость, которая как бы отнимала у нее Андреа, делала его глухим и незрячим. Не сразу до нее дошло, что вместе с той жизнью, которую они вели, у него шла своя, неведомая ей работа мысли. И то, что эта работа не прерывалась, несмотря на переезды, нужду, страхи, и радовало и пугало ее. В этой, другой его жизни Эн не было места, и она не могла ничем помочь ему.

Винтер вернулся с молодым индейцем, голова его была повязана красным платком. Поели лепешек, выпили пулькэ, подремали, ночью по кромке заброшенных карьеров спустились к реке. Выглянула луна. В зеленом неверном свете река открылась большая, бурная. Найдя брод, индеец повел их по камням, через коряги, вода была ледяная, шли не поперек, а зигзагами. Андреа держал Эн за руку, на другом берегу Эн хотела передохнуть, но индеец торопил их. Андреа и Винтер тащили Эн в гору, подхватив с обеих сторон. Они должны были скорее уйти вглубь, подальше от границы. До рассвета. Эн задыхалась.

– Видите, я был прав, с вами намучаемся. – Винтер ругался по-польски, проклиная свою судьбу, взбалмошность женщин, уверенных, что их любовь оправдывает любые их идиотские поступки.

Пришлось выйти на шоссе. Проводник исчез, растворился в темноте. Винтер взял Эн под руку и стал голосовать проезжающим машинам. Свет фар обегал их, не снижая скорости. Остановился только пыльный грузовичок. Водитель-негр открыл дверцу; Винтер просил его, показывая на Эн, негр, блестя белыми зубами, весело отказывался, тогда Винтер вытащил его из машины. Негр оказался верзилой, но Винтер справился с ним легко, пригрозил пистолетом, сунул какие-то деньги, Андреа вскочил в кузов, и они поехали. Грузовичок пропах чесноком и луком. Они обогнули Масатенаго, не заезжая в город.

Каким-то чутьем Винтер находил в темноте дорогу, и довольно быстро они добрались

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru до монастыря францисканцев. Грузовичок Винтер загнал на стоянку. В монастырь они пришли пешком. Там их ждали, но появление женщины не было предусмотрено, и Винтеру пришлось уговаривать настоятеля. Их поместили в гостевом флигеле. Проспали до вечерней обедни, апельсинно-оранжевое солнце уже опускалось, заглядывая в келью. Монастырь стоял над обрывом. Каменные лестницы вели в низину, в городок, рассыпанный между зелеными холмами.

Железное распятие на стене. Побеленные голые стены, железная кровать, на которой они спали, стол, два стула, на столе – библия в черном кожаном переплете. И тишина. Настоянная десятилетиями молитв тишина, которую не нарушали ни пение птиц, ни стук башмаков по каменным плитам монастырского двора. Они сидели, блаженно отдаваясь покою. Здешний покой располагал к сосредоточенности, к внутренней жизни, не имеющей ничего общего с их волнениями.

Зазвонил колокол, созывая к вечерней молитве. Эн спустилась в церковь. Андреа остался. Из детства приходили слова молитв. Когда-то он повторял их вслед за матерью, не вдумываясь в смысл. “Ты, Господи, щит предо мною, слава моя, и Ты вознесешь голову мою..”, “Да услышит тебя Господь в дни печали, да защитит тебя имя Бога”... В нем никогда не было насмешки над верующими. Он считал, что это остатки прошлого страха перед могуществом природы. В Бога он не верил. Старинный этот монастырь внушал не веру, скорее уважение к людям, которые здесь годами размышляли о таинствах Священного писания. Работа мысли для Андреа много значила, но он не знал, можно ли мыслью дотянуться до Бога. Его мысль никогда не обращалась в эту сторону жизни. И то, что сейчас он чувствовал, было странно. Вместо “помилуй” он просил: “Спаси! Спаси нас обоих, дай ей силы выдержать этот путь!”

Следующая машина была “крайслер”. Путь через Гватемалу, Гондурас запомнился по машинам, которые Винтер где-то добывал, менял. Остальное мелькало, сливаясь в одну ночную, высвеченную фарами дорогу: белые столбики, встречные огни, чашки горячего кофе, выпитые наспех, поселки, бары, молчаливые спутники. Центральная Америка проносилась, закутанная в ночную тьму. Черные пальмы, черные кактусы, свежесть океана – и снова раскаленный воздух, запахи миндаля, сахарного тростника, лимонных рощ. В Панаме “кузен” мистера Винтера вручил им билеты на самолет; у Винтера всюду были “кузены” и “кузины”, панамский – имел сапожную мастерскую, лихие усы и жену-мулатку, которая сразу же принялась лечить Эн от простуды. Поселили их по соседству, в старом испанском отеле, окруженном кирпичной стеной, внутри – двор с фонтаном, голубые агавы, белые железные стулья на галерейке и всюду плющ..

И шепот, и осторожные взгляды..

Накануне отлета мистер Винтер не пришел ночевать, наутро он тоже не появился. После обеда пришла жена “кузена” с базарной корзиной и сообщила, что мистер Винтер арестован. Подробности неизвестны. Его отправили в полицейский участок, оттуда, кажется, в тюрьму. Решено было никуда не двигаться, подождать еще сутки, другие.

Назавтра в городе поднялась стрельба. По улицам загрохотали бронетранспортеры. Вход в отель облепили плакатами. Произошла то ли очередная революция, то ли мятеж.

Без Винтера они оказались беспомощными. Ни денег, ни адресов польского посольства в этой банановой республике не было. Оставалось советское посольство,

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru но стоило Эн представить этот вариант – расспросы, проверки, недели ожидания – ее охватывало отчаяние. Она сорвалась, накричала на Андреа за насмешки над Винтером. Все же они решили никуда не трогаться, не может быть, чтобы Винтер не выкрутился, не дал знать о себе. К вечеру бездействие доконало Андреа, он сказал, что не вправе покинуть Винтера в беде, надо ему как-то помочь. Это было неожиданно для Эн. Он оставил ее в гостинице, сам пробрался к дому “кузена”, нашел того в кровати забинтованного, в кровоподтеках, избитого. Кем, как – Андреа не узнал. “Кузен” посоветовал отправиться к начальнику тюрьмы, договориться – чтобы тот выпустил Винтера под залог. Такова здешняя форма взятки. Надо, чтобы начальник не заподозрил в Андреа американца, иначе запросит много, грек – это годится, и не больше двухсот долларов, да – да, нет – так нет, послала фирма выкупить одного из своих служащих, не хотят – не надо, биться за него не станут.

Утром жена “кузена” проводила Андреа до тюрьмы. Роль свою Андреа исполнил флегматично: двести? давайте двести. Наверное, можно было выкупить Винтера и подешевле. Андреа сохранял равнодушие, Винтер зевал, потягивался. Только выйдя на улицу, он похлопал Андреа по плечу, так ничего не сказав.

Назавтра они, не дожидаясь самолета, перебрались в Панаму, а оттуда теплоходом – в Колумбию. Они ничего толком не увидели, ни Панамского канала, ни прекрасного озера Готун, ни самой Панамы.

Самолетом в Дакар, пересадка в аэропорту, самолетом в Мадрид. День в жарком номере отеля, оттуда в Барселону и далее в Ниццу. Снова отель, снова Винтер приказывает никуда не отлучаться, сам куда-то исчезает, возвращается переодетый, в черном смокинге, с бабочкой, просит “одолжить” на вечер Эн, везет в какое-то ателье, где ее одевают “напрокат” в длинное темно-синее платье, украшенное жемчугом, и они вдвоем с Винтером отправляются в ювелирный магазин, Винтер покупает кольцо, кольца, браслеты, все дорогое, расплачивается наличными, тратит, по словам Эн, тысячи, все это якобы для Эн. Садятся в машину, там еще поляк-шофер и поляк-проводжающий. Они о чем-то договариваются по-польски. Их подвозят к какому-то дворцу. На приеме пробыли два часа. Мистер Винтер, которого надо было называть Фреди, изображал довольного собой, своим состоянием, своей молодой красавицей женой латиноамериканского дельца, грубоватого выскочку, раза два он отлучался, оставляя Эн на попечение французских киноактеров, кое-как говорящих по-английски. Они наперебой угощали ее, потом Винтер повел ее в компанию солидных седоголовых депутатов, с кем-то знакомил, от кого-то передавал приветы. Прием промелькнул как бобслей. Эн даже ничего толком не могла рассказать Андреа. Зато на следующий день они после обеда, оставив записку Винтеру, отправились на набережную. Неслыханная синева залива, белые виллы, цветы, легкий воздух Лазурного берега – все поражало их здесь неизвестной, европейской красотой.

В сущности, они впервые увидели Старый Свет. Старины было много, старина была подлинная, не привозная, рожденная здесь: кованые ограды, золоченые ворота тончайшей работы, дворцы, дивные цветочные клумбы, похожие на дорожные ковры. Лучшее отбиралось из века в век, красота наращивалась. Архитектура, старая и новая, привлекала внимание Андреа, а Эн особенно нравилась толпа. Одеты со вкусом, все – от продавцов мороженого до пожилых дам и старичков – в шелковых жилетах и канотье. Платочки, духи, туфельки, улыбки, просто приветливость – во всем мера, воспитанность. Отличие от Нового Света было разительное, а вот определить его они еще не могли. К тому же мешала напряженность. Поймав чей-то взгляд, они настораживались. Подозрительность Винтера заразила их. В Барселоне он сам в полночь повел их на бульвар, где при свете фонарей шумел диковинный базар, ночью торговали птицами и книгами.

А в Ницце, когда они на свой страх и риск устроили себе подобную вылазку, Винтер

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
напустился на них: как только посмели, придется запирать их на ключ.

– Позвольте, мистер Винтер, пока вы занимаетесь своими делами, нам не хотелось бы чувствовать себя заключенными, – с подчеркнутой любезностью заявил Андреа.

– Я занимаюсь не своими делами, – сказал Винтер. – Вы же будете заниматься своими в Варшаве.

– Кстати, почему мы не летим туда напрямую? Ведь есть рейс Ницца – Париж – Варшава, с короткой пересадкой в Париже, час ожидания, и никаких хлопот?

– Все вычислил, какой он у нас умница, – хмыкнул Винтер, обращаясь к Эн. – Он думает, что у нас единственная забота – как можно скорее доставить это сокровище... Вы для меня попутная операция. Ясно?.. – Потом, смягчая, хихикнул. – Куда торопитесь?.. Успеете еще.

Все же в Мюнхене, в воскресенье, они проехали по городу, и Винтер, страстный любитель пива, не утерпел и остановился у какой-то знаменитой пивной. Огромный зал, весь в сизом табачном дыму, гудел, сновали официантки с огромными тяжеленными кружками, нанизанными на пальцы. Было влажно – от пива, пены, пота. Протискиваясь в поисках столика, Андреа нос к носу столкнулся со Стивеном Катнером, своим однокашником по Корнеллскому университету. Огромный, волосатый, в расстегнутой рубашке, он схватил Андреа в охапку, завопил от восторга: шутка ли, встретить в пивной трущобе друга, которого разыскивают все паскудные службы, а он живой, здоровый – глаза Стива увлажнила хмельная слеза, – от такой сказочной везухи сейчас они устроят сейшак, только надо сперва отлить, иначе пузырь его лопнет и утопит всю эту немчуру... Каким-то образом между ними вклинился Винтер, попросил Андреа и Эн подождать на этом самом месте, поскольку ему тоже невтерпеж помочиться, и увел Стива, крепко обняв за талию. Через несколько минут Винтер вернулся, сообщив, что Стив засел в туалете надолго, нечего ждать, попозже он приедет к ним в гости. Проговорив это громко и весело, он взял их под руки железной хваткой и вывел на улицу к машине. Включив скорость, рванул с места так, что завизжали колеса, закрутил по улочкам влево, вправо, машину заносило, он не успокоился, пока не вырвался из старого города.

Андреа попробовал уточнить, когда приедет Стив – вскоре или вечером. Винтер выругался, не стесняясь Эн: надо рвать отсюда, черт их дернул сунуться в эту пивнуху. Помолчав, Андреа спросил, что он сделал со Стивом.

– Догадливый, – холодно определил Винтер, затем сказал, что Стив наверняка уже очухался.

– Он жив?

Винтер поморщился: с какой стати заниматься уголовщиной? Почему нельзя это было сделать по-человечески? – настаивал Андреа. Стиву можно все объяснить, он верный человек... Наконец Андреа заявил, что он хочет вернуться, узнать, что со Стивом, проверить, в порядке ли он.

Винтер резко тормознул, обернулся в бешенстве:

– Закройте рот. И надолго. Или я его заткну! Я взялся вас доставить и доставлю в любом виде. Мы сейчас чуть не завалились из-за вашего дружка. Там сидела целая компания американцев, вы что, не видели? Надо сегодня же сматываться.

Эн стиснула руку Андреа, она была на стороне Винтера.

В тот же день они вылетели в Амстердам.

В Амстердаме их встретили, отвезли в частный дом под присмотр двух вьетнамцев, предупредив, что отлучаться нельзя. Андреа не мог смириться с таким режимом. С какой стати? Они свободные люди и отвечают сами за себя! Если уж очутились в Амстердаме, надо хотя бы посмотреть на картины Рембрандта, на его дом, вряд ли агенты ЦРУ ходят по музеям, все это преувеличено. Андреа искренне считал, что Винтер набивает себе цену, и Винтера это выводило из себя. Он сорвался и показал записку, полученную в Мюнхене от одного советского коллеги, который должен был прикрывать Винтера в Европе и контролировать. Однако этот советский товарищ решил не возвращаться на родину, о чем и ставил Винтера в известность. В той же записке рекомендовал Винтеру сдать ЦРУ своих “америкашек” и не возвращаться в Польшу, где идут аресты.

Сдать “америкашек” значило “остаться не с пустыми руками”, “обеспечить себе паек”.

Письмо заставляло Винтера принять меры предосторожности. Ни о каком Рембрандте не могло быть и речи. Автор письма вполне мог навести ЦРУ на след, не дожидаясь ответа Винтера, так он, наверное, и сделал, возможно, что их уже пасут. Автора письма Винтер считал предателем и вероотступником – никаких сомнений на сей счет у него не возникало. Если не считать одного варианта, и глаз его в сиянии рыжеватых ресничек хитро подмигнул Андреа. Что мог означать сей подмиг, было непонятно.

Личность Винтера интересовала Андреа как объект исследования, перед ним представитель того мира, куда они отправлялись, неведомого, сияющего на Востоке то золотом, то кровавыми отблесками. Политические взгляды Винтера выглядели четко. В Италии коммунисты выросли в самую большую партию. Во Франции получили министерские портфели, они идут к власти. На очереди Финляндия. Коммунисты повсюду набирают силу. Пришло время использовать ситуацию, валить буржуазные правительства Европы любыми способами. Чувствовалось, что для него это не просто слова, наверняка это то, чем он и занимался и вообще, и во время их совместного путешествия.

Его не привлекали ни деньги, ни покупки, он не глазел на витрины, а в дешевых номерах отелей чувствовал себя так же хорошо, как и в роскошных апартаментах. В нем было люмпенское презрение к богатству, ко всему этому капитализму, обреченному, прогнившему строю, и держался Винтер уверенно, по-хозяйски что в Америке, что здесь, в Европе; нарушал правила езды, ставил машину в неположенных местах, не боялся полиции, в отелях тоже не церемонился, мог прихватить зонтик из холла, покрикивал на швейцаров. Словом, ничего диковинного: хотя и красный, но снаружи – вполне обыкновенной окраски, защитной, положенной при его работе.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Однако как ни пытался Андреа отколупнуть, соскрести эту верхнюю защитную
штукатурку, добраться до нутра так и не смог.

Сам Винтер относился к Андреа пренебрежительно, не лучше, чем к пакету, который
надлежало доставить, – а есть ли там что-то полезное, его не занимало. Самолюбие
Андреа было уязвлено. Он был о себе достаточно высокого мнения. Однажды ему
удалось вызвать Винтера на откровенность.

– Да, вы – попутная операция. Побочная. И вам надо смириться с этим. Нам всучили
вас. Пока что вы всего лишь фишки в игре разведок. Я ведь мог бы отделаться от
вас. Но мне нравится игра – кто кого обставит. Берем из-под носа ЦРУ и вывозим
кого хотим. Вожу по всей Европе, и ничего ваши говнюки не могут со мной
поделать. Они ведь знают, что мы все еще тут болтаемся. Узнали от этого сукина
сына... – Он поднял палец, погрозил Андреа. – А может, я его зря, может, он меня
проверял, вполне допустимо. – И захохотал. – Понимаете, в какое дерьмо мы их
сажаем? И это потому, что кругом наши люди. Мы диктуем! Мы делаем погоду!..

Закончив, мистер Винтер закурил сигарету, с удовольствием затянулся, посмотрел
на Андреа как на результат тяжелого труда. Андреа не возражал, чему-то улыбался.
Это-то и раздражало, не было чувства полного удовлетворения.

– Может, вы и хороший ученый, – говорил Винтер, – а главной науке не научились.
В армии не служили? Оно и видно. Главная наука нашего времени – умение
подчиняться. Вы не умеете. Вы не подчиняетесь с охотой. В душе считаете меня
самодуром. В армии таких гоняют до посинения. Такие, как вы, возбуждают худшие
чувства.

Винтер снимал с него стружку, как он позже признался, “готовя к новой жизни”.

Амстердам был последней остановкой перед Варшавой. Накануне отлета Винтер
неожиданно отправил их в город в сопровождении вьетнамцев. Разрешил зайти только
в универмаг, всего на три часа, купить теплые вещи. Посоветовал Эн застаться
косметикой, рейтузами, Андреа – словарями, лезвиями для бритвы. Дал деньги, все
это неохотно, хмуро, как бы предупреждая какую-либо благодарность.

Покупки они сделали быстро, купили даже теплое пальто с меховым воротником для
Эн, примерно того же красного цвета, что было. Они не представляли, что еще
могло им понадобиться. Купили кофеварку, маленький будильник, Андреа не
удержался, приобрел себе хорошее вечное перо.

Возвращались через центр. Амстердам казался декорацией из сказки: крутые
мостики, гладкая вода каналов, черепичные крыши, каменные распятия, частые
переплеты окон – все словно из антикварного магазина, хотелось прицениться,
купить эти забавные старинные домики вместе с цветами, ставнями, велосипедами,
памятником Рембрандту. Напрасно Эн просила вьетнамцев остановиться хоть на
несколько минут, нельзя было даже опустить стекло в машине...

Летели самолетом голландской компании “KLM”. Винтер заказывал порцию за порцией
виски, захмелел, стал красно-белым. Зеленые глаза его блестели. Теперь все,
добрались, вывез. Теперь все можно, то есть тоже не совсем. А вообще-то он

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru советует поменьше трепаться. Как у англичан: заговори о дьяволе – и он тут как тут. Можете жаловаться на Винтера, что он не пускал никуда, ради бога, только не хвалите его.

– Ничего страшного, – примирительно сказал Андреа. – Мы решили, что Амстердам мы обязательно посмотрим.

– Это когда же? – поинтересовался Винтер.

– В ближайший отпуск.

– Ну-ну, – сказал Винтер.

В своем отчете (куда надо) Винтер, как и полагалось, высказал свои соображения о характерах доставленных американцев. Написал, например, что Эн часто сдерживала Андреа от резкостей, поэтому картина получилась сглаженной, несостоявшиеся поступки не всегда угадывались. Несомненно, Костас – сильный человек, хорошо закрытый и знающий себе цену. Аналитические способности позволяют ему опережать оппонента. В спорах, в логике берет верх. Слабое место, которое следует использовать, – доверчивость.

Изучая эту записку, я чувствовал, как мешало Винтеру ощущение значительности Андреа, которое он подавлял в себе резкостями, нажимом. Природу этой значительности (то ли талант, то ли властный характер) Винтер не определяет, ограничивается перечислением: Костас молчалив, высказывается в крайних случаях, самолюбив, точен, настойчив, интересуется музыкой, философией, меньше ожидаемого – политикой, весьма наблюдателен. С некоторой обидой замечает, что ему не удалось уговорить Андреа сыграть на гитаре, которую он всегда таскал с собой. Спиртное не любит, терпим к пиву. Женщины, азартные игры не являются пристрастиями. О социалистическом обществе, о странах социализма имеет идеализированное представление. К деньгам относится бережно. К еде безразличен, за исключением фруктов. Довольно подробно описывает отношения с Эн, с некоторыми интимными деталями. Цитирует и высказывания Андреа Костаса, очевидно, в конце пути: “Я не думаю, мистер Винтер, что по вас можно судить о людях нового общества. Ваша мораль не коммунистическая. Вы злы, жестоки, для вас люди – это фишки. А между тем Сталин говорит о том, что человек – это высшая ценность... Если мы там будем у вас такими же фишками, то зачем ехать к вам”. С какой целью Винтер подробно передал этот разговор? Может, он хотел дать через Андреа свою характеристику, достаточно положительную для себя? Но можно увидеть в этом и желание как-то застраховать своих коллег и прочие инстанции от упрощенного подхода к “объекту”.

Кое о чем Винтер умолчал. Например, о случае в мюнхенской пивной. Или о “самовольных отлучках” своих подопечных. И Андреа Костас, когда его вызвали по делу Винтера, тоже не упомянул об этих происшествиях.

XIII

Прилетели в Варшаву вечером. Встретили их у трапа и, усадив в машину, привезли в отдельный, устный коврами флигель аэровокзала. Какие-то люди обнимали

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
Винтера, жали ему руку.

Через час они очутились в городе, в приготовленной для них большой квартире был накрыт стол. Они наспех умылись, переоделись. Стали появляться русские и поляки, все мужчины – военные, штатские – приносили цветы, шампанское. Некоторых Винтер представлял подробно, некоторых называл невнятно. Посадили Эн во главе стола и принялись отмечать счастливое завершение операции. Пили за Винтера, за каких-то людей, которые “обеспечивали”. Люди эти поднимались, с ними чокались. Заставили пить и американцев – Андреа кое-как справился со стаканом водки, Эн стало плохо. Мистер Винтер изредка переводил длинные тосты, в которых славил Сталина, партию, Берию, бесстрашных разведчиков, их новое достижение. Подходили к Эн, целовали ей руку. Андреа – по-пьяному в губы, что-то горячо шептали на ухо, вполне возможно, их принимали за американских, то есть наших, разведчиков.

Когда пили за вождей, все вставали, вытягивались, каменя. В промежутках рассказывали какие-то истории, подмигивали, громко хохотали. Винтер объяснил, что это анекдоты, казарма. Нещадно курили – и пили, пили... Андреа ужасался и восхищался их богатырской силой. Они казались ему героями, у всех ордена или ряды орденских планок.

Эн стойко держала улыбку, понимая, что за ней наверняка наблюдают. В разгар вечера она ушла в ванную, от выпитой водки ее вырвало. С трудом привела себя в порядок, напудрилась и, скрывая усталость, вернулась к столу...

Утром в квартире появилась девица, принесла завтрак, весь день убирала вместе с Эн остатки пиршества, насованные всюду окурки. Затем началась свободная жизнь. Им никто не мешал, они могли гулять по Варшаве не прячась, заходить в кафе, в кино. Девица кормила их три раза в день. Они отсыпались, отъедались, хотя не могли съесть и трети того, что им приносили – утки, пироги, бифштексы, яйца, колбасы, торты... Не рекомендовалось только одно: знакомиться и общаться с кем-либо, а также приглашать к себе, сообщать свой адрес, писать письма, выезжать за город, звонить по телефону. А в остальном – все что угодно.

Девица, их кормилица, уносила с собой тяжелые сумки недоеденного. Андреа и Эн наслаждались одиночеством и друг другом. Впервые они получили свое постоянное жилье. Окно их спальни выходило на восток. Огромное зимнее солнце восходило поздно над заснеженными крышами, забиралось к ним на подушки. Они любили друг друга – весело, изобретательно, радуясь вспыхнувшей, совсем юной чувственности.

Их никто не беспокоил, о них словно забыли.

Винтер не показывался. Телефон молчал. Еще в самолете Андреа готовился к тому, что их будут осаждать репортеры. Он спросил Винтера, можно ли рассказывать об их путешествии. Вспомнилась быстрая усмешка Винтера – “наши репортеры нелюбопытны”. Во всяком случае, его ожидала работа, его должны были завалить работой: шутка ли, такие деньги истрачены на их путешествие!

В Мексике Эн мечтала остаться с Андреа вдвоем, поселиться в каком-нибудь месте, где их никто не знает, чтобы ни с кем не делить Андреа, избавиться от страхов, чувства погони, от общества прокурорного Винтера, его придираков и грубостей. Провидение услышало ее и подарило все, полностью, в наилучшем исполнении: незнакомый город, где никому до них не было дела, квартиру, зимнее солнце на

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru темном паркете. Без забот о еде, белье. Они попали в теплый покой. Никто не будил их, не ждал, некуда было торопиться. После всей этой гонки, мелькания городов, границ, отелей, халуп наступила тишина. Они причалили. Наконец-то они могли приступить к жизни. Нужно только отдышаться, прийти в себя, как стайерам. Они пробовали свободу на зуб, на вкус, гуляли, взявшись за руки, по Варшаве, смотрели, как поляки восстанавливают разрушенный в войну город. На заборах висели раскрашенные проекты, фотографии прежнего Старого города с его улочками, узкими домами средневековья, балконами, арками. Горожане ютились в подвалах, бараках, но извлекали из развалин уцелевшие обломки решеток, перила, орнамента, любую мелочь. Квадратные метры жилплощади не так интересовали этот измученный войною народ, как жажда восстановить Варшаву. Они не строили, они восстанавливали свою историю, душу города. Это завораживало.

И по квартире Эн и Андреа ходили взявшись за руки, садились на пол, разглядывали друг друга.

Андреа был как зеркало. Лучше зеркала, потому что в его глазах Эн видела не морщинки, не надоевшую прическу, а свою красоту, высокую тонкую шею, которую он так любил.

Иногда она чувствовала: он присматривается к ней. Это была его манера. Он изучал людей, с которыми имел дело, проверял их на надежность, на искренность примерно так, как делал это с Винтером. Теперь то же самое с ней. Между ними существовало нейтральное пространство, на которое они опасались вступать. Их разделяло табу – ее дети. Это была ее боль, которой он не смел касаться. Он все искал причину, по которой она могла бросить их, бросить Боби и бежать с ним. Боб был хорош собою, не хлюпик, он нравился бабам, и Эн вроде бы с этим примирилась. Что же сорвало ее с насиженного места? – его рациональный ум искал причину и не находил. Увлечение, любовь, но все же она совершила выбор, а выбор для него означал процесс сравнения, то есть расчет. Он мог представить себе порыв, то есть что-то временное, но временное должно было кончиться, они приступали к постоянной жизни, – не жалеет ли она? Ему хотелось понять, за что она его любит, извечное бесплодное стремление, которое свойственно любящим. Желание увидеть себя глазами другого обычно быстро проходит, у Андреа же это было задачей, которую он никак не мог решить. Выходило, что любовь к нему была сильнее, чем тоска по детям, значит, он заменил ей все, чего она лишилась. Но спрашивается – чем? чем заменил?

Он вглядывался, вслушивался, стараясь уловить – думает ли Эн об этом, не жалеет ли, не прячет ли от него свою боль? И встречал сияющий взгляд чистых синих глаз.

Ее саму удивляло ее безоглядное счастье. В глубине души она страшилась своего эгоизма. Но тут же спрашивала себя: разве любовь – это эгоизм? и разве любовь может быть не эгоистичной?

Лежа в ванне, она вдруг вспомнила, как опустила своего малыша впервые в ванну, как он вопил, а потом засмеялся и стал брызгаться. Слезы защипали глаза. Она плакала и радовалась своим слезам. В ту минуту пришло решение – она должна родить. Иметь ребенка – и все станет на свои места...

Андреа принялся учить польский, потом бросил, переключился на русский, бросил русский, занялся историей Польши, его тяготило безделье. Да, счастье не терпит однозвучности. Счастье требует, чтобы ему мешали. Но никто не мешал.

Девушка, кормившая их, быстро толстела. Как-то пожаловал офицер, осведомился, пьют ли они. Они не пили. Выяснилось, что за их счет она каждый день брала бутылку вина, а по воскресеньям коньяк и водку. Выяснилось также, что комендант их дома выписал, якобы по просьбе Эн, пианино и два туркменских ковра. Девушку сменили, комендант остался. Эн не могла понять, как такое могло происходить в стране социализма. Они видели все в идеальном свете, им казалось, что они попали в райское, коммунистическое общество, и пребывали в блаженном тумане; после случая с девушкой туман стал рассеиваться. И эта девушка и комендант считали их простодушными дурачками! Андреа позвонил по номеру, который им оставили. Дежурный не мог понять, что ему нужно, справлялся, нет ли просьб насчет одежды, книг, обрадовался, узнав, что нужен русский журнал "Природа"; трубку взял какой-то начальник – успокаивал, заверяя, что все идет по плану, врачи рекомендовали потратить не меньше месяца, двух на акклиматизацию, ежели они отдохнули, то ради бога... Через день прислали пачку многолистных анкет. Вопросы поставили их в тупик: Андреа ничего не знал о предках своей первой жены, откуда они, где, когда жили. Требовались и подробные автобиографии, послужные списки. Анкеты – на желтой бумаге. Голубые – правила секретности. Синие – обязательства, пункты и даты их путешествия... Требовалась помощь Винтера, но им ответили, что Винтер в отъезде. Они теребили свою память, восстанавливая по карте свой маршрут по Латинской Америке. Получалось слишком много. Подумав, Андреа сократил перечень вдвое, рассудив, что незачем доставлять хозяевам столько хлопот с проверкой, и без того проверка всех ответов, по расчетам Андреа, потребовала бы год с лишним. В управлении не могли понять, чего им не терпится: хотите – свозим вас в Краков, посмотрите соборы, университет. Андреа ответил, что он ехал сюда работать, что ему надоело путешествовать, это он сказал по-польски и еще добавил кое-что по-английски. Среди малоинтеллигентных слов было обещание позвонить президенту Болеславу Беруту, единственному польскому деятелю, которого он знал. Почему-то это подействовало, и вечером к ним явился генерал в сопровождении адъютанта и двух штатских. Великолепный мундир сидел на генерале безукоризненно, ни единой складочки, ордена и медали мелодично позвякивали. У генерала была идеальная фигура манекена. Один из штатских переводил, другой фотографировал – их, их спальню, их столовую, их холодильник. "Мы высоко ценим ваше сотрудничество", "Вы совершили правильный выбор", "Наша совместная работа имеет политическое и интернациональное значение" – фраза за фразой вылезали из него с равными промежутками.

– Почему мы так не торопимся? – допытывался Андреа.

Генерал кивал с механической учтивостью. Бюрократия. Правила секретности. Обременительные правила. Излишества.

– Надо помочь товарищам выбрать фамилию, имя, – сказал он адъютанту. – А также отработать новую биографию. Откуда вы к нам приехали? Допустим, из Афин. Можно из Италии. Там ведь тоже греки водятся. Скажем, товарищ Картос.

– Мы предполагали, что лучше из Венесуэлы, – осторожно подсказал адъютант.

– Можно... И вам тоже, очаровательная пани, – сказал генерал, кланяясь Эн. – Вам можно остаться американкой, только надо решить, где такие красавицы рождаются.

К ним стали наезжать один за другим хорошо одетые молодые люди. Расспрашивали Андреа про его работу в университете, на циклотроне. Более всего их интересовали радары, ракеты и прочее вооружение. В физике они разбирались плохо, вычислительные машины, которые давно манили Андреа, восприняли подозрительно,

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru кибернетика была для них лженаукой. По этому поводу разгорались споры, Андреа убеждал их, что вся эта механика – ракеты, радары, в том числе военные, – не может совершенствоваться без вычислительных машин. Его вразумляли осторожно, как больного, зараженного вирусом буржуазной идеологии. Он хотел получить от них возражения по существу – и не мог. Не стоит отвлекаться, лучше, чтобы он обеспечил их нужной информацией, они сами знают, что перспективней. У Эн спрашивали про ее мужа Роберта. Узнав, что он занимается астрофизикой, ее оставили в покое. Самые толковые из них, как убеждался Андреа, не были в курсе новых направлений электроники, пренебрегали компьютерами как идеологически сомнительными машинами. При чем тут идеология, он не понимал, с ними порой трудно было находить общий язык, настолько они верили в превосходство социалистической науки. Но их уверенность должна была на чем-то зиждиться! Однако сколько Андреа ни допытывался, так и не смог уяснить разницу между капиталистической наукой и социалистической.

Ему прислали философа, специалиста по “социальной сущности науки”.

Перед этой встречей заехал мистер Винтер, он плохо выглядел, сказал, что у него неприятности и если Андреа будут спрашивать, пусть не стесняется и расскажет, как Винтер не хотел брать с собою Эн. Уходя Винтер посоветовал пригласить кого-нибудь третьего, чтобы непременно присутствовал при разговоре с философом. У Андреа знакомых не было. Винтер пообещал прислать своего шурина.

Шурин был глуховат, пользовался слуховым аппаратом, знал испанский, поскольку воевал в интербригаде против франко, заикался, но если б не маленький рост, он считался бы красавцем, к тому же был смешлив и сразу располагал к себе. Философ же оказался весьма солидным, тучным, с огромной седой шевелюрой, похожим на Марка Твена. Он привез в подарок несколько своих книг, среди них тяжелый том “Буржуазная техника на службе американского империализма”. На всех книгах он сделал милые дарственные надписи и каллиграфически затейливо вывел – “Казимир Вонсовский”.

Они проговорили целый вечер. Шурин выставил на стол коробку со слуховым аппаратом, что несколько смутило философа, который, как он выразился, отнюдь не имел целью навязать свои взгляды, он стремился лишь ознакомить пана Картоса с мировоззрением той среды, в которой ему предстоит обитать, и был бы счастлив принести в этом смысле пользу.

Философ знал американскую историю, американскую статистику куда лучше Андреа. Отдавал должное и философам, отнюдь не марксистам, таким, как Чарльз Пирс и Ханна Аренд, о которых Андреа не имел понятия. Речь его была пересыпана грубыми американскими словечками и чисто польской галантностью. Он не упрощал проблем, закон относительности действует при всех режимах примерно одинаково (смешок), подход же к этому закону различен, ибо (указательный палец поднят) все зависит от того, в чьих руках наука и техника, кому они служат. Немецкие физики были в отчаянии: их открытия использовали для создания американской атомной бомбы.

– ...У вас в Штатах наука служит капиталу, она не свободна, а свобода для науки – что воздух для живого существа. У нас впервые наука поставлена на службу интересам трудящихся. У вас наука противостоит рабочему классу...

– Почему же? – заинтересовался Андреа.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Ее достижения использует для обогащения крупный капитал. Возьмите фонды. Допустим, Рокфеллеровский. Казалось бы, помогает ученым, дает стипендии...

– Я знаю.

– Тем более. Тогда известно, как они распределяют деньги. Дают кому хотят. А кто распределяет? Знакомые, приятели Рокфеллеров, сами капиталисты. Ни одного рабочего нет в правлении. Верно я говорю?

– А для чего там рабочие?

– Но кто же будет защищать интересы трудящихся?

– Видите ли, я учился на деньги Рокфеллеровского фонда. Мы были слишком бедны.

Шурин хмыкнул, пан Вонсовский обиженно погладил свой подбородок.

– Им приходится подкупать часть трудящихся, заигрывать.

И он рассказал, что фонды, подобные Рокфеллеровскому, учреждают, чтобы освободиться от налогов, переложить их на массы бедных налогоплательщиков. Привел убедительные цифры. Андреа не смог ничего возразить.

– Вы знаете про новый закон Трумэна?

Это был закон о милитаризации науки. О ее фашизации. О том, что все ученые должны дать подписку, что не состоят в организациях, проповедующих свержение правительства. От ученых требуют бороться с врагами правительства. То есть доносить, следить!

Выкладывая факты, он возбуждался. Бледное лицо его порозовело, он сжимал кулаки. Можно было подумать, что американская наука была его личным врагом.

– Профессор Ральф Спинсер, слышали?.. Ну как же, химик, из Орегонского университета, в феврале сорок девятого года его уволили. А знаете за что? За то, что он призывал коллег познакомиться с докладом академика Лысенко, поддерживал его! Вот вам и свобода науки.

Он приводил факт за фактом: военные заказы, преследования передовых ученых, ничтожные средства на чистую науку, милитаризация. Его гнев был неподделен. Образ американской науки, да и техники, нарисованный им, выглядел чудовищно.

– Да что я вам рассказываю, вы, вы сами яркая иллюстрация. О господи, если бы я мог в своих лекциях сослаться на вас! – вырвалось у него. – С другой стороны, социализм впервые поставил науку на службу трудящимся, она стала служить не фирмам, а всему обществу, ее преимущество в плановости. В США науку планировать не умеют. Не так ли? – Пан Вонсовский требовал подтверждения, и Андреа соглашался. Преимущества плановой системы радовали его.

Главным же достоянием ученых лагеря социализма, по словам Казимира Вонсовского, было марксистско-ленинское учение. Изучал ли пан Картос ленинскую работу “О значении воинствующего материализма”? Ай-яй-яй, как же так? А другие работы Ленина? Без них невозможно сегодня раскрыть всеобщую связь явлений природы. Как вы преодолеете механистические представления о раздельности материи и движения, как вы овладеете ядром диалектики?

Андреа выглядел беспомощно. Невежество его было налицо. Шурин как рефери признавал его поражение.

Здесь люди поражали его неколебимостью своих взглядов. У всех, с кем он успел познакомиться, было чувство своего превосходства над американцами. Ему казалось, что это чисто польская кичливость, Вонсовский же сумел обосновать это как бы мировоззренчески, как преимущество социалистического общества. Такое пренебрежение к американской науке, технике, к американским порядкам было Андреа неприятно. Рокфеллер – капиталист, можно сказать, символ американского империализма, но Андреа не мог забыть, как старик похлопал его по плечу, и чувство благодарности к этому человеку продолжало жить в нем.

Не в силах удержаться, Андреа вдруг спросил – есть ли в Польше и в России какие-нибудь другие философские школы кроме марксистских?

– Что вы имеете в виду, какие школы? – обрадовался Вонсовский.

Философии Андреа почти не знал, никогда ею не интересовался, не видя от нее практической пользы. С трудом припоминая университетские годы, сказал:

– Да мало ли... Экзистенциализм, позитивизм... неореализм.

Он старался произнести эти непривычные слова поуверенней, Вонсовский обрадовался и категорически, четко заклеил эти школы и направления как буржуазные. Значит, их здесь не изучают, удивился Андреа, тогда марксизму трудно развиваться, ведь для развития требуется борьба... Но тут шурин наступил ему на ногу под столом и тотчас со смехом предложил Андреа признать полную победу марксизма и пана Вонсовского. Начавшаяся была схватка не состоялась. Шурин рассказал несколько анекдотов, все закончилось смехом и выпивкой. После ухода философа шурин попытался объяснить Андреа, что для таких, как Казимир Вонсовский, величайшее счастье – обрести идеологического противника, обличать, наклеивать ярлыки, объявлять борьбу и, естественно, руководить этой борьбой. Страхи шурина позабавили Андреа. Более безобидный, скучный разговор, чем с этим философом, трудно было представить.

Назавтра Андреа отправился в городскую библиотеку, зашел в читальный зал, взял Ленина на английском языке, но вскоре ему стало скучно от потока брани и презрения в адрес противников.

Среди противников был и Эрнст Мах – физик, работы которого изучали в университете. Уровень критики показался ему некорректным, а с точки зрения физики сомнительным. Уже через два часа он отодвинул в сторону Ленина и погрузился в свежие номера американских научных журналов.

Следующим визитером был многозвездный генерал – если судить по свите, еще в больших чинах. Генералов в Польше было много. Генерал Кульчинский был моложав, благоухал одеколоном. В передней он скинул шинель не оглядываясь, зная, что ее подхватят. Обошел квартиру, похвалил мебель, паркет, красавицу жену, склонил напомаженную голову, целуя пани ручку. Двигался он упруго, поигрывая хорошо надутыми мускулами. Был он выше Андреа чуть ли не на голову и оглядел его с некоторым разочарованием. Чувствовалось, что Андреа ему не понравился. Трудно было сказать – почему. Человек входит в комнату, где сидят неизвестные ему люди, знакомится, и сразу возникают симпатии и антипатии. Кто-то ему нравится, кто-то нет. Между людьми существует “что-то”, оно либо притягивает их, либо отталкивает. Как большинство ученых, Андреа отвергал всякую телепатию, телекинез и прочие нематериальные силы. А между тем генерал у него тоже вызвал неприязнь неизвестно почему, чисто интуитивную, такую же, как и он – у генерала. И чем дальше, тем неприятнее казался генералу этот чернявый физик, невесть что строивший из себя.

– Неплохо устроились, – говорил генерал. – По нынешним временам шикарно. Смотрите, как народ в Варшаве живет. В бараках, в лачугах. Чего ж вы жалуетесь, чего вам не хватает? Мы вам все дали.

– Мы не жалуемся. Я прошу о работе, – старательно выговаривал Андреа по-польски.

– Человек дела, – сыронизировал генерал. – Истинный янки.

Он попросил у пани разрешения закурить, присел к столу. Не торопясь стал набивать трубку и вдруг, подняв голову, недоуменно уставился на Андреа.

– Ты кто такой?

– То есть?

– Я спрашиваю: кто ты такой? – угрожающе повторил генерал.

Андреа вспомнил нечто подобное у Винтера, очевидно, излюбленный прием этого ведомства, и улыбнулся, соглашаясь принять участие в игре.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Андреа Костас.

– Откуда это известно?

– Я думаю, что Винтер вам доложил.

– Винтер... А где он?

И вся свита, человек пять, уставилась на Андреа.

– Не знаю. Он мне не докладывает.

– Шутишь. А тут дело серьезное.

Генерал сунул трубку в рот, и тотчас ему протянули зажигалку. Он щелкнул, раскурил, затянулся.

– Найдется, – сказал Андреа. – Он не из тех, кто пропадает.

– Тебе лучше знать. – Генерал усмехнулся, и на всех лицах появилась та же усмешка. – Сбежал? Похитили? Как полагаешь?

Андреа пожал плечами.

– А вы как думаете?

– Мм-да, – протянул генерал на эту бестактность. – Я думаю, что придется тебя как следует расспросить.

– А я думаю, что нас это не касается.

– Почему же? Надо кое-что выяснять. Кое-кто предполагает, что ЦРУ помогло подсунуть нам двойника.

– Возможно, – подумав, согласился Андреа. – Почему же это не выяснили, прежде чем нас вывозить?

– Лучше выяснять дома, – произнес генерал так, что все поняли, что он имел в виду.

Андреа походил по комнате, глядя себе под ноги.

– Вы знаете, товарищ генерал, это ваши заботы, меня это все не касается. Я по-прежнему настаиваю на том, чтобы приступить к работе. Не хотите, боитесь – не надо. Тогда позвольте мне обратиться в Москву.

– В Москве тебя ждут не дождутся. Много ты о себе воображаешь.

– Это верно, – сказал Андреа. – Каждый думает, что он стоит больше, чем ему предлагают.

Генерал откинулся на спинку стула, посмеялся. Прочитав отчет, составленный Винтером, он понял, что с американцем надо справляться не логикой, а способами иррациональными. Это была интересная задача, поскольку генерал считал себя хорошим психологом. Положение осложнялось тем, что шифровка из Москвы за подписями Абакумова и Еремина охраняла этого америкашку, так что стандартные приемы не годились.

– Садись, – приказал генерал. – Не мотайся. Запомни, мы ничего не боимся. У нас враги народа работают в спецлабораториях. Работают и делают то, что надо, работы хватит всем. Но не для тебя. Тебе работать не придется!

Генерал азартно оглядел всех стоящих вокруг него, Эн, застывшую в углу на краю кушетки. Он стиснул трубку зубами, положил руки на стол, словно за карточным столом ведя игру, которую любил.

– Ты утверждаешь, что ты Андреа Костас? Вряд ли это возможно. Костаса нет. Кончился. Есть Картос. Следовательно, тебя больше не будет. Так надо... – Он поиграл паузой. – Во имя интересов нашего дела... Вместо него будет другой парень. Поскромнее, надеюсь. У него и родители будут другие, происхождение другое. Ты и сдашь ему дела. Сам же исчезнешь. – Он любовался растерянностью Андреа, пустил дым колечками. – Не будет тебя отныне...

Тут уж, добравшись, он погарцевал в свое удовольствие. Поковырял слабое место, самое уязвимое, самое болезненное. Знал, что для Костаса дороже всего была его научная репутация. Лишиться своего имени, стать вместо Андреа Костаса господином Игреком значило остаться без печатных работ, никому не ведомым инженером, голым человеком.

Этот сукин сын, надушенный индюк, на самом деле не имел представления о том, как статьи Костаса цитировали, какая у имени его была известность. И вдруг ничего этого не станет? В тридцать лет он никто? Что он делал все годы, неизвестно, бездарный служака – не иначе. Он должен начинать с нуля, ни прошлого, ни заслуг;

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
кто ж его возьмет, на какую должность, если нет рекомендации?

– Рекомендации нашей вполне достаточно. Для любой должности, – с удовольствием заверил его генерал. – Конечно, кроме американских фирм, вы уж извините.

Свита его тотчас засмеялась.

– Мне не нужны ваши рекомендации, – стиснув зубы, процедил Андреа. – Кто вы такие, чтобы давать мне рекомендации!

– Напрасно вы так обращаетесь со своими спасителями, одни мы можем засвидетельствовать, что вы не самозванец. Кроме нас никто этого не знает. Андреа Костаса нет. Андреа Костас, бедняга, погиб, мир его праху. Американские агенты все же добрались до него и уколошили. Устраивает вас такой финал? Выбирайте сами, где произошла ваша гибель. Счастливая возможность. Не каждому удастся подобрать себе место смерти по вкусу. Хотите Ниццу? Смерть на Лазурном берегу? По-моему, красиво. И местечко очаровательное.

Андреа выругался. Вздохнув, генерал обратился к Эн:

– Ваш супруг лишен чувства юмора. Тяжело вам с ним.

– Я не даю согласия, – произнес Андреа, словно бы делая официальное заявление.

– Дадите. Иначе допуска к работе не получите. Тут даже мы бессильны. Для нас ведь тоже есть правила.

– Нет, я не согласен.

– Как вам угодно. – Генерал благодушно попыхивал трубкой. Теперь, когда он добился своего, он нежился, поигрывая словно кот с мышью. – Бедняга Винтер переоценил вас. Он сообщал, что вы человек смелый. А вы боитесь начать жизнь сначала. Без прошлого капитала вы, значит, не в состоянии? Вы что же – выдохлись? Это, конечно, меняет дело. Я-то думал, вы в расцвете сил. Не знаю, как ваша супруга считает. – И он, захохотав, повернулся всем корпусом к Эн.

– Послушайте, пан генерал, – спокойно сказала она, – вы должны понять Андреа. Представьте, что вам пришлось бы сейчас начинать с сержанта.

– А вам идет, когда вы краснеете. Дайте мне возраст сержанта – и берите мое звание. – Он с удовольствием переключился на нее. – Вам, кстати, тоже придется сменить данные.

– Женщине это легко, – она улыбалась ему как ни в чем не бывало. – Я уже меняла фамилию, а на этот раз я готова...

Их прервал Андреа:

– Вы меня похороните, а Винтер воскресит.

– Каким образом? – Генерал мгновенно насторожился.

– Если он сбежал, то сообщит.

– Не беспокойтесь. Он ничего не сообщит. Мы за это отвечаем.

Испытующе генерал оглядел всех в комнате, поднялся, демонстрируя перед Эн свою бравость, рост и ничтожность ее сникшего грека, поверженного по всем статьям.

– Мы позаботимся напечатать ваш некролог в какой-нибудь газете, “Дейли уоркер”, к примеру. – Ему было весело то отпускать, то натягивать поводок. – А хотите, напишите сами? А что? Вы же всегда высоко ценили этого парня. Можете не стесняться, воздайте ему должное.

Его свита была в восторге, гордая за своего шефа, и он победно удалился, препоручив помощнику детали.

У входа в библиотеку Андреа остановила незнакомая женщина, закутанная в синий вязаный платок. Ничего не говоря, она сделала знак головой, пошла вперед. Свернув за угол, подождала его. Неизвестно почему он последовал за ней. На ее некрасивом длинном лице горели огромные молящие глаза. Она взяла Андреа под руку, заговорила горячечно. Она жена Винтера. На самом деле он не Винтер, он Станислав Славек, пусть все знают, что уже месяц как он арестован. Пришли ночью, сделали обыск, взяли его, и с тех пор ни слуху ни духу. У них двое детей, один грудной, ничего добиться она не может – кто его дело ведет, за что взяли: при обыске ничего не нашли.

Удивительно, что Андреа понимал ее польскую скороговорку, понимал и не понимал. Новость ошеломила его. Как так взяли? Винтер же исчез, сбежал; встретив ее взгляд, он поправился – то есть это он, Андреа, считал, что Винтер сбежал от них, не желает больше с ними видаться... К кому она только не ходила, все боятся, характер у мужа, конечно, дрянной, язык вредный, но ведь Костас мог убедиться, что он патриот и не бросает друзей в беде, Костас единственный, с кем считаются, он должен помочь Стасу, он имеет право просить за того, кто их спас. Она готова была тут же на улице встать перед ним на колени, пришлось силой удержать ее.

То, что Винтер не сбежал, а арестован, не укладывалось в голове. Зачем же ему

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru сказали, что сбежал? Рассчитывали, что он что-то сообщит в подтверждение?.. В хитросплетении продуманных ловушек не повредит ли его вмешательство? Что он может? – он ведь никого тут не знает. Генерала Кульчинского? Генерала он знает, но если он обратится к генералу, выйдет только хуже, с генералом у него не сложилось... От кого он, Костас, узнал про арест?.. Пусть от нее, она уже ничего не боится.

Вечером, рассказывая об этом Эн, он признался, что искал отговорки, не хотел вмешиваться в местные дела, если Винтера арестовали, значит, есть основания. Эн повторяла одно и то же: он рисковал жизнью ради нас. Рисковать жизнью для Андреа было куда легче, чем отправиться к генералу. В поведении Винтера во время их путешествия теперь многое становилось подозрительным. Но Эн была непреклонна.

Генерал принял его через неделю. К тому времени Андреа уже официально стал Андреем Георгиевичем Картосом. Он приехал с женой из Греции, сбежав от власти черных полковников. У него была биография молодого университетского ученого в Салониках, несколько фото на фоне университета, вместе с Эн в Афинах у памятника Байрону. Эн стала Анной, чтобы Андреа мог сохранить уменьшительное Эн. По происхождению американка. В Испании познакомились, там и поженились. Андреа исправно, как и все, что он делал, выучил подробности: про отца – банковского юриста, и про мать – учительницу музыки. Братья, сестры – всех он сделал преуспевающими, счастливыми.

Принял его не генерал, а незнакомый, неизвестного звания человек в полувоенном зеленоватом френче, зеленоватых брюках, цвета как бы танковой брони, ступал он тяжело, голос у него был лязгающий, и выглядел он – как часть танка. Кажется, тот генерал пошел на повышение либо куда-то отбыл, никто ничего не разъяснял, судя по всему, здесь было принято, что люди могут появляться неведомо откуда и исчезать неведомо куда.

Начальник этот говорил не от себя, а как бы сообщал, наподобие дельфийского оракула, про опытных следователей, которые не допустят ошибки в отношении Винтера. Спросил, откуда известно про арест. Андреа был готов к этому вопросу: он не поверил в бегство Винтера, поехал к нему выяснять, соседи сказали, что произошло.

– Та-ак, мы вас проверяем, а вы нас, – произнес оракул. – Не надо вам заниматься такой работой. Больше доверяйте органам. Я мало знаю Винтера. Вы тоже мало знаете Винтера. Мы с вами не можем за него ручаться. Я смотрел ваше дело. Вы никогда в Америке не были. Следуйте своей биографии в любых ситуациях. Не ошибетесь.

Сквозь щели брони проглядывало что-то испуганное, желающее отделаться от посетителя.

– Раз вы настаиваете, напишите нам. Вы имеете право. Тогда вас вызовут на допрос, и вы сообщите. А так... вы по делу Винтера не проходите.

Это прозвучало предостерегающе.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Адъютант, провожая его к выходу, сказал, что вечером к нему придет товарищ из Москвы.

Товарища звали мудрено – Владислав Вячеславович. Выговорить это Андреа не мог, тогда приезжий предложил звать его Влад.

Совершенно лысый, отчего лицо его казалось голым, блестящим, как головка сыра, тонкие ножки-ручки, круглый животик. У него были плохие зубы, смешное английское произношение. Живой, подвижный, он совсем не походил на сорокалетнего доктора наук, начальника лаборатории. В Варшаве ему дали переводчика. Технических терминов переводчик не знал, путал “генератор” и “генерацию”. Влад попросил убрать его. Начальство отказало, пусть сидит. Влад позвонил в Москву. Переводчика убрали. У Влада был тоненький писклявый голос, когда он ругался, это вызывало улыбку. Ругался он мастерски. О прошлом Андреа и Эн он ничего не знал и не расспрашивал их, ему поручено было составить заключение о товарище Картосе как о специалисте. На третий день он перестал спрашивать, выяснять, они принялись обсуждать задачки и новые данные по быстродействующим схемам, где сам Влад путался, и они наперегонки помогали друг другу. Умственные возможности Картоса приводили Влада в восторг. Он вскакивал, носился по комнате, приседал, хлопал себя по животу, хватал Эн за руки и объяснял ей, что суть настоящего ума не в том, чтобы что-либо увидеть первым, а в том, чтобы установить связь между тем, что известно, и тем, что неизвестно. О Москве, о политике, о советских новостях они не говорили. На женские расспросы Эн, что носят в Москве, куда ходят, Влад бурчал: “Понятия не имею”; похоже, что это была правда; в Варшаве его тоже не интересовали ни город, ни окрестности, ни музыка. Отдыхал он, играя в “картишки”, кроме того отсыпался. По его словам, в Москве он спал не больше пяти часов в сутки. Он советовал Андреа, когда его вызовут в Москву, проситься в авиавоенку: больше денег и возможностей делать стоящие работы. Там хорошее оборудование, хорошие математики, хорошие теоретики.

Он спустился к ним как посланник райской обители, которая ждала их. У посланника были совершенно невыносимые ударения, так что Эн не могла удержаться от смеха. Он добродушно оправдывался; они были первые живые иностранцы, до них он ни с кем не общался, английский был для него языком статей и детективных романов. И Эн и Андрей Георгиевич были для него диковиной, иногда он не мог скрыть своего удивления, что они смеются, напевают, что Эн стирает белье.

Теплым майским воскресеньем втроем они отправились в Лазенки – погулять. Распускались тополя, неистово пели, носились птицы. Никогда в Штатах не чувствовалось такой нежности приходящей весны. Зелень была крохотной, липкой, пахучей. Сама земля набухла соками. Сладострастие жизни скрытно бушевало вокруг. Андреа и Влад увлеченно обсуждали, как можно было бы усилить и услышать токи жизни, бегущие сейчас в стволах, стеблях. Звуки, которыми полна природа, не слышимые человеческим ухом, они же могут зазвучать!.. Влад рассказал, что сейчас идет борьба за создание биофизического института, может, скоро они пробьют решение. “Борются”, “боротьяся” – мелькало в его речи не впервые. Андреа неясно представлял себе, как это бороться, с кем, что это означает.

– Андрей Георгиевич, дорогой вы мой, борьба – необходимая часть жизни ученого. Без нее невозможно. Боротьяся надо и внутри лаборатории: с бездельниками, бездарями...

Перед Андреа раскрывалась неизвестная ему боевая жизнь – сражения, схватки. Совсем не тот лабораторный покой, к которому он привык.

– Я тоже пытался... не знаю, как быть дальше... – И Андреа рассказал про свою попытку помочь Винтеру. Не может ли Влад вмешаться?..

Влад изменился в лице.

– Этими делами я не занимаюсь, – холодно сообщил он. – Напрасно вы мне это рассказали. Я вынужден буду сообщить в отчете. Вы уж извините меня, и вы, Эн, – таков порядок. Считайте меня кем угодно... – и он стукнул себя кулаком в грудь, – но это мой долг. Поэтому лучше со мной не надо все эти материи... Я вас предупреждаю. – Тонкий голосок его задрожал, голая голова влажно заблестела, он чуть не плакал.

Эн взяла его руку, стала успокаивать.

Андреа вернулся было к разговору о звуках, но ничего не получилось.

Вечером Андреа сказал Эн:

– Русская душа – что-то особенное, видишь – предупредил, и страдает, и стыдится. А ведь всего лишь честно исполняет обещанное.

XIV

Они приехали в Москву в конце августа. Их поселили в гостинице “Москва”, большой, шумной, переполненной депутатами, иностранцами; на каждом этаже круглые сутки сидели дежурные; работало множество громкоголосых горничных; официантки везли в номера гремящие коляски с завтраками, обедами, бутылками водки, боржома, шампанского. Здесь много пили, ели, гуляли. Ходили в тюбетейках, женщины – в ярких восточных платьях, все в орденах, медалях, важные, гордые, с папками.

Окна их номера, задернутые толстыми бархатными занавесями, выходили на шумный проспект, день и ночь заполненный ревом машин, гудками. Снова у них не было никаких обязанностей. Кроме акклиматизации, как объяснил прикрепленный к ним лейтенант.

Они нажились на Москву с жадностью. Они лакомились Москвой, они заходили в кафе “Националь”, наискосок от их гостиницы, там можно было встретить известных поэтов, художников, актеров. Андреа носил с собой словарь. До поздней ночи он сидел за учебником русского языка. Они выстояли огромную очередь в Мавзолей Ленина, потом шли вдоль кремлевской стены, читая доски с золотыми именами великих деятелей революции. Все здесь вызывало восторг и благоговение. Огромный этот город был бедным, но чистым, в нем не было нищих, люди спокойно стояли в многочасовых очередях. Каким-то образом в них узнавали иностранцев, показывали дорогу, устраивали места в переполненных кинотеатрах. К иностранцам вообще относились с подчеркнутым вниманием, какого они не встречали ни в одной стране. Москва действительно вела себя как столица мира. Повсюду висели портреты

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru Сталина, их было даже больше, чем портретов Ленина. Они воспринимали это как свидетельство любви к вождю. Многие черты народной жизни выглядели непонятно, например, Эн заметила, что все школьники ходят в красных галстуках, все были пионерами, никаких других организаций у детей не было. В газетных киосках продавалось всего несколько газет – четыре странички, без всякой рекламы. Вообще город жил без рекламы. Вместо рекламы лозунги, плакаты, доски почета, фотографии ударников, экраны “соцсоревнования”; “соцобязательства”, “соцдоговора” – этих слов не было в словаре. Не было и частных магазинов. Все государственное. На Центральном рынке шла вялая торговля цветами, семечками, вязаными шапочками. Пленные немцы еще кое-где ремонтировали дороги, строили дома на Хорошевском шоссе.

Раз в неделю лейтенант возил за город. В Загорск, в Лавру, – там они увидели монахов, священников, никак не думали, что сохранилось такое в социалистическом государстве.

Они получили обыкновенные советские паспорта, неказистые темно-зеленые книжечки, какие выдавались в Союзе каждому гражданину. Рекомендовалось носить паспорт с собой. В паспортах была обозначена национальность. У Андреа – грек, у Эн – американка. Здесь, в Союзе, в паспортах, оказывается, имелась графа – национальность. Ей придавали большое значение.

В воскресенье лейтенант привез Влада. Они расцеловались как старые друзья. Лейтенант уехал, Влад повел их в Третьяковскую галерею, в которой сам не бывал с детства. На обратном пути они зашли в Кремль. Там было тихо, чисто, торжественно. Цвела сирень. Сияли золотом куполов белокаменные соборы. Андреа и Эн волновало близкое присутствие Сталина. Где-то рядом, в одном из этих желтых зданий, его кабинет. И в любую минуту он сам мог выйти из подъезда.

При выходе опять тщательно сличали пропуск и паспорта. У Влада был такой же темно-зеленый паспорт, как и у них, там тоже имелась графа “национальность”, и Андреа спросил его: а собственно, что означает русский?

Влад беспечно ответил, что русские – это происхождение. Отец у него русский, мать наполовину русская, наполовину татарка. Ну а почему отец русский, допытывался Андреа, русские – это язык? религия? место рождения? Вот, например, у Эн предки – датчане, испанцы. Вероисповедание – лютеранка. Родилась в Штатах. Гражданство американское. Теперь советское. Язык английский и испанский. Какая у нее национальность? Эн заметила, что у нее ни разу не возникло надобности в этом понятии. Она даже не понимала, как практически определяется национальность. Ее записали американкой, но, спрашивается, есть ли такая национальность? И что это дает?

Влад был озадачен. Раньше он не задумывался над такими, казалось, очевидными вещами, хотя именно очевидное и таит в себе самые опасные ловушки.

Обедали в Доме театрального общества, куда Влад был вхож, его там знали и чтили как знатока русской кухни, гурмана. О будущей работе Влад сказал вскользь: “Еще немного потерпите, куда вы торопитесь, лучше, чем сейчас, не будет, поверьте мне. Сейчас нам принесут котлеты по-строгановски, гурьевскую кашу, и вы поймете, что ничего другого человеку не надо”.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
На первых порах, по словам Влада, Андреа должен получить небольшую группу. Собственно, сейчас дело за ним. Но он сказал Владу, что ему надо еще какое-то время, что его русский слишком плох. Занимался он упорно, но в какой-то момент признался себе, что оттягивает время. Никак не мог подготовить себя к новой роли. Явится он, некий Андрей Георгиевич из Афин, – смешно. Чего вы нас поучаете, Андрей Георгиевич, сами-то вы что сделали? – спросит его какой-нибудь наглец выпускник, коротко стриженный, в солдатской гимнастерке; совершенно явственно он представлял себе его румяную физиономию, а за плечами юнца – пожилого сотрудника, лысого, понурого, с язвительно поджатыми губами. От него будут ждать немедленных результатов, откровений. Как зрители в цирке: чуть оступился – свист, насмешки, и все, ты погиб. Это не ошибка, это разоблачение!

С каждым днем эта страна, Москва, казалась им все прекрасней и непонятней, как и этот русский язык, перед которым Андреа, несмотря на свои способности, то и дело становился в тупик. Он, например, чуть ли не день потратил, чтобы понять – “пристал как банный лист”. Баня – он не знал, что это такое, зачем в бане веник, что значит париться... Дотошность мешала ему, но он ничего не мог с собою поделать, это было в его характере.

2 июня 1951 года вечером они находились у себя в номере. Дневная жара еще не выдохлась, Андреа в трусах расхаживал, декламируя Пушкина. Стихи, да еще рифмованные, помогли ему изучать язык и правильно расставлять ударения. Эн сидела тоже в рубашечке, шила, укорачивала юбку. В дверь постучали. Андреа машинально сказал: “Да”. На пороге показался мужчина в мешковатом летнем костюме, в роговых очках, сутулый, длиннорукий. Эн вскрикнула, закрываясь юбкой, но крик ее оборвался. Этот человек был знаком, неправдоподобно знаком, она и Андреа не поверили своим глазам. Не привидение ли? Привидение тоже остолбенело, не в силах двинуться дальше. Мистификация? Мираж? Они не знали что и думать.

– Это ты? – со страхом спросил Андреа.

– Не знаю, – неуверенно ответил Джо, и они двинулись навстречу друг другу.

Они даже не посмели обняться, они сперва осторожно дотронулись до рукава, до рук.

Их никто не предупредил. Джо привезли в Москву из Праги, поселили в соседнем “Гранд отеле” и сказали: зайдите вечером в такой-то номер, вас хотят видеть.

Джо уставился на Эн – застань он здесь президента Трумэна, штопающего свои носки, он был бы менее удивлен.

Понадобилось двое суток, чтобы они пришли в себя. Двое суток они не могли наговориться.

Появление Джо было не только обретением друга. Появился единомышленник. Появился человек, который знал, кто такой на самом деле этот Андрей Георгиевич, знал его работы, его возможности. О, это создавало совсем другое самочувствие. Андреа преобразился, он обрел себя, страхи исчезли. Отныне они вдвоем. Чтобы работать вместе.

Джо рассказал о своих планах. Он был в восторге от Москвы. Когда он спустился по трапу самолета на плиты Внуковского аэропорта и увидел над аэровокзалом кумачовый лозунг: “Социализм – все для человека, все ради человека! Да здравствует партия Ленина – Сталина!” – он заплакал от счастья. Запретные слова висели над входом в страну справедливости, написанные огромными буквами: “социализм”, “партия Ленина”...

Наконец он попал в мир своей мечты. Прага, Чехословакия – это не то, здесь же коммунисты у власти уже три с половиной десятилетия, люди уже избавились от капиталистических пережитков, это народ, который спас Европу от фашизма, отсюда начинается новая жизнь.

Когда его вызвали и сказали, что надо лететь в Москву, он ни о чем не спрашивал. Есть лететь в Москву! Ему нравилось чувствовать себя солдатом революции. Кто-то распоряжался им, его судьбой, он – частица огромного замысла, двухтысячелетней мечты человечества о справедливом строе. Его дело – исполнять свою роль. Что она означала в общем механизме, он не всегда мог осознать, да и зачем? Лучше исправно служить, пусть винтиком, но лучше винтиком, чем существовать без цели, без великой мечты. Солдат ведь тоже винтик. Где-то там, в штабе, передвинули флажки, и в результате они – трое – очутились в Москве.

С утра Джо и Андреа отправлялись в Ленинскую библиотеку – знакомиться с периодикой. Американские, английские, французские журналы, не читанные за год, монографии, рефераты. Каждый смотрел свое, а потом устраивали друг другу нечто вроде обзора. Вокруг кибернетики бушевали страсти. Ее обвиняли в отсутствии научного подхода, в том, что она сделает людей жалкими. Французы называли кибернетику научной фантастикой. Ученые обижались: мол, новая – шумная, невоспитанная – наука хочет захватить биологию, социологию, математику, что для нее это всего лишь равнозначные системы! Джо увлекали эти схватки, Андреа же считал, что их дело заниматься не лозунгами, а техническими проблемами.

Количество технических разработок в Европе и Америке нарастало лавиной. Намеки, ссылки, знакомые фамилии подсказывали им, что военные продвигались особенно успешно и быстро.

В Советском же Союзе, по-видимому, в этом плане мало что делалось, кибернетикой пренебрегали, к ней относились подозрительно. Джо считал, что их задача – развернуть работы, и не просто в маленьких лабораториях, нет, надо задаться высшей целью: показать фантастические возможности компьютеров, создать машины, каких еще нет нигде. Организовать производство таких машин. Превратить эту страну в компьютерную державу!

Мысль его кипела, холодная трезвость Андреа только подстегивала воображение. Он был убежден, что будущее принадлежит кибернетике. Могущество каждой страны будет определять не пушки, а компьютеры.

– Мы соединим американскую деловитость с русским размахом, как мечтал Ленин! Плановая советская экономика даст нам возможности, каких нет ни у одной капиталистической фирмы!

Его энтузиазм вскоре увлек и Андреа.

– Судьба наша удивительна! – доказывал Джо. – Нам невероятно повезло! Мы должны отблагодарить эту страну, она спасла нас!

Восклицательные знаки его высились, как шпили над Москвой.

Решено было посоветоваться с Владом. В результате они сочинили докладную записку, как назвал ее Влад, в ЦК партии.

Записка вызвала споры. Несколько недель она путешествовала по этажам огромного здания ЦК из кабинета в кабинет, обрастая справками, заключениями консультантов, экспертов. Что-то в ней было такое, что не позволяло ее сразу отринуть. Приложенные справки рекомендовали авторов как крупных специалистов, “связанных с американским военно-промышленным комплексом”. Слово “американским” разные читающие подчеркивали – каждый по-своему. Несмотря на успехи наших атомщиков, многие здесь, в ЦК, втайне чтит американскую технику и понимали ее превосходство. Хорошо, что Влад отказался подписать эту бумагу. Его подпись испортила бы впечатление. Свой специалист, какой бы он ни был, не котировался. Помимо американского происхождения письмо смущало опытных партийных читчиков своей угрожающей уверенностью: не возьметесь за ум – останетесь в дураках, и тогда вам все припомнят, начнут искать Тяпкина-Ляпкина. На то же намекал и Влад, будучи вхож в некоторые из кабинетов.

Званий у Влада, кроме докторской степени, не было. Единственное, что он каким-то образом сумел себе заработать, была репутация еретика. В этом строжайшем учреждении его терпели и даже привечали как еретика – как специю, острую приправу к пресному потоку просителей и хлопотунов. Кроме того, этот головастик с тонкими, нежными чертами лица, с огромным лбом, с классической внешностью ученого мог мастерски ругаться, тонким писклявым голоском он запускал искуснейший мат, беззлобный орнамент, который вызывал восторг и зависть начальствующих ценителей.

В верхние кабинеты Влад направлял академиков, которым не могли отказать в приеме и которые пытались как-то отстоять “компьютерную мечту”. Хотя бы частично, помалу, по полешку, “полешко к полешку, и дровишки соберем”. Их выслушивали внимательно, иногда сочувственно, особенно военных. Военных подпирала нужда, при новых больших скоростях самолетов требовались другие способы управления, другие зенитные средства. Но и военные были не всесильны. Обычно они командовали, но тут натолкнулись на сопротивление идеологов. Связываться с идеологами опасались даже чекисты, идеологи же к тому времени уже публично предали кибернетику анафеме.

В конце концов партийное начальство зашло в тупик и предложило послушать авторов записки. Разумеется, в узком кругу. Без особых дискуссий, любопытно просто познакомиться с их взглядами несколько пошире, побеседовать в непринужденной обстановке.

До этого отзвуки происходящих схваток доносились до Джо и Андреа исключительно от Влада, а тот был немногословен. Тем более что они не знали ничего толком о шумной кампании, которая разворачивалась против кибернетики.

Как потом признавался Влад, ему было стыдно посвящать иностранцев в эту гнусь. Цековские идеологи, открыв новый фронт, искали отечественных злоумышленников. Уже готовились диссертации: “Кибернетика – оружие холодной войны”, “Философия американской кибернетики как оплот идеализма”. Уже были мобилизованы физиологи, международники, лингвисты и целый ряд философов. Так что записка наших героев появилась как нельзя кстати, вражеская идеология обрела домашний адрес, физиономию, противник проник на нашу территорию, и можно было трубить сигнал тревоги.

Несмотря на обещание, что разговор будет в узком кругу, за длинным столом среди приглашенных оказались философы, профессор психологии и профессор-физиолог. Иностранцев усадили в огромные кожаные кресла. Принесли чай с баранками, печенье, поставили вазочки, полные синих конфет “Мишка на Севере”. По словам Влада, прием шел на высшем уровне. И разговор начался ласково, с полным пиететом, так что Андреа, то есть Андрей Георгиевич, фамилию которого здесь не объявляли, так же как и фамилию Джо, быстро оттаял, позабыл о наставлениях Влада и развернулся во всем блеске своей логики. Даже Джо слушал его, изумляясь тому, как отточилась мысль Андреа за время их разлуки.

Хозяин кабинета – Гаврилов, – мясистый, добродушный, по-волжски окающий, слушал благожелательно, помогая Андреа найти нужное слово, когда посыпались вопросы. Он, не скрывая, явно был на стороне военных, придерживая остальных. Философ, за ним и профессора дружно прорвались и стали энергично тянуть Андреа от технических задач к общим проблемам. Можно ли какие-то звенья руководства заменить машиной? Не следует ли отсюда, что со временем можно будет заменить и человека машиной?

Влад попробовал напомнить, что они собрались, чтобы обменяться мнениями. Но философ сказал, что, прежде чем меняться, надо составить свое мнение, а составить его можно, определив позицию оппонента. Влад возразил: здесь нет оппонентов, спорить легче, чем беседовать; но философ, крепко, загорелый, по виду тяжелоатлет, как бы отодвинул его в сторону и в упор спросил Андреа о разнице между машиной и человеческим сознанием. Человек ведь социально организованное существо, продукт общественного процесса и так далее.

– А компьютер есть продукт этого социального человека, – отвечал Андреа.

– Нет уж, позвольте, Андрей Георгиевич, вы уходите от ответа. Я человек, у меня есть эмоции, гнев, озарения, юмор, а у вашего компьютера?

– Это хорошо, что у вас есть юмор, – сказал Андреа. – У других людей нет юмора, а они тоже люди. Озарение?..

– Вдохновение, – подсказало начальство.

Тут попросил слова профессор-физиолог Артемьев и круто перешел в наступление. Атмосфера в кабинете стала меняться в тональности – на уровне спокойного разговора удержаться не удалось. Начальство обращалось к Андреа, призывая подтвердить идеологические принципы, и он охотно выражал полное согласие: да,

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru конечно, буржуазия хочет превратить человека в машину, – вспоминал фильм Чарли Чаплина “Новые времена”. Его уступчивость почему-то вызвала ожесточение у профессора психологии, который тут же довольно резко заявил, что не стоит сводить спор к проблеме человек – машина. Нет, фальсификаторы науки идут куда дальше, они выступают, по сути, против науки о высшей нервной деятельности, созданной И. П. Павловым.

Артемьев зачитывал цитаты, выписанные на карточки.

– Они распространяют кибернетику на явления общественной жизни, – сказал он. – Семонтин Ханавя договорился до того, что не за горами время, когда вычислительные машины избавят людей от обязанности мыслить, будут предсказывать ход истории.

Влад попытался перевести разговор:

– Вопрос для меня в другом: способен ли мозг усовершенствовать себя? Может ли разум создать машины, которые были бы разумнее его? У меня нет ответа. Я не знаю, как с точки зрения марксистской философии.

– Не будем смешивать гносеологию и политику! – осадил его Артемьев. – Мы имеем дело с идеологической диверсией, и это куда важнее. Уважаемый Андрей Георгиевич, согласитесь, что кибернетика сегодня нужна не нам, а капиталистам, это инструмент, чуждый социалистическим принципам. Она не русское начало, если угодно, она антигуманна.

– Разве бывают русские машины? – спросил Картос.

– Бывают, например счеты деревянные, – отозвался Джо.

За Артемьевым выступил профессор-лингвист, эта троица действовала слаженно, создавая привычную для тех лет обстановку проработок. Председатель пытался утихомирить их и не мог. И хотя напрямую никто не возражал – остерегались, – но как-то при этом выходило, что их дело противозаконно, да и сам Андреа подозрителен.

Джо обещал Андреа, что будет молчать, но тут он взорвался, мешая русские слова с английскими, захлебываясь от возмущения. В стенограмме речь его выглядит чудовищной невнятицей, на самом деле его прекрасно понимали, тем более что он тыкал пальцами в своих оппонентов, отчаянно жестикулировал, показывая, что компьютеров боятся чиновники, которые опасаются обнаружить свою некомпетентность. Да, компьютеры бросают вызов заурядности. Если компьютер сможет когда-нибудь заменить человека, то о чем это говорит? Всего лишь о том, что люди не божественные творения. Но разве это не торжество материализма? И Коперник, и Дарвин, и Джордано Бруно тем и занимались, что сводили статус человека к статусу частицы природы. И это правильно, в этом мужество нового общества. Человек силен рационализмом, компьютеры – усилители человеческого преимущества, инструмент социализма. Да, да, социализма! Социализм нуждается в компьютерах. Капитализм не в состоянии их использовать, это анархическое, бесплановое общество!

Вдохновенная эта речь не произвела впечатления на противников, они гнули свое. Как потом выяснил Влад, им не нужны были ни покаяния, ни аргументы, им нужен был упорствующий враждебный элемент. Встревоженное начальство сочло полезным именно на этой точке закончить плодотворное обсуждение, первое в таком роде.

Но Джо невозможно было остановить. Размахивая длинными руками, он носился по кабинету, как большая обезьяна, свирепая и беспомощная. Наверное, он что-то не понимает! Не считаться с мнением советских товарищей он не может. Но как специалисты они должны сказать, они уверены, что индустриализация потребует вычислительной техники. Когда-нибудь все равно придется вернуться к этой проблеме. Но будет уже поздно. Обсуждение пользы не принесло. Обсуждать можно без конца. Сейчас Советский Союз может оказаться впереди. Все решают не годы, а месяцы. Так же как с атомной бомбой. Если бы товарищ Сталин знал, он бы, конечно, помог, он бы сразу оценил важность задачи.

Воцарилась тишина, какая бывает в цирке при смертельном номере. Все застыли. Не хватало только барабанной дроби. Джо не отдавал себе отчета, что он вступает в опаснейшую зону.

– Если б мы могли попасть к товарищу Сталину! – воскликнул он.

Все заледенело в кабинете. Лица опустели. Люди застыли – кабинет, полный манекенов.

– Почему нет? – настаивал Джо с какой-то отчаянностью. Мысль эта захватила его своей простотой. – Товарищ Сталин примет. Я уверен, что он выслушает нас!..

Председатель поднялся, вслед за ним встали и остальные, монотонным голосом он определил встречу как полезную для выяснения точек зрения, “товарищ Сталин учит нас не уходить от острых вопросов”. Нельзя было понять, что означали его слова – одобрение или порицание.

На обратном пути они втроем – Джо, Андреа и Влад – зашли в ближнюю забегаловку на углу, заполненную запахами горелого масла, пива, табачным дымом. Взяли по бутылке пива, пристроились в стоячке. Влад выпил не отрываясь.

– Ух ты, – сказал он и сладостно выругался, сперва по-русски, потом попробовал перевести по-английски: дескать, все обделались, и он, Влад, тоже чуть не усрался... – Да потому что нельзя, потому что Джо всех потащил на минное поле, да потому что... – Но тут он безнадежно махнул рукой. Что-нибудь объяснить этим пришельцам с другой планеты было невозможно.

Джо, однако, не собирался отказываться от своей идеи, он уверял, что они могут попасть к товарищу Сталину, что Сталин доступнее, чем Трумэн, и они должны испробовать эту возможность. Со Сталиным легче найти общий язык, чем с этими философами. Чем черт не шутит. Поражение – это, конечно, печально, но настоящая неудача – если даже не попытаться.

– Может, все сладилось бы, если бы ты не вылез, – сказал Андреа. – Я тебя просил – сиди, закрыв рот. Перетерпел бы..

– И что?

– А то, что я бы поднял руки, признав их полную победу.

– Это невозможно! Какая же победа, когда они ни в чем не могли тебя опровергнуть? И после этого унижаться? Ни за что!

– Мне нисколько не стыдно. Мне важен успех, а не геройство. Герой тот, кто видит дело какое оно есть. Дело же наше в том, чтобы нам дали работать. На любых условиях.

– Что мне с ними – целоваться? Всему есть предел.

– Время, конечно, работает на нас, – сказал Андреа. – Но мы в это время не работаем. Ну не пойдешь ты на поклон – и что дальше? А куда пойдешь? Где тебя ждут? Меня, например, нигде.

– Не спорьте, дети мои, ибо оба вы строите свой дом на песке, – сказал Влад тоном патриарха, все же он был старше их на пять лет плюс целая советская жизнь. – По-вашему, они хотят вас переубедить. Да ни в коем случае. Им нужен противник стойкий, как Джо, чтобы, дай ему бог здоровья, упорствовал, не отступал от своих вредных взглядов. Если бы вы, Иосиф Борисович, были советским гражданином, цены бы вам не было, вас бы разоблачали год, а то и два, поигрались бы с вами, как наш Лысенко с генетиками.

– Вот видишь! – воскликнул Андреа. – Если мы признаем их правоту, они будут вынуждены от нас отстать.

– Позвольте вас разочаровать, Андрей Георгиевич, ваша капитуляция их не устроит. Вы только обнаружите свою безыдейную сущность. Приспособленцы! Двuruшники! С вашего покаяния ничего не получишь. На хрен им победа! Если они разгромят противника – они больше не нужны.

– А мне нравится эта битва, – сказал Джо. – Поединок – то, чего мне не хватает!

– Правильно. Это вы получите, ибо мы живем в лучшем из миров!

Дрянное московское пиво, черствые бутерброды с килькой, синий дым дешевых

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru папирос, подвыпившие командированные в солдатских ушанках, с тяжелыми портфелями – все было пронизано смутной надеждой, а главное, перевито, украшено сумятицей разговора, который выводил их то к схеме декодирования, то к нервной системе, то к стоимости машины, способной соревноваться с мозгом, а то к проблеме добра... Жар и беспорядок русских бесед были не в характере Андреа и больше всего нравились ему в московской жизни.

Он сцепился с Владом, считая, что искусственный интеллект сам докажет, что он равен мозгу. Влад возражал, что именно компьютер и докажет, что он не равен мозгу. Есть еще душа, и тут Влад, вздыхая, смущаясь, признавался, что он убежден: душа есть у всего живого.

На следующий день Джо из своего номера вопреки всем уговорам стал дозваниваться в ЦК партии, в секретариат товарища Сталина с просьбой о приеме. Там долго не могли его понять, от волнения он все время переходил на английский, наконец разобрались, обещали позвонить. Действительно вскоре позвонили, порекомендовали обратиться в приемную к товарищу Берии. Джо настаивал – только к товарищу Сталину, поскольку проблема философско-экономическая. Хорошо, сказали ему, “через некоторое время вам сообщат”.

Авантюра, определил Андреа, откажут, будет еще хуже, откажут и запретят – куда тогда податься? Другой работы он для себя не мыслил. Будем ждать, придется ждать, успокаивал их Влад, в России надо уметь ждать, в России все меряют годами. Чего ждать? Пока не утихнет кампания. Может, год, может, два. Джо хватался за голову.

В журнале “Природа” появилась статья профессора Быховского – оказалось, одного из тех, кто был на совещании. Статья называлась “Кибернетика – американская лженаука”. Примерно такая же, но более ругательная, вышла в “Правде”, в ней упоминался доктор наук В. В. Терентьев – апологет реакционных взглядов. Оказывается, это и был Влад. Его и еще двух математиков стали склонять на лекциях в Высшей партийной школе как проводников семантического идеализма.

– Хотя бы объяснили, что это такое, – жаловался Влад. – Знаю только, что я дошел до геркулесовых столбов бесплодного формализма.

В один прекрасный день он появился в сопровождении двух военных, они привезли предписание отправить А. Г. Картоса и И. Б. Брука в Прагу, где начинаются работы по аналоговому вычислительному комплексу для стрельбы по самолетам. Отправляться немедленно, там все приготовлено к их приезду.

Джо заявил, что не хочет возвращаться в Прагу, они, мол, оба не намерены покидать Москву. И кроме того, ждут сообщения из секретариата товарища Сталина.

– Думаю, в инстанциях все согласовано, – осторожно сказал один из военных. – Если понадобится, вас вызовут.

Влад уговаривал их согласиться, самое лучшее сейчас удалиться из Москвы, с глаз долой – из сердца вон. Военные прикроют их зонтом секретности. Прага всего лишь география, работа пойдет на Советский Союз. Лаборатории там приличные, в

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
средствах стеснять не будут, главное же – задача красивая, многообещающая...

– Увидимся, бог даст, когда страсти утихнут, – сказал Влад и добавил с усмешкой:
– Если меня к тому времени не склюют.

Плечи его обвисли, он съезжился, как будто из него выпустили воздух, осталась лишь огромная голая голова на худеньком туловище. Они вдруг заметили, как плохо он выглядит.

XV

3 декабря 1952 года в Праге был приведен в исполнение приговор – агенты империализма, одиннадцать человек во главе с Рудольфом Сланским, были расстреляны.

Разразился мировой скандал. Во всех странах расценили дело Сланского как антисемитское. Из одиннадцати казненных восемь человек были евреями. Коммунистическим партиям Европы приходилось придумывать, отбиваться, отбихиваться. Руководитель французских коммунистов заявил: “Казнь Сланского не связана с антисемитизмом, а вот дело Розенбергов – пример антисемитизма!”

Английские, немецкие коммунисты повсюду твердили: “Травят евреев в США, а не в соцстранах! Дело Розенбергов сфабриковано, а дело Сланского не сфабриковано! Сланский признал себя виновным, они, все одиннадцать, признались, что предали родину!”

В Праге лабораторию вместе с институтом повели на митинг. В рабочее время, значит – в обязательном порядке. Колонна за колонной несли выданные плакаты: “Смерть наемникам капитала!”, “Если враг не сдается – его уничтожат!”, “Повысим бдительность!”. Это было накануне Рождества. В витринах сверкали серебряные звездочки, висели елочные украшения. Подарки заворачивали в рождественскую бумагу, украшенную блестками.

А с трибуны, усиленные репродукторами, неслись проклятия...

Джо и Андреа стояли, опутив головы. Слушать было тяжело. На обратном пути Джо рассказал Андреа историю с Миленой. Люди Сланского, видимо, творили черт знает какие беззакония. Об этом правительство знало или нет? Если не знало, то что это за правительство? Если были шпионы, то почему именно евреи? Получается, что одни и те же люди казнили Сланского и других как евреев и ведут кампанию против дела Розенбергов, доказывая, что это антисемитизм. Выходит, что антисемитизм – политический инструмент...

Ночью они слушали США. Американские ястребы обрушивались на демократов: “Сланский признает себя виновным, а вы считаете, что он невиновен. Как же так? Тогда будьте любезны и с Розенбергами рассуждайте так же, Розенберги считают себя невинными, а суд признал их виновными – значит, это правильно!”

– Сукины дети, как они манипулируют, – сказал Андреа. – Словно бы уселись на одну скамью коммунисты в обнимку с сенаторами и судят одним судом.

После казни Сланского и его приспешников Джо стал ждать разрешения проблемы Розенбергов. Они по-прежнему пребывали в камере смертников. Казалось бы, Америке сейчас выгодно сделать гуманный жест и помиловать их. Может, для этого достаточно какого-то толчка? Надо что-то сделать. Но что именно, он не знал, строил фантастические планы: может быть, они смогли бы здесь, в Праге, собрать пресс-конференцию, все же уникальный случай, два друга Розенбергов, два коммуниста, чудом спасшихся от ЦРУ, свидетельствуют...

– О чем? – холодно уточнял Андреа. – У нас нет никаких документов, ничего юридического. Что мы можем сообщить? Что мы не верим в их виновность? Но это же глупо.

– А что умно? Что? – Джо раздражала спокойная рассудительность друга. – Их могут казнить в любую минуту!

– Я уверен, что они невиновны. Но твое предложение абсурдно. Кроме того, мы не имеем права раскрываться. Мы дали подписку. И тем самым выключены из игры. Поэтому нам лучше об этом не думать. Бесплодные терзания только мешают жить и работать, у нас сейчас...

Как всегда, логика его была безупречна, непонятно лишь, как жить с ней, как Андреа сам, все понимая, все чувствуя, уживался в столь геометрически правильном мире.

Работа увлекала их, Андреа накинулся на нее с жадностью изголодавшегося. Устройство, которым они занимались, предназначалось для стрельбы по самолетам противника, под противником же подразумевались американские самолеты, их скорость, их данные – стратегическая доктрина советских военных строилась с расчетом на войну с США. Врагом номер один были американцы, но Андреа не обращал на это внимания. И Джо понимал его – задача была интересной сама по себе и технически и математически, а кто в кого стрелять будет – наплевать, такой заказ можно взять хоть от дьявола.

Лабораторию они получили приличную. Руководителем стал Андреа, заместителем – Джо. Первенство Картоса подразумевалось само собой: властный характер, сам склад инженерного ума позволяли ему из многих подходов безошибочно выбирать лучший и определять, как и кому что делать. Всякий раз, когда Андреа делал выбор, Джо интуитивно ощущал правильность его решения.

Они не обращали внимания на слежку за ними, на сдержанность сотрудников, их настороженность, на оглушительные сообщения, которые шли из Венгрии, где разоблачали шпионскую группу кардинала Миндсенети, затем группу Райка, в Болгарии группу Трайче Костова, повсюду американские агенты проникали в руководство, вплоть до Политбюро. Но Андреа и Джо знали, какими возможностями обладает ЦРУ, как энергично оно действует, и полагали: нет ничего удивительного в том, что во всех странах социализма находились предатели. Если же разговоры чисто антипартийные, то подсудна ли внутривластная борьба? Своими размышлениями

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru они делились только друг с другом, это они уже усвоили: ни с кем из сотрудников никаких разговоров о политике вести нельзя. Джо предупредил Андреа: “Они обязаны сообщать, не будем делать их подлецами”.

А работа, она спорилась, словно казни способствовали вдохновению. За полгода у них образовался задел идей на несколько лет вперед.

В конце января Андреа получил из Польши сообщение – Винтер признался: он был двойным агентом, завербованным ЦРУ еще в 1947 году. Это было чудовищно. Эн не могла поверить. Как же ЦРУ позволило спасти их? “Но он признался”, – повторял Андреа. Признание Винтера бросало подозрение и на них. Временами ругань в адрес американской военщины, американской науки, американских небоскребов, кока-колы, джаза коробили их. Правда, американские антисоветчики тоже клеветали – по их словам, в Москве хватали людей прямо на улицах, на работу ходили строем, читали только брошюры. В конце концов, и дело Сланского и польские дела возникли не сами по себе, несомненно, что ЦРУ действовало, оно никогда не стеснялось в средствах. Джо и Андреа испытали на своей шкуре. Борьба шла не на жизнь, а на смерть. Не между Америкой и Россией, а между империализмом и социализмом. И они стали в этой борьбе на сторону социализма!

Выбило их из колеи сообщение от 13 января: в Москве раскрыта группа врачей-убийц, они готовили покушение на руководителей страны. Большинство арестованных были евреи, и Андреа опасался, как бы Джо не почувствовал себя уязвленным, но Джо и не подумал принять это на свой счет, он твердо знал, что антисемитизма в Советском Союзе нет и не может быть: Советский Союз разгромил фашизм, вместе с ним расовую теорию; здесь, в Чехословакии, в Польше, эти пережитки еще существуют, в Союзе же – никогда.

Комплекс завершили к февралю 1953 года. Опережая все сроки. Морозным солнечным днем начались испытания на полигоне. Комиссию составили из промышленников и военных. По летящей цели стреляли с земли. Из зениток, оборудованных приборами. Точность попадания получалась много выше обычной. И скорость стрельбы и прочие показатели обрадовали военных. Промышленники ворчали, но не слишком; как объяснили Андреа, промышленники всегда ворчат на всякий случай, но тут их все устраивало: и малые габариты, и сравнительная простота. Заместитель командующего, Герой Советского Союза, обнимал Андреа, обещал взять под свое крыло... Позвонил в Москву, доложил о хороших результатах, замечаний было немного. Чехи устроили банкет.

Андреа и Джо усадили в центре стола, между ними сел заместитель командующего ВВС Колосков. Поднесли бокалы, огромные, в виде колокола.

– Ничего не поделаешь, – сказал Андреа, – придется научиться пить, иначе мы тут пропадем.

Колосков похлопал Джо по плечу:

– Иосиф Борисович, ты не беспокойся, мы тебя в обиду не дадим!

Бывший летчик, пил он мастерски, но голова оставалась ясной, он четко,

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru по-деловому тут же между блюдами обговаривал условия следующего заказа. К Джо подошел маленький человек в штатском, с рюмкой.

– Поздравляю вас! – сказал он. – Узнаете?

Это был Сергей Сергеевич из Хельсинки – та же лиловая физиономия, только расплел, округлился, заблестел, как заново отлакированный.

– Я теперь тут. Курирую. Всех. – Еле заметно, ладошечкой, он обвел пиршественный стол, а заодно как бы и всю эту маленькую страну. – А вы, значит, тоже здесь? Укрылись! – усмехнулся. – Но, видите ли, от нас не укроешься. – Он обратился к заместителю командующего: – Это ведь я товарища Брука вытащил к нам в Союз. Представляете, тапером работал в кабаке. Вот как туго у них ученым приходится! Боялся к нам ехать. – Куратор хмельно заулыбался. – Уж как я его обхаживал, товарищ генерал. Приятно видеть результаты. Мы люди скромные, о нас всегда забывают.

– О вас не забудешь, – весело пробасил генерал. – А забудешь, так вы напомните. – И заколыхался смехом. Вслед за ним все с удовольствием засмеялись.

– Действительно, – сказал Джо, – не хотел. Очень вы мне тогда не понравились. Я думаю, что без вас, с тем грузином, все прошло бы легче.

Шум за столом стих, их внимательно слушали.

– Перестарался ты, браток, – сказал замкомандующего пьяно-добродушным тоном. – Да все равно молодцы, что достали нам таких орлов. Выпьем за наших неслышных, можно сказать, интимных спутников!

Неслышный товарищ Юрочкин чокался безулыбчиво, к нему подходили и отходили; закончив ритуал, он поманил к себе Джо и чокнулся с ним повторно.

– За нашу следующую встречу, Иосиф Борисович. Бог троицу любит. – Он выпил, наклонился к Джо, оскалится, словно бы укусить собрался. – Не понравился я? Как же быть теперь, что делать?

Рядом с ним откуда-то появился бледный, плаксивого вида чех из “беспечности” (“По-нашему значит безопасность”, – пояснил Юрочкин) и пожаловался:

– Слышал, Иржи, не нравятся ему наши органы. Всем сионистам мы не нравимся. Насильно мил не будешь. А мы ценим вас, Иосиф Борисович. Верно, Иржи?

– Ценим, – подтвердил Иржи. – Но я их не люблю.

- Да, они народ неблагодарный. Вы ведь наш должник, Иосиф Борисович.
- Что я вам должен?
- Нехорошо... Я передам генералу Гогоберидзе, какая у вас плохая память.
- Да, перед генералом я в долгу.
- Ну слава богу.
- Мы давно ценим товарища Брука, – с печальным смешком сказал чех.

Замкомандующего, услышав, погрозил им пальцем.

– Не надейтесь! Не отдам! Вы любите хапать. Знаю я ваши шарашки. Ничего, – обратился он к Андреа, – вы наше имущество. Это я вам говорю! Пока что с нами считаются!

Значение полупьяного этого разговора открылось Андреа спустя годы.

Безопасность любила иметь своих спецов, свои конструкторские бюро, лаборатории, свою химию, физику, свою технику, связь, транспорт, литературу, медицину. На нее работали известные ученые, их то сажали, то выпускали. Крупный радист А. Л. Минц рассказывал Андреа, как однажды его вызвал Берия и приказал ускорить строительство новой радиостанции. “Не сделаешь к сроку – посажу!” – пригрозил он. “Так я уже сижу, гражданин министр”, – сказал Минц. Берия выругался. “Ну тогда если сделаешь в срок – выпущу!”

В новосибирском Академгородке замечательный физик Борис Румер рассказал Андреа про шарашку, где вкалывал, будучи эком. Вместе с ним там работали Туполев, Мясищев, Петляков, Карпов – он перечислял имена авиаконструкторов, ракетчиков, хорошо известные Андреа. Среди многих рассказов Румера особое впечатление произвела история Роберта де Бартини. Представитель древнего итальянского рода, он юношей вступил в компартию в первый же год ее создания, в 1921 году. С тех пор идея социализма завладела всеми его помыслами. Прекрасное образование и блестящие способности обещали ему большое будущее. фашистский переворот 1926 года, захват власти Муссолини заставил де Бартини уйти в подполье. Он мог уехать в любую страну Европы; вместо этого с благословения Антонио Грамши, руководителя итальянской компартии, отправился в СССР “помогать строительству социализма”. За несколько лет он выдвинулся как выдающийся специалист самолетостроения. А в 1937 году был арестован и взят в шарашку. Как враг народа, как итальянец. Впрочем, причины и следствия взаимозаменяемы. Та шарашка конструировала новые бомбардировщики, истребители, штурмовики. Сколько было таких шарашек, неизвестно. Кормили в них прилично, харч был хорош и в войну и после. В распоряжении конструкторов были техники, модельщики, а также чертежницы, с которыми умудрялись уединяться в модели самолета, стоящей посреди зала. По

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru словам Румера, зэки переправляли из своего пайка продуктовые посылки семьям в голодную Москву и в Свердловск. По случаю успешного завершения какой-либо модели устраивалось пиршество. Оттаскивали кульманы, сдвигали столы в один общий, выставлялась закуска, водка. Иногда на эти торжества приезжал сам Берия, привозил шампанское, конфеты, деликатесы, угощал своих “невольников”. Сидел во главе стола, нежился в образованном обществе докторов, профессоров и прочих арестантов, произносил тосты, выслушивал рассказы, анекдоты. Разрешались и вольности, за исключением одного – не полагалось обращаться к наркому с ходатайствами. Однако Роберт де Бартини, видя перед собою главу НКВД, не удержался и тут же за столом между тостами спросил его со всей учтивостью, за что, собственно, его заключили, в чем его вина, никаких конкретных обвинений ему не было предъявлено. Сильный акцент выдавал его происхождение, происхождение извиняло наивность, и это несколько смягчило скандальный казус. Берия, надо признать, выслушал итальянца благодушно и ответил испытанной шуткой: “Было бы за что, ты бы не тут сидел!” Захохотали все, смеялись натурально, поскольку это относилось к каждому.

Угодить в подобную шарашку и наши американцы могли бы запросто, если б к тому времени оформилось соответствующее направление новой техники. Но пока что дело в свои руки взяли военные, толковые офицеры, они раньше других оценили возможности ЭВМ.

Москва выразила благодарность за результаты; пражской лаборатории выделили оборудование, добавочное помещение и штаты. Начальство считало, что важность каждой организации определяется количеством работающих. Большая лаборатория – значит, серьезная. Больше людей, больше квадратных метров – больше денег. Начальство изумилось, когда Андреа попросил дать ему пятерых электронщиков и пятерку монтажников. Не мало ли?

Чехи, люди хозяйственные, интересовались больше промышленными делами, они нуждались в станках с программным управлением и потихоньку протаскивали в план лаборатории свои темы. Военные ворчали: не отвлекайте, мол, наших. Отвлечение было на руку товарищу А. Г. Картосу: чем больше будет разных заказов, тем легче маневрировать, тем больше независимости. Система была непривычной, все планировалось загодя, любая новая конструкция, прибор, иначе нет для них материалов, потому как материалы тоже заказывали впрок – и паяльники, и сопротивления, и стэнды. К тому же надо было сочинять никому не нужные отчеты, участвовать в соревнованиях, сидеть на собраниях... Удивительно быстро Андреа сумел изучить ритуальные обычаи, мало того, он научился обходить их, использовал свою как бы наивность, незнание языка и местных обычаев.

Джо стоял у окна и плакал. Не всхлипывая, неподвижно, беззвучно, как плачут мужчины, когда они плачут. Андреа сидел за столом, положив голову на кулаки. Прошло несколько часов с того момента, как его разбудила Эн и сказала самым будничным тоном, Андреа навсегда запомнил обыденность ее голоса: Сталин умер. Он не поверил – Эн поймала Би-би-си, вражеское радио могло придумать что угодно.

При входе в лабораторию вахтер посмотрел на его пропуск, ничего не видя. В лаборатории никто не работал. Постепенно Андреа осознавал ужас случившегося. Для него, да и для Джо, смерть Сталина означала катастрофу. Что-то должно было обрушиться, произойти, рухнула основа, на которой держалась вся система.

– Без него невозможно, – бормотал Джо, – что с нами будет?.. Для меня все кончилось... На нем все держалось.

Андреа не думал, что смерть человека, которого он никогда не видел, может вызвать такой душевный обвал. Как будто со Сталиным погибла идея социализма. Он подошел к Джо, положил ему руку на плечо.

– Что бы ни было, нас не разлучат. Нас двое.

Примерно так он сказал, точных слов он не помнил, и Джо не помнил, потому что в такие минуты важны не сами слова, а тон, и эта крепкая рука на плече, и главное – то, что не сказано.

“Двое”? Почему он не сказал “трое”? Андреа сам обратил на это внимание. Его поразила безучастность Эн. Она как бы не замечала ни их волнений, ни того, как они оба ежевечерне до поздней ночи сидели, прильнув к радиоприемнику. Передавали про огромные очереди прощания со Сталиным, потом про похороны; по словам Би-би-си, у Дома союзов, наискосок от гостиницы “Москва”, где они жили, произошла давка, погибло много людей.

– Я все отдал бы, чтобы попрощаться с ним, – говорил Джо, на что Эн слегка поднимала брови. Молчание ее было выразительно. – Ты не согласна? – спросил ее Андреа.

Она повела плечом:

– Это должно было случиться... Стоит ли так убиваться? Люди давят друг друга – ради чего? Так не любят и не горюют.

Ее слова возмутили Андреа. Пожалуй, это была их первая серьезная ссора.

Спустя несколько дней пришло сообщение, что “врачи-убийцы признаны невиновными”. Эн сказала:

– Вот видите.

Андреа было решил, что она хотела утвердиться в своей правоте: Сталин умер – и оказалось, что врачи невиновны, а остался бы жить – и их бы расстреляли. Джо, узнав про врачей, не скрывал торжества:

– Они испугались! Они это затеяли в угоду Сталину!

Никто ничего толком не знал, но все связывали эти события, и что-то вообще стало неуловимо меняться.

Программное управление удалось. Чехи с гордостью показывали свою новинку, привезли советского министра какого-то машиностроения. Тот, человек тертый, поковырялся, пощупал и без стеснения спросил, сами ли чехи сделали такое, не лагерная ли, мол, это продукция, в смысле соцлагеря, небось содрали. Чехи обиделись, привели его в лабораторию, где познакомили с начальником, который грек, и его заместителем – откуда-то из Южной Африки. Министр недоверчиво расспрашивал, старался выяснить, имеются ли подобные штуки на Западе. У Андреа никак не укладывалось в голове: с одной стороны, русские утверждали, что все выдающееся сделано у них раньше, чем на Западе, с другой – были убеждены, что все путное создается только на Западе и если там этого нет, то и нам нечего соваться.

Министр, белобрысый мужичок, хитроватый, вразвалку походил вокруг Андреа, так же как перед этим ходил вокруг станка.

– Повторить такую хренацию для наших советских станков сумеете?

– Такую? Нет смысла, – сказал Андреа с вызовом.

– Почему же?

– Пока мы делали, это уже устарело.

– Что же вы сегодня можете?

– Мы можем управляющую систему сделать меньше.

– Во сколько меньше?

Картос задумчиво погладил свой черный ус.

– Попробуем раз в... сто.

Министр заморгал.

– Во сколько?

– Сто, – повторил Картос небрежно.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Проверяя себя, министр оглядел свою свиту, затем Картоса и так и этак.

– Может, раза в три?.. Нам хватит.

– Вам хватит. Нам – нет.

– Ишь ты! Хвались – не подавись.

Картос непонимающе наморщился. Переводчик длинно стал ему объяснять по-английски. Картос перешел на русский.

– Вы хотите, чтобы мы делали по-маленькому? – аккуратно расставляя слова, выговорил он.

Министр расхохотался.

– Давай-давай, делай по-большому. Только не сорвись.

– Надо попробовать, – сказал Картос. – The proof of the pudding is in the eating (отведать пудинг значит съесть его).

– Это верно. По-русски – попытка не пытка, а спрос не беда. Не попробуешь – не узнаешь... Но ты рискованный мужик. А чем отвечать будешь? Партбилетом?

Тут министру что-то зашептали, но он отмахнулся.

– Нет, пусть скажет чем.

– Своим именем.

Министр поднял брови.

– Что-то новенькое. Именем? Как у поэта сказано: что в имени твоём?

Картос нахмурился:

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Другого у меня ничего нет. Не хотите – не надо. Осторожность ничего нового не создает.

– Ты со мной не задирайся. Я тебе помогу. Не подведешь? Будешь доводить?

– Я буду, даже если вы не поможете.

– Ну, ты романтик. Ладно, где наша не пропадала, давай по рукам. – Он взял руку Андреа, хлопнул по ней ладонью. – Попробуем твой пудинг.

Картос стал рассказывать про транзисторы. Что это такое, министр еще не знал и верил он не транзисторам, а вот этому чернявому греку, потому как держался тот независимо, не торгуясь, не выпрашивая, не так, как новое племя ученых вроде тех атомщиков, с которыми министр уже сталкивался в Союзе. Для тех главным был собственный интерес. А в этом греке было приятное ощущение надежности.

“Имя, – повторил министр, выступая на коллегии, – человек поручился именем своим, дороже у него ничего нет”.

Производственное совещание, на котором настаивал профсоюз, Андреа провел по-своему. Он уселся на стол и, болтая ногами, принялся рассказывать о значении новой работы. Ничего конкретного, видно было, что ему самому интересно порассуждать о главном направлении, создавать устройства, имитирующие хорошего рабочего. Точность, быстрота операции, неукоснительное выполнение технологии, то есть образец добросовестной, грамотной работы. Программные устройства, по мнению Картоса, повышают требования к человеку, дисциплинируют, заставляют мыслить. Рабочий становится умнее. Воспитательное значение ЭВМ вызвало оживленные споры. Тем более что Картос как бы противопоставил атомную физику, которую он считал опасной, бесчеловечной (даже так называемый мирный атом и тот опасен), а кибернетика – это прежде всего помощь человеку и новые возможности для развития мозга.

Разговор этот словно бы оживил сокровенное, увядшее стремление людей осмыслить свою работу – во имя чего трудится лаборатория и каждый из них, существуют ли, кроме заказов, какие-то принципы. То, что предлагал Картос, подверглось замечаниям, поправкам. Однако оказалось, что его это устраивало! Ему надо было найти то, на чем все сходятся!

Собрание ничего не решило – не было голосования, Андреа так объяснил Джо:

– Если люди сойдутся на чем-то, осознают принципы нашей работы, станут их придерживаться и помогать в этом друг другу, то все остальное им можно прощать, можно относиться терпимо.

Андреа менялся на глазах. Немногословный, стеснительный, плохо говорящий по-русски и совсем плохо по-чешски, он быстро набирался уверенности, делался и мягче и тверже, свободней и загадочней. Его назначение начальником лаборатории становилось понятней. Он руководил легко, не нажимая, а убеждая, умело показывая

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru каждому, что тот может. Именно показывал, потому что вдруг выяснилось, что он умеет мастерски паять, монтировать, регулировать, настраивать... У него были рабочие руки, и это сразу вызывало уважение. А загадочным было его превращение из гадкого утенка в лебедя, из никому не ведомого косноязычного грека в руководителя, который свободно мог общаться с министром. Неизвестно, что этот Картос еще преподнесет. Все чувствовали, что он только начал раскрываться – этот черный ящик, полный сюрпризов.

Джо объяснял себе это превращение первыми удачами, страх прошел, Андреа зауважали, и он мог начать реализовывать задуманное. Но одно дело объяснять себе, другое – увидеть. Тот Андреа, который появлялся, был незнаком Джо. В сущности, они ведь никогда не работали вместе. Руками Джо тоже кое-что умел, но соревноваться с Андреа не мог, и язык ему давался труднее. Джо говорил на всех языках одинаково плохо, даже по-английски. Чехи считали, что ему мешает “африкане” его родного Иоганнесбурга. Их невольно сравнивали, всем казалось, что они соревнуются и Джо проигрывает.

Вскоре после лабораторного собрания Джо вызвали в знакомое ему здание, и знакомый ему Юрочкин, поговорив о том о сем, угостив кофе, рассказал, что к ним поступило донесение, будто он, Джо, то есть И. Б. Брук, нелестно отзывается о работах советских атомщиков, охаивает их достижения, клеветает и на рабочий класс, доказывая примитивность чешских и советских рабочих, считает, что их честность, добросовестность можно повысить лишь с помощью программных устройств.

Юрочкин распалился, вскочил.

– Вы не просто думаете! Вы ведете пропаганду! Высказывали это на собрании?

– Я? – удивился Джо.

– А кто же?

Что-то удержало Джо от немедленного ответа. Следовало сначала разобраться. Не могло быть такого, чтобы они перепутали. Да так грубо! Андреа же говорил это перед всем коллективом!

– Не совсем правильно, – медленно произнес Джо, наблюдая за Юрочкиным. – Видите ли, автоматизация управления весьма облегчает...

Немного послушав, Юрочкин оборвал его, зачитав несколько фраз.

– Это ваши слова?

– Думаю, таково мнение ряда ученых. Отчасти и мое. Не полностью.

– Вы говорили это на собрании? Да или нет?

– Подождите, – сказал Джо и закрыл глаза, стараясь поймать разгадку, которая дышала где-то рядом, два ответа: “да” и “нет”; “да” – это моя речь; “нет” – не моя. А чья же? Товарища Картоса?

Простая логическая задача, двухходовка? Плевать этому Юрочкину на Андреа! Он меня ловит!

Когда вечером Джо преподнес эту задачку, Андреа сразу же сообразил: тебя хотели сделать доносчиком... Джо сник, он боялся Андреа, потому что Андреа был прав: “Не надо было заводиться, обижать, оскорблять; глупо ссориться с системой, еще глупее увеличивать количество врагов, это непозволительная роскошь в нашем положении. Какого черта ты его срамил при всех, что мы с этого получили?..”

XVI

В час ночи слышимость становилась лучше, и им удалось поймать Англию, затем Германию. Передавали каким-то образом переправленное из тюрьмы заявление Розенбергов для печати:

“Вчера генеральный прокурор США предложил нам сделку – согласиться на сотрудничество с правительством и тем самым купить себе жизнь. Предлагая нам признать себя виновными, правительство тем самым заявляет, что сомневается в нашей виновности. Мы не будем способствовать оправданию грязного дела, сфабрикованного процесса и грязного приговора. Торжественно заявляем, что мы не поддадимся шантажу смертного приговора, не станем лжесвидетелями”.

Это было в ночь на 4 июня 1953 года. Прошло уже три года со дня ареста.

Эн первая почувствовала, что дело идет к развязке. Она была на пятом месяце беременности и особенно чутко и раздраженно воспринимала происходящее.

– Не понимаю, как можно из-за политики оставить детей сиротами, пойти на казнь. Ради чего? – спрашивала Эн.

– Они невиновны, они не могут признать себя шпионами, – говорил Джо. – Они приняли героическое решение.

Ее прохладное недоумение сбивало мужчин с толку.

– Они жертвуют собою, защищая честь и репутацию нашей партии! – с жаром настаивал Джо.

– Хороша репутация, если ее надо поддерживать казнью.

– Ты не должна так говорить, – вмешался Андреа, – они спасают и свое честное имя.

– Глупости! Они ничего не докажут своей смертью, – отрезала Эн. – Подумаешь – шпионы! Как будто у русских мало шпионов среди наших. Да и что тут позорного – добывать сведения для Советского Союза? Вы ведь тоже считаете, что если для Советского Союза, то все можно? – ядовито осведомилась она.

– Эн! – сказал Андреа.

– А что? Вы оба выполняете военные заказы. Чем это лучше шпионской работы? В Штатах вы работали на американскую армию, здесь на советскую.

Слова ее задели их за живое.

– Да, мы готовы, – сказал Джо. – Они нас изгнали. И мы теперь, к твоему сведению, работаем не ради денег, мы можем здесь работать по убеждению!

– Ладно, черт с ней, с вашей политикой. Но Этель, Этель не должна.. Она мать! Это выглядит тщеславием – погибнуть во имя великой смерти! Им хочется войти в историю Америки.

– Как тебе не стыдно! Уж ты-то не должна была ее упрекать, – вырвалось у Джо.

Эн встала с кровати, положила руки на живот.

– Я оставила детей ради любви, а не ради политики. – В голосе звенели слезы. – А у нее поза! Наша жизнь не наша собственность! Она дается нам свыше. Никакая партия не может ею распоряжаться.

– Ты права. Если бы все дошли до этого, не было бы ни войн, ни революций, – примирительно сказал Андреа. – И слава богу!

Мысль Эн двигалась в каком-то недоступном для Андреа направлении. Трагедия Розенбергов волновала ее прежде всего как трагедия их сыновей. Однажды она, например, заявила, что Розенберги должны, если уж речь идет о столь высоких материях, заботиться и о чести Америки, и незачем марать ее смертью невинных. Они ведь считают себя невинными? Такой поворот изумил Андреа. Это произошло после того, как в камере Розенбергов установили прямой телефон к президенту в

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Белый дом на тот случай, если они решат уступить. Судя по всему, предсказания Эн сбывались, они не уступали, и день казни приближался. Ежедневно по радио они слушали репортажи о пикетах, демонстрациях протеста, предположения о действиях властей и о действиях супругов Розенберг. Психологи ЦРУ не советовали предлагать Розенбергам отступничество. Надо предъявить им материалы об уничтожении в СССР еврейских писателей, о том, как Сталин организовал дело врачей и убийство Михоэлса. Советский режим повел политику на уничтожение евреев. И попросить Розенбергов обратиться к мировой общественности в защиту советских евреев. Необязательно изменять своим взглядам, они могут считать себя невиновными, но у них есть возможность остановить геноцид, к ним сейчас прислушиваются, им следует призвать евреев всего мира порвать с коммунистическим движением, ибо истинные интересы евреев выражает сионизм. Со своей стороны правительство сделает все, чтобы голос Розенбергов услышал весь мир. У них есть шанс выполнить историческую миссию, помочь еврейскому народу.

Розенберги подумали и отвергли это предложение.

– Почему? – недоумевала Эн. – Кому выгодно их упрямство? Разве что советским и чешским антисемитам. Они станут трубить: смотрите, в Штатах евреев сажают на электрический стул, там настоящий антисемитизм.

Джо не отрывался от приемника. Он не мог его слушать один и засиживался у Андреа до поздней ночи. Друзья горячо обсуждали все данные, которые удавалось извлечь из американских источников. Главным документом обвинения была какая-то “схема атомной бомбы”, которую Дэвид Грингласс передал Розенбергу. Они знали Дэвида, младшего брата Этели, – туповатый жадный парень, за неуспеваемость был отчислен из Политехнического института, и представить невозможно, чтобы он мог сделать “набросок, раскрывающий основной принцип атомной бомбы...”. “В чем этот принцип заключается? Можно ли установить его на основании этого наброска?” – допытывалась на суде защита. Ответ эксперта Джо записал: “Определенное соотношение сильных взрывчатых материалов соответствующей формы с целью произвести симметричную конвертируемую детонирующую волну”. Никакого смысла в этой абракадабре ни Андреа, ни Джо не обнаружили. Основная улика выглядела спорной, недостоверной. Соблюдая беспристрастность, анализировали и так и этак. И все равно выходило, что судебный приговор похож на политическую расправу.

Не вытерпев, Джо направил письмо в американское посольство с категорическим протестом, копию – в английскую “Дейли уоркер”, уговорил Андреа присоединить свою подпись. Через день их вызвал к себе Юрочкин. Уютный особнячок, голубые шторы на окнах, цветы и густой запах жареного лука. В присутствии нескольких человек стоя Юрочкин заявил, что они нарушают обязательства, принятые ими, и в случае повторения будут привлечены к судебной ответственности. Металлически четко, фраза к фразе, так, чтобы выстроилась как минимум тюремная решетка.

Джо принялся размахивать законами международной солидарности коммунистов, нельзя, мол, бросать товарищей в беде, отдавать на расправу американской реакции.

– Мы сами разберемся, без вас, – сказал Юрочкин. – Вы нас не учите.

– Американскую обстановку мы знаем лучше вас! – В таких случаях остановить Джо было невозможно, его несло.

Монумент Юрочкина с трудом сохранил величественную позу.

– Вот бы вы и оставались там, в своей Америке. А то сбежали, коммунисты вшивые. А теперь туточки права качаете.

В тот же день и Андреа и Джо отправили в командировку на какой-то южный спецполигон, где продержали безвыходно две недели – ни телефона, ни радио, ни газет. Выжженная солнцем трава, птицы, дубы вперемешку с кустами акации, песчаные проплешины, искореженные мишени.

Абсолютный этот покой пришелся весьма кстати, можно было обдумать ход их работ. Андреа умел находить в любых обстоятельствах преимущества. Что могло быть прекраснее: лежать на солнышке и обговаривать, штурмовать, добывать задачки, которые подсовывала эта проклятая, эта волшебная, эта чудодейственная электроника.

Они вернулись в Прагу 15 июня. Спустя два дня после казни Розенбергов. Эн рассказала подробности. Юлиус сам идти не мог, его повезли к электрическому стулу на коляске. Спустя десять минут на этот же стул усадили Этель. Включили рубильник, и Америка вздрогнула. Свершилось. И всем стало ясно, что казнь эта навсегда останется в истории страны. Казнь Людовика XVI, убийство Линкольна, убийство Кирова, казнь Кромвеля, казнь Романовых, казнь Сакко и Ванцетти... Прибавилась еще одна кровавая веха в истории Америки, да и не только в ее...

Эн рыдала, она мало знала Розенбергов, встречались раза два, и они ей не понравились, но сейчас она плакала от стыда и обиды за свою страну. Порвалась еще одна скрепа. Отсюда, с этого берега, Америка все чаще виделась злобной, жестокой, опасной, ее ненавидели, и это было неожиданно. Ведь с детства Эн твердо знала, что ее страна – страна обетованная, куда стремятся люди со всего мира за счастливой жизнью. И вот она обернулась к Эн хладнокровной мордой убийцы. Предсмертные судороги Розенбергов заслонили собой зеленые холмы Итаки...

Андреа обнимал ее вздрагивающие плечи, прижимал к себе мокрое от слез лицо. Что он мог сказать? Что смерть их не напрасна? Что казнь откроет американцам глаза на антикоммунистический шабаш, охвативший страну? Слова не доходили, шуршали, как сухие листья. Эн думала, что оплакивает Розенбергов, а на самом деле горевала о своей стране. Она теряла ее! У Андреа был Джо, была работа, было будущее. Его родители из Греции, эмигранты, он сын эмигрантов, а она американка, дочь американцев, ее предки давным-давно покинули Швецию, полтора года лет как все живут в Штатах, у нее есть только Америка, ничего больше.

Поразительно, как любящие люди бывают одиноки. Не догадываются, что творится в душе другого. Любовь еще не означает близости. У каждого своя, неведомая другому внутренняя жизнь. Андреа не мог или не хотел понять ее страх, разделить ужас безвыходности, для него все было просто. Похоже, он даже рад, что может теперь, когда все кончено, не оглядываться. Ему надо захлопнуть дверь в прошлое, иначе нельзя ни работать, ни существовать: “У нас нет выхода, мы должны принять систему, в которой очутились. Смотри, сколько здесь счастливых людей, как они воодушевлены своими планами. Мы должны решить для себя, что у нас нет больше никаких Америк и не будет”.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Вот этого-то она и не могла представить. Она никогда не приживется здесь. Ни в Праге, ни в Москве. Это все чужое. Втайне она надеялась, что они здесь временно, лишь бы укрыться, чтобы рано или поздно вернуться. Теперь родной дом ее разваливался, оттуда несет зловонием, там хозяйничают крысы.

Утешения Андреа были очевидны: у нее семья, будет ребенок, живут же люди и здесь, чужое становится своим, мы с тобой тоже были чужие; будет ребенок, и все образуется.

Сложнее было с Джо. Казнь Розенбергов разъярила его, он жаждал мести. Он готов был на любое безрассудство. Предупреждение Юрочкина не образумило его.

– Уймись, – просил его Андреа. – От твоих воплей никакого толку. Только радость Юрочкину, он тебя посадит в дерьмо по уши. Неужели не понимаешь, что все замыкается на нем? Куда б ты ни писал, куда бы ни звонил, все идет к Юрочкину.

– Все, да не все. Мы что, приехали сюда спасти свою шкуру? Не желаю беречься! Чтобы такая мразь, как Юрочкин, могла над нами измываться?

– И с Трумэнном воевать, и с Юрочкиным, а кто работать будет?

– Я потерял интерес.

– Это почему? У нас же была цель.

– Ах да, всеобщий прогресс, кибернетика для социализма... Мне надо что-то свое, свое собственное дело.

– Можешь открыть фирму под названием “Возмездие”.

Что-то в тоне Андреа заставило Джо насторожиться. Он замер, похоже было, что даже уши его поднялись. Что именно Андреа имеет в виду? Как всегда, Андреа был убедителен, и Джо запыхал. Знамя священной войны? Это его устраивало, им предназначено стать мстителями, покарать американскую военщину, ястребов Белого дома, всю эту маккартистскую сволочь. Сама судьба прислала их сюда! Ради этой высшей цели сохранила им жизнь! Цель была конкретной: военные заказы. Они воодушевляли Джо.

Так Андреа удалось поджечь друга, но сам он чуждался политики. Для него целью работы была работа, она сама давала радость и как бы смысл жизни, которого на самом деле жизнь не имела. Иногда ему приходилось украшать работу словами, защищать ее принципами, соблюдая ритуал, который был людям почему-то необходим.

Андреа многие считали сухим рационалистом, прагматиком, а между тем часто перед

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru сном его охватывало удивленное благоговение перед судьбой. В самом деле, в те дни, когда они были в Мексике, агенты ЦРУ выследили и схватили их общего приятеля Собелла, толкового инженера-электрика, которому нельзя было отказать ни в уме, ни в осмотрительности. Это произошло как раз тогда, когда они из вечера в вечер поджидали Винтера. Собелла доставили в Штаты и засудили – тридцать лет тюрьмы! фактически лишь за то, что был коммунистом и другом Розенбергов. Такая же судьба ждала и Андреа. В том, что он избежал тюрьмы, не было его заслуги. Просто счастливый жребий. Он должник удачи. За удачу надо благодарить судьбу и воздать ей должное – так учил отец, знаток писаных и неписаных законов. Неблагодарность – одно из самых постыдных качеств человеческих. Эн не должна роптать – судьба пошла им навстречу, следовало благодарить ее. Нельзя жить воспоминаниями, так же как нельзя жить мстью. Его душа отвергала временность, ожидание, все то, что угнетало Эн, жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на ожидание. Да, если угодно, он был рационалистом, и это правильно, рационализм помогал ему жить полнее, осмысленнее и ощущать красоту настоящего. Но при этом он был одинок. Самые близкие люди жили страстями и поступали вопреки разуму, и временами он болезненно ощущал свое одиночество.

ЭВМ для авиации, ЭВМ для ПВО были увлекательными задачами, к тому же подогреваемыми нетерпением Джо. По вечерам после работы они прикидывали примерные варианты будущих вычислительных машин, их размеры, вес, быстродействие. И спустя полтора месяца смогли выслать свои предложения в Москву генералу Колоскову.

Они родили свой вариант, а Эн родила в те же дни мальчика, слабенького, тихого, с ним было много возни. Тогда же, словно подгадав, позвонила Магда, спросила, не хочет ли Джо повидать своего сына. Оказывается, и у него сын?! Звонила она от своих родителей из-под Брно. Если он согласен, будет ждать его в воскресенье. Джо не знал, что ответить, сослался на то, что у него нет разрешения, без разрешения он не может выехать из Праги.

– Как хочешь, – сказала Магда без всякой обиды.

Однако скоро раздался новый звонок, незнакомый мужской голос сообщил: если он соберется к семье, ему будет предоставлена машина и разрешение на поездку – туда и обратно.

Эн заставила его согласиться. Как бы то ни было, это его ребенок. Джо в этом не сомневается, однако никаких отцовских чувств не испытывал. И когда он увидел пухленького славного карапуза, не было ни волнения, ни желания найти свои черты, себя в этом пухлом тельце. Магда похорошела, раздобрела, деревенский румянец освежил ее одутловатое бледное лицо.

Дом ее родителей стоял на краю поселка и имел все что положено: фруктовый сад, аккуратно подстриженную лужайку, погреб, заполненный яблоками, грушами, переложенными соломой для зимнего хранения, на продажу. Родители, милые люди, встретили Джо радушно, несколько робея и заискивая, особенно отец, толстый, пытящий, с подслеповатыми красными глазками. Он все старался понять, о чем они с Магдой говорят по-английски.

После торжественного обеда Магда вывела Джо погулять по поселку. Малыш шел сам, держа их обоих за руки. На них смотрели, и Джо понимал, что Магде приятно это парадное шествие. Родители Магды обожали внука, боялись, как бы Магда не уехала с ним в Прагу. Вопрос этот Джо замаял, спросил только, нужны ли ей деньги. Магда

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru отказалась – никаких денег, это ее ребенок, полностью ее. Она счастлива, что у нее есть сын, и благодарна Джо. Зачем же тогда позвонила? Она замялась, потом сказала, что ей предложили. Зачем это им нужно? Она не знала. Что же, она по-прежнему связана с ними? Они помогают ей кое в чем, дают заработать на переводах. Понравился ли ему мальчик? Все дети прекрасны. Она назвала его Джордж. Он пожал плечами. Неужели его не трогает то, что у него есть сын? “Тебя это должно устраивать”. – “Ты хочешь вернуться в Москву?” – “Да. Рано или поздно надо перебраться, здесь не развернуться”. – “Боюсь, что тебя отпустят туда только со мной”. – “Тяжелый случай”.

Они говорили о себе так, как будто речь шла о чужих людях. Жизнь в Союзе Магду не прельщала, но и отказаться она не посмела бы. “Тебя не любят советские”, – предупредила она.

От этого посещения у него остался на губах вкус поцелуя в теплую яблочную щеку мальчика.

XVII

Осенью пришло сообщение из Москвы, что по новым правилам иностранцы к секретным работам не допускаются, поэтому их предложения не могут быть приняты. Андреа отправился к Юрочкину. Тот устранился: к сожалению, помочь ничем не могу. Более того, был вынужден на запрос Москвы предупредить о политической невыдержанности товарища И. Б. Брука. Да и о моральной неустойчивости, поскольку он, И. Б. Брук, бросил свою семью, не помогает ей. Главное же, конечно, – политические взгляды...

Таким образом, их планы рушились, военные заказы откладывались, значит, и на разворот исследований, на создание лабораторий и конструкторских бюро надежд не было. Знакомый военпред сказал, что Колосков ничего не в силах сделать. “С органами не поспоришь, сильнее кошки зверя нет”. Это было печально, но Андреа уже привык к зигзагам здешней жизни. “Ладно, мы подождем, но вам ждать нельзя, – сказал он военпреду, – вам деваться некуда, вы должны торопиться, американцы не ждут”.

В его уверенности было нечто мессианское. Как будто ему было известно, что никакие силы не смогут помешать ему выполнить свое предназначение.

Откуда приходит такое знание, неизвестно, но когда оно дается, то человек может одолеть, казалось бы, несокрушимые препятствия. Его ничто не останавливает – ни запреты, ни сомнения, ни разочарования.

Их вызвали в Москву, всех троих, вернее, четверых, потому что Эн поехала с новорожденным мальчиком. Опять поселили в гостинице “Москва”. На первом же совещании предложили организовать лабораторию в Ленинграде. Джо пытался выяснить, кто им поспособствовал, Андреа это не интересовало, он принял случившееся как само собой разумеющееся. Единственное, на чем он, кажется, поскользнулся, это штаты, средства, помещения. Начальство было разочаровано столь скромными цифрами. Дела, большие, так не делаются.

В перерыве в туалете рядом с Андреа оказался один из штатских членов совета,

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
выбранный до синевы, крючконосый, мрачный, похожий на престарелого разбойника.

– Просчитались вы на порядок, – глядя в писсуар, тихо сказал он. –
Поскромничали. А скромность, она дешевой выглядит. А от дешевки нечего ждать.

– Чем экономнее, тем больше доверия, – сказал Андреа.

– Это, может, у капиталистов. А в России другие правила. Запрос карман не тянет.
Бьют – беги, дают – бери. Сразу хватай что можешь, с запасом. Завтра вам
понадобятся еще люди – не дадут.

Разбойника звали Легошин. Был он физик, академик, шибко засекреченный, он
понравился Андреа толковыми советами, поговорочками. Изучая русский, Андреа
прежде всего записывал пословицы, всякие просторечия, меткие словечки. Вечером
он зачитывал их Эн: “Сколько хер не трясись, последняя капля в штанах останется,
как сказал академик Легошин”. Кстати, Легошин же посоветовал ему обращать
внимание на надписи в общественных туалетах, там самый сочный, вкусный язык,
ибо, как заметил один поэт, “только там свобода слова”.

Новый год в России почитали больше, чем Рождество. В эти дни из небытия вынырнул
Влад. Он вернулся в Москву с грандиозными планами – кибернетики готовились к
решающим боям.

Новый год встречали в номере у Андреа – с огромным тортом, шампанским. Эн не
удалось достать индейку, вместо нее были цыплята табака. Во втором часу ночи
мужчины прошлись под предводительством Влада по длинному гостиничному коридору,
устланному красной дорожкой. Двери многих номеров были открыты, их зазывали,
поздравляли с Новым годом, угощали, что-то новое появилось у людей – иностранцев
не боялись, во всяком случае куда меньше, чем в прошлый раз.

С ними знакомились так называемые реабилитированные, те, кто вернулся из
лагерей, некоторые отсидели по пятнадцать, семнадцать лет. В ту ночь они ничего
не рассказывали – веселились, пели лагерные песни с чувством и слезами. В них не
было угрюмости или злобы. “Это возможно только в России!” – кричал Джо, он
светился от счастья за этих людей. С одним из них, Губиным, они познакомились.
Влад заставил его рассказать, как били на допросах, как следователь оторвал ему
ухо.

– Где этот следователь? – спросил у него Джо.

– Здесь, в Москве, жив-здоров. Меня вызвали в прокуратуру, предложили подать на
него в суд.

– Ну и что же вы?

Губин отмахнулся, зашелся надсадным кашлем. Старомодный суконный костюм болтался

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
на его тощей фигуре. Был он по специальности хирург, Влад называл его Тимошей.

– Как же ты, Тимоша, отказался? – допытывался Влад. – Какой у тебя резон?

– Знаешь, я так думаю: партии нашей это не на пользу, авторитет ее пострадает. – Губин поежился стеснительно. – Все же я в партию вступил в год смерти Ленина, орденносец, и вдруг откроется, что этот мальчишка меня ногами топтал. Нехорошо.

Джо бросился его обнимать. Какие люди, какие коммунисты!

– Эх, Тимоша, такой мог бы устроить процесс показательный, – горевал Влад. – Шанс был!

По морозной, скрипучей Москве Влад потащил их к своим приятелям. Там стояла елка, украшенная блестками и дутыми шарами, горели тонкие свечи. Уже все было съедено, оставался только винегрет и водка, и бесконечные разговоры – о политике, о Хрущеве, о реабилитированных, но больше всего о Сталине, о культе личности. Рассказам о Сталине не было конца. Что-то словно прорвалось у всех этих мужчин и женщин. Спорили, безумец он или преступник, совместимы ли гениальность и злодейство, оправданы ли его преступления, а все же благодаря ему разгромили фашизм, да при чем тут он, воевал не он, а народ под водительством Жукова, Сталин ни разу не побывал на фронте, продолжал он дело Ленина или же искажил. С упоением передавали легенды о его злодействах и коварстве. У Андреа и Джо дух захватывало от их откровений, поражало бесстрашие, с каким эти русские подступали к величайшей фигуре современности, кумиру, обожествленному как никто мировой общественностью. Они ужасались, а Влад подсовывал им все новые сведения, он хотел сокрушить их представление о Сталине, старался высвободить и свое сознание от веры, страхов. Кибернетика занимала его все меньше. Он собирал свидетельства о Сталине, помогал печатать на машинке какие-то статьи, задержанные цензурой, работу одного биолога о лысенковщине, работу другого своего приятеля о первых месяцах войны с немцами. Поведал он это под секретом, но все это клокотало, выплескивалось из него, да и вся его компания, видно, участвовала в его делах.

Влад и Джо быстро нашли общий язык. Один за другим появились литературные сборники с крамольными рассказами, повестями, повсюду обсуждали роман Дудинцева, рассказы Яшина, Тендрякова, стихи Евтушенко, в газетах эти произведения громили, запретили новую симфонию Шостаковича. Проходили пленумы союзов писателей, композиторов, московскую интеллигенцию раздирали страсти. Одни обличали доносчиков сталинских времен, другие на партсобраниях заставляли каяться инакомыслящих. Джо ринулся в этот водоворот со всем пылом новобранца. С утра отправлялся с Владом по каким-то адресам молодых художников, на сборища историков, выступления поэтов, которые собирали тысячные аудитории. Восторг освобождения народного сознания захватил Джо полностью. Поздно вечером он вваливался в номер к Андреа переполненный рассказами, сипел пересохшим, сорванным голосом. Вокруг него всякий раз возникало вращение желающих просветить этого нескладного иностранца. Влад терпеливо переводил ему непонятные места... Кончилось все это тем, что Андреа решил ускорить отъезд в Ленинград. Есть возможность устроить Влада в лабораторию руководителем группы с полной самостоятельностью, они могут составить прекрасный триумvirат, Влад, столичный теоретик, наберет к себе молодежь и займется проблемами, о которых он давно мечтал, вместо этой политической суеты. Произошел резкий разговор. Для Андреа Георгиевича, может, это и суета, для советских же людей нет ничего важнее: очистить свои мозги, не дать реставрировать сталинизм, для этого надо мобилизовать все силы, чтобы скорее покончить... Надо выбрать решающее звено, сегодня это не кибернетика. И Джо энергично поддержал его, незачем форсировать

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
отъезд в Ленинград, когда происходит переворот в сознании людей и столько спорных вопросов, в которых он, например, не согласен с Владом и его друзьями. Андреа все это не одобрял.

– Какие из вас политики? Дилетанты. Беретесь не за свое дело.

Влад развел руками.

– Видите ли, Андрей Георгиевич, специалистов по ликвидации культа личности нигде не готовят.

– Я не могу вами командовать, но мне жаль, что пропадет ваш редкий талант.

– Я вернусь.

Андреа покачал головой.

– Куда?.. Ученый как птица – должен высидывать яйца не отрываясь. Но Джо я вам не отдам. От него один вред. Вы подумали, зачем вам иностранец, да еще состоящий под наблюдением? Это несерьезно.

В тот раз они чуть не поссорились, но Андреа настоял на своем.

– Ваша позиция понятна, – сказал в заключение Влад. – К сожалению, она слишком напоминает позицию многих наших ученых, которые тоже не хотят ни во что вмешиваться. Только из-за страха. Поймите, дело идет не о политике, а о способе жизни!

Выяснилось, что Джо увлекся не столько политикой, сколько одной из девиц, занятых политикой. Если бы не брак с Магдой, он готов был тут же жениться и взять ее с собой в Ленинград. Она явилась на вокзал провожать его. Курносая, скуластая, решительно-резкая, с большими смеющимися глазами, из-за вязаного платка похожая на матрешку, она отличалась от прежних поклонниц Джо и неожиданно понравилась Эн. Звали ее Валентина, Валя. Джо звал ее Аля. Она басисто плакала, всех перецеловала, обмазав губной помадой, утиралась концом платка и подарила Эн свои меховые рукавички.

В Ленинграде их встретил настоящий мороз. Когда они вышли из вагона, то не могли открыть глаза – смерзлись веки. Было минус тридцать.

Они приехали в город, в котором им предстояло устроиться надолго. Отсюда должна была начаться их настоящая жизнь. И настоящая работа. Давно позабытое чувство оседлости появилось с первых же дней. Как только устроились в гостинице, взяли такси, отправились смотреть город Великой Октябрьской революции, бывшую столицу

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru империи, северное чудо, созданное Петром Великим. Сразу же открылись стройность и простор широких проспектов и площадей. Здания были изукрашены снегом, белизна выписала каждую лепнину, стены поблескивали от инея. Город был сказочно красив. Воздух колкуче искрился. Огромная Нева вся замерзла, покрылась льдом. По гладкой снежной равнине шли лыжники. Город, как сказал словоохотливый шофер, стоит лицом к реке. В садах за коваными решетками толпились черно-белые замороженные деревья. Город был по-американски разлинован, располагался на островах среди каналов и речушек, закованных в гранит. Ничего похожего на тесноту Амстердама. Они проехали по Васильевскому острову от Ростральных колонн до самого взморья, недоверчиво выслушали рассказ шофера – про то, как весь этот остров с его линиями и проспектами был спроектирован царем Петром двести пятьдесят лет назад. Значит, еще до Нью-Йорка? Значит, геометрическая сеть авеню и стрит лишь повторила петровскую планировку? Шофер был доволен и показал им то, что иностранцам не показывали: княжеские дворцы-поместья, особняки, запущенные, облупленные, но все равно прекрасные. Во всем чувствовалось аристократическое происхождение этого города... Еще стояли дома, разбитые снарядами во время блокады, сохранялись раны, нанесенные осколками бомб. И всюду кони, колесницы, гранитные львы, львиные морды, подворотни, замкнутые дворы, узорчатые решетки... Строгая чопорность и печаль, холодность и красота. Была в этом городе какая-то тайна, скрытая под снежной маской.

Здесь происходили революции, отсюда началась Российская империя, здесь она кончилась и началась другая страна; город этот, свергавший власти, сам был свергнут, отвергнут, лишенный всех привилегий, он оставался опасным и непонятым. После Москвы он показался им свободным от чиновничьей суетности, и они сразу влюбились в него.

Несмотря на жестокий послевоенный жилищный кризис, им довольно скоро выделили по отдельной квартире. Дом еще не был готов, не подключили газ, не работал лифт, но они не стали дожидаться, переехали. Спали на полу, готовили на электрических плитках, которые то и дело перегорали. Наплевать, наконец-то они обрели пристанище. Жилье, семья, любимая работа – что еще надо человеку? Можно было обосноваться, купить билеты в филармонию, завести книги, повесить абажур, сделать шкафчик для инструментов. После всего, что с ними приключилось, обыденность была счастьем.

Слухи о том, что иностранцы возглавляют лабораторию вычислительных машин, поползли по городу. Во-первых, кибернетика все еще одиозная специальность, во-вторых, иностранцы; говорят, что чехи, но и чехи в ту пору были пришельцами из других миров. К ним потянулись молодые инженеры.

Андреа и Джо отбирали людей не торопясь, придирчиво. Каждому устраивали экзамен. Джо отрастил бороду, сидел с трубкой в зубах, напоминая скандинава. Андреа – прямой, при галстукке, отглаженный, корректный, немногословный. Было известно: в случае, если недоволен ответом, он крепко сжимает ручки кресла и говорит еще медленнее. Старается говорить по-русски, иногда только переходит на английский и останавливается, давая время понять произнесенное. Подготовиться к экзамену было невозможно, эти иностранцы спрашивали все – полупроводники, оптику, металлы, как паять, чем заменить диод, как взять такой-то интеграл, кто такой Густав Малер.

Алексея Прохорова срезали на токарном деле, он попробовал защищаться: “Я же не станочник, я научный работник”. “Мне нужно больше, чем научный работник, – сказал ему шеф, – мне нужен инженер!”

Молодые долго обсуждали эту фразу. Выходило, что этот тип ставит инженера выше ученого? Алексей Прохоров потом попытался выяснить у Картоса, так ли это. И кто

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru тогда сам Картос, он же ученый, настоящий ученый? В глазах советской молодежи ученый был куда выше инженера. Никто из них не хотел числиться инженером, тем более тогда, когда ученые-физики ходили, овеянные славой создателей атомных и водородных бомб, могущества страны.

Оказалось, по Картосу, что ученый лишь открывает существующее в природе, законы ее, так сказать, бытия; инженер же изобретает то, чего нет и не могло быть, начиная от колеса и сковородки, вплоть до застежки-“молнии”, великого изобретения XX века, так совершенно серьезно определил Андрей Георгиевич.

Марка Шмидта срезали на каком-то русском инженере Лосеве; оказывается, этот Лосев в 1921 году построил полупроводниковый прибор “Кристадин”. Марк разочарованно скривился: вот уж не ожидал, что эти иностранцы будут тянуть уже осточертевшую всем нудягу про наше российское во всем первенство! Выяснилось, однако, что в американском журнале изобретатель транзисторов отдал должное своему предшественнику Олегу Лосеву, забытому у нас, который, между прочим, умер здесь, в Ленинграде, в блокаду, в 1942 году. И получалось: Марк не Лосева не знает, что не беда, а не читает текущей литературы. Высказано это было ему деликатно, оба, и Брук и Картос, старались никого не обидеть.

Замечено было, что Картос никогда не ругался, не употреблял грубых слов, приходилось вслушиваться в его интонации, различать полутона, что, по словам Прохорова, весьма утомляло наш слух, непривычный к таким тонкостям.

К ним шли привлеченные новой, недавно запретной областью. Те, кому опостылела рутина, восторженные мальчики, те, кто верил в свою звезду. Отправлялись, как позже молодежь уезжала на целину, как когда-то американцы отправлялись осваивать свой Запад. Кибернетика была для молодых неведомой целиной, эти двое, иностранцы, – проводники, или скорее предводители. Бородатый – длиннорукий, развинченный – походил на пророка, его предсказания казались фантастичными, его идеи вызывали то иронию, то восторг. Ко второму приближались с опаской, общение с ним требовало напряжения, о нем спорили, некоторые уверяли, что он гений, другие – что шпион, молодые скептики пробовали его и так и этак, пока тот же Прохоров не определил: “Нашего шефа не сжуешь, он несъедобен”.

Лаборатория заработала. На удивленье слаженно. Принятые только что на работу из разных коллективов, институтов люди действовали энергично и весело, негодных оказалось мало, они уходили сами, тихо, убедившись, что им не угнаться, что ничего у них не получается. Лаборатория была самостоятельна, хотя внешне выглядела как и все подобные подразделения – выходила стенгазета, брали социалистические обязательства, проводились общие собрания, в холле повесили Доску почета. Поэтому не очень-то понятно было, почему в лаборатории “п/я № 106” царил совершенно особый дух, настроение, несвойственное учреждениям этого типа. Сам Картос никогда не формулировал своих принципов, не оглашал их в виде свода правил, они выявлялись постепенно.

...“Лучший путь к успеху – успех”. Это означало: советую вам не изучать вопрос в поисках наилучшего решения, а сделать для этого хоть малость, успех, хоть крохотный, должен быть каждый день.

...Вторая фраза, которую он повторял и которую можно было считать тоже принципом: “Держись за свое вязанье” (свое вязанье – то есть не лезь в чужое для тебя). Как женщина каждую свободную минуту берет за спицы, продолжая вязку, так и ты: занимайся тем, что знаешь, и безотрывно.

– С чего вы взяли, что они сделают лучше вас?

– Но у них больше опыта!

– Значит, и больше предрассудков.

...“Не бойтесь, что этим уже занимаются, у вас голова устроена иначе, чем у них”.

...“Успех – это ваш успех. Неудача – это наша общая неудача, всей лаборатории. Постоянная неудача невозможна. Неудача постигала каждого, и Фарадея и Эдисона”.

Как все это было не похоже на обычное “давай-давай!”. Не было слышно и привычных угроз: выгоним, отберем партбилет!

...“У вас получилось? Отправляйтесь домой!” Это прозвучало впервые, когда Марк прибежал и доложил, что схема с триггерами действует лучше, чем ожидали.

– Домой поезжайте.

Марк был ошарашен.

– Но сейчас только двенадцать часов!

– Вот и хорошо. Пойдите в кино, в баню, к врачу.

– Зачем?

– Явитесь на работу завтра. С успехом надо переспать. Утром увидите истинную цену... С неудачей тоже полезно переспать вместо бабы.

...“Если вы настаиваете – пожалуйста, делайте”. Человек должен действовать самостоятельно.

...“Чем выше уровень власти, тем меньше людей”.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
У него было всего два заместителя. Первый – Джо. Без всяких конкретных обязанностей. Джо советовал, вникал, следил за состоянием проблем в других странах и непрерывно фонтанировал идеи. Кроме того он, как правило, руководил мозговыми атаками при решении трудных задач. Второй заместитель решал организационные дела. Однако обращались к нему, да и к самому Картосу, не так уж часто, потому что лабораторию шеф разбил на мелкие группы – “чем меньше команда, тем она самостоятельнее мыслит, тем конкурентоспособнее, у малых групп больше честолюбия”.

Однажды к Картосу явился Виктор Мошков, торжественно объявив: “Я нашел хорошее решение!” Андреа, выслушав его, спросил: “И что из этого следует?” Виктор обиделся. Тогда Картос рассказал про своего приятеля, художника, который поехал в Париж и решил там остаться. “Он пришел к Шагалу, показал ему свои работы: “Видите, я хороший художник!” “Хороший, – сказал Шагал, – и что дальше?.. Вава, – крикнул он жене, – дай ему тысячу франков!” Так и у вас”.

Позже Джо спросил его: “Ты меня имел в виду? Мою неудачу в Париже?” Андреа отнекивался, но Джо был убежден, что эта притча о нем.

Можно было бы собрать целый свод правил, соблюдение которых обеспечивало успех лаборатории. Скажем, Андреа предпочитал скорбно промолчать, вместо того чтобы выругать: “Невысказанное недовольство звучит громче”.

Он избегал говорить: “Нет, это плохо, не пойдет”. Он задавал вопрос за вопросом, пока оппонент сам не начинал сомневаться.

Однажды Картос зашел в комнату, спросил, где Аркадий Тимченко. Ответили, что того нет на месте. Когда вернется? Неизвестно. А он сказал, где он находится? Нет, не сказал.

– Ну как же так, – вырвалось у Картоса, – ему же деньги платят!

Простейшее это недоумение запомнилось, его повторяли много лет. Наивность человека из другого мира позволяла увидеть нашу жизнь со стороны.

Этому странному, на советский взгляд, руководителю почему-то всегда было интересно знать мнение подчиненного. О себе, о других, о тематике, структуре лаборатории, о заказе. Несколько раз он порывался провести анонимное анкетирование, ему не позволили.

Сами по себе эти королевские наборы качеств, правил, приемов мало что объясняли. Секрет состоял в том, что от себя Картос требовал того же, чего добивался и от других, относился он к себе беспощадно, да еще и иронично. То есть он чрезвычайно уважал себя, если ему удавалось найти какое-то неординарное решение. И он же первый издевался над собой за ошибки. Правда, как заметил Виктор Мошков, “вы это позволяете себе только потому, что первый их находите”. Мог, например, на семинаре рассказать о своей работе над одним измерительным прибором примерно так:

“Через полгода возни я получил туманное представление о том, чего я хочу. Еще два месяца ушло на то, чтобы понять, что я вообще изучаю. Прибор я сделал быстро, зато он долго не работал. Я изменил методику, разработал новую подвеску. Это оказалось удачным изобретением, но не для моего прибора. Я выяснил, как надо вычитать ошибки, и вывел неплохую формулу, и тут я установил, что все дело в том, что были неверно присоединены провода. После этого все равно ничего не получилось. Сигнал был слабее в три раза, чем полагалось... Затем что-то получилось, и прибор заработал. Что именно получилось, никто не знает и никогда не узнает. Прибор работал и показывал сигнал в два раза чаще, чем надо. И какие-то еще дополнительные сигналы. И тут уж ничего нельзя было с ним поделаться...”

Вот за что его обожали!

Однажды его поймали на противоречии. Он равнодушно пожал плечами: “Мало ли что я говорил, не стоит ко мне относиться некритически. Есть только два авторитета абсолютных – Христос и Ленин”.

Фразу эту толковали по-разному. Сошлись на том, что он имел в виду учения, которые изменили образ мышления людей.

Подступиться к нему с общефилософскими вопросами не решались. Ждали, когда он придет, сядет и заведет разговор на посторонние темы. О поэзии. О музыке. Такое он себе позволял. Редко, но позволял.

– Почему Христос оказал такое влияние? – спросил он однажды. – Вы можете сказать?

Никто не мог ответить, может, кто и хотел, но ждали, что скажет шеф.

– В христианской религии есть жертвенность. Человек приносит в жертву себя, эта религия не требует приносить в жертву других.

Никто с ними никогда не говорил о таких вещах.

– Бога познать нельзя. Люди Бога не знают, они знают пророков – Будду, Раму, Христа.

Андреа предупреждал Алешу Прохорова, что путь, избранный им, тупиковый, а через месяц объявил на семинаре: “Мы убедились в бесплодности такого варианта”. Пришлось Прохорову принять вариант Картоса, и когда схема показала хорошую надежность, Андрей Георгиевич объявил это достижением Прохорова. Так она и вошла в технологию как схема Прохорова. Алеша пробовал протестовать, но Андреа пренебрежительно отмахнулся: “Не мелочись”.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Это у него было общее с Бруком, Джо тоже не особенно занимала проблема авторства, идей хватало. Они появлялись одна за другой, к вечеру он не помнил утренних. Андреа старался его идеи просеивать, порой шутливо жаловался: “Джо – мой крест, четыре часа в день приходится тратить на споры с ним, есть ли жизнь на Марсе”.

На самом же деле среди множества безумных, непривычных идей Джо был небольшой процент стоящих. Может, одна на сто блестящая, и это оправдывало все. Но и бредовые идеи тоже возбуждали фантазию. Он нравился большинству сотрудников тем, что ни на чем не настаивал: хотите – берите, хотите – бросайте в корзину. К нему то и дело обращались за справками, советами, он много и быстро читал и знал все, что творилось вокруг ЭВМ. Джо перелопачивал великое множество материалов, его называли шагающий экскаватор. Стоило Андреа предложить что-то, как Джо оснащал это предложение ссылками на такую-то фирму, где то-то успели проверить, а там не вышло, а те вложили деньги тогда-то и нет результатов. Он работал как персональный компьютер Андреа, хотя в то время еще таковых не было.

Источник идей, источник информации – разделить эти роли Джо было трудно. Имелось у него и еще одно странное качество, можно даже сказать, редкий, особый дар. Он умел находить слабые места в сложнейших схемах, расчетах, технологиях. К мелочам не придирался, а вот в сомнительное место тыкал с ходу. Андреа говорил о нем с возмущением:

– Строишь, строишь хрустальный дворец, отделяешь детальку за деталькой, шлифуешь, любишься, тут появляется Джо, бац копытом – и остаются одни осколки.

Секрет состоял в том, что один он знал, куда бить копытом. Поэтому и обращались к нему в самых крайних случаях. Тянули, как с визитом к зубному врачу.

Желающих работать в Лаборатории прибывало. Штатное расписание было все заполнено, и Андреа вспоминал вещие слова Легошина над писсуаром. Жаль было отказывать молодым способным ребятам. Тот самый Виктор Мошков был вначале отвергнут по причине отсутствия мест. Он не отступился, настаивал, ждал на лестнице. Буквально. Приходил с утра, устраивался на подоконнике. Поскольку он хорошо решал задачки, к нему стали обращаться сотрудники. Полтора месяца он и работал на подоконнике, пока не освободилось место. Андреа брал лишь тех, у кого “головка работала”, не обращая внимания на анкеты и инструкции, требующие брать по анкетам.

Никто не знал, какая анкета у начальника Лаборатории и его заместителя. Даже кадровик не знал. Единственное, что знал этот полковник органов безопасности, что расспрашивать своих начальников о их прошлом строго воспрещено. Каждого вновь поступающего он предупреждал об этом: никаких вопросов И. Б. Бруку и А. Г. Картосу об их прошлом не задавать. Об их образовании, связях, личных делах не спрашивать. Никогда, ни при каких обстоятельствах.

Известно лишь было, что они прибыли из Чехословакии. Потом просочилось, что Джо окончил университет где-то в ЮАР. Или родился там. И больше ничего. Оба начальника существовали без всякого прошлого. Это было странно, волновало воображение. Человек, у которого отобрали тень. Как в старой сказке.

Циники приходили к выводу, что это шпионы. Считать иностранцев шпионами было

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru самое привычное. Так десятилетиями воспитывали и газеты, и кино, и радио. Романтики утверждали – нет, не может быть. Доказательств у них не было, как, впрочем, и у циников. Были только вопросы – зачем большим ученым становиться шпионами? Что кибернетики могли в те годы нашпионить?.. Ну хорошо, а кто же они тогда? Не знаете – значит, шпионы.

И по сей день ученики не знают в точности, кто был их учитель в той, прошлой жизни. Откуда он появился, как он стал таким – они и не вникают, они сходятся на том, что “он был нашим учителем, великим учителем”. В конце концов, мы ведь не знаем ничего достоверного о юности и молодости всеобщего Учителя, сына Божьего. Он появился перед учениками зрелым мужем.

Ныне ученики Андреа Костаса – точнее, Андрея Картоса – обзавелись учеными степенями, должностями, разъехались по всему миру, обрели высокое мнение о себе, скепсис, ишиас, своих учеников, все, что положено крупным ученым. Вспоминая об учителе, они срываются на восхищение тех молодых лет. Тщеславие их особого рода, имя Картоса по-прежнему упрятано в тень секретности, звание его ученика ничего не дает. Они гордятся учителем вопреки всему, его имя – знак принадлежности к опальному ордену, украшение их родословной, тайный герб, не внесенный ни в какие геральдики.

XVIII

Новый хозяйственник Лаборатории был выпивоха и хват. Первое время он, как и положено, сокрушался над промахами своего предшественника. Под организацию Лаборатории можно было захватить и соседний флигель, и валюты побольше... Бесцеремонно заявился в дом к Картосу, к Бруку и пришел в ужас – чтобы его начальство жило в такой нищете? Невозможно, позор Лаборатории, позор ему, Тищенко, и всему Ленинграду. В течение месяца он обставил их квартиры. Использовал сильно действовавшее в те годы средство: “Это для иностранцев надо. Неудобно перед иностранцами. Неужели мы не можем двух иностранцев обеспечить? Что скажут про нас иностранцы?” Действовали эти его аргументы безотказно. У Картосов появились холодильник, телевизор, костюмы, импортная спальня, проигрыватель, для Эн – велосипед, кастрюли всех размеров; для Джо Тищенко раздобыл старенькую списанную “Волгу”, немецкий рояль, из трофейных. “Иностранец – главный гражданин в стране, – поучал он, – пользуйтесь”.

За кабинетом Андреа имелась комнатка – для начальственного отдыха и приема гостей. Картос использовал ее по своему вкусу: оборудовал там для себя мастерскую. Тисочки, станочек токарный, инструменты, все миниатюрное, для точных работ, туда он уединялся мастерить всевозможные приспособления, а главным же образом чтобы думать. Ему хорошо думалось за ручной работой.

Начали проектирование новой ЭВМ и в первых вариантах добились хороших результатов, добились бы большего, если бы не элементная база. Эта база была аховая. Блок весил сотни килограммов. Ставить такую дылду на самолет невозможно. Приехал замминистра Степин – вник. Степин умел вникать в суть проблем, стоящих перед исследователем, подсказать ничего не мог, зато обеспечивал доверие и спокойную обстановку, без погонялок, дерготни, немыслимых сроков, всего того, что мешает думать. В этих иностранцев он поверил, сразу учуял совершенно новую атмосферу. Зайдя как-то в кабинет начальника, прошел без спроса, как всегда делал, в заднюю комнату. Осмотрел верстак, лабораторный стол с блоками, платами, ничего не сказал, этой картины ему было достаточно.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru Весной у Картосов случилось несчастье: умер ребенок. В городе свирепствовала эпидемия какого-то нового азиатского гриппа с тяжелыми осложнениями. Первым заболел Андреа, но он наглотался таблеток и, не обращая внимания на температуру и врачей, улетел на пусковые испытания на Север, где грипп его сразу “вымерз”. После него заболел мальчик, слабенький его организм буквально сгорел за три дня. Когда Андреа вернулся, все было кончено, мальчик был похоронен. Эн встретила Андреа без слез, холодно, почти враждебно.

Сын занимал в их жизни куда больше места, чем им казалось. В доме вдруг стало пусто. Тихий этот, болезненный мальчик часто пугал Эн своим недетским, испытующим взглядом, он смотрел на нее, будто не веря, что она его мать. Никто больше не мешал Андреа, когда он уходил к себе в кабинет, не появлялся перед ним без спроса, не ползал под столом.

Эн не принимала никаких утешений. Ее молчание росло, становилось все напряженнее, пока не прорывалось из-за какого-то пустяка потоком обвинений: Андреа заразил мальчика, бросил ее одну, ради своей работы он принес в жертву семью. Ее нельзя было остановить, она твердила, что он никогда ее не любил, она для него была лишь средством утешения, удобным спутником, ради нее он никогда ничем не поступался, Винтер был прав, она жалеет, что не послушалась тогда... Проклятый город, проклятая страна! Не выдержав, Андреа тоже сорвался, швырнул ей в лицо ее собственную вину, от которой она пряталась, – это она не уберегла малыша, она плохая мать, дети никогда не были главным в ее жизни, поэтому малышу не хватило здоровья.

В ярости они наносили друг другу раны, которые никогда не могли зажить. Куда исчезла их любовь? Безудержная злость кружила их, унося от горя, и они с каким-то наслаждением вымещали свою боль друг на друге.

Разумеется, вскоре они помирились, но оба чувствовали: что-то непоправимо надломилось. Они испортили свое прошлое.

Эн устроилась преподавателем в вечернюю школу. Теперь они встречались лишь по воскресным дням.

Следующую ЭВМ пробовали ужимать то там, то тут, мудрили, выскребали по килограмму. Мелкая экономия ничего не решала. Искали, искали, пока Джо не выступил с безумной на первый взгляд идеей: “Избавим транзисторы от оболочек!” Без кожухов? Реакция была раздраженная, насмешливая. Бред! Абсурд! Все равно что людей пускать голыми. Подождите, ходят ведь папуасы голенькими? Первый, кто принял сумасшедшую идею Джо, был Андреа, подсчитал и сказал: “Попробуем”. Договорились с заводом. Степин поддержал, дал команду. Первую машину довели на обычных транзисторах, вторую сделали на гольшах. Разница получалась наглядной. Степин привез с собою целый вагон начальников – чтобы похвастать машиной и своими “оглоедами”, словечко, которое никто не мог толком перевести Андреа. Новая машина выглядела как газовая плита рядом с русской печью, как ручные часы рядом с напольными... Старая и то была для многих откровением. К ЭВМ еще не успели привыкнуть, люди медленно оттаивали после наскоков на “лженауку”. Новая машина демонстрировала разительный скачок, “принципиально иной подход”, как пояснил сам Степин. Улучив минуту, Андреа шепнул ему, что ничего принципиально иного пока нет, это еще впереди...

– А ты помалкивай, – сказал ему Степин. – Начальников не учат. Когда блюдо стоящее, не стесняйся расхваливать. Я с них получу вдвое. Я ничего зря не делаю,

И на вид он был хитрющим, по-цыгански смуглым, с чубом, с глазками, спрятанными глубоко под мохнатыми широкими бровями. Когда сердился – а был он вспыльчив, – бледнел, становился страшен. Его боялись, но и любили – за то, что, пообещав, делал; выдавить же из него обещание было трудно, он славился скупостью, крестьянской прижимистостью. Один из первых в стране он понял, какое огромное будущее у компьютеров, и постарался наложить лапу на это дело, прибрал к рукам лаборатории, проектные институты, конструкторские бюро других министерств. Он захотел стать монополистом, по своему характеру он и был монополист, своих поощрял, своим создавал все условия, чужих – зажимал, подставлял ножку. На лабораторию Картоса после успеха новой ЭВМ Степин сделал ставку. Увеличил штаты – набирайте хоть до полтысячи человек. Денег сколько надо. Почувствовал – эти ребята не подведут.

Гольши позволили Джо сконструировать микроприемничек. Такой крохотный, что его можно было вставлять в ухо, как вставляют ватку. величиной с пуговичку. Мастерили эту штучку с удовольствием, сами не веря себе, что такая кроха на транзисторах сумеет дать хорошую слышимость, настройку – словом, обеспечить качество приема. Подобных приемников в то время, а это было начало шестидесятых, не существовало. Ничего похожего. нигде. Джо носился с этой крошкой, доводя ее со своими помощниками до совершенства. Блаженные месяцы. Пуговка хорошела, голос ее звучал все чище. Изготовив несколько образцов, Джо отправился с ними в Москву. Добился приема у Степина, что было непросто. Джо вставлял в ухо очередному чиновнику свою пуговку и, затаив дыхание, ждал. Эффект был безошибочный. Джо поздравляли, обнимали, но сам он приходил в еще больший восторг. Ему помогли попасть без очереди к Степину.

Замминистра приемничек понравился. Он забрал все экземпляры, пошел по начальству, показывал эту диковинку. начальство игрушку одобрило. На следующий день Степин сам вызвал Джо, приказал сделать еще десятка три – для подарков.

– вроде сямка, пустячок, а знаешь, как довольны! Кричать на меня хотели. Вместо этого еще попросили штучку, – рассказывал Степин.

Почему десятки, их надо гнать тысячами, подхватил Джо, надо только поставить производство на автомат. Это вполне реально, у него заготовлены эскизные проекты, если дать задание одному, двум КБ, то за несколько месяцев можно будет изготовить, взять под это дело любой радиозавод и запустить в серию, а если вывезти за границу, то продавать там минимум по шесть-десять долларов за штуку. Ничего подобного на Западе не видели. Затраты на рекламу не понадобятся, новинкой заинтересуются все торговые фирмы! Каждому человеку захочется иметь эту пичугу, как назвал ее Степин, – удобно, интересно, можно сидеть с ней в метро, в приемной, идти по улице и слушать музыку.

У Джо все было обдуманно, бруклинские легенды с детских лет манили мечтой найти свою золотую жилу, набрести на Великую Идею, разбогатеть разом, и вот наконец она открылась в блестящем, столь обещающем исполнении – штучка, которая прославит его и Советскую страну, ибо только такие, казалось бы, мелочи прославляют. Они тиражируются миллионами, сотнями миллионов экземпляров. Вечное перо, зонтик, жевательная резинка, каучуковая подошва, фильтр для сигарет – такие изобретения становятся постоянными спутниками людей.

Степин слушал его с удовольствием. Ораторский талант Джо отличался
Страница 141

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru самовозгоранием, собственная речь вдохновляла его, расцветая метафорами и броскими образами: “В каждом американском ухе будет говорить советское изделие!”, “После спутника последует новый триумф советской техники!”...

Джо уже парил в этом огромном кабинете, поднимался все выше к сияющим небесам будущего, законы массовой моды потребуют миллионных заказов, будем возить вместо леса, золота и нефти эти пичужки, самолет заменит караван судов и танкеров, выйдем на рынки Латинской Америки, Канады; не сырье, не истребление запасов, не полуфабрикаты – на рынок пойдет законченное изделие высокой инженерной культуры, техническое новшество, пропаганда советской индустрии!

– И все это при нашей жизни, – мечтательно сказал Степин, – а мы-то чем занимаемся!

Его и вправду тронуло. Чувств своих он опасался, поэтому никакого ответа не дал, обещая подумать, но надо, чтобы Брук завтра же встретился с начальником главка Кулешовым...

Вечером Джо с Алей отправились к Владу на черствые именины. Два дня назад Влад отмечал свой юбилей. Джо преподнес ему последний экземпляр пичужки. Пришел Тимоша Губин с женой. Тимоша в качестве подарка хотел рассказать Владу историю смерти Сталина. Влад попросил разрешения записать ее на магнитофон. Жена Тимоши умоляюще посмотрела на мужа, Тимоша виновато погладил ее руку – где наша не пропадала, дарить так дарить.

– Ко мне этот рассказ дошел под строгим секретом. Слышал я его от моего учителя М. Он был крупным терапевтом. Замечательным врачом, это я могу засвидетельствовать. И абсолютно, я бы сказал, достоверным человеком. Так что первоисточник доброкачественный, он умер три месяца назад, и я хочу его рассказ сохранить, пока он свеж в памяти...

Ночью на 3 марта за М. приехали. В дверях появился полковник. В форме МВД. Сказал: собирайтесь быстрее, поедете со мной. Домашние высыпали в переднюю в ужасе. Это был 1953 год, когда раскручивалось всю дело врачей. Были арестованы друзья, знакомые – Вовси, Егоров, Виноградов, лучшие кремлевские специалисты. М. оставался, один из немногих, на свободе. Вот и за ним пришли. Что брать с собою? Ничего не надо брать, процедил полковник. Торопил раздраженно. Ни зубной щетки, ни бритвы, ничего, разве что ваш, как его, стетоскоп. Матюгался от нетерпения и какой-то непонятной злобы. М. попрощался с женой, детьми.

Сели в машину. Большая, черная. Полковник впереди, с шофером. М. сзади, один. Рванули, помчались, не считаясь со светофорами, на страшной скорости. Куда? Лубянка мимо, Кремль мимо. Впереди молчат. Между собой ни слова. Водитель даже не обернулся, когда М. селся. По шоссе, сиреной пугая встречные машины, куда-то свернули, еще свернули, лес. Шлагбаумы. Ворота. Проектор. Шофер засигналил. Ворота отворились. Опять шлагбаум. Полковник вышел, попросил выйти М. Зашагали по длинной аллее к дому. Из тьмы возникали фигуры, козыряли полковнику, исчезали. Дом освещен. Холл. Полковник передал М. генералу. Поднялись с генералом наверх. Все молча. Их встретил Берия. М. не поверил, что перед ним Берия. Так страшно было, сличал стеклянные крылышки пенсне, лысину, тонкие губы. Берия сказал М.: “Профессор, мы вас позвали как специалиста, товарищ Сталин заболел. Мы понимаем, что сейчас для медиков обстановка трудная. Но мы вам доверяем, просим, чтобы вы действовали без страха, как сочете нужным”. Он говорил возбужденно, глаза его сквозь стекла блестели, казалось,

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
внутри у него что-то бурлит, кипит.

Сталин лежал на диване, глаза закрыты, в одной рубашке, прикрытый пледом, хрипел, без сознания. Были несколько врачей, полужнакомых, у изголовья сидела дочь Светлана.

М. обратил внимание, что левая рука у Сталина была парализована, и, видимо, давно. Сухая, желтоватая, она лежала неподвижно. Правой он дергал ворот сырой от пота рубашки.

М. попросил анамнез. Оказалось, никакого анамнеза у Сталина нет. Даже самой старой истории болезни не было. Никаких медицинских документов не нашли. Никто не знал, были ли они вообще. Когда-то его пользовал один грузинский врач. После смерти этого врача неизвестно кто лечил, кто наблюдал за его здоровьем. Неизвестно, когда у него случился первый удар, как лечили. Кажется, Виноградов, но Виноградов в тюрьме. Сведения о том, что и как произошло с товарищем Сталиным, изложил очень скупо начальник охраны. Товарищ Сталин не подавал признаков жизни, не открывал дверь. Пришлось взломать. Лежал на полу. Без сознания. Перенесли на диван.

Тщательно осмотрев больного, М. собрал консилиум из присутствующих врачей. Никто не хотел ставить диагноз. Отмалчивались, мычали неразборчиво, ждали, что скажет М. В соседней комнате находились члены Политбюро. Время от времени заглядывали к врачам – Ворошилов, Маленков, Хрущев, Каганович, Булганин... Опытный глаз М. сразу же определил почти полную безнадежность больного; дохнула ли при этом на него тайная радость, неизвестно, вполне возможно, что и нет, потому что М. был врач, насквозь врач, и лежащий перед ним был уже не Сталин. В конце концов М. вынужден был произнести свое заключение – инсульт. Его испуганно поддержали: согласен, согласен, согласен. Наметили некоторые меры. В это время приехала неизвестно кем вызванная бригада снимать кардиограмму. Возглавляла бригаду круглая толстоногая женщина-врач с хриплым голосом.

Сняв кардиограмму, врачаха тут же объявила, что у больного не инсульт, а явный инфаркт. М. пробовал объяснить ей, что при инсульте на кардиограмме иногда получается картина, напоминающая инфаркт. Врачи странно посмотрела на него, не ответив, направилась в соседнюю комнату. Оттуда вскоре явился Берия. Сказал, что вот кардиограмма показывает инфаркт, а М. лечит от инсульта, – как это понимать? Подошел Булганин, еще кто-то. Обстановка становилась опасной. Врачи настаивала, повысив голос, потрясала кардиограммой. М. обратился к коллегам. Они, опустив глаза, молчали, один пробормотал: “С кардиограммой нельзя не считаться”. Берия испытующе переводил взгляд то на врачаху, то на М., облизывал губы. Он должен был принять решение. Тогда М. заявил, что он настаивает на своем диагнозе, он будет лечить только инсульт, ничего другого. Инфаркт требует другого подхода, на что он, М., категорически не согласен. Подействовала ли его решительность на Берию или были тут какие иные соображения, но М. запомнил, как дьявольски сверкнули устремленные на него глаза. Берия щелкнул пальцами и предупредил М., что тот головой отвечает за правильность лечения. Зачем, почему М. принял на себя ответственность? Он ведь понимал, что если удастся Сталина вытащить из коллапса, участь арестованных врачей будет ужасна. Ему следовало сказать, что кардиограмма не меняет дела, но на всякий случай надо сделать то-то и то-то. Но у него и мысли такой не появилось. Он признавался, что шел на риск, чтобы спасти Сталина, которого он считал убийцей и палачом. И все, что он делал дальше, должно было вытащить больного из коллапса. Перед ним был только больной, никто больше. Слава богу, что природа воспротивилась. Сыграла свою роль и эта врачиха, из-за которой потеряны были драгоценные часы, и отсутствие анамнеза. Буквально все препятствовало...

М. дежурил, не отходя от больного, больше суток.

Вечером 5 марта Сталин умер, не приходя в сознание. Врачи констатировали смерть. В комнату вошли члены Политбюро, сын Сталина, дочь, еще какие-то люди, долго стояли в молчании, глядя на покойного, словно проверяя врачей. Потом ушли в соседнюю комнату. Было составлено правительственное сообщение. Никто не уезжал. Все ждали. Сидели молча у радио. Под утро по радио передали сообщение о смерти вождя. Прослушав, все заторопились к машинам, уехали в Москву. Как будто передача по радио сделала событие уже окончательным, непоправимым.

Дача опустела. Сталин лежал на той же кушетке, всеми покинутый. М. заявил, что надо будет произвести вскрытие, он настаивал на этом, чтобы подтвердить правильность диагноза. Куда-то звонили, долго выясняли, можно ли везти, на чем, кому. М. договаривался с патологоанатомами мединститута. Никто не хотел ничего решать. Правительству было не до трупа. Наконец М. добился разрешения. В санитарную машину положили покойника, завернутого в простыню, рядом с ним сел М. Другой врач поехал в легковой машине. М. остался наедине с вождем. Охранник сел в кабину к шоферу. Ехали долго. У этой машины не было ни сирены, ни мигалки. Машина тряслась, тормозила. Простыня сползла, окоченелое тельце открылось в старческой наготе. Сухая рука Сталина спадала, голова подпрыгивала. М. наклонился подложить под нее подушку и увидел перед собой сквозь плохо прикрытое веко желтый глаз. Глаз смотрел на него. Перекошенное лицо кривилось. Известное по ежедневным портретам до последней своей черточки лицо вблизи оказалось изрытым оспой, открылась плешь, усы растрепались, повисли, это был не генералиссимус, не вождь – жалкая сморщенная оболочка, малорослый старик.

М. привык к трупам. Для него труп был вместилищем недавних страданий, анатомическим пособием, вещью. Но здесь было нечто иное. От этого трупа было не по себе. М. попробовал придерживать холодную чугунно-тяжелую голову, но тут же отдернул руки, как будто кто-то мог увидеть его недозволенный жест. Он никак не мог свыкнуться, что перед ним труп, он был один на один со Сталиным. Не было ни скорби, ни радости, только жуть.

У Садового кольца застряли перед светофором. Долго не пускали. Показались милицейские машины, за ними следовала черная кавалькада начальственных лимузинов. Они неслись, блистая никелем, протертыми стеклами с задернутыми занавесками, бронированные, огромные, все светофоры встречали их зеленым светом.

В прозекторской уже ждали патологоанатомы, терапевты, президент Академии медицинских наук. Труп внесла охрана, несла неумело, ногами вперед. Со стуком опустили на мраморный стол. Двое офицеров, полковник и майор, остались у стола словно бы в почетном карауле. Двое встали в дверях.

Включили лампы. Сталин лежал под беспощадным светом. Плечи толстые, на щеках щетина. Обратили внимание на его ноги, правая, чуть подсохшая, была шестипалой. Темные ногти на ногах выпуклые, как когти.

Началось вскрытие. Когда большим ножом делали разрез, полковник судорожно всхлипнул, отвернулся. Пилой сделали распил. Осмотр сердца подтвердил, что инфаркта не было. Теперь надо было установить инсульт. Электропилой снимали черепную коробку. Обычно при вскрытии курили, переговаривались, пили кофе, коньячок. Ныне же царило молчание. Визг пилы казался непереносимо долгим. Вынули мозг, положили на поднос, отнесли на соседний стол. На бледно-серой мутной

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru поверхности расплылось бурое пятно кровоизлияния. Диагноз М. полностью подтвердился. Сделали срезы. Переглядывались, без слов показывали друг другу белесые склерозированные сосуды, очаги размягчения. Возможно, двадцатилетней давности. Со времен Великой Репрессии. А может, еще с того времени, когда организован был голод на Украине.

Перед этими профессорами прошли тысячи подобных срезов, но тут руки их дрожали. Мозг этот так или иначе определил жизнь каждого из них, судьбы их родных, знакомых, их страхи, их миропонимание. Наметанный глаз наверняка различал поражения, те, что незаметно искажали личность. В этих извилинах вызревали ходы партийной борьбы, системы пыток, бесчисленные списки врагов народа.

Они рассматривали не препарат, а нечто чудовищное, предмет, откуда выходили ложь и ненависть, первоисточник зла. Мозг гения всех народов и времен, обожествленное вместилище мудрости Учителя и великого Стратега.

Перед ними должно было открыться нечто исключительное, на самом же деле, судя по состоянию сосудов, у него давно уже была потеряна ориентация – кто друг, кто враг, что хорошо, что дурно. Нарушенное питание мозга делало реакцию неадекватной, поведение – непредсказуемым. Все было обманом. Огромной страной, всеми ее народами последние годы повелевал неполноценный, больной человек.

Они, врачи, все же настигли его, раскрыли его тайну – и в ужасе и стыде замерли перед ней. Рассказать, обмолвиться было нельзя. Даже между собой они боялись обменяться мнениями. По сталинским правилам их всех теперь следовало уничтожить.

Офицеры стояли в головах обезображенного трупа, с ненавистью смотрели на “убийц в белых халатах”, как называли тогда врачей газеты.

Черепную коробку надо было поставить на место. Насчет мозга никаких указаний не поступало. Мозг был вещественным доказательством правильности диагноза, мозг был страшной уликой, его следовало упрятать от всех врагов социализма, шпионов, пронырливых журналистов. Нельзя, чтобы люди узнали, кому они поклонялись, кого боготворили.

Надо отдать должное М.: замечательный русский врач, он единственный нашел в себе мужество рассказать об этом и даже оставил письменное свидетельство. Но в тот час и он был скован страхом. Если бы они могли, они подменили бы этот мозг, чтобы избавить страну от позора.

Рассказ Тимоши ошеломил даже Влада, собиравшего материалы о Сталине.

– Типичный рассказ врача, – определил Влад. – Интерьер вождя. Если не считать беллетристики, добавленной твоим воображением. Удержаться, конечно, трудно. Сюжет для кинофильма. Потрясающую картину можно сделать. Спрашивается, однако: неужели склеротические бляшки определяют судьбу страны и судьбы народов? Где же законы истории, движущие силы и прочие науки? Какая унижительная картина!

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– При тоталитарном режиме? Да! – сказала Аля.

– Режим играет роль, – согласился Влад. – Малые возмущения в такой неустойчивой системе могут вызвать большие последствия.

– Я думаю, система склерозировала вместе со Сталиным, – сказал Тимоша. – Там тоже были уже и бляшки и размягчения, если бы нашей системе сейчас устроить вскрытие...

– Ой, не надо, – сказал Джо. – Это революция. Скажите, пожалуйста, а куда делся МОЗГ ВОЖДЯ?

– Не знаю, может, он сейчас в сейфе у Хрущева, а может, в ИМЭЛе.

– Значит, его хоронили без мозгов?

– Меня другое поражает, – сказал Влад. – Если этот профессор, блестящий терапевт, не был бы так напуган делом врачей, если бы вызвали из тюрьмы Виноградова и они смогли бы как-то починить вождя – что бы с нами было?

– С тобой, может, и ничего, а уж евреев всех бы в резервацию запихали. Это было предрешено, – сказал Тимоша.

– В лагерях ужесточили бы режим. Никаких реабилитаций.

– А если бы он дал приказ сбросить атомную бомбу? – вдруг спросила Аля.

– Выполнили бы. Не сомневаюсь, – подтвердил Влад.

– Его же могли вылечить, – сказала Аля.

– Не вылечить, а кое-как подправить. Говорить бы не мог, а писал бы, и слушались бы его долго. Скрывали бы ото всех все эти молоты, кагановичи. Старались бы сохранить его власть и свою.

Джо сидел, втянув голову в плечи, словно над ним проносились огненные смерчи, великаны размахивали мечами, сокрушая храмы и крепости.

– Ишь, что тебя увлекает – бизнес, – сказал Кулешов, как бы по-новому разглядывая главного инженера. – Живет в тебе, значит, этот капиталистический

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
вирус. Цепкая, видать, штука. Да, я понимаю, что не в свои карманы тянешь, но
ведь все равно коммерция.

Грузный, расплывчато-мягкий Кулешов играл при Степине роль громоотвода. На него
сыпались упреки, если что-либо задерживалось, выходило не так. Он сносил все
кротко, и неприятности, неполадки увязали в его благодушной покладистости. Новой
лаборатории он заботливо помогал, правда, пытался втайне от Степина обуздать ее
строптивых начальников.

Сейчас он принял Джо радушнее обычного, велел принести чай, расположился к
беседе, что насторожило Джо, который приготовился к немедленным расспросам –
сколько, чего, когда... Кулешов, однако, продолжал посмеиваться над коммерческой
вспышкой Джо, простительным рецидивом его прошлого. Коммерция, твердо повторял
Кулешов, не наше дело, правительство, слава богу, нам не отказывает, освобождает
от всяких забот, во всем идет навстречу, это ценить надо.

– Плохо, что не отказывает, – вставил Джо, – жирная пища расслабляет.

Кулешов нахмурился, но продолжал свою, видно, обдуманную речь. Подчеркнул, что
есть большой смысл в том, чтобы оборонка могла целиком отдаваться поставленным
задачам. То есть крепить оборону страны. Создавать самую совершенную военную
технику. В чем другом, но в этом нельзя уступать американцам. Некоторые
надовольны: мол, много денег тратим. Он положил свою пухлую руку на руку Джо,
доверительно пригнул, понизил голос:

– Был я недавно на Совете Министров. Обсуждали просьбу фармацевтов завод им
построить. Больно слушать было их мольбу. По нашим масштабам люди гроши просили.
Все их хлопоты не стоят одной подлодки. И ведь лекарства, это тебе не
презерватив с кисточкой. Нет, не дали. А нам дают все, что просим. Не потому,
что мы милитаристы. Ты знаешь – мы за мир. Но нам навязали. И мы вынуждены. Они
думают, кишка у нас тонка. Посмотрим, у кого тоньше! Почему мы стали мировой
державой, что у нас такого замечательного, а? Давай, не стесняйся. Почему к нам
едут президенты, почему нас слушают – как полагаешь? Над нашими “Волгами”
сменяются, верно? Наши магазины доброго слова не стоят. А гостиницы? Ведь все
плюются от нашего сервиса. Но едут к нам, смотрят нам в рот. Потому что у нас
авиация первоклассная, флот могучий, потому что у нас ракеты и кнопка, кнопочка!

Он раскраснелся, вспотел, глаза его блестели, чувства его прорвались сквозь
служебную сдержанность.

– Ты, может, скажешь – армия? А я тебе скажу, что в сегодняшней стратегии армия
фигурирует как гарнир. Все средства к нам, прибористам, идут, и правильно.
Военная доктрина к электронике повернулась. Этого мы добились! Ракеты, подлодки,
авиация – на них надежда. Наша это заслуга. Лучшие ученые у нас работают. У нас
лучшие заводы, лучшие станки, институты. Думаешь, просто было военных повернуть?
Мы повернули. Вовремя. Как в войну все для фронта, так и осталось. Ничего не
поделаешь. Поэтому с нами считаются! Да, терпим, живем в коммуналках, мучаемся
бездорожьем, больницы страшные, а все равно великая держава! В моей деревне из
семидесяти дворов девять осталось. Разбежались кто куда. Все понимаю. Горько. Но
надо терпеть. Народ терпит потому, что войны не хочет. А войны нет потому, что –
сила! Лишь бы нам не подкачать, нашему комплексу, мы – становой хребет державы.
Ты скажешь, при чем тут твой приемничек? При том, что нам нельзя отвлекаться.
Тебе нельзя отвлекаться. Твоей голове. Сегодня приемник, завтра телевизор. Нет,
так не пойдет, дорогуша моя. Это я рассматриваю в масштабе одного человека. Так

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru ведь могут и нас рассмотреть в масштабе главка, а то и министерства... Да, мы допущены. Оба! Допущены к оружию! Понимаешь, ответственность какая? На самом деле это мы с тобой управляем страной. От нас зависит... Все на нас замыкается. Нам про твои московские шалости сообщили. Ну и что? Мы сказали: этот человек нам нужный, не трогайте. И концы в воду. Мы – высший слой и должны ценить это. С нами соревнуются за океаном. Вот о чем надо думать! Обогнать! Только туда мысль надо направлять. Что надо, все отдать. Выгодно, невыгодно – не наша забота. А ты из нас хочешь торгашей сделать.

Кулешов взглядывал на него мельком, как на весы, и подкладывал еще и еще:

– С нами никто за стол переговоров не сядет, если у нас оружия настоящего не будет. Плюнут и перешагнут. Кому мы страшны со своими деревенскими счетами и логарифмическими линейками? Я вообще думаю, что в нашу эпоху войны не будет, пока равновесие сохраняется. Они – компьютер на самолет, и мы – компьютер, они ракету на тысячу километров – и мы такую же. Чтобы ноздря в ноздю. А что тут приемничек твой, так такого можно много напридумывать. Копировальное устройство нам недавно принесли. Опытный образец. Зачем, спрашивается, нам сегодня – листовки печатать? Нет уж, воздержимся. Не до этого.

Речь Кулешова все более походила на надгробное слово. Мечту Джо хоронили почетно, на кладбище других Великих Предложений.

– Зря ты сразу к Степину пошел, – сказал на прощание Кулешов. – От него ждут сейчас других вещей, о которых можно рапортовать. Да и ты, дорогуша, разве на этом взлетишь? За твой приемничек ничего не навесят, все ордена и премии выделены на госзаказы.

Таким образом, Кулешов разъяснил позицию замминистра Степина и, обласкав напоследок, пообещав вернуться к вопросу, когда станет полегче, отпустил Джо.

В словах Кулешова была уверенность, знакомая Джо по разговорам советских людей, – все что угодно, лишь бы не было войны. У них не было задиристости победителей, сознания народа-победителя, у них был страх перед новой войной.

Прощаясь, Кулешов признался:

– Разволновался я с тобой, сердце заболело.

Был он весь в поту, с прилипшими ко лбу волосами. Кое в чем он убедил Джо, проник, подействовала и сладкая причастность к власти и к тем, кто решает судьбу народов. Ничего не поделаешь, надо создавать оружие, такова наша участь. Нельзя забывать свою клятву. Америка сама сделала себе мстителя. Кулешов прав, идет война, пусть холодная, но война. На войне приходится жертвовать многим, и он, Джо, тоже приносит свою жертву.

Он шел по тесной московской улице, залитой солнцем, – город шумно плескался у магазинов, Джо и раньше поражал густой поток прохожих в разгар рабочего дня.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Нигде, ни в одном европейском городе не было днем столько народу на улицах, как в Москве и Ленинграде. Стояла длинная очередь за луком. Шел переполненный раздрызганный автобус со сломанной дверцей. С лотка продавали порченную черешню. Двое ханыг предлагали часы-ходики. Пьяные толпились у пивного ларька, и там же ругались между собою инвалиды на костылях и каталках. Москва неожиданно предстала грязной и нищей, словно бы кто-то повернул хрусталик в его глазу.

Что-то не сходилось, как в школьной задаче. Считаешь, считаешь – все по отдельности верно, в итоге же чепуха. Так и тут – в ответе вместо миллионов долларов очередь за луком. Практический ум Джо никак не желал примириться с этим. Все доводы Кулешова были безупречны, логично связаны. Это с одной стороны; с другой – отказаться от бизнеса, такого выгодного для этой бедности, счастливого, как находка, – зачем, почему?

Вместо того чтобы вернуться в гостиницу, Джо зашел в ресторан “Метрополь”, куда не рекомендовалось заходить. Швейцар у входа оглядел его в сомнении: “У нас только для иностранцев”. “А я думал, что у вас хороший ресторан”, – сказал Джо. “Пожалуйста, заходите, – сказал швейцар, который сразу усек акцент.

Его встретил раззолоченный зал, старинная мебель, дореволюционная роскошь дорогого заведения. Он заказал бутылку белого вина, фирменную отбивную, позвонил Але, чтобы приехала.

Вечерняя публика еще не нагрелась, оркестр не пришел, было междучасье, зал пустовал. Джо тоже отдыхал, потягивая грузинское вино. У него сохранилась привычка западных людей отдыхать в одиночестве, сидя где-нибудь за стаканом вина. Здесь, в России, полагалось заказывать еще какое-нибудь блюдо.

Наискосок от него сидели трое: два долговязых здоровых мужика в клетчатых пиджаках и женщина в алом костюмчике. Волосы ее были взбиты белокурой пеной, мужчины наперебой что-то рассказывали, она смеялась, откидывая голову назад, и следом начинали грохотать они. Джо прислушался, говорили о покупке трусов и лифчиков, ему нравилась громкость их голосов, интонация, и вдруг он сообразил, что говорят по-английски, вернее, по-американски, причем северяне. Первым его желанием было подойти к ним: “Привет, ребята, я Джо Берт из Нью-Йорка, сейчас живу здесь, в Союзе, не выпить ли нам за встречу, я угощаю”. Посидеть, потрепаться на родном языке. Но его тотчас остановила инструкция, строжайшая, обстоятельная, которую он подписал, которая исключала любые контакты с иностранцами. Зал почти пуст, тем не менее это станет известно, каким-то образом такие случаи всегда засекали. Джо встретился глазами с американкой, улыбнулся ей, она тоже улыбнулась, что-то сказала своим мужчинам. Они оглянулись на него, заговорили тише.

Покой же не приходил. У этих американцев покой был, а у него нет... К нему подошел один из американцев.

– Не можете нам заказать несколько бутылок хванчары с собой? – попросил он.

Джо развел руками: не понимаю, извините.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Выслушав его рассказ о Кулешове, Аля сказала:

– Твой Кулешов живет не в коммуналке, небось имеет шикарную квартиру, дачу, паек и хвалит терпение народа и готовность жертвовать всем. Чем он сам жертвует, паразит?

Она была категорична и ни минуты ни в чем не сомневалась.

– Кто нас хочет захватить? Кому мы нужны, кому нужна наша страна, где нет порядка? Прокормить себя не можем, – рассуждала она, – ты бы видел, как голодают в колхозах. Мы ведь только иностранцам пыль в глаза пускаем. Но они тоже не идиоты.

Забавно было слушать эту курносую особу, у которой все было так просто. Сталинистов устранить, молодежь к руководству, гэбистов судить... Трикотажная блузочка туго обтягивала ее выпуклую фигурку. Она ничуть не уступала этой кудлатой американке. Ни на минуту не умолкая, с аппетитом уплетала шашлык, пила вино, рассказывала про запрещенный фильм Хуциева, про выступление академика Сахарова на сессии Академии наук и прочие столичные новости. Как всегда, с ней было легко и весело. Немного раздражала ее манера запросто решать вопросы, которые мучали Джо. Она не признавала никакой правоты Кулешова: работать надо на людей, а не на генералов!

Влад писал статью для самиздатского сборника. История с приемничком огорчила его и обрадовала как хороший пример, который можно было привести, чтобы показать порок плановой системы. Со свойственным ему умением распутывать сложные схемы он помог Джо разобраться в ситуации. Кроме того, он достаточно знал Степина и хитрую механику министерских отношений. Причины отказа Кулешов изложил правильно, это была лишь та часть, которую полагалось знать Джо; существовала и другая, кабинетная. Изготовление приемничков передали бы какому-нибудь гражданскому министерству. Штатские оторвали бы себе и прибыли и славу, глядишь, и лабораторию Картоса на эти дела нацелили бы – и прощай тогда все надежды и планы Степина! Выгода – это хорошо, но сперва своя, а потом уже государственная.

– Степин пораскинул мозгами и решил придержать, потянуть с твоей фиговиной, там видно будет, пока на подношения сгодятся, а на тебя Кулешова спустил, чтобы тебе баки залил.

На Ленинградском вокзале у “красной стрелы” Джо встретил тех троих американцев, они ехали в Ленинград в одном поезде с ним. Увидев Джо, они переглянулись, покачали головами и скрылись в своем купе. Интересно, за кого они его приняли?

XIX

Бреясь перед зеркалом, Джо потренировался, изображая победителя. Чуть ироничный прищур, небрежный рассказ, без досады, мы добились своего, министерские работники восхищены, Степин, можно сказать, благодарил коллектив, создавший такую прелесть...

Они ждали его возвращения. Они сразу набились в его кабинетик. Те, кто работал и кто помогал. Теснились в дверях. Он хорошо позолотил пилюлю, но они раскусили суть, ничего не вышло, забодали, задробили, производство отложено, спрашивается – почему, на каком основании? Слова Кулешова перед этими ребятами не звучали. Они вкалывали без выходных, увлеченные не только изящным техническим решением, им понравилась идея выйти из безвестности на свет божий со своим изделием, да еще в Америку, утереть нос своим соперникам, вставить им в ухо свою дулю. При чем тут военные заказы? Идиоты, не удержался Марк.

Ребята померкли. Узкая лошадиная физиономия Джо вытянулась еще больше. Прохоров, добрая душа, бросился утешать его, в итоге решено было назло врагам отпраздновать Алешину свадьбу с участием Джо и Андрея Георгиевича.

Все же это неслыханные люди, восторгался Джо, это люди новой формации, они все страдают не за себя, а за свое государство, и эти ребята, и, как ни странно, Кулешов тоже, пусть по-своему, но ведь не о себе же. С легкостью он переходил от уныния к радости, умел “всякую гадость приспособить под радость”, как говорилось в стихах, зачитанных на Алешиной свадьбе.

Свадьбу справляли дома, в Алешиной комнатке. Картос и Джо впервые попали в ленинградскую коммунальную квартиру. С любопытством разглядывали черные коробки электросчетчиков в прихожей. Звонки на входной двери. Расписание уборки. Кухню, заставленную столиками. Велосипеды, подвешенные на крюках, двери, двери, длинный коридор, главный проспект квартиры, по которому носились детишки, бродили старухи.

Свадебный стол был уставлен кастрюлями с винегретом, была селедка, грибы, принесли таз горячей картошки, было много водки и домодельной браги. Все было вкусно, произносили смешные тосты, кричали “горько”. Эн сказала Андрея: “Жаль, что у нас не было свадьбы”. Ее свадьба с Бобом свелась к венчанию в церкви, торопливому ужину, где были только родители, – и сразу в отъезд. Эн подарила невесте французские духи. Это была рослая красавица с толстой рыжеватой косой и множеством веснушек. Невеста тут же открыла флакон, заахала от удовольствия, облила женщин, каждую щедро надушила, так, что почти все израсходовала.

Много пели песен шуточных и своего сочинения – про колорадского жука, про колхозы, про моржей. Никто не напился, если не считать Марка Шмидта, который подсел к Джо и заплакал над загубленной “крохой”: “Столько выдумки... такой бриллиант, мать их перемать... сволочи... миллионы им не нужны... бездарная система...”

Виктор Мошков высмеял его, потом отвел в сторонку, взял за грудки: “Заткни свой фонтан, ты ведешь себя как провокатор. Не смей расстраивать нашего эфиопа. Он больше тебя потерял”.

Эн разговаривала с Алешиной матерью. Это была маленькая женщина в безвкусном пестром жакете, мелко завитые волосы пылали оранжевым цветом. Когда-то красивое лицо ее портили металлические зубы. Смешливые глаза присматривались к Эн с любопытством. Раньше она работала почтальоном, недавно стала начальником почтового отделения. Она показала Эн семейные фотографии – с мужем, с новорожденным Алешей. Там была одна блокадная – Алеша тоненький, на костылях, и она тоже с палочкой на мокрой весенней улице 1942 года. Старик и старушка. Позади разбитый снарядом дом, этот самый, в котором они сейчас живут. Всю блокаду здесь провели. В тот день, когда мужа убили на фронте, к ним сюда

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
осколок влетел от бомбы.

– Почему же вы не переехали? – спросила Эн.

– Куда?

Она махнула рукой и стала рассказывать, как здесь, в этой же комнате, она справляла свою свадьбу, здесь родился Алеша, здесь вырос.

– Но теперь-то молодые уедут, – сказала Эн.

– Куда?

– Не можете ведь вы в одной комнате.

Мать Алеши рассмеялась, допила свою рюмку водки.

– Очень даже можем, поставим перегородочку и будем жить. У нас в коммуналке было шесть комнат, стало десять. Размножаются и делятся. Во время блокады мы все в одну комнату сбились...

Она стала снова рассказывать про блокаду, как они болели цингой, пили хвойный отвар.

– Вот почему у вас такие зубы, – простодушно сказала Эн.

Мать Алеши покраснела, зло прищурилась.

– Некрасиво? Вам тут многое у нас некрасивым кажется.

– Нет, почему же, – спокойно сказала Эн. – Вы мужественные люди, раз вы могли это перенести...

– Война, это что... Мы и сейчас переносим. Пойдемте.

Она крепко взяла Эн за руку, вывела из комнаты, повела по коридору, который сворачивал в полутемь с желтым пятнышком лампочки наверху. Двери, ящики у стен, ободранные обои, висели лыжи, лежали связки книг. Где-то за дверьми плакал

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
ребенок, вопило радио. Эн споткнулась о какой-то сундук.

– Извините, – сказала Алешина мать, – я давно сюда не ходила.

Она снова взяла Эн за руку, повернула обратно в тупичок к желтой облупленной двери, перед которой стоял седой мужчина в роговых очках, с газетой в руках.

– Поздравляю вас, Нина Михайловна, со свадьбой. А это ваша гостья? – Он внимательно оглядел Эн. – Со стороны невесты будете?

– Нет, нас Алексей Алексеевич пригласил, – сказала Эн.

– Вы, извините, из каких краев? Не из Латвии, случайно?

– Очень ты любопытен, Свистунов, – сказала мать Алеши.

Дверь открылась, из уборной вышла пышная женщина, на ходу поправляя юбку. В прямоугольнике света стоял не остывающий унитаз, раздавалось урчание воды.

– Пожалуйста, уступаю вашей гостье, – сказал Свистунов, любезно кланяясь.

Мать Алеши подтолкнула ее.

– Давай, пользуйся случаем.

За дверью было слышно, как Свистунов говорил:

– Вы объясните ей, Нина Михайловна, что у нас второй туалет на ремонте.

– И ванная тоже на ремонте третий год, – сказала Нина Михайловна.

Она повела ее на кухню к раковине руки помыть. Женщины оценивающе оглядели ее черные туфельки, шерстяное платье, черное с белым, часики крохотные, вроде бы ничего особенного, но определили безошибочно – не наша, иностранка. Дело было не в наряде, наряд скромный, все сидело на ней по-иному, и держалась она по-другому, точной приметы тут нет, видно, когда человека не заботит, куда руки девать, как повернуться, никакого смущения, улыбается всем будто подругам своим.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
В коридоре Нина Михайловна хихикнула:

– Теперь мне достанется.

– За что?

– За разглашение секретов.

– Каких секретов?

– Потому что коммуналка есть самый секретный в нашей стране объект. Вашего брата иностранца возят иногда на военные корабли, в атомные институты разрешают, но в коммунальные квартиры ни ногой. Их запрещено в кинокартинах показывать, в романах описывать. Я, можно сказать, выдала государственную тайну, – торжественно произнесла она.

– Почему вы это делаете? – вдруг спросила Эн.

– Чтобы вы знали, что такое коммуналка. В коммуналках большинство живет. По всей стране. Плечом к плечу. Теснее некуда... Без разницы возрастов, положений. Вот этот Свиштунов – доцент, а рядом с ним проститутка, следующие две сестры, старые девы, – дворянки, рядом с ними летчик, у которого сын карманник. Все про всех известно. У кого что в кастрюле, что в постелях творится, у кого понос, у кого триппер. – Она разошлась так, что Эн стала плохо понимать ее хмельную скороговорку. – Коммуналка – это же модель общества, как считает Алешка, орудие диктатуры. Поддерживает порядок. Никаких заговоров, никакой оппозиции. А то, что скандалы и драки, это нормально. Зато всегда в боевой форме. Человек из коммуналки! Стукачи, матерщинники, психи... Дети все видят. Я Алешку спасала как могла.

– Ужасно, я понятия не имела, – сказала Эн.

– Не нравится? – обрадовалась Нина Михайловна.

– Но у вас квартиры дают бесплатно, всюду строят.

– Дают. Только не нам. Теперь две семьи, поставят на очередь. Лет через десять дойдет.

Эн недоверчиво уставилась на нее:

– Десять лет – это же вся ваша жизнь пройдет.

– Уже прошла. Среди этих. – Она ткнула пятерней в сторону черных электросчетчиков полутемного коридора, загроможденной передней. – Тридцать лет! Вкалывала как проклятая – и что? Комнату единственному сыну освободить не могу. – Она зашептала на ухо Эн горячим дыханием: – Надоело. Своя нищая жизнь надоела! Я себе надоела! А знаешь, зачем я тебе показывала? Чтобы ты мужу сказала, когда квартиры будут давать, чтобы Алешке дал. А мне не стыдно, если честно заработать нельзя. Будь она проклята, такая жизнь.

Она стиснула кулаки, глаза ее горели, лицо дергалось; дверь, возле которой они стояли, скрипнула, приоткрылась, Нина Михайловна яростно прихлопнула ее плечом.

– Успокойтесь, пожалуйста. – Эн обняла ее, прижала к себе, и Нина Михайловна обмякла, беззвучно заплакала. – Я скажу мужу, я понимаю, я ему все расскажу, – приговаривала Эн.

Нина Михайловна достала платок, высморкалась, вытерла лицо.

– Ничего, потерпим... Поставим перегородку. У меня будет проходная комната. Главное, я Алешку сберегла в блокаду, он вырос хорошим мальчиком, остальное ерунда. Подумаешь, коммуналка, войну пережили... – Она встряхнула огненно-оранжевыми кудряшками.

– У вас тут все про войну вспоминают, уже столько лет прошло.

Мать Алеши смерила ее взглядом, значение которого Эн не сразу поняла.

– Ты всегда такая спокойная?..

Спросила про умершего ребеночка, расспрашивала, не стесняясь, о том, о чем все избегали упоминать, спросила, как же теперь Эн живет пустовкой бездетной, чем душа занята.

– Любовника тебе завести надо, – посоветовала она.

Когда они вернулись, в комнате стулья были сдвинуты, и в тесноте, танцуя, толпилось несколько пар. Эн сразу же пригласил Виктор Мошков, повел ее, церемонно держа двумя пальцами, как будто держал бокал. И другие сотрудники танцевали с ней иначе, чем с другими женщинами, держась на расстоянии. Никакого удовольствия от этих танцев она не получала. Она была женой их шефа, обожаемого руководителя, будь на ее месте мымра, они обращались бы с ней с той же опасливой бережливостью, ничего она в них не возбуждала.

Она выпила. Увиденное в этой квартире все больше расстраивало ее. Никак не

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru укладывалось в голове. Ее стали просвещать: “Потому что все мы, как заявил Мошков, вышли из этой школы коммунизма”. При чем тут коммунизм? – спросила Эн. При том, объяснили ей, что здесь формируется человек будущего, умеющий бороться за свое существование на минимальном жизненном пространстве, отступать ему некогда, маневрировать тоже. Коммуналка создает особый тип всеобщего человека, все выдающееся подстригается, выравнивается. Жизнь его прозрачна, на работе он на людях и дома на людях, одиночества у него не бывает, а если ему случается остаться одному, он места себе не находит.

– Сформирован новый тип человека, – заявил Мошков, – коммунальный. Хомо коммо – следующая высшая ступень по сравнению с хомо советикус. Хомо коммо не интересуется ни политикой, ни строительством коммунизма, что для коммунизма весьма ценно, коммунальный человек весь поглощен борьбой с соседями...

Эн заметила, как Андреа недовольно покачал головой, затем взял со стены гитару, стал тихонько ее настраивать. Все примолкли. Первый раз видели в его руках гитару. Гитара была дешевенькая, старая. Андреа хмурился, прилаживаясь к ней, потом поставил ногу на табуретку, взял несколько аккордов, черные глаза его устремились куда-то в невидимую точку, которая была далеко, за пределами этой комнаты.

Голос его зазвучал незнакомо. Пел он по-английски, надтреснутым пьяным голосом. Песня была военная, американских солдат. Лицом он не подыгрывал, оно оставалось бесстрастным, и таким же оно осталось, когда он запел мексиканскую любовную. Мужская нежность не вязалась с его холодным взглядом, но подружки невесты смотрели на Андреа завороженно, в их глазах разгорался знакомый Эн огонек, это случалось и в Мексике, когда после его песен девицы ходили за ним, не стесняясь жены, трогали его, гладили, становились, как говорила Эн, сексуально агрессивными, так действовал на них его голос. Эн относилась к этому со смешком.

Никто из сотрудников не ожидал, что их шеф поет, и поет профессионально. Сперва это показалось неприличным, как если бы на сцену с гитарой вышел Хрущев. После третьей песни они принялись аплодировать. Он взглянул на них недоуменно. Он пел как бы для себя, публика его не интересовала, ему хотелось что-то вспомнить, голос его доносился из прерий, потом, когда он запел по-гречески, пахнуло Адриатикой, жаром узких улочек, стиснутых нагретым мрамором домов, позади вставали выжженные солнцем холмы, где пировали боги Олимпа, земля, коричневая, как греческие амфоры, серые ослики, оливы... Отсюда, с холодной, сумрачной Петроградской стороны, Адриатика казалась ярко-синей, счастливо-теплой, играла музыка в портовых кабаках, крутилась рулетка, где-то существовали другие великие города, кроме Москвы и Ленинграда, с пляской рекламных огней, с потоком разноцветных машин, с роскошными женщинами, ковбоями, винными погребами, огромный, неведомый им мир медленно вращался перед ними. Было грустно оттого, что никогда не придется увидеть эти страны, все это не для них, никто из них никогда не выезжал за границу и вряд ли поедет.

Эн почувствовала их грусть, пение Андреа перестало ей нравиться. Впервые она слушала его отчужденно. Поза его показалась манерной, и то, что он не позволял им аплодировать, тоже было неприятно, в сущности, мнение их было ему безразлично. Его испанский, греческий, английский – щегольство, он не чувствует, как он выглядит среди этих ребят, в этой ужасной коммунальной квартире. Он ничего этого не заметил – ни их безнадежной зависти, ни своего успеха.

XX

В одно из воскресений Джо пригласил Эн на открытие выставки в Русском музее. Андреа был в командировке, и Джо полагалось опекать Эн. Выставки, литературные вечера были в то время местами яростных споров. Джо, так же как и Андреа, мало что понимал в живописи. Однако он считал, что живопись – это первое, с чего начинает человек, читать еще не умеет, а рисует, изображает мир, каким его видит, не искажая его умением и правилами рисования. Примерно об этом ораторствовал он посреди зала, привлекая к себе внимание громовым голосом, несоразмерными жестами и акцентом. Он не признавал никакой эстетики, его замечания о картинах были чудовищны, он не мог отличить Рембрандта от Рубенса, и тем не менее его слушали с удовольствием. С пылом проповедника он доказывал, что все они – мальчики и девочки, пенсионеры, отставники, приезжие провинциалы, – все они могут разбираться в живописи, оценивать картины лучше искусствоведов, чем наивнее, тем вернее. Эн потешалась над их легковерием, потом ей стало стыдно и за них и за чушь, которую нес Джо. Когда-то в Нью-Йоркском университете она слушала лекции об условности в искусстве, и профессор, разбирая картины Модильяни, признавался, что не может до конца понять, раскрыть секрет выразительности этих неестественно вытянутых лиц, непрописанных глаз. Он учил добираться до тайны великих художников, до непонятного. Разбирается в искусстве тот, кто начинает что-то не понимать, повторял старик, и Эн это усвоила.

Слушать Джо было тягостно, Эн отошла в сторону. Выставка ленинградских художников показалась ей робкой и устарелой. Кто-то смотрел на нее. Она почувствовала спиной пристальный взгляд, обернулась. Мужчина, совершенно незнакомый, смотрел на нее с безграничным изумлением. Эн нахмурилась, перешла в соседний зал. Мужчина отправился за ней, он шел за ней как привязанный. Она остановилась у какой-то гравюры, он тоже остановился поодаль, вдруг что-то решил, подошел к ней и, странно посмеиваясь, извинился.

– Дело в том, что вы похожи на один портрет.

– Ну и что? – резко сказала Эн.

– Видите ли, портрет этот написан был мной несколько лет назад.

– Вы что, художник?

– Да.

Она посмотрела на него успокоенно и ответила улыбкой.

– Может, я была у вас натурщицей.

– Тогда бы вы меня помнили. Нет, я писал просто так. И потом, в натурщицы вы не ходите.

– Это почему?

Он расхохотался.

– Ключули? Ни одна женщина не может удержаться от такого вопроса.

Он был рослый, плечистый, с открытым грубоватым лицом, пегие курчавые волосы делали его похожим на большого пса.

– А в натурщицы вы не ходите потому, что вы личность.

– Это что у вас, способ знакомиться?

Ему было лет за сорок, на висках проблескивала седина, на нем была потертая кожаная куртка, хлопчатобумажные штаны с пузырями на коленях, фланелевая рубашка.

– Нет, у меня есть более простые способы.

На нее смотрели нахальные глаза, слишком молодые и слишком яркие, глаза не от этого добродушного, простецкого лица. Он снова оглядел ее.

– Все же это похоже на чудо.

– Что?

– Этот портрет... Я хочу вам показать. Приходите в мастерскую сегодня вечером.

– Как у вас быстро.

– Вы что, из Прибалтики?

Эн неопределенно пожала плечами.

– Этот тип там ораторствует – вы с ним?

Она кивнула.

– Это ваш муж?

– Нет.

– Слава богу! Интересно, как это могло случиться – с вашим портретом. Жаль, если вы не придете. – Он продолжал разглядывать ее и удивляться. – А может быть, я ошибаюсь, – сказал он. – Вы по сравнению с ней рациональны... Как все прибалты, – добавил он.

Нахальный смешок взблескивал и исчезал в его светлых глазах, так что Эн не успевала обидеться. Она старалась держаться тоже иронично.

– Значит, я должна прийти к вам в мастерскую. Если не приду, значит, я рациональна...

– О господи! Это же всего лишь портрет, поясной.

– По пояс, да? Значит, вы будете сравнивать по пояс? Это, конечно, легче.

– Поскольку вы так не уверены в себе, можете прийти с вашим другом, с мужем, с милицией. В любой день.

Он показал ей, где его найти. Это было тут же, в запаснике. Маленькая белая дверь без вывески. Сбоку незаметная кнопка. Нажать три раза, спросить Валерия Петровича. Лучше к концу рабочего дня, часов в пять. Его мастерская неподалеку, через канал.

– Только не откладывайте, – предупредил он. – Я могу исчезнуть.

– Как это исчезнуть?

– Как сон, как утренний туман... Меня грозятся выгнать отсюда.

– Тогда другое дело.

Он ответил ей взглядом, значение которого она не поняла, но который убедил ее, что это не шутка. В течение нескольких дней она припоминала предупреждения учтивых майоров в штатском, рассказы о ловушках. Но в среду, выйдя из Дома книги, решительно свернула к Русскому музею. Она была стопроцентной американкой и знала, что чудес не бывает, что все кончится обманом, разочарованием, в лучшем

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
случае какой-то ерундой, глупостью.

Позвонила трижды. Дверь открыл ей сам Валерий Петрович. Увидев, что она одна, усмехнулся. Был он в синем длинном халате, в заношенной кепке. Повел через длинный полутемный зал. Под тусклой целлофановой пленкой рядами стояли бюсты вождей. Больше всего было бюстов Сталина. Валерий Петрович объяснил, что здесь запасник современного искусства, что ей повезло, никого сейчас нет, начальство на ученом совете, и можно взглянуть на картины художников, которые не выставляются. По правилам доступ сюда закрыт. Для запасника надо получать пропуск в Москве, в Министерстве культуры, чуть ли не у самого министра. Потому что хранятся тут картины идеологически вредные, для простых людей крайне опасные. Никто не должен их видеть. Валерий Петрович советовал использовать счастливый случай. Опять было непонятно, шутит он или всерьез, как могут быть картины опасными.

– Вы что, здесь работаете?

– Да, нечто среднее между чернорабочим и помощником хранителя. Надо иметь какой-то постоянный заработок.

Стеллажи до потолка, в несколько этажей, плотно заставленные картинами. Окна в решетках.

– Тюрьма, – сказал Валерий Петрович. – Похоже?.. И нары, брат, и нары! – пропел он.

Сотни картин, может, тысячи.

Он усадил ее в кресло, плащ просил не снимать, если придут, скажет, что она только что пришла за ним, она, извините, – он театрально раскланялся – натурщица, словом, шуры-муры, это у нас поймут, простят, потому что шуры-муры есть у всех.

Стоит ли рисковать, сказала Эн, тем более что советская живопись ее не интересовала. Стоит, стоит, немного даже обиженно заверял он. Полотна, которые он ставил перед ней, были и впрямь хороши. Но она готовилась к другому, сюда можно будет прийти в другой раз, считала она. Впоследствии она часто жалела, что была так нетерпелива. Другого раза не было, его никогда не бывает, другого раза, все бывает только один раз, пора бы научиться, что к этому разу надо относиться как к единственному и последнему. И Валерий Петрович был в ударе, сам откровенно восхищался полотнами, любовался ими, словно драгоценными камнями, игрой их красок, ходил большой и легкий, словно бы позабыв об Эн. Кто-то второй в нем перебивал смешком, и этот второй не упускал случая как бы невзначай положить ей руку на плечо, тронуть ее.

– Чего ж тут секретного, – сказала Эн, невольно любясь огненно-красными креслами, пылающими на черно-синем фоне картины.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Вот именно! – ликуя, восклицал Валерий Петрович, и Эн вспомнила Алешину маму и очередь в уборную. Та государственная тайна была хоть как-то понятна, но эти самовары или приклеенная к холсту папиросная коробка – в них-то какая опасность? – Вам смешно, – сказал Валерий Петрович. – Здоровая реакция нормального человека. Хотя большинство людей находят оправдания. Лучшие наши художники захоронены здесь. Перед вами трагедия огромного искусства. Представляете, если бы итальянское Возрождение было запрещено и папа Лев Десятый запретил Рафаэля, Боттичелли, Микеланджело, Леонардо, упрятал бы их в подземелье на века, так, чтобы мы понятия о них не имели!

Эн посмотрела на свои часики.

– Извините, – сказал Валерий Петрович и стал снимать халат.

Его мастерская помещалась неподалеку, на последнем этаже шестиэтажного старого петербургского дома. Все показалось Эн необычным: переходы по застекленным галереям, парадная с мраморным фигурным камином, выложенный плитками пол, остатки цветных витражей на лестничных окнах. Вечерний желтый свет, проходя сквозь них, распадался на толстые цветные лучи. Лифт не работал. Сквозь стеклянные дверцы видна была кабина красного дерева. На одном из подоконников две старушки играли в карты.

Небольшой портрет в простенькой черной рамке стоял на полу у мольберта. Молодая женщина в платье вишневого бархата со стоячим воротником, отороченным белыми кружевами. Изображение как бы запылилось, не хватало света, и что-то там, в глубине картины, поблескивало. Эн не сразу поняла, что художник написал зеркало, старое, помутневшее от времени зеркало, в котором отражалась стоящая перед ним женщина. Местами облетела амальгама, отсюда и происходил блеск попорченного местами зеркала. По плечу женщины полз большой жук-олень. Женщина зачарованно смотрела на его отливающий изумрудом панцирь и грозно устремленные к ней рога. Чем-то она была похожа на Эн, помоложе, помягче, глаза темнее, хотя Эн никогда в точности не могла определить свой цвет, он менялся у нее. Так что поначалу она была даже разочарована. Чуда не состоялось. Что-то она съязвила по этому поводу, Валерий Петрович не ответил, он разглядывал обеих женщин, ее и ту, все с большим удовлетворением. Он не слышал Эн и не обращал внимания на нее. Перед ним была модель, с каждой минутой сходство увеличивалось, она стала узнавать себя, свой поворот, свое выражение, то, что таилось в припухлостях по краям губ, в уголках глаз, это была она, Эн. Впервые она видела себя на портрете. Там было и то, чего она не знала в себе, что не подсмотреть в зеркале, из зеркала на нее всегда смотрела женщина, которую никак не удавалось застать врасплох.

Почему-то ей в голову не пришло, что Валерий Петрович мог написать портрет за эти дни, по памяти. Может, потому, что по краям и на рамке лежал слой пыли. Конечно, и это можно подделать, художники это умеют. Но она не сомневалась, что портрет написан давно. Валерий Петрович смотрел не на портрет, а на нее, любуясь своей находкой. Она не сразу заметила, что он обнял ее. Она отвела его руки, спросила:

– А жук зачем?

Валерий Петрович удрученно покачал головой, не ответил. Он повернул портрет, на заднике черным было написано: “женщина с рогатиной. 1954 г.”.

– Как давно, – сказал он.

– С кого вы ее писали?

– Это была женщина моей мечты.

– Была? – невольно спросила она, и он усмехнулся.

– Я думал, что избавился, но теперь, оказывается, вы существуете, вот в чем чудо-юдо. В натуре вы богаче. У нее разве грудки, у вас они хорошо торчат, интересно, как бы вы на жука смотрели. Впрочем, писать с натуры не люблю, в натуре мне трудно найти загадку.

Разговаривая, он как бы рассеянно, как бы невзначай то брал ее за руки, то трогал ее колено и непонимающе вскидывался, если она отстранялась.

Мастерская имела длинное окно, в окне виднелись зеленые и красные крыши, подсвеченные закатным солнцем. Она стояла, смотрела на них. Валерий Петрович подошел сзади, положил ей руки на плечи.

Прикосновения его были приятны. Она не противилась и не помогала. Она как бы наблюдала за собою со стороны с некоторым любопытством к себе и к нему. Что-то Валерий Петрович продолжал говорить, уже волнуясь, о загадках жизни, в которые не стоит вдумываться, потому что существование человека необъяснимо... У него была фраза про Адама и Еву, которые не любили друг друга, пока не согрешили... Она очнулась оттого, что он взялся за “молнию” на юбке.

– Это зачем? – услышала она свой спокойный голос.

– Впервые слышу такой вопрос. – Он не удержался от своего обычного смешка.

– Поэтому и не можете ответить.

– Могу... Разве он вам нужен? Будем считать, что вы победили, хотя победитель не получает ничего.

Она поправила “молнию”, привела себя в порядок и попросила продать этот портрет.

– Вы мне отказали, – сказал Валерий Петрович, – я вам тоже отказываю.

Потом на кухоньке они пили чай с пряниками и брусничным вареньем. Ни того, ни другого Эн никогда не пробовала.

– Надо будет вас свозить за брусникой. На Карельский перешеек.

На Карельском она тоже не была. И на Ладоге не была. И в Кижях не была.

– Целая программа.

– У меня большие планы насчет вас.

Он проводил ее до метро, прощаясь, попросил телефон, она, не подумав, назвала номер, но когда он переспросил, сказала, что звонить ей не следует, да он и не побеспокоился узнать, как ее звать. Он хмыкнул и сказал, что она тоже хороша, не попросила показать другие его работы. Кажется, он был всерьез обижен. Впрочем, о нем нельзя было сказать ничего наверняка. Он мог глазами раздевать ее, оглядывать подробности ее тела и при этом учтиво рассуждать о живописи Пикассо, мог, стоя к ней спиной и заваривая чай, говорить о ее бедрах так, что она начинала ощущать их. Он чересчур много позволял себе, и она не мешала ему вести двусмысленную неприличную игру.

Она ничего не рассказала ни Джо, ни Андреа, вряд ли они приняли бы все это всерьез. Наверняка упростили бы эту историю, а как раз этого ей не хотелось.

Словно нарочно кто-то подсовывал совпадения, не давая забыть о происшедшем. В комиссионном магазине она увидела отрез вишневого бархата. Слишком плотный, скорее для портьер, она не удержалась, купила, решив шить себе халат. Не платье, так по крайней мере халат и чтобы со стоячим воротником. Она любила стоячие воротники, странно, что и у той особы был стоячий воротник. Вдруг она нашла у Андреа на столе том энциклопедии, раскрыв, наткнулась на красочные таблицы жуков, среди них сразу ей бросился в глаза тот самый жук с оленьими рогами, по-латыни он назывался *Lucanus cervus*. Почему том оказался именно на эту букву, почему она раскрыла именно на этой таблице?

На рынке продавали бруснику. Гладкие румяные ягоды лежали большой кучей. Эн долго стояла, задумчиво перебирала их. Напоминания были слишком назойливы. Ей пришло в голову, что с портретом несомненно ее разыграли. Неизвестно, художник ли он, его ли эта картина, она не видела других его вещей. Когда через неделю он позвонил, она обрадовалась. Они гуляли по Михайловскому саду, потом по Летнему. В тот день она увидела его работы. В них было несоответствие облику Валерия Петровича, шутливому, чуть циничного, любителя женщин и любителя удовольствий, словом, вполне земного, практичного. Первая же картина поразила ее: вставленный в раму как бы кусок стены, обклеенный выцветшими грязноватыми обоями. Посредине свежий прямоугольник с розоватыми чистенькими полосками, увитыми мохнатыми стеблями, и дырка от гвоздя, на котором, очевидно, висела картина. Какая-то картина, которая сохранила часть обоев, и они теперь стали картиной. Было еще нечто похожее: песчаный пляж, спокойное холодное море прилегло на ровный плотный песок, и на нем, на песке, выделялся четкий след одной босой ноги. И кругом ничего, ни малейшего отпечатка. След, который никуда не вел.

– Ангел, – неожиданно определила Эн.

Брови Валерия Петровича недоуменно поднялись, видно было, как слово это медленно пробивается к нему, и вдруг он просиял, наклонился к Эн и чмокнул ее в щеку.

– Как вам пришло на ум? Потому что вы сами ангел. – Он восхищенно оглядел ее как-то по-новому, но тот, другой, что сидел в нем, перебил: – Нет, ангел существо бесполое, скорее всего среднего рода, что вам никак не подходит. Но вы, как ангел, коснетесь меня ножкой и улетите...

Мотив пляжа повторялся. На бескрайнем пустом пляже стояла черная ученическая парта, за ней лицом к морю сидел школьник. На следующем пляже, уже горячем, раскаленном от летнего солнца, лежал одетый в черный парадный костюм, с галстуком, в начищенных ботинках человек и смотрел в небо.

Раздался звонок в дверь, и сразу застучали кулаком. Валерий Петрович пошел открывать, вернулся со своим приятелем, лохматым, высоким, тонким, со шляпой на макушке. Приятеля звали Кирилл, Кирюша, как представился он Эн, целуя ей руку. От него разило вином, он старался держаться прямо, но иногда сгибался так, что казалось – сломается.

– Красавица, простите меня, вы – красавица, – объявил он Эн. – Валера, ее надо писать и писать. Причем не нагую. Руки, смотри, какие руки! – Он поднял ее руку. – Без всяких колечек, понимает, бестия, такую руку не надо украшать. Ну скажи, Валера, почему мы должны писать доярок, ткачих, а не женщин? Ты-то устроился.

Расставленные на полу картины вызвали у него слезливую гордость:

– Поэтому его и не выставляют. Чернорабочий. Насмешка. И оттуда тебя скоро попрут. Разве тебе можно доверять крамольников сторожить? Извините, как вас звать? Валера, представь мне свою даму. Кто такая?

– Между прочим, я и сам не знаю вашего имени, – сказал Валерий Петрович.

– Зовите меня Эн.

– Эн! – произнес Кирюша торжественно. – Некая Эн. Икс. Без подробностей. Энннн, звенит! Эн, вы небось иностранка. Покупайте Валеру, пользуйтесь его бедственным положением, великий художник. Валера, ты показывал ей свои сказки? Немедленно! Вы понимаете в живописи? Ты, мужик, зачем ее сюда привел? Употребить или продать ей? Употребить потом, сейчас тащи, давай сюда вертушки. Ты что, стесняешься?

– Уймись, – сказал Валерий Петрович. – Иначе я тебя выкину.

Сам Кирюша зарабатывал тем, что писал бесконечные портреты членов Политбюро и дописался до того, что на иллюстрациях к Толстому у него получались те же физиономии.

– Представляете, смотрю, Каренин у меня почему-то получается морда, а это Кириленко! Ужас! Слушай, я ведь к тебе по делу.

Заклучалось его дело в том, что приятели его, чешские художники, задумали сделать монографию о советском авангарде, художниках революции. У них есть разрешение снять в запаснике Петрова-Водкина, разрешение из Москвы, по всей форме, под это дело он, Кирюша, уговорил их заснять и других художников – Филонова, например, Малевича, Фалька. Без ведома хранителя. Допустим, Валера выйдет по нужде, они чик-чик – и готово. Уговорил их запросто. Теперь он уговаривал Валеру. Тот не поддавался. Патриотизм проявлял. Кирюша умолял – такой случай, в цвете издадут, для всего мира открытие будет. Узнают, какая у нас могучая живопись. Европа ахнет, XX век наш! Наше первенство. На это Валерий Петрович ухмылялся – они узнают, что у нас художественный ГУЛАГ устроен. Опозорят нас.

– Больше опозорить нас, чем Хрущев, невозможно! – орал Кирюша. – Накинулся на лучших художников. Нашел кого топтать. Самого Неизвестного! Главный враг наш!

Валера соглашался, но добавлять позора не хотел. И потом, боялся, что после этого вообще такой шухер наведут, никого на выстрел не подпустят к хранилищу.

– Он просто трусит, – Кирюша обратился к Эн, – за свое место боится. Ну выгонят его, подумаешь. Зато совершит великое дело. Побег устроит, выпустит на волю этих бедолаг. Уговорите его, Эн, что вам стоит, сослужите службу! Эх, я бы на вашем месте живо его скрутил... Отдался бы – и он готов.

Судя по всему, Эн забавляли эти выпады. Появилась бутылка водки, мужчины выпили прямо из стаканов, Эн тоже сделала вид, что пьет, она уже усвоила, что в России нельзя отказываться от водки, надо чокаться со всеми, морщиться, закусывать, пить необязательно.

– Его все равно скоро выгонят, – убеждал Кирюша. – Бесславно прогонят.

Валерий Петрович от водки пришел в покаянное настроение, появилось в нем что-то трогательно-щенячье-доверчивое.

– Какой же я охранник, я укрыватель, – жаловался он Эн. – Мы прячем картины прежде всего от начальства. Нет, прежде всего от художников-стукачей. Они доносят начальству. Приезжал в Эрмитаж Серов, пошел в залы импрессионистов, потребовал, чтобы сняли и их. Взял рабочих-передовиков с собой. Они высший авторитет. Им приятно запрещать: импрессионисты – антинародное искусство. Такие вполне могут наши запасники потребовать распродать. При Сталине – продавали, Хрущева тоже уговорят.

Эн прошла по мастерской, проговорила с вызовом:

– По-моему, Сталин правильно делал, что продавал картины. Это лучше, чем их прятать. Там, за границей, на них будут люди смотреть.

– Такого я еще не слышал, – сказал Валерий Петрович. – Постороннее мышление... Потому что вы не русская, для вас искусство космополитично.

– Ну конечно, лучше пусть лежит в сундуках, никто не видит, зато мы патриоты. Какие вы патриоты, если никто за границей про русских художников не знает. Ни в одном музее Нью-Йорка вы не найдете ничего русского.

– А вы откуда знаете?

– Я?.. Я была там!

Взгляд его ткнулся в нее и словно расшился, но жаркая волна несогласия несла его, не давая остановиться, впервые Эн удалось зацепить его.

Они схватились в споре, не заметив, что Кирюша застонал, его вырвало прямо на пол. Пришлось уложить его на диван. Эн стащила с него ботинки, принесла воды.

– Почему ему все? – рыдал Кирюша. – И талант и вы, этот сукин сын еще хочет выглядеть порядочным. Что я скажу чехам, Эн? Уговорите его. О господи, как меня мутит, это из-за тебя, Валерка. – И он уныло матерился.

Валерий Петрович отсылал ее домой, она не ушла, пока не подмыла пол. Открыла окно, обтерла потного Кирюшу. Делала она все это ловко, быстро, уверяла Валерия Петровича, что без всякого отвращения, дело житейское, и, шагая по улице, она улыбалась и дома продолжала работать, готовить ужин с той же летучей улыбкой.

XXI

Теплоход вышел на простор Ладоги. Волны не было, вечернее озеро лежало спокойное, до самого горизонта зеркально-гладкое.

Редчайший случай, как сообщил по радио голос гида. Тьма никак не наступала. От воды шел свет молочно-сизый, мелкие облака отражались на водной равнине как серебристые льдины, и теплоход надвигался на эти льдины, ломая их, а они снова всплывали. Ничего нельзя было сделать и с отражением бледной луны. Вода была прозрачна, чистое ее дыхание заполняло все пространство. Вода пахла водой, ничем другим, и это было хорошо, потому что запах чистой воды никогда не надоедает. Так же как вкус хлеба, как вид неба. Воздух продувал Эн насквозь, проходил через

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru поры ее тела. Ее куда-то несло, она послушно отдавалась потоку, стараясь ни о чем не думать. Зачем она поехала? Сказала, чтобы узнать тайну портрета. Посмотреть Валаам, Кижы и вызнать про портрет. Причина достаточная. Ничего другого она не имела в виду. То, что произошло потом, было случайностью. Кому-то она объясняла свои поступки, приводила причины, оправдания, и этот кто-то пока что не возражал.

Прекрасно было это бледное небо, белая вода, дальний берег, отороченный черно-зеленым лесом. Тишина, прочный покой. Она радовалась тому, что может воспринимать эту красоту, в которой не было прошлого, не было будущего, была лишь огромность настоящего, которой люди пренебрегали.

Несколько парочек стояли вдоль борта на палубе, любясь светлой ночью. Эн вдруг увидела среди них любовников. Их можно было узнать по тому, как они оглядывались, старались уединиться, счастливо вполголоса говорили. Неподалеку от нее у трапа жались друг к другу немолодая пара. Наконец-то они могли побыть вдвоем, не урывками, а несколько дней и ночей насладиться своей тайной любовью. Эн благословляла их, так же как тесную свою каюту, пропахшую табаком, невкусный ужин в ресторане, бедный буфет, – все открывалось ей как дар незаслуженный.

В каюте было тепло. На ее койке по-прежнему спал Валера. Курчавая голова его свесилась, голые ноги в темных волосах торчали из-под простыни. Лоб его разгладился, рот был полуоткрыт, он вкусно посапывал. Эн сидела на откидном стульчике, разглядывая его влажное лицо, по которому пробегали смутные отблески сновидения.

Человек этот вдруг перестал быть чужим. Произошел не просто акт, как называл Валера, – произошло то, что в Библии называется “она познала его”. Она узнала его тело, его ласки, его мужскую плоть, но вместе с тем и что-то еще, часть его сущности вошла в нее, это и было – познать.

Когда-то с ней случалось подобное... Валера был совсем другим, Андреа низкорослый, Валера большой, Андреа молчалив, этот разговорчив, она уже в курсе его работ и того, что творилось в запаснике, художническая музейная жизнь была ей понятна, интересна, то же, что делал Андреа, было и непонятно, и закрыто на замок.

...Они ушли в зеленые холмы Итаки. Андреа заснул прямо на горячей траве, она сидела перед ним, вот так же разглядывая его спящего, с поджатыми коленями. Но ведь и то было прекрасно, и тогда было счастье, зачем сравнивать, она была благодарна и за ту далекую, отдельную от этой жизнь. Эн верила в Бога, но тот, перед кем она оправдывалась, был не Господь Бог, а нечто такое, что, по ее представлению, следило за нею, укоряло за плохие мысли и поступки, грозило ей, к нему она обращалась перед сном, оправдываясь, давая обещания. И сейчас она доказывала, что все правильно, что она имеет право на это утешение после смерти мальчика, единственную милость, которую даровал случай, она благодарила судьбу за это новое чувство, удивляясь и не веря. Еще недавно, еще по дороге в порт, она испытывала любопытство к самой себе, наблюдала за собою, не видя никаких признаков волнения. Она не могла не понимать, для чего ее пригласил Валера в этот трехдневный рейс. Она шла на это, она была из тех женщин, которые выбирают сами. Валерий Петрович ей нравился, но что-то останавливало ее, какая-то его настороженность. Он не спросил ни разу, кто она, что у нее за семья, хорошо, что Кириша спросил, как ее звать. Возможно, это была деликатность. Возможно, отстраненность таланта, занятого собой. Он всех вовлекал в свой мир, другие миры были ему чужды.

Эн имела превосходную зрительную память. Все картины Валерия, которые он показал, она запомнила, его несомненный талант был неудобен, его трудно было с кем-то сравнивать. Насчет гения Кирюша преувеличивал, в чем-то, однако, Валера был необычен. Ее последнее время окружали гениальные физики, гениальные математики. Проверить это было невозможно, через несколько лет некоторые оказывались посредственностями. Валерия Петровича она смогла оценить сама.

..Валера потянулся, открыл глаза. Эн смотрела в окно. Он сделал знак, чтобы она не обращала на него внимания, торопливо оделся, выскользнул из каюты, вскоре вернулся с альбомом. Эн уже нырнула в постель, нагретую его телом. Он попросил ее снова встать у окна и сделать, как он сказал, лицо святой грешницы. Эн попробовала, но ничего не получилось, ей хотелось спать.

Наутро Валера сказал, что у него не выходит из головы вчерашнее ее лицо. То, что было до этого, он не вспоминал, как будто от всего вечера и ночи осталось только ее лицо. Он сделал несколько набросков, и все было не то. Ему не давал покоя сюжет покинутого рая. Валяется огрызок яблока, Адам и Ева уходят изгнанные. Адам в тоске, а Ева счастлива. Сюжет мог получиться и другой, ее ночное моление само по себе картина – женщина, которая благодарит Господа Бога за сладость совершенного греха. Его не интересовало, чему она на самом деле молилась, он ее ни о чем не спрашивал, ему достаточно было того, что он придумал.

Монастырь, церковь она осматривала рассеянно. Облизанные волной камни, огромные гранитные плиты спускались в прозрачную воду. Трава, кривые сосенки – все на острове выглядело диким, и цепкость этой небогатой северной природы, живущей не напоказ, скрытыми своими страстями, и скромные запахи ее и краски – все требовало пристальности. Глаз Валеры подмечал молодые сыроежки, рыжую россыпь лисичек, ягоду морошку, незнакомые Эн радости здешних мест.

Они провели на этом острове не три часа, а часть жизни, прекрасную пору их любви.

После обеда они сидели на палубе, Валера рассказывал про здешние места, про языческие предания о Перуне, который молнией прогоняет злых демонов, отворяет облачные скалы, потом перешел на судьбы художников двадцатых – тридцатых годов, их поиски, находки. Эн смотрела на его заросший черной щетиной подбородок, небритость шла ему, если бы они жили вдвоем на этом острове, он ходил бы с черной бородой, с длинными кудрями.

Она заметила, что он ждет ее оценок, согласия, одобрения. Она не привыкла к такой роли. Смешно было бы, если б Андреа советовался с ней о своих работах и замыслах. Ее мнение ничего для Андреа не могло значить. Без него она как бы ничего из себя не представляла. Она вдруг увидела себя со стороны за последние годы, с тех пор как они расстались с Винтером, как она из любовницы стала женой, или, как тут называют, домашней хозяйкой. Она вспомнила слова Винтера: “Как вы там будете? Он там найдет замену куда удобнее”.

С Валерой она неожиданно приобрела уверенность. Он считался с ней как с судьей, чуть ли не как со специалистом.

Иногда, следуя женскому инстинкту, она подкусывала его, это было в ее характере

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– немного подперчить отношения.

– Ты добиваешься, чтобы твоих заключенных выставили. Хорошо, их выставят – чем ты будешь обольщать своих посетительниц? Сейчас любят твоими выпадами. Ты борец. А тогда у тебя ничего не останется.

Он коротко хохотнул, сказал вызывающе:

– Ну, кое-что останется.

– Кое-что есть у всех.

– Я думал, что тебе понравилось.

– Для начала было неплохо, – сказала она холодно.

Она смотрела на бегущую волну. Джо говорил про женщин: “Они не понимают, что надо уступать, но не полностью, не на обе лопатки, огонь борьбы не должен гаснуть”.

– Ты был женат? – спросила она.

– Дважды.

Одна была искусствовед. Она тащила все время его на путь истинный. Рыдала над его картинами, заявляя, что они не способны поднимать массы на большие, благородные дела, обогащать их духовно. Вторая была радиожурналистка. Красавица. Ей нужна была веселая жизнь, банкеты, вернисажи, наряды, поездки за границу, все это получила у бывшего приятеля Валеры, благодаря ей он стал писать портреты жен начальства.

Рассказывал Валерий без злости, подтрунивая и над собой. Эн все больше нравилось его небрежное отношение к своей жизни. Впервые она сталкивалась с такой бесхозяйственностью. При всем его тщеславии он не умел пользоваться своим талантом. Он только писал и ничего другого не делал. У него не было ни одной выставки – почему?

– Да ты что! – изумился он. – В магазине-салоне меня несколько раз ставили на продажу и сразу снимали. Теперь начисто запретили. На годовые выставки уже десять лет не допускают. Меня никуда не допускают. Ты первая меня допустила.

Эн поморщилась и принялась потрошить его жизнь, установив, как она и

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru предполагала, что продавать свои картины он не умел. Было несколько коллекционеров, которые ценили его, но больше кланчили, чем покупали. А иностранцы? Иностранцы приходят, они бы рады, так ведь жалко им продавать. Похоже, что они спекулировать будут. Он не скрывал, что побаивается с ними иметь дело, рано или поздно наступают неприятности. Для него продать за границу – все равно что бросить картину куда-то в бездну. Даже звук от падения не донесется.

В этой стране все боялись иностранцев, надо было терпеливо вразумлять того же Валеру, что за границей прекрасные ценители, знатоки живописи, что его картины, попадая туда, заживут новой жизнью то ли в частных галереях, то ли в богатых домах. Надо продавать и продавать. Со временем можно будет там собрать выставку его картин, появится каталог, возникнет имя. Даже если он не уверен в себе, следует попробовать.

– В себе я, может, и не уверен, – сказал Валерий Петрович. – А в работах своих – уверен!

Она сказала, что тоже уверена, что надо действовать, что он ленив, апатичен, что надо утверждать свое искусство; чего он боится?

– Боюсь влюбиться в тебя, – необычайно серьезно отвечал он, блестя смеющимися глазами.

Эн не давала ему отшутиться. Она допытывалась, выпрашивала, не стесняясь быть назойливой. В конце концов, никого не может обидеть интерес к нему, к его делам и нуждам. Тем более что Валерий Петрович отвык от такого внимания. Он свыкся со своей безвестностью, отчасти даже гордился тем, что числится чернорабочим в музее, что его как бы скрывают, держат на полуполюгальном положении. Собственно, он даже не испытывал ущемленности, ему не мешали работать, писал что хотел, общался с такими же запрещенными, да еще с прошлыми мастерами авангарда, которые лежали в запаснике, они помогали ему держать форму, жалованья ему хватало на краски и для брюха... Она высмеивала его скромность: может, это робость, боязнь выйти на свет божий? О нем почти не слыхали, у кого она ни спрашивала, все пожимали плечами, зачем он избрал себе такую участь, его работы могут произвести сенсацию.

С каким-то неожиданным упорством она старалась прошибить его благодушие. Один раз ей удалось его растрогать, он признался, что с юности мечтал побывать в Италии. Русские художники всегда посещали Италию. Бродить по музеям Флоренции, Рима, видно, уж не придется. Опечаленно он окинул взглядом низкий топкий берег вдаль, красные бакены на холодной воде, вытянул ноги, откинулся на полосатую спинку шезлонга.

– Смотри лучше, какой роскошный закат нам готовят, – сказал он, – а ты все про будущее. Давай жить тем, что имеем. Я имею закат и рисую его. Я имею тебя и все время рисую тебя. Я не знаю, есть ли ты в будущем.

Перед ней предстал человек, не понимающий своих возможностей, замкнутый в свою странную живопись, необычное видение окружающего. Закат был для него росписью на холсте неба. Вид озера с пустынными островами, бедными черными избами он видел как большое полотно, зарисованное аккуратным реалистом, ему же хотелось порвать эту унылую картину посередине, чтобы реальностью стала дыра и в ней обнаружилось

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
другое существование..

От его фантазий казалось, что они действительно движутся в нарисованном мире, среди декораций. Объемный цветной фильм, который кто-то крутит для них.

– Тебе нужна жена, деловая женщина. Чтобы понимала твой талант. Она могла бы многое сделать. – Эн остановила на нем задумчивый взгляд. – Создать нормальные условия. Освободить от работы в музее.

– Мне там надоело, – пробормотал он.

– Продавать твои работы в Европе.

– Опять ты про них.

– Не про них, а про нее.

– Знаешь, как за это меня станут честить. Про одного из нашей группы писали: “Раз за границей восхваляют этого отщепенца, значит, хотят сделать его орудием борьбы с советским искусством”.

Она закрыла глаза, спросила как бы дремотно:

– Ты бы мог переселиться туда?

– Вряд ли, – с запинкой произнес Валера, видно, он сам не ожидал от себя этой запинки; желая ее сгладить, добавил насмешничая: – Языков мы не знаем.

Эн кивнула, но не его ответу, однако ничего далее с ее стороны не последовало. Вместо этого она встала, напомнив, что пойдет переодеться к ужину.

После ужина они распили бутылку кахетинского и взяли еще одну с собою в каюту Эн.

– Ты знаешь, что в тебе особенного? – сказал Валера, поднимая стакан с вином. – Свежесть! Ты вся свежая, тебя только что сорвали с дерева.

На этот раз все было по-другому. Он принес краски, раздел ее, усадил на койку и что-то стал писать в альбоме. Ему нравился этот молочный свет, темно-красные деревянные панели каюты, ее загорелое тело, скрещенные ноги, нравилось, что она

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
не стесняется своих чуть сникших грудей, где-то тронутого морщинками тела.

Он захлопнул альбом.

– Не получается. Ты не годишься в натурщицы. Невозможно рисовать женщину, которую любишь. Выходит просто красивое тело.

Ему хотелось передать свое чувство, которое он сам не мог определить. Когда он делал тот портрет, не зная ее, все было просто, он создавал женщину, как Господь Бог лепил Еву. Теперь он окончательно перестал видеть что-либо таинственное в появлении ее портрета.

В постели они оба становились безжалостными и грубыми. Поначалу она казалась ему хрупкой, он боялся ее раздавить, но очень быстро он уже забывал обо всем. Она билась под ним как рыба, удивляла своей силой, что-то вырывалось у нее по-английски. Однажды она заплакала. На его расспросы она виновато и счастливо улыбалась мокрой улыбкой, которой от нее невозможно было ожидать.

Если человек – это тайна, то женская половина содержит в себе самую тайную тайну, которую мужчина разгадать до конца не в состоянии, потому что нет общей женской тайны, а каждая женщина, красивая или некрасивая, молоденькая, или зрелая, или даже старая, все равно имеет свою тайну, что проявляется в совершенно непредусмотренных, непредсказуемых поступках.

В то же время действия мужчин для женщин часто ожидаемы, даже спровоцированы. Как говорил Джо, это легко проследить на брачных делах: из ста предложений, которые делает мужчина женщине, семьдесят были ею внушены, подсказаны, подготовлены тем или иным образом.

– А с какой стати иностранцы будут ко мне ходить? – вдруг спросил Валера.

– Кто-то им должен подсказать.

– Допустим, пришли. Говорить-то с ними мне как, через переводчика?

– Наверное, – лениво отвечала Эн.

– А переводчики все стукачи, – сказал Валера с торжеством.

Эн потягивалась, говорила неохотно.

– Я бы могла переводить.

- А в тебе можно быть уверенным?
- Нелепый вопрос.
- Почему?
- Рискни.
- Они, значит, придут, а где я тебя возьму?
- Да... сложно. – Она подумала. – Попробуем, для начала я их приведу к тебе.

Она осторожно предложила проверить, получится или нет, и как получится, и стоит ли этим заниматься. Она все брала на себя, ему надо только назначить цену, торговаться, не дешевить. Вышло так, что он просил помочь ему, а она согласилась, вздохнув над своей уступчивостью. Когда же он стал благодарить, она расцеловала его с новым чувством, прикрыла ему рот ладошкой, прижала голову к себе, как прижимала голову малыша. Хорошо, что он не видел ее лица в эту минуту. Теперь от нее зависело сделать ему имя, создать известность. Как знать, может, Кирюша не ошибся, может, он и впрямь гений. Она была уже не просто любовницей видного собой мужика, к которому должна тайком пробираться в мастерскую и заниматься любовью на холодном скользком клеенчатом диванчике. У нее появилась миссия, ее чувство наполнено отныне высоким смыслом, он дурачок, его надо опекать, иначе он пропадет из-за своей наивности.

XXII

Лаборатория разрасталась. Захватили еще один этаж. Соседний флигель. Прибывали заказы. Начались работы над микрокалькулятором. Морякам нужен был специальный компьютер для подводных лодок. Расчетчики просили повысить надежность. Андреа не отказывался от военных заказов. Они давали деньги, обеспечивали аппаратурой, фирма должна быть заинтересована в заказчиках, к этому он привык. Кто-то из молодых принес в тот год впервые выражение “наша фирма веников не вяжет”. Оно понравилось Андреа, он употреблял его к месту и не к месту, ему приятно было произносить слово “фирма”, тем более что это была его фирма.

Несмотря на то, что штат увеличился до восьмисот человек, он по-прежнему старался устраивать экзамен каждому поступающему. В крайнем случае поручал это Джо, обычно же они терзали новичка вдвоем, приглашая на это зрелище еще руководителя группы.

Времени не хватало. Когда его приглашали на активы, на заседания в райком, обком, он посылал кого-либо из своих замов: “Вы уж извините, мне некогда”. Когда настаивали, отвечал резче: “Там будет полезной информации не более десяти процентов. Мне передадут все без искажений”. Окружение советовало ему бывать в

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru обкоме и райкоме. В эти учреждения надо ходить и ходить. Зачем? А затем, зачем ходят в церковь, отвечал ему Зажогин, его заместитель по общим вопросам, человек с виду грубый, матерщинник, примитив, “бульжник с челочкой”, как определил его Джо. На самом же деле тонкий политик, знаток номенклатурной психологии. “Чем чаще ходишь в райком, тем выше престиж организации. Ваш же вопрос, Андрей Георгиевич, некорректен, меня, например, спросили в том же райкоме, зачем я пью, я им сказал – затем, чтобы выпить, и они сочли мой ответ исчерпывающим”.

Перед ноябрьскими праздниками позвонил по вертушке сам первый секретарь райкома товарищ Каюмов и попросил Андрея Георгиевича приехать к нему завтра в двенадцать часов.

В приемной Андрея продержали минут двадцать, затем пригласили в кабинет. Каюмов встретил его шумно, обрадованно, наконец-то к нам пожаловал гость дорогой, осмотрел его одобрительно, отметил подтянутость Картоса, свободно сидящий костюм в полоску, туфли на толстой подошве, чуть приспущенный галстук – во всем этом у вас, заграничней, есть шик, а мы, как бы ни наряжались, все те же тухи-матюхи.

Он играл рубаху-парня, работягу, заваленного делами, который не чужд обычных радостей, да времени не хватает. По-восточному смуглый, скуластый, с быстрым взглядом жуликоватых черных глаз, он нравился начальству своей динамичностью. А то, что играл простачка, так он этого не скрывал, игру его обычно принимали, и то, что Картос не принял ее, могло значить лишь, что ему, иностранному человеку, надо освоиться.

Каюмов усадил его в глубокое кожаное кресло, сам сел напротив на ручку такого же кресла. Заговорил, похлопывая себя по колену, крякая, – вот-де с каких неприятностей приходится начинать знакомство, а дело в том, что слишком большая засоренность кадров в лаборатории. Нехорошо, нельзя дальше так.

Картос непонимающе заморгал – какая засоренность, кем они, кадры, засорены?

– Должен понимать, – Каюмов подмигнул, – не темни, ты прост, а я еще проще.

– Засорены, по-моему, от слова “мусор”. – Картос вынул из кармана словарь, на официальные визиты он всегда брал с собой словарь. Прочел: – “Мусор – сухие ненужные отбросы”.

– Насчет сухих не знаю, – пошутил Каюмов. – Может, есть и мокрые, а ненужные – это точно.

– О ком вы говорите?

Картос упорствовал, требуя прямого текста, который в таких случаях Каюмов не любил употреблять, потому что прямой текст могли процитировать, могли на него сослаться, существовали общие формулы: засоренность, неправильный подбор, не та кадровая политика, – все понимали, что сие означает.

– Слишком много у тебя этих, с пятым пунктом, – сердясь, произнес Каюмов.

– То есть? – добивался Картос.

– Ну евреев, евреев.

– Я не подсчитывал.

– Вот и плохо. – Каюмов протянул Картосу приготовленную бумагу, подписанную начальником отдела кадров.

Картос посмотрел, слегка удивился.

– Действительно, я на это не обращал внимания. Мне такие сведения не нужны, они ничего не дают.

– Картина неприглядная.

– Я брал тех, кто делает машину быстро и хорошо.

– Что, русских толковых мужиков мало?

Картос добросовестно обдумал этот вопрос.

– Немало. Возможно, ко мне приходят те, которых увольняют. Есть много таких, толковых... Еще те, которые не могут устроиться в других местах.

– Получается, что ты подбираешь отбросы. Я правильно говорил – засоренность кадров.

Тщательно подбирая слова, Картос стал рассказывать про свою систему приема на работу, про экзамены, собеседования. Он волновался, видя, что никак не удается Каюмова заинтересовать ни принципом отсева, ни микроклиматом в группах. Анкеты, которыми он пользуется перед личной беседой, содержат минимум сведений: возраст, образование, где работал.

– Потому ты и влип; они тебя оккупировали.

Какюмов дал Андреа выговориться. Это было в его правилах – чтобы каждый руководитель с чистой совестью мог рассказать, как, не щадя себя, он отстаивал своих сотрудников. Они, все, старались сохранить лицо, самоуважение, а он, секретарь райкома, брал на себя всю черную работу, они же сохраняли себя чистенькими.

Когда Картос кончил, Какюмову пришлось произнести ряд фраз о национальной политике, о том, что грузины создают свои кадры, русские – свои. Его забавляла напряженность, с какой этот маленький грек вслушивался в каждое слово.

– Мы с тобой, дорогой мой, живем в России, а не в Израиле и не в Америке.

Почему-то при этих словах Картос поднялся, вытянулся – маленький, безукоризненно официальный, как представитель другой державы.

– Позвольте заметить, что в капиталистической американской фирме никто не считает количество евреев, или греков, или русских на предприятии. Может, это является язвой капитализма?

Какюмов благодушно улыбнулся:

– Напрасно ты на себя берешь. К грекам я ничего не имею. Греки ведь православные. У нас американские порядки заводять не будем. Там капиталист ради прибыли кого хошь к себе возьмет. Это не наш курс.

– Там такой же порядок и в государственных учреждениях.

– У них всюду капитализм. Всюду главное – нажива. Америкой управляют сионисты.

Он соскочил с кресла, мягко нажал рукой на плечо Картоса, усаживая.

– Техника у них неплохая, но не будем перед ней преклоняться. Тебе как руководителю надо критически к американским порядкам относиться. Вот мне сообщили, что вы калькулятор делаете лучше американского. Значит, можете. Молодцы. Только подать себя не умеете. Ты зря не общаешься с нами. Как пишет Сент-Экзюпери, “самое дорогое – это человеческое общение”.

– За что же их увольнять? – как бы размышляя, спросил Картос.

– Предоставь это кадровику. И в дальнейшем советуйся с ним.

– Не знаю... Не вижу причин. У нас сейчас задание ответственное.

– Чего ты за них заступаешься? – жестко сказал Каюмов, жесткость по ритуалу означала исчерпанность обсуждаемого вопроса. – У меня от них одни неприятности. Будируют инакомыслие, самиздат. Они и тебя подведут под монастырь.

– Что такое значит “под монастырь”?

– Ладно, не будем заниматься деталями. Я ведь могу не только уговаривать, могу и власть употребить.

Картос опять встал.

– Я попрошу вас дать мне предписание и указать точно число евреев.

– Тебе что, мало моих слов?

– Как у вас говорят: Москва словам не верит.

– Слезам не верит, – покровительственно поправил Каюмов. – Нашим словам поверит. И твоим. Есть установка. Наше с тобою дело – выполнять.

Картос задрал голову к потолку, его поза явно означала несогласие.

– Если мы сорвем сроки, я должен буду предъявить министру ваше указание.

– Думаешь, тебе это поможет? – Каюмов повеселел. – Снисхождения не жди. А вообще-то, Андрей Георгиевич, скажу тебе по секрету: министры приходят и уходят, а мы остаемся. То есть партия. Ты на них не надейся. Ты почему в обком не ходишь, а? К нам не заглядываешь? Рапорты свои шлешь в Москву. Все же в Ленинграде живешь. Как это все понять?

Картос неловко улыбнулся:

– Не привык я ходить без дела.

В кабинете как-то сразу посветлело. Каюмов похлопал его по плечу, доверительно сообщил, что идут анонимки, жалуются, что в лаборатории русским ходу не дают, на лучшие места подыскивают сионистов. Что делать с этими анонимками? Как на них

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
реагировать?

– Не читать.

– Ишь какой прыткий.

– Я слышал, что Петр Великий велел подметные письма сжигать не читая.

– Писать станут наверх, обвинят нас, что мы тебя покрываем. Послушай, чего ты за них заступаешься? Ну, я понимаю, головастые среди них есть, удобные тебе, ну, оставь нескольких. Но зачем ты в принцип ударился, что, они тебя охомутали? Они это умеют. Прибрали, значит, к рукам, подчинили себе.

– Меня подчинить? Это трудно.

– Вижу... Тем не менее. Не пойму я тебя.

– Я тоже, – сказал Картос. – За что вы их ненавидите?

Каюмов неожиданно покраснел, прошелся по кабинету, встал за стол.

– Много чести, чтобы я их ненавидел. Есть установка, и я понимаю ее. Идеологически от них одни неприятности. Мы пропустили твоего Брука в главные инженеры. Достаточно. Превращать лабораторию в кагал – не будет этого. Не стоит тебе защищать их. Пустое дело. Ничем хорошим не кончится. Передадим вопрос на ваш партком. Увидишь, как там тебя общипают. Репутация твоя пострадает. Сам виноват, с тобой по-доброму хотели.

– Я тоже хотел... – Картос выглядел несколько растерянно, он не ожидал такого резкого перехода.

– Ничего, тебе полезно будет. Ты думал, я с тобой торговаться стану? Здесь не упрасивают. Мы тебя научим уважать партийные органы.

Заседание парткома провели на следующий же день. Докладывал начальник отдела кадров. За ним выступил секретарь парткома, предлагая отметить неправильную кадровую политику, предложить руководству принять меры в такие-то сроки... Затем предоставили слово Картосу. Он изложил свой принцип отбора и приема на работу инженеров. Повторял то, что говорил Каюмову, но погасшим голосом, без обычной убедительности. Члены парткома вопросов не задавали, что-то чиркали – рисовали на разложенных листах бумаги.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Кто имеет слово? – спрашивал секретарь парткома. – Тогда предлагается такой проект постановления...

Он достал бумагу, но инструктор райкома, грузная большая женщина, пробасила из угла:

– Надо, чтобы было мнение.

Секретарь парткома просительно обвел всех глазами.

– Может, вы, Михаил Андреевич, – обратился он к Загогину.

– Почему я? – обиженно сказал Загогин. – Да и чего говорить. – Он махнул рукой.

– Можно, я скажу? – вдруг подал голос Назаров, морщинистый, желтоватый, насквозь прокуренный плотник, всегда дремавший в конце стола.

– Давай-давай, Назарыч, – обрадовался секретарь.

Назаров начал, глядя на свои тяжелые руки, лежащие на столе:

– Помните, может, как мы оставили Крым, то есть Керчь, в сорок втором году. Немец прорвался в мае месяце и пошел крушить. Начали эвакуацию наши начальники. Ни пароходов не хватало, ни барж..

– Ты, Назарыч, ближе к делу, – перебил его секретарь. – Мемуары твои военные сейчас ни к чему.

– К чему. Конечно, если товарищи торопятся, тогда извиняюсь.

– Пусть доскажет, в кои веки человек слово взял.

– Ладно, продолжай.

Назаров покашлял в ладонь, положил руки на стол.

– Не знаю, что там фронт делал, нашу группу от каменоломен отрезали, прижали к берегу. Честно говоря, командование бросило нас, сели на последние катера и

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru драпанули к Новороссийску. Остались солдаты с младшими офицерами. Стали мы искать, как бы переправиться нам на Тамань. От нашей роты двадцать пять человек уцелело. Решили строить плот. Один на всех. Бревен нет. Разобрали домишки дощатые, набрали жердей, связали кое-как. Поплыли. А как вышли в море, волна поднялась, плот не держит, тонет.

Секретарь парткома громко вздохнул. Назаров остановился.

– Вы уж потерпите, товарищ секретарь. Не толкайте меня в спину. Слушали мы ваши доклады не меньше часа... Такой как получается, тонет наша худобина. Видим, что перегрузка. Винтовки бросать боимся, да и не поможет. Командир наш, лейтенант Коняшкин – помню его имя-отчество: Борис Матвеевич, – могучий был, кулак что кувалда, доски для плота ломал с одного удара. Скомандовал он возвращаться на берег. Вернулись. Немцы совсем близко. Автоматчики трещат. Достаивать плот нет никаких возможностей. Что делать? Расклад такой: либо всем оставаться немцам на сдачу, либо хоть кто-то уплывет. Спрашивается – кто? Коняшкин предлагает жребий тянуть, кому на плот, кому оставаться. Пятнадцать человек выдержит плот, десять, значит, останутся. И тут Коняшкин сделал нам такое примечание: “Жребий тянуть будут только русские, украинцы, азербайджанцы”. Евреи, говорит он, тянуть не будут: если оставим их на берегу, фашисты их немедленно уничтожат. Так он сказал, и никто ему перечить не стал. Я плот вытянул, а Коняшкин не вытянул и остался. Обняли мы их, попрощались. Между прочим, три наших еврея стояли в стороне как виноватые. Коняшкин подошел, расцеловалих, сказал им что-то, а что, я не слышал. Хочу я про это рассказать к моему голосованию. По мотивам, так сказать. Не знаю, может, у вас есть указание, только я не хочу нарушить указание нашего лейтенанта. Так что вы извините.

Наступило молчание.

– Может, еще кто-то хочет? – неуверенно предложил секретарь.

– Я думаю, что лучше нам не срамиться и идти вслед за рабочим классом, к тому же фронтовиком, – дипломатично сказал Зажогин.

На том и разошлись.

XXIII

Познакомиться с иностранцами оказалось не так-то просто. Туристы были всегда под присмотром. Не ловить же их на улице. Или в ресторане. После нескольких неудач Эн нашла единственное подходящее место – Эрмитаж. С первого же раза все произошло естественно и легко. Американская пара сразу признала в ней американку, схватились за нее, пригласили обедать, она отказалась, сказав, что занята, у нее свидание с местными художниками по поводу покупки картин. На их расспросы она призналась, что делает бизнес, и, кажется, удачный. Здесь, в городе, есть оригинальные и молодые, и зрелые художники. Сейчас, после хрущевских выступлений, их загнали в подполье, они бедствуют, и можно по дешевке приобретать отличные работы. Она ничего не предлагала, американцы сами стали напрашиваться. Это были муж и жена, оба врачи, участники какого-то московского симпозиума, они специально приехали в Ленинград ради Эрмитажа и пригородов. На следующий день она повела их к Валере, предупредив, что не считает себя специалистом, но местные художники чтят его как гения. Короче говоря, американцы

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru купили у Валеры две работы, были в восторге и порекомендовали его друзьям. Раза два Эн приводила еще любителей из Эрмитажа, и этого оказалось достаточно. Американцы платили рублями, валюту Валера брать остерегался, больше двух-трех картин зараз не продавал, не хотел привлекать внимание. Иностранцев он принимал под вечер, часов с пяти, Эн как бы случайно оказывалась в это время в мастерской. Обычно в ее присутствии платили больше, она не набивала цену, она принимала как бы размышляющий вид, как бы сама прикидывала, не купить ли. Ей и в самом деле было жаль, когда благодаря ее стараниям конгрессмен из Канзаса купил "Ангела", название это Валера написал на задней стороне холста красной краской над своей подписью. Конгрессмен собирался повесить картину в своем офисе. Он пригласил Эн зайти к нему, когда она будет в Канзасе. Прощаясь, признался, что доволен, картина куплена, в сущности, за гроши, а она несомненно возбудит интерес. Все это он говорил, нисколько не стесняясь присутствия художника, и даже похлопал его по плечу.

– О'кэй, Валэра?

– О'кэй, – повторил Валера, беспомощно улыбаясь.

Конгрессмен захохотал, подмигнул Эн.

– Вы знаете, мистер, это похоже на жульничество, – сказала Эн.

– Ерунда, – уверенно успокоил ее американец. – Это бизнес.

Когда она передала Валере их разговор и призналась, что они просчитались, возможно, они все время просчитываются, она виновата, не знает конъюнктуры, Валера отнесся к этому благодушно:

– Сколько стоит картина, никогда не известно. Из чего состоит ее цена? Только из удовольствия. Я иногда думаю: за что платят художнику? Допустим, музей купил картину, повесил. Мы купили билет, пришли, посмотрели. От картины убьют что-нибудь? Нет. Смотрят на нее или нет, она ничего не теряет. Вечером, ночью музей закрыт, картина висит впустую, не работает. От этого цена ее не уменьшается. Что-то в этом непонятное. Скрипач, допустим, – ему платят за исполнение. Все ясно. Композитору – за то, что песню его поют в ресторане. Архитектору ты заказала дом, платишь за проект. Это все как бы товар. Картину же ты купила и сунула за шкаф, в запасник... Сколько стоит удовольствие? Тысячу? Или три тысячи? В Америке кто-то даст за нее десять. Мы никогда не узнаем, сколько на самом деле она стоит. Обычно художников сравнивают друг с дружкой. А если меня не с кем сравнивать? Если эксперты пишут, что художественной ценности не имеет?..

Его рассуждения были хороши здесь, в России; там, в Штатах, престиж художника определяется просто и точно – успехом его картин. Никакие другие критерии не действовали. В этом, если угодно, была известная демократичность, отсутствие всяких привилегий. Постепенно ей удалось втолковать это Валере.

Покупатели были главным образом американцы. Эн впервые видела их со стороны, они держались самоувереннее всех прочих иностранцев, они чувствовали себя хозяевами,

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru они смотрели на русских свысока, им были смешны здешние автомобили, витрины, освещение. Эрмитаж они разглядывали как сундук с наследием какой-то разорившейся аристократки. После войны они чувствовали себя победителями больше, чем русские. Валера был для них один из туземцев, у которого можно было выгодно выменять драгоценность. Они не считали, что обманывают его, поскольку он сам не представлял стоимости своих изделий. Были два или три ценителя, которые восхитились талантом художника, остальные же просто радовались удачной покупке и благодарили Эн.

– Зря ты их ругаешь, – успокаивал ее Валера. – На их месте наши ничего подобного не купили бы.

К нему приехали корреспонденты из американского журнала “Art”, пересняли несколько его работ, взяли интервью. Судя по всему, о нем начались какие-то разговоры в Штатах, его стали упоминать вместе с московскими опальными художниками и несколькими молодыми ленинградцами.

Эн искала теперь знатоков, настоящих коллекционеров, европейцев, ей нужны были люди, с чьим именем считались, профессионалы, которые делают каталоги.

Журнал “Art” оказался роскошным изданием. Там поместили две хороших репродукции и небольшую статью о Валере; заметка того же автора появилась в воскресном номере газеты “Нью-Йорк таймс”.

Эн ликовала, это был ее успех, она сама не подозревала в себе такой энергии, находчивости, изворотливости, с какой ей удавалось играть свою роль. Валера упрекал ее за то, что она весь пыл тратит на дела, не оставляя на любовь. Он избегал спрашивать, как она отлучается из дому, что у нее происходит с мужем, он хотел сохранить ее как любовницу. На первый же гонорар он купил финский диван; синяя с золотом обивка, подушки, валики, упругие пружины, а то последнее время они устраивались на полу, кушетка совсем развалилась; еще купил себе и Эн по махровому халату, шикарный сервиз и фужеры – для гостей. Ходил он по-прежнему в своей драной кожаной куртке, Эн с этим смирилась, художник имеет право на причуды.

После ноябрьских праздников Валерия вызвал заместитель директора музея и предложил подать заявление об уходе по собственному желанию. Снизив голос, прижав кулачки к груди, уверял, что указано уволить, борись не борись, он лишь пробил формулировку, чтобы не портить трудовую книжку...

Валера признался Эн, что предвидел такой поворот, и заложил в дальний стеллаж хранилища три свои картины, чтобы остался в истории русской живописи некто Валерий Михалев.

– Мой бескорыстный дар приютившему меня музею, – заявил он. – Когда-нибудь объявят о счастливой находке, будут ликовать!

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru

– Вы находились у Валерия Михалева, когда к нему явились французские журналисты из газеты “Монд”?

– Находилась.

– Зачем?

– Я помогала ему как переводчица.

– Французы говорят по-русски.

– Да, но мы не знали об этом.

– Мы!.. Вы давно знакомы с Михалевым?

– Несколько месяцев.

– Вы бываете у него?

– Да.

– Зачем?

– Он приглашает меня как переводчика.

– Вы давали подписку, что не будете знакомиться с иностранцами.

– Я не считала, что это было знакомство.

– Вы как-то называли себя?

– Иногда только по имени.

– Они вас о чем-то расспрашивали?

– Мы говорили о живописи.

– Откуда они узнали адрес Михалева?

– Думаю, что это передавалось по цепочке.

– А кто же вначале их вывел на него?

– Вначале я.

– Каким образом?

Они выслушали ее рассказ почти безучастно, словно им читали позавчерашнюю газету.

– Зачем вы это сделали?

– Его выгнали с работы, оставили без средств.

– Как бы там ни было, получается, что вы его толкнули на связь с иностранцами.

– Я?.. Или вы?.. Я думаю, что ему не оставили выхода. Никому из них не оставили.

– Каковы ваши отношения с ним?

– Хорошие.

Они оба улыбнулись.

– Вы состоите в интимной близости?

Вопрос не произвел никакого впечатления на Эн.

– Вас что интересует: сколько, где и каким образом?

Молчавший до сих пор Петр Петрович сделал успокаивающий жест рукой.

– Можете не отвечать. – И кивнул молодому.

– Что говорил Михалев иностранцам о преследовании художников?

– При мне говорили только о продаже его картин.

– А без вас?.. Вам известны его взгляды... Мог ли он еще где-то, без вас, встречаться с иностранцами?

Эн отстраняла его вопросы плечом, бровями, слабым движением губ. В движениях ее сквозила брезгливость, которая более всего раздражала Николая Николаевича. Все своей внешностью, манерами он старался показать, что он не из тех следователей, – молод, интеллигентен, модно одет, разговаривая с женщиной, умеет смотреть ей в глаза мужским взглядом, устанавливая особый чувственный контакт: а все же ты баба, интересная баба, и для меня это главное. Он действительно любовался Эн, и то высокомерное безразличие, которое он читал в ее глазах, мешало ему выдерживать галантно-ироничный тон.

– Я бы не советовал вам так вести себя. Вы не хотите нам помочь.

– Почему я должна вам помогать?

– Это в ваших интересах.

– Не понимаю.

– Вы нарушили обязательства. Вас можно привлечь к ответственности за связь с иностранцами.

– Пожалуйста.

– Вы подумали о вашем муже?

Эн посмотрела на Петра Петровича.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Это похоже на шантаж.

Петр Петрович вздохнул, нажал кнопку.

– Давайте запьем это дело. Надюша, – сказал он возникшей в дверях горничной, – принеси-ка нам... Вам чего, Анна Юрьевна, чайку или кофе? Кофе? Ну и нам кофейку.

Он вел себя благодушно, примирительно, как старший среди задиристой молодежи.

Чашечка была темно-синего фарфора, с золотом, того же рисунка вазочка с печеньем и конфетами.

Николай Николаевич надкусил трюфель, запил глотком кофе, сказал:

– Мало ли чего Михалев наговорит иностранцам, будут неприятности, и вы окажетесь в виноватых...

– Что вам надо, я не пойму, – сказала Эн. – Неужели вас всерьез беспокоит, что скажет Михалев иностранцам? Скажет, что не нравится кампания против абстракционистов. Многим художникам не нравится. Вам что, это неизвестно? Обругает начальство. Военных секретов он не знает.

Николай Николаевич допил кофе, облизнул губы.

– Прекрасно. Вы, оказывается, хорошо знаете, чем нам надо заниматься, а чем не надо. Годитесь в сотрудники. Вполне. Чего ж вы отказывались?

Довольный неожиданным поворотом он собирался поиграть и дальше, но Петр Петрович постучал ложечкой.

– А что, Анна Юрьевна трезво рассудила. Раз вы ничего плохого за Михалевым не усматриваете, мы вам верим. Считайте, ваша информация сработала. Пусть торгует своими картинками. Нас что беспокоит – не попытаются ли иностранцы через него выйти на вашего мужа.

– Известно ли Михалеву что-либо о характере работы вашего мужа? – спросил Николай Николаевич.

– Нет.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Задавал ли он какие-нибудь вопросы?

– Нет.

– Что он знает о вас? О вашей семье?

– Ничего.

– И вы ему ничего не рассказывали?

– Ничего.

– Ваше знакомство, – он подчеркнул это слово смешком, – длится несколько месяцев.

Эн молчала.

– Работа Андрея Георгиевича получает все большее значение, – мягко сказал Петр Петрович. – Мы знаем, что ваши земляки ищут ходы и выходы, как бы им вынюхать, что он делает. Да и кто он такой, этот картос. Любую трещинку, дырочку они готовы использовать. Михалев может стать для них такой щелкой. Согласитесь. Так что не удивляйтесь нашим расспросам.

Эн сидела, закинув ногу на ногу, ни разу во все время разговора им не удалось ее смутить, иногда она отворачивалась к окну, откровенно скучая. Пригубив кофе, она отодвинула чашечку.

– Не нравится? – тотчас спросил Петр Петрович.

– Не нравится, – сказала Эн.

– Сварить кофе – это искусство, – согласился Петр Петрович. – У нас в городе нигде не умеют. Ни в одном ресторане. Бурда. Я вам могу признаться, Анна Юрьевна, мы еще не знаем, какую ловушку ЦРУ готовит Андрею Георгиевичу. С какой стороны ждать беды. Мечемся. На работе подстраховали крепко. А вот дома Андрея Георгиевича обеспечить труднее.

Он выжидательно замолчал. Эн тоже молчала. Некоторое время они перетягивали это молчание – кто кого. Петр Петрович закурил, тут же спохватился, спросил:

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Не возражаете?

– Не возражаю.

– Помогите нам, Анна Юрьевна, нелегко мне с такой просьбой обращаться, потому что это в какой-то мере признать нашу беспомощность. Но без вас не выйдет.

– Что именно?

– А все. Допустим, гости. Кто, чего, о чем. Если вам, конечно, что-то покажется. Или кто-то позвонил. Любая мелочь тут может сыграть. Собрались вы куда-нибудь. Допустим, на теплоходе, Валаам посетить. Мало ли что там может быть.

Эн пристально взглянула на него, в ответ Петр Петрович виновато поежился.

– Они на все способны. Похитить. Спровоцировать. Не выйдет, так убьют.

– Что же – я должна следить за своим мужем?

– Анна Юрьевна, я исхожу из того, что вы любите своего мужа. – Петр Петрович посмотрел на нее из-под нависших толстых бровей. – Или это дело прошлое?.. Вы его по-настоящему любили, поэтому я считал, что вы наша союзница, готовы на все.

– И чтобы он не знал?

– Зачем ему создавать напряжение? – вступил в разговор Николай Николаевич. – Вы же не все ему рассказываете. Есть вещи, которые он не знает.

Эн даже не повернулась в его сторону.

– Вы полагали, что я соглашусь на такое предложение?

– Как сказал Петр Петрович, если человек любит...

– Вы что же, не надеетесь на Андрея Георгиевича?

– С чего вы взяли? Он надежен. Но ведь всякое может быть. Вечеринка, свадьба, допустим. Напили его, и он проболтался.

– Он не пьет.

– Как так не пьет?

– Представьте себе.

– Совсем не пьет?

– Он никогда не напивается. Как же вы это не знаете? Чем же тогда тут занимаетесь?

Взгляд Николая Николаевича стал тяжелым, запоминающим.

– С нами так не разговаривают.

Петр Петрович придавил сигарету в пепельнице.

– Посоветуйте, Анна Юрьевна, как нам быть. Мы хотели сделать по-хорошему. Не заставляйте нас вербовать вашу домработницу, соседей.

– Я сказала вам.

– Нам не хотелось бы принуждать вас, – сказал Николай Николаевич.

Эн молчала.

– Мы держим в тайне ваши похождения на стороне – вы идете нам навстречу. Согласны?

Молчание.

– Иначе станет известно, что было на теплоходе... Что было в мастерской.

Эн взяла чашку, не торопясь вылила кофе на ковер, повертела чашку в руке, вдруг размахнулась, запустила ее в стену так, что чашка разлетелась вдребезги.

Николай Николаевич вскочил, выругался, но Петр Петрович коротким жестом остановил его.

– Ничего страшного. Дмитрий Иванович Менделеев советовал: бейте посуду! Тем более это казенная. – Он с удовольствием хохотнул. – Разрядились? И так, я вас спрашивал, можете ли вы что-то нам посоветовать. Мы вышли на вас потому, что ничего другого не имеем. Поверьте, нам неприятно копаться в ваших похождениях. А как иначе вас заставить?

Петр Петрович откинулся в кресле, стал разминать пальцами новую сигарету. И сразу заговорил Николай Николаевич, они сыгранно перекидывали разговор друг другу.

– Вообразите, что все раскроется. Жена такого человека – любовница какого-то бездарного мазила, осужденного общественностью. Ведь не постесняются называть вас... знаете, как у нас в народе...

Ее взгляд обратился к Николаю Николаевичу, который хотел сказать, что она обыкновенная шлюха, потаскуха, несмотря на все ее испанские и прочие языки, херувимское личико, породистые ноги, надменность. Все равно курва, курва, какую бы прекрасную незнакомку из себя ни строила. Любой бабе Николай Николаевич выложил бы не раздумывая, а тут не мог перескочить.

– Если разразится скандал, Михалев отшатнется от вас. Он ведь трус. Напугается так, что вас и на порог не пустит, – сочувственно говорил Петр Петрович. Что-то располагающее было в его рыхлой, мягкой фигуре, в прокуренно-желтых больших руках. – У вас тут ни родных, ни друзей. Вы совсем одна-одинешенька. Порвется с Андреем Георгиевичем. Что вам делать? Вы все ж подумайте. Не решайте с ходу.

Эн открыла сумочку, посмотрела в зеркальце, погладила пальцами под глазами.

– Что будет со мной, это у вас рассчитано. А что будет с Андреем Георгиевичем, вам известно?

– Знаете, как писал наш поэт Есенин, – сказал Николай Николаевич, – “да, мне нравилась девушка в белом, но теперь я люблю в голубом”. Женщина приходит на смену женщине, и все быстро зарастает.

– Вы не рассматривали такие варианты: он повесится, утонет, убьет меня, покончит с собою и со мной...

– Ой, не надо, не пугайте нас! – воскликнул Николай Николаевич с преувеличенным ужасом. – Страшно слушать.

– Вы плохо его знаете. Вы не изучили как следует свой объект. Он самолюбив. Болезненно самолюбив. Он может выкинуть бог знает что, любой поступок. Когда он сломается... Вы его ломаете этим...

– Лучше о себе подумайте, – перебил ее Николай Николаевич.

Она не взглянула в его сторону, она обращалась исключительно к Петру Петровичу:

– Ему не до работы будет, он ее вообще может забросить. Такое с ним уже было.

– Когда, где? – заинтересовался Петр Петрович.

– В Штатах. Его довело ФБР.

– Вы что же, нас с ними равняете? – возмутился Николай Николаевич. – Ничего себе!

– Он впал в проstration, было страшно, вы бы видели...

Воспоминания вырвались из той запретной тьмы: его рыдания, его голова, прижатая к ее коленям, вздрагивающие плечи. Петр Петрович заметил, как отчаянно задергалась жилка в углу ее глаза, он внимательно наблюдал за тем, что происходило на ее лице, как перехватило у нее дыхание, еще немного – и она сдастся. Он перегнулся через стол к ней.

– А теперь ваше упрямство его погубит. Не нас вините, вы будете виноваты. Вы, только вы, от вас все зависит сейчас... – тоном гипнотизера внушал он ей ровным тихим голосом. – Анонимки, телефонные звонки, подозрения... Зачем? Из-за глупых ваших предрассудков. Ради чего вы губите и себя и его?

Сочувствие его звучало искренне. Она должна была согласиться. У нее не было выхода, ей некуда было податься, повсюду ее ждали бесспорные доводы. За много лет здесь все было отработано. Каких только отговорок не придумывали сотни мужчин и женщин, которые тоже пытались вернуться. Давно были известны предельные возможности их сопротивления.

– Поймите, Анна Юрьевна, глупо ссориться с машиной. Я могу что-то смягчить, но не более. Наше учреждение – машина, неумолимая, как рок, бездушная часть системы. Вам еще повезло, у вас есть моральное оправдание. Никто не смеет вас упрекнуть в доноситестве. Вы охраняете мужа. Вы исполняете долг. Так выполняйте его и наслаждайтесь жизнью. Вам никто не будет мешать. Информировать нас, предупреждать, ничего другого от вас не надо. Устно информируйте.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Ей предлагали выбор. Между покоем и страхом, между счастьем и крушением, все было очевидно, слишком очевидно. Беда ее была в том, что она не умела взвешивать и рассчитывать. Решения приходили к ней безотчетно, откуда-то из глубины души.

Она вдруг попросила водки. Неожиданно для себя самой, но мужчины обрадовались, появилась запотевшая бутылка из холодильника, стопочки, плавленые сырки. Эн выпила не чокаясь, поспешно, не стала закусывать, передернулась и тут же выпрямилась, глаза ее заблестели, она заговорила властно, громко:

– Ваши коллеги потратили много сил, чтобы вытащить нас, переправить сюда. Это было трудно. Они помогли найти нужное место, помогли наладить работу. Это тоже было трудно. Теперь, когда дело пошло, вы хотите все испортить. Защищаете нас от провокации? Ничего подобного. Я заявляю вам: ваши действия будут хуже любой провокации. Я обращусь к вашим московским коллегам. Работать на вас, то есть работать вместо вас, быть вашим агентом, находиться у вас в руках, да? Вот чего вы хотите. А сами? Нет уж, вам поручено, вы и работайте!

Эн вскочила, легкая, гибкая, все в ней напряглось, она ощетижилась, словно разъяренная кошка, готовая на все, чтобы защитить Андреа.

Здесьнюю машину, о которой говорил Петр Петрович, она сталкивала с такой же бездушной, еще более мощной московской машиной. Нет ничего болезненней и опасней внутриведомственного скандала. Она не могла знать об этом, ею двигал только инстинкт. Каким-то образом она отбросила все то, что удалось внушить ей. Петр Петрович не понимал, что произошло, где, в чем они просчитались. По всем правилам они загоняли ее в загон слаженно, аккуратно, и вдруг, когда дверца должна была захлопнуться, она очутилась на свободе.

– Ничего другого я вам не скажу, и пожалуйста, больше меня не вызывайте, я не приду.

В ней было что-то незнакомое – материал, который Петру Петровичу еще не попадался. Она обрела неожиданную уверенность и просто предупреждала их. Не мудрено, что это возмутило Николая Николаевича. Как это не придет, на то есть законы для советских граждан, силком приведут.

– Между прочим, я не советская гражданка, – сообщила Эн.

– А чья же вы подданная? – осведомился Николай Николаевич как можно язвительней.

– Я не подданная, я американская гражданка.

– Были.

– И остаюсь. Тот, кто родился в Штатах, остается американским гражданином пожизненно. Имейте в виду, – впервые она удостоила Николая Николаевича взглядом,

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru посмотрев на него как на назойливую муху, – если я обращусь в американское консульство, то это будет из-за вас.

Петр Петрович принужденно засмеялся.

– Господь с вами, Анна Юрьевна, только этого нам не хватало. Американцы вас добром не встретят. Знаете, пролитого не соберешь.

Он провожал ее по лестнице вниз, придерживая под локоть, говоря доверительно:

– Мы, конечно, привыкли, что нас боятся. Это у нас от сталинских времен. Не учли мы, что в вас еще многое осталось от другой вашей жизни. А вот нашего страху у вас не накопилось. Но, как говорят, еще не вечер, слава богу, этим не кончатся наши отношения.

– Ваша ошибка в другом была, – сказала Эн.

– В чем же, Анна Юрьевна?

– Вы не разбираетесь в женщинах.

Она шла не разбирая дороги. Ее колотило. Ей хотелось прислониться, прижаться к стене, озноб бил ее. Увидев прицерковный садик, она зашла, опустилась на скамейку, вцепилась руками в сырые перекладки. Тупо уставилась на старинную ограду. Стволы чугунных пушек, связанных длинными цепями. Она никак не могла успокоиться. Прохожие оглядывались на нее. Тогда она поднялась на паперть, вошла в сумерки собора. Здесь было тихо, безлюдно. Горели тонкие свечи. Мерцали оклады икон. Желтые язычки пламени слабо высвечивали лики незнакомых русских святых. Присесть было негде. Ноги подгибались, она обессиленно опустилась на колени. Холод каменных плит успокаивал. Слезы катились, обжигая глаза, и вдруг хлынули сплошным потоком. Она прижалась лбом к камню, рыдания сотрясали ее, больше она не сдерживала себя. Вместе со слезами уходила боль и то душное, что не давало дышать. Слезы лились и лились, внутри все омывалось, слезы согревали ее, дрожь утихла. Она плакала горько и сладостно.

Большие строгие глаза, вопрошая, смотрели на нее со всех икон. Беззвучно она молилась им всем сразу, умоляя дать силы, ибо силы ее кончились, она не понимала, как она могла выдержать это испытание, потому что на самом деле она боялась их, все время боялась, безумно боялась. Больше всего боялась, что они увидят, почувствуют, как она их боится. Самое страшное было впереди, неизвестно, что они еще придумают, удастся ли ей в следующий раз устоять. Ей не с кем было посоветоваться, некого просить о помощи. Все вокруг оказалось чужое, она была одна среди чужих. “Господи, дай мне силы, – просила она, – не позволь мне пасть, ты мне помог сегодня, помоги еще. Я виновата, но не оставь меня...”

Назавтра она все же позвонила Валере, позвонила из уличного автомата, сказала, что надо встретиться немедленно, лучше всего там, где они встретились в первый раз, только не внутри, а у входа. Он никак не мог взять в толк, где именно,

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru потом догадался: “У Русского музея?” Она вынуждена была сказать: “Да, у Русского”.

Моросило, дул холодный ветер, они долго ходили по Михайловскому саду.

– И про теплоход им известно? – переспрашивал он. – Какая гадость! Все испорчено. Я придумал одну вещь написать, теперь не смогу. Что за жизнь! Я так и знал. Я тебе говорил, что нельзя с иностранцами связываться.

Он слишком часто повторял это.

– Значит, они следили за мной!

– Наверное, нам не нужно больше видеться.

– Да, конечно, – сразу согласился он.

Потом он сказал:

– Я ведь никогда не спрашивал про твоего мужа. Знать ничего не знаю... Что же они могут мне предъявить?

Потом он сказал:

– Надо было им сообщить, что я не знаю иностранных языков.

Потом стал допытываться, как они относятся к его картинам...

Эн и не предполагала, что прощание получится таким простым и легким. Они походили еще немного под холодной моросью. Он первый сказал:

– Ну ладно, бывай. – И задержал ее руку. – Теперь мне будет плохо – без тебя.

Она смотрела ему вслед, пока его черная высокая фигура не затерялась среди мокрых черных деревьев.

XXV

Никаких конкретных обвинений комиссия не предъявляла, вопросы носили общий характер, выясняли как бы морально-политический климат – есть ли в лаборатории какая-то группа, которая диктует, навязывает темы, мнения. Выспрашивали недоверчиво, каждый чувствовал себя под подозрением. Заинтересовались почему-то музыкальными вечерами у Брука – что за программа, кого приглашают, о чем говорят.

Так и не сообщив своих выводов, комиссия удалась, и сразу же появилась новая – из Госконтроля; за ней – от профсоюзов и Министерства финансов.

Загогин разъяснил Картосу: лабораторию берут измором, таковы последствия партбюро; в этом году работать не дадут, потом навесят невыполнение плана, срыв госзаказов – и “блюдо поспело, можно кушать”. Единственный выход – ехать к министру за заступой...

– Вы меня не слушаете? – перебил себя Загогин.

Картос смотрел на него затуманенно.

– Когда закружишься, лучшее средство – кружиться в обратную сторону.

– Что вы имеете в виду? – не понял Загогин.

– С завтрашнего дня меня нет. Ни для кого. Минимум на неделю. Я должен подумать.

Распрашивать Картоса не полагалось. Он находился как бы под высоким напряжением, оно исключало приближение.

В течение недели все телефоны в его кабинете были отключены, Нина Федоровна, секретарь, величественная дама, похожая на памятник Екатерине Великой, отвечала всем одно и то же: “Мне запрещено входить в кабинет, вы ведь понимаете, что такое творческий труд”.

Время от времени Картос приглашал к себе кого-то из сотрудников, иногда сразу нескольких, и даже сквозь двойные двери, обитые черным дерматином, пробивался пронзительный голос Джо.

Одни покидали кабинет задумчивые, притихшие, другие – разгоряченные, как будто их там чем-то напоили.

Нина Федоровна не поддавалась ни на какую лесть, с неистощимой приветливостью ссылалась на “поручение для Королева” и только однажды смешалась, когда из Москвы позвонил сам Королев.

Слухи, конечно, просачивались. Какой-то центр. Проект центра... Что-то вроде института. Да нет – несколько институтов и еще завод.

Уединение Картоса было прервано телеграммой, его вызывал в Москву новый заместитель министра – Кулешов, сменивший Степина, назначенного министром.

Разговор начался жестко: извольте, дескать, наладить отношения с партийным руководством, нашли, мол, с кем ссориться, уж лучше на нас срывайтесь, министр, тот выговор объявит либо заставит по-своему сделать, а эти... Вскоре появился и сам Степин; увидев Картоса, обрадовался, стал расспрашивать. Кулешов тактично удалился.

И Степину уломать Картоса не удалось: не желал он увольнять людей и менять систему подбора не собирался. И вообще не понимал, как можно работать, подчиняясь и министерству, и райкому, и обкому партии. Долго, конечно, так продолжаться не может, надо добиваться для лаборатории автономии. Работы на Королева, Туполева и прочих влиятельных военных заказчиков дают защиту, но не освобождают от придирок и жалоб в ЦК. Такие жалобы уже поступили и будут идти. Что же делать?

Министр снизил голос – нужен визит Хрущева. Но для этого надо иметь серьезный повод, ведь Никиту со всех сторон приглашают – иной возможности Степин не видел. Идея Степина не вызвала у Картоса восторга. Генсек же ничего не понимает в ЭВМ и спецмашинах! Министр страдальчески сморщился. Ну разве кто из советских директоров, самый заваливший, темный, осмелится ляпнуть такое? Понимает – не понимает. Разве для этого существует генсек? Его приезд – это признание, это значит, что лаборатория достойна внимания. Наивысшего! Значит, всей отрасли – господдержка. Хрущеву уже докладывали про микрокалькулятор – не клюнул. Нужна большая машина, Никита – мужик умный, его на фуфло не взять. Большая машина может стать козырной картой. Доведем потом. Сейчас важно показать.

Нет-нет, так Картос не умеет. Грех выпускать машину с недоделками, первую их машину...

Когда же до Картоса наконец дошло, кто к кому и зачем должен приноравливаться, он предложил показать Хрущеву вместо неготовой машины проект, который готовил для министерства, проект центра по созданию вычислительных машин, научно-исследовательского института и завода. Лаборатория выросла, ей тесно, да и заказы подпирают.

Степин умел с ходу ухватывать суть проблемы, сквозь шелуху слов добирался до корня, и его собственные вопросы всегда были по делу, как говорили его замы, “наш сечет”...

Он шагал по кабинету вдоль длинного стола, похлопывая по спинкам стульев. Соображения Картоса вызвали какую-то досаду, но и возбуждали. Нет, не то, то есть то, да не так! Не просто научный центр нужен – делать так делать не мелочась. Замахиваться надо на целый комплекс. И коммерческий центр. И учебный. А при нем городок. Специализированный, умный, в конце концов ЭВМ – главная

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
дорога для современной техники. Оборонной (министр) и гражданской (Картос)! Если мы хотим обогнать капстраны (министр). Но ведь это огромные средства (Картос)?

Они славно помечтали – создали фантастически прекрасный город, блаженную утопию компьютерной эры, компьютероград, Флинт-Сити, как назвал бы его Картос, что означало: Кремневый город, Кремневая долина. Низкие белые здания в зеленых кущах, тихое, бесшумное усердие умнейших машин...

Компьютеры решают проблему производительности труда. А Ленин правильно говорил, что в борьбе с капитализмом все будет зависеть от того, удастся ли нам обеспечить более высокую производительность. Пока что она выше у капиталистов. И будет выше, если мы не войдем в мир компьютеров.

– Это главное мое дело. Я хочу оправдать свой приход к вам.

Картос при этом так разволновался, что Степину стало неловко. Он сухогато попросил сделать макет центра хотя бы в самом простейшем виде и записку к нему, чтобы “в случае чего” можно было всучить Хрущеву. Предлагать надлежит Картосу – все пойдет от его имени, инициатива снизу, министр, дабы сохранить свободу маневра, поддержит, но не сразу...

На глазах у Картоса разворачивалось искусство настоящего полководца. Предусматривались и отход на заготовленные позиции, и разведка, и артподготовка. Операция “Центр”, никак не меньше.

Новые возможности привели лабораторию в восторг. Никто не рассчитывал на такой размах.

Среди всеобщего возбуждения Картос сохранял сдержанность. Он видел, как разрастается идея центра, но это не смущало ни Джо, ни ребят. Да и министра тоже. Довольно резко тот оборвал Картоса – нечего жаться, ракетчики позволяют себе черт знает какие траты, ядерщики строят город за городом. А моряки! А авиаторы! Не стесняются. Тащат, рвут, чем больше вырвут, тем больше уважения. Цифры, которые он назвал, поразили Картоса. “У нас моральных прав больше!” – заключил министр.

– Ты знаешь, глаза у него загорелись, ноздри раздулись, он стал как хищник.

– Почуял добычу, – сказал Джо. – Prestиж министерства зависит от бюджета.

– Наш центр оправдает себя. И быстро. Мы нужны всем, не только военным. Но они неразумно нерасчетливы.

– Русский размах. А будешь сомневаться – отклонят проект. И тогда тебя съедят.

– И тебя тоже, хотя ты костляв и волосат.

Ни Картос, ни Степин о своих надеждах на визит Хрущева, естественно, никому не говорили, и тем не менее вся лаборатория каким-то непостижимым способом об этом узнала.

– Тебе надо понравиться ему, – приставал к Андреа Джо. – Ты ведь это умеешь.

– Я не знаю, что нравится генеральным секретарям, где у них слабое место.

– Это государственная тайна. Самая большая тайна со времен Ахиллеса.

– Некоторые считают, что ты был хорошим шпионом.

– Какой я шпион, я даже твоих слабых мест не могу выведать.

– Мое слабое место – мой главный инженер.

– Это как сказать. На фоне моей еврейской морды тебя принимают за приличного человека. Выдай ему что-нибудь такое, чтобы он расцеловал тебя.

Андреа помрачнел.

– Не умею я.

– Тогда не берись руководить.

– Убирайся! – Андреа вытолкал Джо из кабинета.

Но часа через два тот снова появился перед Андреа:

– Слушай, тебе нужен имидж. В тебе должны увидеть гения. Ты должен изобразить из себя гения...

– Гения? Это нетрудно. Я другого боюсь: а что, если генсек скажет – это что за тип? а-а-а, иностранец? он хочет нашу экономику подорвать! В итоге мы рискуем все потерять.

– Давай рискнем! Такой случай раз в жизни выпадает.

– Ты авантюрист.

– Авантюрист – прекрасная профессия! Если бы не проклятая любимая работа... Я из-за нее перестал ощущать вкус жизни, ее непредсказуемость. Послушай, – Джо неловко улыбнулся, – ты когда-нибудь встречался со своей судьбой? Я знаю, моя существует, раза два я видел ее, не смейся, это не внешнее зрение, такое во сне бывает, я вижу ее в крайние минуты жизни. В такие минуты я становлюсь из субъекта как бы объектом. Я ощущаю свой ум, способности, себя настоящего, а не то, чем кажусь...

– Ты себя видишь, – задумчиво сказал Андреа. – А я никогда себя не видел со стороны.

– Знаешь, это производит впечатление. И довольно неприятное.

– Вот уж никогда не думал, что у тебя такое творится внутри.

– Ты меня не воспринимаешь как личность. Я существую как твой поверенный, твой сейф. В той, другой, жизни мы были действительно друзьями. Теперь ты у нас работаешь гением. Весьма ответственная работа, но позволь тебе заметить: вся твоя гениальность измеряется тем, насколько мы опережаем других. На полгода или на год. Через год американцы, англичане сделают такую же машину. Увы, таков закон инженерной работы. Обезличенность! А ведь хочется хоть где-то себя показать. Свою морду авантюриста – да, это я, Джо, авантюрист, любуйтесь! Между прочим, эта страна создана для авантюристов. Легче всего одурачить тех, кто считает себя умнее других.

По холодному лицу Андреа можно было подумать, что никакого смысла в словах Джо он не видит, но это было не так.

Приезд Аладышева, референта министра, в лаборатории восприняли как обещание визита. “Незаменимая особь, – аттестовал его Зажогин, – все знает, все может”. Белый, гладкий, словно очищенное крутое яйцо, Аладышев славился тем, что разгадывал недомолвки министра, его настроения, неясные резолюции. “Словам сопутствует поток куда более достоверной информации, – поучал он Андреа, вводя этого чужеземца в министерские лабиринты. – Вы думаете, что вам достаточно знать ваши схемы, что там и как действует? А я вас уверяю, Андрей Георгиевич, куда важнее знать, чьи дети переженились и кто с кем выпивает. Вам известно, с кем министр ездит на охоту? Кто этого не знает, тот вслепую руководит. Чтобы двигаться вперед, надо знать, кто с кем живет...”

После отъезда Аладышева Зажогин сделал вывод: в игре министра лаборатория на данный момент – козырная карта. Некоторым начальникам Степин не нравится: слишком боек, действует напрямую, не дается в руки, сам порывается проводить свою техническую политику. Так что наверху идут бои, Степину непросто, и

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru лабораторию он хочет преподнести Хрущу как первый результат своей новой политики.

Вслед за Аладышевым стали появляться представители каких-то ведомств, проверяли электропроводку, входы и выходы, прибыл из ЦК партии инструктор Анютин, молодой, в металлически поблескивающем костюме, в затемненных очках, скучая, оглядел экспонаты. Вопросов не задавал. Посоветовал обратиться с какой-нибудь просьбой, машину, например, попросить или несколько квартир, что-то небольшое, быстро решаемое, начальству приятно благодетельствовать. Все это инструктор произносил как бы между прочим. А в кабинете Картоса, пока Зажогин хлопотал насчет кофе и коньяка, вдруг, сменив голос на твердо-чеканный, предупредил: если Генеральный спросит, кто мешает работать – а он любит про это спрашивать, – ни слова про конфликт с местным партаппаратом.

Картос молчал, не выражая ни согласия, ни протеста. Блестящие черные глаза его, однако, что-то выражали, то ли по-английски, то ли по-гречески, потому что инструктор не мог никак понять, что там, и это его раздражало.

– Вы, я вижу, страсть как увлечены своими машинами. На них надеетесь? А у нас говорится: на бога надейся, да сам не плошай.

– Вы абсолютно правы, – сказал Картос. – Но всего не предусмотреть.

После третьей рюмки Анютин порозовел, скинул пиджак. Лицо его, молодое, но раньше времени засохшее, чуть смягчилось, он осторожно, полунамеками, дал понять, что вопрос о визите Никиты кое-кто раскачивает, все может сорваться. Он никого не называл – условный язык, цэковский жаргон, который не ухватишь, не процитируешь в доносе, на то и рассчитан. Тем не менее явствовало, что речь идет о руководстве Академии наук, есть люди и в ВПК, которые “не хотят”, потому как “не тянут”. Да и генсек не всесилен. Есть нечто сильнее его. Аппарат. Партаппарат. Это черный ящик, в него могут поступать самые строгие указания, даже от генсека, а что получится на выходе – неизвестно.

От всех этих советов, намеков, пояснений у Картоса разламывалась голова. К концу дня, когда он добирался до своей собственной, той единственной работы, которую он считал работой, он был уже измучен и плохо соображал.

XXVI

Как ни в чем не бывало Валера позвонил и пригласил посмотреть новую свою работу. И такой счастливый голос у него был по телефону, что Эн согласилась.

Не без торжественности он усадил ее и Кирюшу на диван, снял тряпку с холста. Открылся портрет женщины, как бы собранный из газетных вырезок. Мелкий шрифт, заголовки – серое, черное, белое, желтоватое, папиросно-игривые кудряшки никак не украшали когда-то привлекательное, но теперь плоское женское лицо.

– Тамарка! – воскликнул Кирюша. Оказалось, она походила на даму из горкома

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
партии, гонительницу формализма и модернизма.

Дав им налюбоваться портретом, Валера перевесил его вверх ногами – получилась абстракция в духе Кандинского, повернул еще – и сам собой образовался пейзаж, сюрреалистический молодой лес.

Три картины чудесным образом превращались одна в другую. Пейзаж бесследно исчезал, Тамара исчезала, все зависело от угла зрения. Кирюша ахал, изгибался и так и эдак, постигая секрет трюка. От полноты чувств бухнулся на колени перед Валерой. Надо же из Тамарки сделать абстракцию! – восклицал он. Нет, это не фокус, это, друзья мои, философия живописи!

Как назло, на следующий день в газете появилась редакционная статья “Отщепенцы”. Начиналась она сообщением о посещении выставки московских художников руководителями партии и правительства. Далее излагались тяжелые переживания, которые вызвала выставка у руководителей Москвы, подобные же чувства передались и руководителям Ленинграда.

“Нельзя без чувства возмущения смотреть мазню на холстах, лишенную смысла, содержания и формы. Эти патологические выверты представляют собой подражание растленному формалистическому искусству буржуазного Запада... Такое “искусство” мешает нам строить коммунизм. Абстракционизм не способен поднимать массы на большие, благородные дела, обогащать их духовно. Поэтому наш народ резко отрицательно относится к творчеству таких художников...”

Среди прочих “отщепенцев” назван был и В. Михалев.

Валера хотел тут же написать опровержение, Кирюша же советовал плюнуть и растереть. Эн застала их, когда они приканчивали вторую бутылку коньяка. Она убрала коньяк, вымыла стол, привела обоих в порядок с помощью нашатырного спирта и крепкого кофе. Остаться отказалась. Валера кричал, что она покидает его в трудную минуту, предательница, трусиха. Она обиделась, ушла, хлопнув дверью.

Статья “Отщепенцы” вышла 3 декабря, а 5-го под вечер раздался телефонный звонок, звонил Кирюша, что-то в его голосе заставило Эн не расспрашивая, в туфельках, по снегу, бегом поспешить к нему.

Оказалось, что сегодня утром, когда Валеры не было, сгорела его мастерская. Они кинулись туда. Вид был страшноватый, полопались стекла, сгорела часть стеллажей с картинами, вторая комната цела, но залита водой.

Валера, черный, словно обугленный, названивал по телефону, приглашал на пресс-конференцию. В том, что это поджог, он не сомневался. Пусть журналисты увидят, сфотографируют. Более всего он надеялся на иностранных корреспондентов. Его предупреждали, что за этим последуют еще худшие неприятности, но Валера закусил удила.

Зрелище покрытых пузырями ожогов холстов заставило Эн остаться. Она не думала о

Страница 201

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru последствиях. Как всегда, решившись на что-то, она больше не сомневалась и начинала жить в новых обстоятельствах как в данности.

Корреспонденты появлялись один за другим, не дожидаясь назначенного часа. Эн переводила им рассказ Валеры, не смягчая выражений. А он то иронизировал, то позволял себе прямые выпады против местных начальников, обрушивался на Хрущева, на Сулова; он уже шел напролом, чувство это передалось Эн, и она переводила, радуясь открывшемуся в нем таланту бойца.

Наконец-то он вел себя как большой художник. И когда на улице ее остановил Петр Петрович, она нисколько не испугалась. В коричневой дубленке, большой лисьей шапке, он крепко взял ее под руку и без предисловий предложил уговорить Михалева уехать за границу.

– Мы препятствовать не будем.– Добавил с остреньким смешком: – У вас это получится убедительно.

– Почему он должен уехать?

– Потому что он вошел в штопор. То есть в конфликт, – любезно пояснил Петр Петрович. – И вас втягивает.

– Он не знает языка. Нет-нет, зачем ему уезжать, я не стану его толкать на это.

– Станете. Иначе мы сошлем его на Колыму, – сказал Петр Петрович наждачным ГОЛОСОМ.

– Это за что же?

– Можно – за валютные дела. Можно – за изготовление слайдов. Считается незаконным промыслом.

– Вы проиграете процесс. Теперь не сталинские времена.

Петр Петрович расхохотался звонко, по-молодому:

– Ах, Анна Юрьевна, вы – прелесть! Да разве мы проиграли хоть один процесс?

– Вам мало пожара?

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Не подействовало. Вы же видели. Лично я против таких методов. Примитивно. Скандально. Но других – нет.

– Ссылка – это ужасно.

– Все зависит от вас. Не уговорите его – будете виноваты в последующей его судьбе.

– Стыдно так говорить. Уж вам-то стыдно.

– Анна Юрьевна, – обиделся Петр Петрович, – Михалеву не нравятся наши порядки, вот и пусть катится. Между прочим, во времена товарища Сталина с такими не цацкались.

Он был искренне оскорблен и, может быть, потому позволил себе съязвить: конечно, заграница – это разлука навсегда, Кольма не место для свиданий, но любящая женщина должна принести такую жертву.

Он попал в цель, в ее тайное, подсознательное стремление – сохранить его здесь, Кольма все-таки ближе, чем заграница.

XXVII

Охранники оттесняли излишне любопытных. Хрущев двигался по утвержденному маршруту, вернее, его вел Картос, его и небольшую свиту, остальные ждали внизу, в холле. Справа от Хрущева Степин, слева Устинов, иногда его оттеснял Фомичев и, наклоняясь к Хрущеву, что-то втолковывал ему. Хрущев фыркал, отмахивался головой, как лошадь от слепней.

На всех были новенькие голубые халаты. Хрущев останавливался, пожимал руки сотrudникам. Из дверей, проходов, лестничных клеток тянулись к нему взгляды, люди вставали на цыпочки, подпрыгивали, стараясь получше разглядеть, ловили каждое слово, жесты, и он улыбался им, кивал.

Кто-то зааплодировал, Хрущев помахал рукой, на заводе он свернул бы в непредусмотренный цех, поговорил бы с работягами насчет расценок, ОТК, а здесь послушно двигался от стенда к стенду. Заинтересовали его лишь настольная лампа с регулятором да неоновый счетчик, на котором быстро сменялись светящиеся красные цифры.

Ему показали машину – что-то вроде экрана и при нем печатное устройство. Машина заинтересовала его. Он стал задавать ей вопросы, она исправно отвечала, потом спросил о себе – когда Хрущев женился и когда родилась старшая дочь. На экране появилась фраза: “Сведения о Н. С. Хрущеве дает только он сам”. Хрущев расхохотался, недоуменно уставился на Картоса. Его маленькие выцветшие глазки вдруг догадливо блеснули.

– Хитер, – с удовольствием сказал он и по-новому, приметливо, оглядел начальника лаборатории – соединил внешность с акцентом, получилось нечто совсем иностранное.

– Игрушки, игрушки, – басил в ухо Фомичев. – Пока что игрушки. Принципиально нового ничего нет.

Вторая модель и в самом деле была игрушечной. Маленький автомобильчик бежал по треку. Наперерез ему можно было запустить мышку, и она настигала его и прилеплялась, как бы он ни увертывался.

Хрущев посмотрел на Устинова.

– Мы довольны, – кивнул Устинов. – Открытия, может, и нет, а нам и не важно. На испытаниях в воздухе показывает неплохие результаты.

– Правильно, тогда не будем считать это наукой, – согласился Фомичев. – Советская наука движется открытиями.

– А что скажет начальник лаборатории? – вдруг обратился Хрущев к Картосу.

– Так я же не ученый. – Картос повел плечом с улыбкой безучастного зрителя.

– Вот те на, – сказал Хрущев. – А мне-то говорили, что вы ученый, да еще крупный.

– Нет, я инженер.

– Вот видите, – поддакнул Фомичев. – Это всего лишь инженерные разработки.

Хрущев исподлобья глянул на Картоса.

– Чего ж вы себя так... умаляете?

– Я инженериию высоко ставлю, – сказал Картос. – Господь Бог был инженером.

Хрущев хмыкнул.

– Это в каком же смысле?

– Ученый всего лишь открывает то, что есть в природе. А инженер, Никита Сергеевич, изобретает то, чего в природе нет и быть не может. Например, утюг.

– А Бог тут при чем?

– Господь Бог был первым изобретателем. Он создал воду, сушу, тьму и свет, растения всякие. – Картос вопросительно взглянул на Хрущева, тот кивнул. – Чем до этого занимался Господь, не имеет значения. История начинается с изобретения. Может, до этого его опыты были неудачными. Неизвестно. Все начинается с механизма, который заработал.

Он говорил о сотворении мира так, как если бы речь шла о машинах. Натужно выпучившись, Хрущев молчал. Все замерли, глядя на него.

– Господь, значит, первый инженер? – Хрущев заговорщицки толкнул Картоса локтем. – Я вижу, ты себе выбрал неплохую компанию.

Все засмеялись облегченно-громко.

Плотный, весь выпуклый, подвижный, Хрущев изображал хитрого мужичка, приехавшего к господам, которые хотели ему что-то всучить. Мятый серый костюм сидел на нем мешковато, воротничок тесен, какие-то бумаги торчали из кармана. Он разглядывал Картоса как диковинку, прикидывая, стоит ли ее брать. Акцент Андреа забавлял Хрущева, особенно насмешило, когда Картос привел такую поговорку – не будем рубить суку, на которой сидим.

От общего хохота Картос покраснел. Хрущев приобнял его, как бы защищая.

– Не обижайся на них, они-то сидеть умеют только в креслах, уж их-то они рубить не будут.

После этой реплики никто уже не оттирал, не отталкивал Картоса, даже министр не перебивал его объяснений. Картос показал бортовую машину. Горели цветные лампочки, внутри еле слышно гудело. Хрущев попросил открыть крышку, заглянул в переплетение проводов, каких-то фитюлек, трубочек. Ничего в ней не вертелось, не лязгало. Что он ожидал увидеть в этой разверстой полости? Он даже несколько загрустил от непостижимости этих машин...

Министр спросил Картоса, какова эта машина в сравнении с американской. Вопрос был наводящий – Степин прекрасно все знал, и все знали, что он знает.

– Американских аналогов нет, так что и сравнивать не с чем, – отвечал Картос.

– Как нет?

– Они еще до этого не дошли.

– Отстают, значит?

– Мы создаем оригинальные конструкции. Мы впереди идем.

Хрущев недоверчиво пожевал губами.

– А качество?.. Надо ведь и по качеству обогнать америкашек, а то наши-то умельцы могут такого напортачить...

И тут же, помахивая рукой, рассказал, как, приехав из Англии, привез электробритву “Филипс”, отличная машинка, вызвал знатоков с Харьковского, показал: такое сможете? Они разобрали, поковырялись – сможем, дескать, даже лучше сделаем!.. “Вот это я вам и запрещаю – категорически!” – сказал им Хрущев.

Смеялись долго, хотя многие знали эту историю.

– Ты что же, только на оборону работаешь? – вдруг спросил Хрущев, и Картос понял, что он совсем не прост, этот мужичок.

– Кто платит, тому и играем. Наши машины могут, конечно, работать и в обычной промышленности, и на пассажирских самолетах... – Он замолчал.

Пауза была выразительна. Хрущев укоризненно кивнул в сторону Устинова.

– Знаешь, это кто? Это у нас бароны обороны, аппетит у них волчий. Сколько ни давай, все мало.

Министр, опустив голову, улыбнулся в пол, остальные тоже улыбались, но это были не улыбки, а изображение улыбок. Возникла неловкость, как если бы упомянули о семейном скандале при посторонних.

Степин поймал взгляд Картоса, недовольно просигналил бровями – не отвлекайся, не

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
вникай в их безмолвные схватки, иначе все испортишь.

Хрущев подошел к лаборантке, сидевшей за пультом, заговорил с ней, потом поискал кого-то глазами, и тотчас из массы выдвинулся секретарь обкома. Хрущев спросил, бывает ли он здесь.

– Ну а как же, Никита Сергеевич, обязательно!

Линялые глазки Хрущева обратились к Картосу, потом снова к секретарю.

– Значит, общаетесь?

– Конечно.

– Я смотрю, он вообще-то самостоятельный товарищ, а?

– Это вы точно заметили, Никита Сергеевич, но наше дело – помогать. Наука новая, нужная.

Секретаря обкома Картос не знал, первый это или еще какой, говорил секретарь четко, по-военному, с удовольствием, Картоса прямо-таки восхитили чистый его взгляд и твердость, с которой он врал, при этом обращаясь к нему, Картосу, как к давнему знакомому, ни тени смущения не было в нем.

– Помогают? – спросил Хрущев.

Андреа ответил не сразу. Разговоры затихли. Хрущев вынул платок, шумно высморкался.

– Это вопрос особый...

– Давай-давай, не бойся.

– Никита Сергеевич, сперва я вам хочу показать одну вещь, – напряженным голосом сказал Картос. – Пойдемте, пожалуйста.

И он пригласил всех к себе в кабинет.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Хрущев ухватил Андреа за локоть, и они оказались вдвоем впереди остальных. Как бы по неслышной команде сопровождение задержалось, сохраняя дистанцию. Хрущев шагал увесисто, поспывая, на багровом затылке искрился седенький пух. Все понимали, что Картосу выпал шанс, единственный, счастливый, длиной в целый коридор. Он мог намекнуть, мог пожаловаться – без свидетелей – на обком, райком, да мало ли как можно было использовать такую прекрасную возможность...

Между тем Картос молчал, это все видели. В кабинете расселись за длинным столом лицом к стене, на которой висели раскрашенные схемы и таблицы. Но перед тем как занять свое место, Хрущев прошелся по кабинету, остановился перед своим портретом.

– Этого-то я знаю, а эти кто такие? – Он показал на две фотографии в золоченых рамках.

Главный инженер, товарищ Брук, объяснил:

– Это американский ученый Винер, отец кибернетики, второй – Марк Твен.

Хрущев насупился.

– А Марк Твен тут при чем?

– Сдерживающее начало, – отвечал главный инженер. – В присутствии Марка Твена Андрей Георгиевич переводит раздражение в юмор.

– Моего, значит, портрета недостаточно. – Хрущев смешливо прищурился.

Встав у развешанных планшетов, Картос откашлялся.

– Никита Сергеевич, перед вами проект центра микроэлектроники, то есть города компьютерной техники. Такой центр надо создавать чем раньше, тем лучше, и в этом никто, кроме вас, помочь не может.

У присутствующих вырвался вздох облегчения. Жалоб, значит, не будет.

Объяснения Картоса были лаконичны – он как бы провоцировал вопросы: не рано ли? не спешим ли? будет ли расти потребность в компьютерах? есть ли у американцев такой центр?

– Они ждут, когда мы построим, – сказал Картос.

– Хотят разорить нас, – с вызовом сказал Хрущев.

– Мы их разорим, – сказал Картос, – они вынуждены будут у нас покупать компьютеры. Если мы не упустим время, мы завладеем рынком.

– Можем и тут обогнать Америку! – с торжеством сказал Хрущев. – Ракеты запустили, первый человек в космосе – наш, советский, ядерное оружие мы первые сделали, теперь они спешат за нами. И по ЭВМ мы тоже их обставляем. Догнали и перегнали передовую страну – правильно я понимаю, товарищ Картос?

– Правильно, Никита Сергеевич, только мы перегнали не догоняя. Они по лестнице бегут, а мы в окно влезли.

– Это к кому же?

– К невесте.

– Ну, тогда молодцы. Главное дело – обогнали. Пусть все видят.

– К сожалению, не увидят, это публиковать нельзя, – объяснил Устинов.

– Центр позволит выйти и на гражданскую продукцию, – сказал министр.

Насчет Америки получилось как нельзя кстати. Лозунг “догнать и перегнать” к этому времени переключался в анекдоты, на задние борта грузовиков, трясущихся по советскому бездорожью. А тут пожалуйста – по самому, можно сказать, модному пункту доказали. Ради этого Хрущев, собственно, и согласился заехать сюда. Мало того что эти двое перебежали к нам, так они еще и вставили перо своему отечеству, и это при наших-то зачуханных порядках! Чекисты по всем статьям обштопали цэрэушников, хорошая работа.

Особенно ему понравился Картос: знает себе цену мужик, сразу видно, сильный человек, вдумчивый и без лишнего трепета, натуральная личность.

Специальностью Хрущева были люди. Кадры. Номенклатура. Коллективы. Людей надо было подбирать, заставлять, поощрять, мобилизовывать, просвещать, с ними надо было работать, бороться, идти вперед, строить. Они были винтиками, жертвами культа, высшей ценностью, представителями колхозного крестьянства, интеллигенции, наших славных летчиков... Кроме представителей он большей частью имел дело с руководителями, начальниками, деятелями. Не многие из них заслуживали уважения. Слишком легко ломались и гнулись. Он насмотрелся на их поведение в сталинские годы. Могут сказать, что и сам он был не лучше. Боялся рябого, аж губы сводило. Еще бы не бояться, если в каждом застолье обязан был петь по его команде, и петь и плясать, слушая его грязные, хвастливые истории...

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
Можно сказать, прополз на брюхе через всю подлость сталинской уголовщины. Измазался в дерьме, зато рассчитался с рябым и всех освободил от этой гидры. Почти десять лет прошло, а до сих пор не могут распрямиться. Вот и теперь: нет чтобы слушать Картоса, поглядывают на Хрущева, шарят по его лицу, ищут там каких-либо сигналов. Иностранцы эти хоть и на чужбине, а ведут себя свободнее, чем министры, генералы, зампреды и прочие погонялы. В этой сверхсекретной мышеловке, куда их сунули чекисты, они возьмется со своими машинками словно дети.

Один только главный инженер, закинув ногу на ногу, ловил каждое слово Картоса. Самый бесполезный из всех слушателей, он, видимо, как знаток наслаждался исполнением. Зыркнув на Хрущева, встретив его взгляд, восхищенно поднял большой палец. Развязный мужик! Не стесняется! Непосредственность – вот что отличало пришлецов от наших.

Приближенные Хрущева рядом с этими перебежчиками проигрывали. Они казались генсеку напряженными и напыщенными и в то же время приниженными и бесхозяйственными – все только на себя и тянут. Да, советский строй самый прогрессивный в мире, и люди у нас хорошие, а ведут себя жалко, боятся свободы – откуда такое несоответствие? Все чаще Хрущев лбом упирался в эту загадку. При Сталине было гармоничнее, что ли...

– И где ж такой центр строить? – спросил Хрущев.

Министр ответил, что есть места в Подмосковье, присмотрели два варианта. Секретарь обкома ревниво вскинулся: зачем в Подмосковье, поближе найдем, под Ленинградом, земли много, побольше площади выделим, а рядом создадим академический городок...

– Любите вы великие стройки, – брюзгливо вставил Хрущев. – Каждому немется свой гигант заиметь.

Фомичев обрадовался.

– Гигантомания – наша болезнь. Обязательно самое большое в мире. ЭВМ – дело новое, неизвестно еще, как примет их промышленность, лучше бы поскромнее.

– Пойти-то пойдут, – мягко возразил адмирал. – Машина полезная. Но требует культуры. Одно дело – на флоте, другое дело – на гражданке.

Хрущев не вмешивался, слушал, сцепив руки, почему-то настроение его портилось.

– ...компьютер будет в каждой школе, перед каждым учеником, – уверял Картос, скептические усмешки не останавливали его. – Более того, через двадцать лет каждой семье понадобится компьютер. А сегодня каждый грамотный конструктор мечтает иметь микрокомпьютер.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Сегодня людям жилье надо, – авторитетно поправил его Фомичев. – Забота о человеке важнее, люди знать не знают, что такое компьютеры.

– Позвольте, при чем тут жилье? – удивился Картос.

– А то, что компьютер в коммунальной квартире – это, согласитесь, нонсенс!

– А радио? А телефон? В самой плохой квартире стоят? – отбивался Андреа. – Без компьютера нельзя будет работать.

Кто-то возразил, что пользование компьютерами требует специального образования. Говорили, что слишком дорогая машина, громоздкая... Картос отражал наскоки цифрами и графиками.

Хрущев вдруг накинулся и на Картоса и на всех сразу. Его явно обидело, что толковые, головастые его подручные возьмется по-глупому, не в состоянии ухватить грека за жабры.

– Чего считать-то машинам? Воров? Бардак наш подсчитывать? Я вас спрашиваю? Миллиарды гробим на линкоры, мать вашу... – Он ткнул короткопалой рукой в сторону адмирала. – Строим, строим без толку.

Устинов что-то забурчал, что еще больше распалило Хрущева:

– Вы бы хоть на счетах дедовских считать научились по-хозяйски. У купца копеечка была на счету без вашего компьютера. А у вас концов не найдешь, и все вам мало. Он вас хочет на ракету пересадить, а вы телегу смазать не выберетесь. До компьютера нам еще трюхать и трюхать с нашими темпами.

Картос наклонился к Степину.

– Что такое трюхат?

Спросил тихо, но Хрущев услышал, поперхнулся, напрягся до багровости, не выдержал, прыснул.

– Трюхат? Смотри сюда. – Он поднялся с кресла, затопал, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу. – Трюх-трюх, понимаешь? Так и тащимся по нашим колдобинам. – Довольный, плюхнулся обратно в кресло.

Единственным, кто не улыбнулся, был Картос. Резкие повороты сбивали его с толку. Он стоял с длинной указкой у своих планшетов, маленький смугло-бледный рыцарь с

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
копьем.

– Продолжайте, Андрей Георгиевич, – сказал министр.

Картос упрямо свел брови.

– Я не собираюсь ждать, пока у вас кончат трюхать. Я ехал в передовую страну.

Можно было считать это дерзостью, но Хрущев поощрительно кивнул, он заводил инженера, присматривался, пробовал его на зуб, не подсовывают ли ему дешевку. Об этих двух иностранцах ему наговорили всякого, и плохого и хорошего. Председатель Военно-промышленной комиссии считал их шпионами-двойниками, в объективке чекисты написали не разбери поймешь: с одной стороны, ценные специалисты, много сделали, с другой – установлены попытки завязать контакты с иностранцами, в частности у супруги А. Г. Картоса... Перестраховываются. Разные службы соревнуются... Хрущев давно, еще с тридцатых годов, стал доверять прежде всего своему чутью. Вокруг каждого талантливого человека всегда клубились слухи и подозрения. Так было и с академиком Лаврентьевым: чего только не наговаривали на него, но Хрущеву он понравился, и с новосибирским Академгородком получилось. Механика, космонавтика, радио, теперь еще кибернетика – в этих науках, где он ничего не понимал, Хрущев, как глухонемой, присматривался к лицам. Картос ничего не просил. “Я не люблю просить, – сказал ему этот грек, – я предпочитаю убеждать”. Держался заносчиво, знал себе цену. Была среди ученых такая порода – Королев, Туполев, Капица, Несмеянов, – этот, видать, тех же кровей. Гонору много, а вот надежен ли? Те – свои, никуда не денутся, эти же беглые, пришлые, а нашим боярам какво отдавать дело инородцу?

– Андрей Георгиевич ехал к нам, чтобы строить коммунистическое общество высокой производительности труда, – торжественно провозгласил министр.

Недослушав, Хрущев спросил у него, кому поручить это дело. Степин попросил разрешения подумать.

– Создавать центр надо мне, – сказал Картос. Он произнес это с виноватой улыбкой, которая так не вязалась с дерзостью высказывания.

Хрущев покачал головой, не скрывая своей ошарашенности.

– Слыхали? Ну и ну, ты что же думаешь, у нас своих головастиков не хватает?

– От других получите другое, очень другое дите.

Хрущев нахмурился, но сохранил шутейный тон:

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– От тебя брюнет будет, а нам русак нужен.

Картос побледнел.

– Окончательным буду я, Никита Сергеевич, или снимаю с себя ответственность.

– Ты нам ультиматумы не ставь. – Хрущев всерьез озлился, забарабанил пальцами по столу.

Картос положил указку, сел. Наступила тишина.

– Какие мнения будут? – спросил Хрущев.

Секретарь обкома, Фомичев, кто-то из генералов заговорили наперебой, осуждая Картоса, предлагали своих опытных, “локомотивных” товарищей – не петровские, мол, времена, чтобы чужеземцев в командиры ставить.

Сложив руки на животе, Хрущев смотрел на безучастное лицо Картоса, привычно взвешивая все за и против. Твердый, никого не боится, дело знает. Но – мешать ему будут, заграничный человек, это сразу бросается в глаза: акцент, манеры. Хочет возглавить – этого все хотят. Но все хитрят, а грек прет напрямую. Хорошо, что ничей – вне ведомств и групп, это за, но под каким соусом подать?

Светлые глазки Хрущева загорелись:

– Всяк хлопочет – себе хочет, а тут человек нам хочет. Ценить таких надо. Ясно?

Хрущев был явно доволен собой.

Прощаясь, уже у машины сказал Картосу:

– Министры у нас народ боязливый, косный. Их иногда легче снять с работы, чем сдвинуть с места. Так что если застопорит, обращайся ко мне. Тебе дадут номер, прямо на меня выходи, не стесняйся.

XXVIII

В фойе, в антракте, Джо увидел Лигошина с прелестной молодой женщиной. Лигошин, рыхлый, вялый, держался за ее полусогнутую руку, кивал, улыбочиво слушал ее болтовню, и Джо понял, что это не жена. С Лигошиным Брук встречался на

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru заседаниях у военных заказчиков, он, по-видимому, принадлежал к высшей касте атомщиков. Кажется, имел Золотую Звезду, а может, и две, но никогда не носил своих орденов и не любил, когда его называли академиком. Консультировал некоторые темы. Высказывался резко, ехидно, не стесняясь прохаживался насчет “физического” состояния генералов. Его боялись и терпели.

Джо подошел. Женщина оказалась племянницей Лигошина. Они поговорили о Моцарте и Шостаковиче. Племянницу звали Миля, это от Людмилы. Вместо того чтобы сесть в машину с дядей, Миля разрешила Джо проводить себя. Они шли по Садовому кольцу, а потом по Арбату, и она, продолжая тему Моцарта, с чувством продекламировала монолог Сальери. Миля только что окончила филологический факультет и была переполнена желанием всех просвещать.

Сознание своего невежества сокрушало Джо. Душа его жаждала поэзии, и прежде всего русской, XIX век – Пушкин, Лермонтов, Некрасов. Любой сюжет годился для следующей встречи. Джо влюблялся быстро и всем сердцем.

В те весенние дни Джо Брук чувствовал себя счастливейшим из людей. Успех, так же, как хорошую погоду, надо принимать как дар свыше. Так же, как случай, сведший его с Милей.

Они бродили по мокрой, ослепшей от солнца Москве. В узких переулках дотаивал снег, бурлили ручьи, появились запахи, зима уплывала с последними льдинками. Джо без шапки, размахивая руками, громко повторял за Милей стихи, на него оглядывались, и он одаривал всех сияющей улыбкой. Однажды, гуляя по бульварам, он запел. Миля удивилась, она вообще посмеивалась над ним, над его шумными размашистыми манерами. Лишь бы вам было весело, отмахивался Джо. Мир существует для того, чтобы им любовались. Так же, как и вы, Миля.

На Пасху он дома у Мили раскрашивал яйца, смотрел, как готовят куличи и творожную пасху. Миля беспокоилась за дядю: в последние годы он рассорился с друзьями, стал мизантропом, ее захватила идея свести его с Джо, и, к ее удивлению, он вдруг согласился.

По делам центра и Андреа и Джо приходилось то и дело ездить из Питера в Москву и обратно. В Москве им положена была министерская гостиница, но Джо предпочитал ночевать у Влада. Влад и посоветовал ему, воспользовавшись случаем, расспросить Лигошина о Розенбергах, кое-что он может знать. Джо заволновался, Лигошин был, конечно, из посвященных. Но как подступиться? Люди этого ранга закрыты, настроены, подозрительны.

Встретились в комиссии. Поговорили о делах центра. Тут-то Джо и услышал, что председатель комиссии не одобряет назначения Картоса руководителем. Не верит в лояльность этих эмигрантов. Лигошин сообщил все это с ядовитостью. Джо отозвался благодушно: не верит – поверит, лишь бы не мешал. Подробности его не интересовали, и вообще наше дело столкнуть камень с горы... Он держался легкомысленно, ни почтения, ни озабоченности. Представлял ли он силу Военно-промышленной комиссии, которая, по существу, ведала оборонной промышленностью, размещала заказы – срочные, сверхсрочные, – прибирала к рукам целые отрасли, обеспечивала сырьем, инструментом, платила хорошо, роскошно? Могущество этой незримой, малоизвестной организации Джо вряд ли мог оценить.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спустились в столовую пообедать. Первое отделение, общее, Лигошин миновал не останавливаясь, у входа во второе стоял охранник, посмотрев на Лигошина, отдал честь, распахнул перед ними дверь. Там не было касс, столики накрыты скатертями, официантки в кружевных передничках катили бесшумные коляски, уставленные тарелками. Лигошин и тут прошел насквозь по главному проходу, толкнул черную дубовую дверь, и они очутились в маленьком зале цвета огуречного рассола. Столы здесь были украшены конусами крахмальных салфеток, на каждом – хрустальная ваза с яблоками и сливами, графины с соками. Блестела полированная мебель, обитая зеленым бархатом. Пышная дама, бело-розовая, как зефир, приветствовала Лигошина по имени-отчеству, повела к столику на четверых, но Лигошин свернул к окну, к маленькому столику.

– Это же алексеевский, – встревожилась дама. – Ким Осипович, вы меня ставите в неудобное положение.

– Я тебя поставлю в удобное положение. – И Лигошин хлопнул ее по заду.

Она послушно хихикнула, запоминаяще оглядела Джо.

Длинная картонка меню увлекла Джо перечнем закусок и блюд, известных из книг, – грузди, расстегаи, балык, икра, керченская селедка, моченые яблоки; далее следовали супы – щи, рассольники, солянки, бульоны, потом вторые – вегетарианские, из мяса, рыбы, дичи, затем десерты. Меню это поражало больше, чем ресторанное. Потому что в нем не было цен.

Лигошин заказал чашечку бульона, паровые кнели.

– Такая жратва, а нету аппетита.

Вид у него был нездоровый, лицо мучнистое, влажное, глаза тусклые, он смотрел, как Джо, не стесняясь, наливал соки, поглощал селедку, тертую редьку, помидоры, карбонад.

– Спрашивайте, – сказал он. – Чего вам надо?

– Мне? – удивился Джо.

– Миля сказала, что вы хотели со мной поговорить.

Джо пожал плечами, но тут же опомнился – будь что будет. Начал он с недавней передачи Би-би-си о юбилее Курчатова. Англичане вспомнили Розенбергов, порассуждали о том, кому же на самом деле русские обязаны атомной бомбой.

– И что дальше? – спросил Лигошин.

– Что вы об этом думаете?

– Зачем вам знать? Лезете, куда запрещено.

Лигошин говорил грубо, холодно.

– Причина у меня есть. Если вам тема неприятна, то не стоит. – Джо причмокнул над нежнейшей селедкой.

– Какая же у вас причина?

– Я знал Розенбергов. Мы дружили.

Удивительно, как спокойно он это произнес.

– Дружили?..

– Хороша рыбка, – сказал Джо.

Последний раз он ловил рыбу с Вивиан и Андреа. Поймали форель и несколько хариусов. Вивиан была в черном купальнике и соломенной шляпе. Голос его дрогнул, когда он сказал, что по делу Розенбергов пострадала женщина, которую он любил.

– ...она была ни при чем. Я ручаюсь. Я не могу понять, американский суд так долго разбирался. Есть ли возможность узнать...

– Ишь ты! Хитер! Хотите знать, получали ли мы информацию, какую и от кого?

– Меня интересуют только Розенберги.

– Пока что.

– Фукс и другие источники мне не нужны.

– Фукс сам признался, чего уж тут спрашивать. Во всех английских газетах было.

– Не хотите – как хотите, – сказал Джо. – Вы единственный человек, у которого я могу это спросить.

– И за что же мне такое доверие?

Джо, проверяя себя, посмотрел на простецкую его физиономию – расплуснутый нос, прилепнутый к лицу, толстые губы, да и весь корявый, широкий.

– Вы ученый, – сказал Джо. – Настоящий. Этого мне достаточно.

– Из этого ничего не следует.

Джо, не отвечая, ловил на тарелочке скользкие грузди, занялся бастурмой, еда помогала ему.

– Допустим, – сказал Лигошин. – Допустим, предположим, что других интересов у вас нет... Хотя и при этом я не имею права.

– Ваша наука погибнет от секретности.

– Погибнет, – согласился Лигошин, – может, уже погибла, но из-за секретности никто этого не знает. Значит, Би-би-си считает, что мы только из ворованного мастерим. А вы сами как полагаете?

– У вас есть замечательные физики.

– Спасибо. А то, что мы обштопали америкашек с водородной, – это как? Стоило выйти напрямую – и привет, без всякого шпионства сделали. Значит, можем?

– Согласен.

– Что же вы этих говномазов слушаете?

– Подобное мнение распространено.

– Имеет быть. Насчет ваших Розенбергов, однако, сомневаюсь.

– Почему?

– Не знаю точно, нам не сообщали, что от кого. Только много доставляли дешевки уже известной. А то и вовсе труху. Разбираться надо, что красть, а чекисты в этом деле не тянут. Волокли что ни попадя и поскольку рисковали жизнью, шли сквозь револьверный лай, то и требовали орденов и хвалебных отзывов. Сколько мы с ихней добычей мучились! Порой самих добытчиков вместе с Розенбергами на электрический стул посадить хотелось.

Джо положил вилку и нож, вытер губы.

– Розенбергов посадили на электрический стул, а вы получили Героя.

Джо сам от себя не ожидал этих слов, сорвался, когда уже подходил к заветному.

Лигошин постучал ложкой по стакану, подошла официантка.

– Милая, принеси нам водочки. Знаю, что нельзя, а ты принеси.

Появился графинчик с водкой, подкрашенной клюквенным соком. Лигошин налил, выпил.

– Удар ниже пояса. Но тут правил нет.

– Извините, – сказал Джо. – Они были мои друзья.

– В этом деле нет невиновных. Мы все в дерьме. Русские выкрали секрет бомбы. Получается, что Героя надо давать Розенбергам, Фуксам и прочим ворюгам вместе с нашими разведчиками. А всяким Лигошиным не за что.

– Я не это хотел сказать.

– А мне наплевать, что ты хотел. Это факт. Я приношу график Курчатову. Он смотрит и говорит: что-то тут не так, сними-ка еще раз. Сняли повторно. Приношу – вздыхает, нет, говорит, не нравится мне, попробуй еще разок. Вот, думаю, чутье какое. Сняли со всей точностью, показываю, а он открывает сейф, достает график – вот какая кривая должна получиться. Понимаете? Вот так работали. Ежели сами что придумаем – ой, не надо, вдруг не получится, время потеряем. Зря, что ли, старались наши доблестные разведчики, нет уж, не надо рисковать, мать вашу. Все видят, что можно, молчат, сучьи дети.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– А Розенберги? Вы думаете, от них тоже шел к вам материал?

– Я знаю, что Фукс был хороший физик. Он разбирался что к чему. Эти же вряд ли. Я уже сказал – присылали много трухи.

– Судебные власти никогда не согласятся с тем, что казнь Розенбергов – ошибка.

– Да и наши не захотят подтвердить, что они никакие не шпионы.

– Почему?

– А зачем? Чем больше шпионов, тем больше заслуг у наших чекистов. Неужели непонятно?

Следить за мыслью Лигошина было нелегко, доказательства он опускал, вывод следовал за выводом.

– ...Фукс – идейный осведомитель. Его не вербовали. наших заслуг тут нет, прибыли никакой.

– Розенбергов тоже не подкупали.

– Ваши Розенберги – часть шпионской сети коммунистов. Так преподнесли американские цэрэушники. Без этих шпионов русские ни в жисть не сделали бы бомбы, этим русским жлобам еще лет десять пришлось бы ковыряться. Нашим чекистам такая версия тоже на руку. Дошло?

– Не совсем.

Лигошин заговорил медленней, будто диктуя:

– ЦРУ, раскрыв шпионскую сеть, объясняло, что русские сами ничего сделать не смогли, сделали бомбу американцы, а коммунисты украли ее для русских, ЦРУ разоблачило их – слава ЦРУ! Наши создали огромную сеть за океаном, добыли секреты для физиков, и те сделали – слава чекистам! Они спасли страну и весь мир от атомного шантажа. Выходит, что Розенберги как шпионы выгодны и тем и другим. Это вам не одиночка-доброволец Клаус Фукс.

– Интересы совпали, – сказал Джо. – Вы полагаете, что...

– Что надо выпить.

Они выпили, Джо страдая и морщась, Лигошин жадно.

– Это ваши предположения? – спросил Джо.

– Между прочим, Фукс сейчас в полном порядке, живет и работает в Дрездене. Чуть ли не депутат. Я у него был.

То, что он рассказал, изумило Джо. Дом в Дрездене. Клаус Фукс, спокойно работающий в научном институте. Жена, кстати, русская, по словам Лигошина, милейшая женщина, которая была выдана Фуксу по прибытии в ГДР (до чего ж однообразна русская школа чекистов, Джо еле удержался от восклицания). Посидели, выпили, и Лигошин не постеснялся спросить у Фукса, как же он предал Оппенгеймера, который дружески принял его в Лос-Аламосе. Никто из советских не затевал с ним такого разговора, все допущенные хвалили, благодарили, а тут появился этот медведь Лигошин. Джо тут же представил, как все у Фуксов затрещало, как Лигошин выкладывал правду-матку напрямую. Может, потому, что не стеснялся, может, поэтому Фукс и отвечал откровенно? Да с Лигошиным иначе и говорить невозможно! Желание помочь советскому строю, по словам Фукса, было для него выше законов дружбы и моральных обязательств. Помогая родине социализма, он соблюдал высшую справедливость, хотя и приносил в жертву свою честь. Лигошин высмеял его: какой социализм, какое светлое будущее, кто они, знаменосцы этого будущего, – Вальтер Ульбрихт? Берлинская стена? Сталин – высшая справедливость? Кем они оказались, вожди народов, – Сталин, Берия, Молотов, вся клика, кем окажется Ульбрихт? И что же ответил Фукс? Примечательный ответ был. Да, я понимаю, сказал он, что руководители могут оказаться недостойными, но я-то помогал потому, что идея социализма хороша. Когда Советская страна победит, когда они получат атомное оружие, я потребую, чтобы они изменили свою политику. “Ну и что ж ты не потребовал у Ульбрихта?” – “Требовал, то есть просил, тот обещал подумать, учесть”. Смешно: один из самых великих шпионов, каких знала история, – и такая дремучая наивность.

– Боюсь, вы этого не понимаете. Мало здесь жить, надо еще, чтобы тебя употребили.

Цветную капусту и толстые ломти языка Джо полил острым коричневым соусом, посыпал перчиком.

– ...а ведь Фукс мог бы запросто воткнуть: чего ж, мол, я сам вкалывал на этих бандитов, на всю эту камарилью..

Лигошин усмехнулся, но это была лишь тень его прежней широкой щербатой улыбки.

В рассказе о Фуксе восхищение сменялось недоумением, снисходительностью, даже презрением. Лигошин не понимал, как можно до такой степени задурить себе голову, не зная, не видеть, чем был сталинский режим. И это западный интеллигент, человек, который изменил ход мировой истории! Благодаря ему монополия на атомное оружие рухнула на несколько лет раньше...

– Одиночка, молоденький физик, идеалист, между прочим, ревностный тогда лютеранин, связался на свой страх и риск с вашими и нашими коммунистами и предложил давать сведения.

На фотографиях в западных газетах, какие попадались Джо, изображен был остролицый, худенький, высоколбы типичный интеллеktуал.

– Фукс не был коммунистом, не был социалистом. Не получал денег ни от кого, не занимался политикой, как ваши Розенберги. А вам никогда не приходило в голову, почему Фукса не казнили?

Нет, такого Джо не приходило в голову, он понятия не имел, что Фукс на свободе, занимается своей физикой в ГДР. Почему, как это могло получиться, если его вина куда больше, чем вина Розенбергов? Пусть даже Розенберги что-то передали. По мнению Лигошина, Фукс снабжал советских атомщиков качественной информацией регулярно. На суде Фукс ничего не отрицал. Он раскрыл главные секреты. И получил всего четырнадцать лет. Отсидел того меньше. А от него Америке куда больше урона было, чем от Розенбергов.

Лигошин торжествовал. Он говорил не стесняясь, не снижая голоса.

– Потому что выгоды от его казни не было! Все измеряется выгодой. Ваших приятелей выгодно было посадить на стул. А от Клауса особой прибыли не было.

– Выходит, и тем и другим невыгодно было оставить их живыми? – с трудом выговорил Джо.

Имелась точка, где сходились интересы обеих служб – в США раздуть истерию охоты за ведьмами и в ответ здесь, в Союзе, такую же охоту за американскими агентами, продемонстрировать мышцы, необходимость бдительности...

– Доходит?

– Мне трудно судить, – сказал Джо. – Вы многое недоговариваете...

– Нахальный ты тип. Другой бы испугался моей откровенности: остановись, Лигошин, умолкни!

– Верно, – согласился Джо. – Я даже не очень понимаю... Ведь вам...

– Потому что мне наплевать. И потом, это все мои догадки. Мы теоретизируем. Мы

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
же с вами схоласты, Фома Аквинский и Бэкон, любители ученых бесед.

После обеда они гуляли по Кремлю, было тихо и безлюдно.

– Я встретился с вами потому, что и сам хотел кой-чего вам рассказать. Больше нет смысла откладывать. Верующие люди, те знают, что жизнь их в руке Божьей и может кончиться в любой миг. И так, не исключено, что вам когда-нибудь удастся вернуться к себе. Вы могли бы там рассказать. Я ведь и вправду ничего не боюсь, потому что меня нет. Вы ходите с призраком. Был когда-то Лигошин, начинал шумно, две первые работы прозвенели на весь мир, и вдруг – все, исчез. Не найдете ни в телефонной книге, ни в справочниках, ни в каких-либо библиографиях. За рубежом думают, что я давно умер. Может, сгноили в лагерях. Никто не знает, что Лигошин жив, что он Герой, академик, лауреат и прочее. Награды закрытые. Работы закрытые. Адрес закрытый. Впрочем, награды перечислят в некрологе. Это у нас положено. Я, как невидимка Уэллса, обозначусь, когда стану трупом. Появится портрет, набор неясных заслуг и сожаления группы товарищей, которые меня знать не знали. Написано будет: “Большой вклад”, а ни одной из лучших работ не смог опубликовать. Я ведь мог развернуться не меньше Капицы. Впрочем, ему тоже не дали. Вернулся бы он к Резерфорду, куда больше бы сделал... Как сказал Пушкин, “черт меня догадал родиться в России с душой и талантом”. Страшное признание! Вот и я ни детям своим, ни Миле, ни друзьям ничего не могу рассказать про себя. Секретность! До смертного часа засекречен!

Он говорил о том, что ожидало и Джо и Андреа – те же безвестность, анонимность, погребенные в спецотделах отчеты, никому не доступные. Судя по упомянутым исследованиям, перед Джо был большой ученый, может быть, великий ученый, заживо погребенный в гигантском сейфе.

А Лигошин уже рассказывал про аварию на Урале, возле Челябинска, с радиоактивным выбросом на десятки километров, про зараженные деревни, поля. Все скрыли, не позволили пикнуть, пусть дохнут люди, не зная от чего, лишь бы сохранить секретность. Не от американцев – от советских людей скрыть. Потому что секретность – это безнаказанность. Секретность – лучший путь к новым званиям. Слышал про Клименко? Гениальный конструктор. Выступил однажды, сказал про дефект их разработки, связанный с челябинской аварией, – на него напустились. Опровергали. Не дефекта испугались, а обнародования. Какое право имел вслух сказать про аварию! Мало того, Клименко написал в правительство. Потребовал нового расследования, просил привлечь медиков. Вскоре его изъяли. Не посадили. Нас нельзя сажать. По законам той же секретности. Разве можно в общую тюрьму? Нас изымают из обращения. Я пытался его обуздать, остановить. Но я ему про ответственность перед талантом, он мне – про ответственность перед Богом. Недавно один генерал докладывал начальству: обошлось, мол, с аварией, все шито-крыто, расставили на дорогах знаки, некоторые деревни переселили, утечку информации предотвратили. Я встал. “Вам чего?” – спросил председатель. “Хочу почтить память Михаила Клименко”. Еще несколько наших дрессированных физиков поднялись. Вот и весь протест. Замечательные советские физики спасли страну. Создали равновесие. Вместе с бойцами невидимого фронта. Рука об руку. Мы всем обязаны этой мрази, мразь обязана нам.

Кремлевские аллеи были тщательно выметены. Кое-где под елками сохранился тонкий снежок, бескопотный, чистый... Надолго запомнилось Джо их долгое хождение среди образцовых березок, откормленных елей... Здесь, в Кремле, стоя лицом к бело-желтым правительственным дворцам, Лигошин признался в своей ненависти к советской власти. Она перешла к нему от сосланного в Сибирь отца, от вранья в анкетах, от того, что отрекся от отца с матерью, жил годами во лжи... Да еще детский ужас, как налетели к ним в избу активисты после высылки отца и стали тащить ухваты, чугуны, самовар, противень, дрались во дворе из-за бочек.

– Ненавижу! – Лигошин скрипнул зубами. – Я, Лигошин, опоганил свою жизнь, всего достиг. А зачем, если меня не было? Что я делал? Бомбу делал. Американцы, тот же Сциллард или Бор, каялись. У нас – никто. Все гордились участием, бились за награды. Пусть стоят по всей стране голодные очереди – зато мы обеспечили страну бомбой. Пусть народ продолжает жить в общежитиях – зато мы имеем мощное оружие. Пусть болят дети, ждут места в больницу – зато мы можем регулярно испытывать бомбы, делать атомные подлодки!..

Джо невольно косился по сторонам.

– Боятесь? Что ж, нормально, не боятся у нас только стукачи. – Лигошин потер лоб. – Бог ты мой, сколько раз я мог возмутиться! Упустил! Мог так грохнуть кулаком, что услышали бы далеко. Упустил!

Он вдруг вновь вернулся к той поре, когда их раскулачивали. Бабы, что набежали, и он, двенадцатилетний мальчишка, как он хватался за корыто, ведра, а у него вырывали из рук.

– Советская власть впору нашему народу. Лучше всякого самодержавия. Советская власть с ее лагерями и колхозами. Сколько ни хлебают, а терпят. Ладно наши, они другой жизни не знают, но америкашки, Розенберги ваши, вы, например, – чего вы приперлись?

Джо почесал в затылке.

– Я все думаю про вашу догадку.

– Это про совместные действия?

– Как они могли, есть ведь непримиримая идеология.

– Это для нас с вами. У них вместо идеологии – бездна. А в бездне, там только бесы.

Лигошин говорил с отвращением, будто заглядывал в бездну и видел и тех бесов и этих, с американскими звездами и с красной звездой.

Обычно при контактах с советскими людьми Джо ощущал некоторое превосходство – превосходство человека, знающего жизнь обоих континентов, теперь уже и обеих систем, социалистической и капиталистической. Он мог сравнивать. Улыбался про себя над суждениями о язвах капитализма. С Лигошиным чувства превосходства не было.

– Нет ли каких-нибудь фактов в защиту Розенбергов, чего-нибудь убедительного? – осторожно спросил Джо. – Например, про схему ядерного заряда, от кого получили вы ее...

– От кого, откуда, как – ничего этого мы не знали. И лично мне до фени ваши Розенберги. Не буду я их ни защищать, ни выгораживать. Я никого не собираюсь защищать. Ни себя, ни Курчатова, тем более ваших Розенбергов.

– Но если они невиновны?

Лигошин остановился, взял Джо за отворот пальто.

– Может, их оговорили, допускаю, но если б они имели материалы, если б они могли заполучить их, как вы думаете, передали бы они их? Молчите? То-то. Ничто бы их не остановило. Фукс, тот считал несправедливым, что бомбу делают в секрете от союзника, то есть от нас. Друзья ваши и подруги, у них другая психология. Они с радостью украли бы все бомбы и преподнесли их Сталину в монопольное владение. Бери, уничтожай империализм, пусть коммунисты владеют планетой. Что, я не прав?

– Это убеждения. За убеждения нельзя казнить.

– Когда человечество опомнится, нас всех проклянут, нас будут стыдиться так же, как мы стыдимся каких-нибудь конкистадоров.

– Ладно, позабудем, – сказал Джо как можно беззаботнее. – Жизнь прекрасна. Весна, смотрите, как хорошо. По-моему, весна сюда, в Кремль, приходит раньше, чем в Москву. После такого роскошного обеда надо радоваться жизни. Русские удручающе серьезны. Вы упускаете праздники. Их куда больше, чем в календаре...

В какой-то момент Лигошин не выдержал:

– Дорогой Джо, кончайте ваш треп и переходите к делу.

– К какому делу?

– Не прикидывайтесь.

Джо покраснел, что бывало с ним редко.

– Уверяю вас.

– А-а-а, бросьте. Вы человек практичный, давайте выкладывайте.

– Напрасно вы подозреваете, Миля просила меня... – забормотал Джо.

Лигошин выслушал, помотал головой.

– Не верю. Боюсь, что и с Милей вы закрутили из-за меня.

Джо оглядел Лигошина от шляпы до огромных ботинок – этакий симпатичный гриб.

– Нет, Миля привлекательней...

– Ладно, мы с вами оба закрытые. Откровенности у нас быть не может. Разница в том, что в данном случае рискую я.

– Раз вы согласились, значит, я вам тоже нужен.

Они выжидающе посмотрели друг на друга. Джо улыбнулся просительно, Лигошин хмуро.

– я хотел бы, – сказал Джо, – получить более определенные данные о степени участия Розенбергов.

– Попробую, – не сразу сказал Лигошин, – хотя душа не лежит у меня к вашим фанатам. Вы мне тоже окажете услугу... Я вам напишу кое-что про наши дела, ну, то, что я рассказывал. Со всеми данными. Даты. Адреса поражений. Вы для меня счастливая случайность. Бутылка, брошенная в океан, – авось когда-нибудь дойдет. Согласны? В случае чего можете сжечь. Чтобы самому не сгореть. Одно дело разговоры, другое – бумага.

– И что дальше?

– Когда-нибудь вы вернетесь домой. Я уверен в нашей системе, она вас доведет. Я хочу, чтобы мир узнал про все эти катастрофы, про захоронения.

– А вы не боитесь, что вас обвинят в измене?

– Кому измене?

– Родине.

– Где она – моя родина? Наше Замошье, наше Кошкино? Да их и не стало. Сселили. А Москва – какая ж это родина? Может, она и столица мира. Не знаю. Нигде не бывал. Нет, бывал в городах, в которых вы не бывали: Арзамас номер такой-то, Челябинск такой-то. Их тоже на карте нет. Ядерные концлагеря. Плюс еще полигоны. Вот какую мне родину сделали.

– И я все это должен буду хранить?

– А что вы собирались сделать с данными о ваших друзьях?

– Не знаю.

– И с этими то же самое.

– А если я вас подведу?

– Э-э, не беспокойтесь. Это случится уже без меня.

Лигошин был не из тех, кого следовало утешать, и все же Джо сказал:

– Никто не знает своего срока.

– Ерунда. Умирать вовсе не трудно, так или иначе это всем удастся.

Два воробья задрались, налетая друг на друга, толпы воробьев-болельщиков суетились на ветках, подбадривая забияк. Джо хохотал, теребил Лигошина:

– Они мудрее нас!

..Вернувшись в Ленинград, Джо больше месяца ждал обещанного звонка от Лигошина. Позвонил Миле, и та сказала, что дядя в больнице. А через две недели пришла телеграмма... Джо прилетел на похороны. Гроб завалили венками. На красных лентах блестели золотые надписи – от разных министерств, академии, от ЦК партии, от Косыгина. Джо стоял в почетном карауле у изголовья и смотрел на неузнаваемо маленького, обглоданного болезнью Лигошина. Просвечивали желтоватые кости черепа, выступили скулы, челюсть, голова, как стиснутый кулачок, торчала из большого ворота рубашки. Костюм стал слишком большим, в нем лежал маленький

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
скрюченный Лигошин, который когда-то жил в большом, рыхлом теле.

Министр осторожно обрисовал неопределимый вклад Лигошина в оборону. Говорили о счастливой творческой жизни, о том, как простой крестьянский мальчик достиг высот мировой науки, такую возможность дает только советская жизнь. Никто не обращал внимания на хмурую гримасу Лигошина среди цветов и подушечек с орденами.

Миля подвела Джо к вдове. Маленькая полная брюнетка в толстых очках не отозвалась, некоторое время прямой взгляд ее сухих глаз сохранял недружелюбие, потом она вспомнила, что уже в больнице муж предупредил: в письменном столе – пакет для “Мишиного кавалера”. “В случае чего передай”. Сразу после кончины Лигошина в квартиру заявились “мальчики из конторы” и забрали все бумаги.

– Конверт был надписан?

– Там была надпись: “В бутылку”... Попробовать вернуть?

– Подождите.

На Новодевичьем кладбище к Джо подошел мужчина в кожаной кепке, кожаном пальто, укутанный полосатым шарфом.

– Узнаете?

Джо взглянул – так и есть: Юрочкин. Теперь он работал в Москве.

– Вы что, дружили с покойным?

Джо неопределенно повел плечами – нет, мол, были связаны по работе.

– Бывали у него дома?

– Нет.

– Трудный был человек, царство ему небесное, – произнес Юрочкин полувопросительно, подождал, потом сказал: – Глупо вел себя в последнее время покойник, так что, можно считать, повезло ему.

На поминки Джо не поехал, этот здешний обычай казался ему странным. Они долго бродили с Владом по кладбищу между пышных надгробий. Влад советовал не заикаться

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru о бумагах Лигошина: могут докопаться до адресата – и у родных будут неприятности. Но что бы он делал с этими материалами? – допытывался Влад. Об этом Джо не думал, он понимал: будь материалы Лигошина у него, они заставили бы его действовать. Получи он малейшие данные о Розенбергах, ему надо было бы пустить их в ход, то есть переслать тайком – но куда, кому? Значит, искать связи, значит, переступить... Он поймал себя на чувстве тайного облегчения – оттого, что все это сорвалось...

XXIX

Центр строили на удивление быстро. Командовал строительством замминистра Кулешов. Он мастерски пользовался своими связями, и более всего именем Н. С. Хрущева. Звонил его помощникам, докладывал еженедельно, как идут дела. Вроде никто его об этом не просил, но он приучал их к центру. И приучил настолько, что, если запаздывал со звонком, помощники сами справлялись, что случилось. Он посвящал их с подробностями в свои тяжбы с энергетиками, банком, железнодорожниками.

Одновременно с самим центром воздвигались научные институты, конструкторские бюро, жилые корпуса, универмаг, завод, гараж, котельная. Лаборатория начинала работу в неотделанных, сырых, заваленных строительным мусором корпусах. Картос не хотел ждать ни одного дня – нигде так хорошо не работается, как в подвалах и на стройках. Почему-то, когда кругом неустроенность, получается хорошо...

Картос торопился, потому что в Америке тоже торопились. Бум микроэлектроники начинался и в Европе. Каждый вторник Андреа и Джо проводили в читальных залах библиотеки Академии наук – отправлялись в БАНю, как острили сотрудники, “у наших фюреров банный день”. Библиотечный день соблюдался неукоснительно, происходила как бы подзарядка аккумуляторов. Кроме американских и английских, просматривали еще и французские журналы – это Джо, и японские – это Андреа.

Термин “микроэлектроника”, введенный Картосом, получил распространение в Союзе, а за ним и в мировой печати. Никто не ссылался на Картоса, и все равно было приятно, во всяком случае “картосята” знали про его авторство.

Поколения ЭВМ сменялись быстро. Вычислительные центры создавались при институтах и обслуживали уже, кроме математиков, строителей, механиков, гидротехников. Возник сильный институт на Украине, затем в Грузии, Белоруссии.

Лаборатория № 3 пока что еще сохраняла первенство по некоторым позициям; гонка шла – у кого больше объем памяти, меньше вес, размеры... Картос слышал топот бегущих позади, нагоняющих – ему дышали в затылок. Молодежь охватил азарт соревнования, да это и было настоящее соревнование, а не те анемичные соцобязательства, которые заставляли брать ежемесячно. Состязание с американскими лабораториями заставляло выкладываться всех.

В октябре 1963 года у Картоса произошел неприятный разговор с Кулешовым. Конфликт назревал давно. Замминистра, занятый недоделками, приемкой законченных объектов, вдруг обнаружил, что Картос самовластно, но исподволь превращает центр в научно-исследовательский комплекс, разворачивая там “опережающую” работу. По словам Кулешова, он воспользовался ситуацией, тем, что Кулешов и его аппарат подтирали грязь. Кулешов был коренной промышленник и относился к центру как к

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
базе для обработки новых машин и технологии. Страна нуждается не в исследованиях, а в конкретных результатах. Картос же перестроил весь замысел центра, успел насадить своих молодцов, приспособил производственные мощности под непредусмотренные научные работы..

Скучно и жестко он отчитывал Картоса, еле удерживаясь от привычного заводского мата.

– Я исследователь, а не рапортун, – отвечал Картос.

Неосмотрительно отвечал, бестактно, убежденный в своей правоте, тогда как все права были у Кулешова и качал он их умело, уклоняясь от публичности. Андреа же невольно выносил разногласия на публику, не стесняясь присутствием подчиненных, и это возмущало замминистра.

На техсовете, когда Кулешов сослался на существующую в инстанциях точку зрения, вдруг ляпнул:

– Есть две точки зрения: моя и неправильная.

Все восприняли это как шутку, но Кулешов обиделся.

Картос пытался найти компромиссное решение, однако натолкнулся уже на глухое сопротивление. Кулешов явно избегал прямого контакта, объяснялся приказами, демонстративно отменял его распоряжения. Зажогин узнал стороной, что и Сербин афиширует свое недоверие и к Картосу и к Бруку. Не верит, дескать, он им обоим:

– Дожили, не хватает, чтобы нами эмигранты командовали.

По этому поводу Степин попросил Сербина объясниться, рискуя испортить отношения. Сербин вспылал, недавнее разоблачение шпиона Пеньковского, суд над ним оставили тяжелое впечатление, похоже, что кагебисты работают из рук вон плохо, они мастаки только невинных людей хватать и придумывать несуществующие заговоры, настоящих же шпионов ловить не умеют. В тридцать седьмом году сколько перестреляли – и хоть бы кого за дело, ни одного настоящего шпиона не нашли из десятков тысяч, может, сотен тысяч. И до сих пор не научились.

– Твоих двоих – кто их нам доставил, кто? Берия! Лаврентий Павлович! – кричал он. – Его произведение. Преподнес Сталину как свой высший рекорд. Уверен, что их по-настоящему и не проверили. А они потихоньку внедряются. В самую сердцевину. Никита растаял: ах, идейные иностранцы. Как бы не так! Хрена им делать на нашей-то стороне! Учти, в случае чего наши головы полетят. Никита буркнет: куда смотрели? Нет уж, береженого Бог бережет, отжимать их надо, голубчиков. Мало ли что хорошо работают – иначе им не внедриться!

Министр, однако, твердо стоял на своем. Все это пустые подозрения, он хорошо

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru знает и Картоса и Брука, нет никаких оснований менять к ним отношение. В какой-то мере они были его произведением. Он вытащил их из неизвестности, по крайней мере он так считал, они украшали его герб, никто из министров не имел у себя на службе, да еще на первых ролях, иностранцев, над ним шутили: попал из варяг в греки. Его спрашивали: как твои греки, цветут?.. При встречах и Хрущев и Косыгин тоже спрашивались о них. Экзотическая эта пара делала Степина в глазах других, да и в собственных, человеком рискованным, передовых взглядов и выделяла среди правительственной публики. А выделиться было не так-то легко. Выделиться значило войти в число кандидатов в ЦК партии, а то и членом ЦК, стать лауреатом Государственной премии, получить Героя Труда, из сотни просто министров попасть в особые, которых знают по имени-отчеству, здороваясь за руку, улыбаются как знакомым, которых всегда приглашают на Президиум Совмина. Существует еще множество мелких, невидных простому глазу различий, не менее важных, чем золотая звездочка.

После разговора с Сербиным Степин на свой страх и риск потянул за какие-то невидимые нити, и произошло для всех неожиданное – Картосу позвонили от Н. С. Хрущева и передали предложение генсека вступить в партию, без кандидатского стажа. Отказаться было невозможно, да Картос и не собирался отказываться, в борьбе с Кулешовым партийность, к тому же столь почетная, могла укрепить его позиции.

Вступление в партию совпало с обменом партдокументов. Картосу вручали партбилет торжественно, в ЦК, в малом зале, вместе с Гагариным и Королевым. Партбилет был номер двадцать, что, оказывается, тоже имело большое значение. У министра билет был трехзначный, но он был горд за Картоса и живо представлял себе, какое впечатление произведет этот двадцатый номер на секретаря Ленинградского обкома, да и на Сербина тоже.

Событие это Степин предложил отметить. А заодно поздравить с юбилеем и академика Губера Рудольфа Ивановича, известного среди связистов, радистов и моряков. Губер ценил Картоса, и Андреа с удовольствием отправился к нему вместе с министром в его огромной “чайке”. К себе Степин никогда никого не приглашал.

По дороге министр как бы мимоходом упомянул, что Кулешов жаловался ему на разногласия.

– Ты сейчас получил поддержку и сиди тихо, не рыпайся, – сказал министр.

– У нас с Кулешовым разное понимание задачи центра.

– Задачу ставлю я.

– Мы бы могли найти какую-то среднюю линию.

– Какую?

Министр слушал его, поглядывая в окно на бегущую мимо улицу. Было ясно, что обо

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
всем этом ему уже докладывали.

– Боюсь, что с Кулешовым не договориться.

– И что же ты предлагаешь?

Андреа помолчал, вытянул ноги.

– Кулешов сделал все что мог – построил, оборудовал.

– Значит, теперь его можно на “ща”?

– Думаю, руководителей полезно менять, когда меняются задачи.

– Хм-м, у тебя есть кандидат?

– Нужен специалист, способный к прогнозированию.

– Прогнозы – это хорошо, – согласился министр и переменял тему.

Дежурная в убранном цветами холле спросила их, к кому они вызваны, назвала этаж, и они поехали в лифте, отделанном под красное дерево.

На площадке, перед тем как нажать на звонок, Степин вдруг спросил:

– И какого же роста твой кандидат?

– Сто шестьдесят пять сантиметров, – с готовностью сообщил Андреа.

– С усиками?

– Желательно. – Андреа охотно подхватил игру.

– И кто же его рекомендует, кроме тебя?

– Может быть, сам министр.

– А ху не хо?

– Что это? – не понял Картос.

– Фольклор, – разъяснил министр и нажал звонок с улыбкой, значения которой Андреа не понял, понял лишь, что относилась она не к нему, скорее ко всему их разговору.

Он не раз потом мысленно возвращался к этому эпизоду на лестнице перед квартирой Губера, удивляясь своей легковёрности и тому, как плоско, однолинейно человек воспринимает настоящее, то есть происходящее с ним.

Рудольф Иванович Губер считался патриархом подводного флота, создателем связи для российских подводников. В начале войны Сталин приказал найти его. Губера привезли прямо из лагеря, в рваном бушлате, и Сталин поручил ему наладить связь и в действующей армии. Легенд, подобной этой, ходило немало, они имели и других героев, их тоже доставляли из лагерей прямо к Верховному в ватниках, в арестантских робах – генералов, министров, конструкторов. Иногда Сталин, оглядывая их арестантский наряд, укоризненно качал головой – нашел, мол, время сидеть. Вполне возможно, что случаи, подобные губерновскому, имели место во множественном числе, поскольку игра, в которую играл отец народов, была игрой с замахом на Господа Бога, только такой размах мог соответствовать столь великому тщеславию.

Долгая жизнь Губера обросла и другими легендами. Ходили, к примеру, слухи, что, будучи военным атташе в Англии, он якобы влюбился в английскую принцессу. Или она в него. Он вроде бы мог сделать ей предложение, аристократические корни давали на это право, но присяга и указания Реввоенсовета республики остановили его. Адмирал при всем своем свободомыслии отличался законопослушностью. Ныне, достигнув восьмидесятилетия, Рудольф Иванович выступал в роли хранителя флотской чести, флотских традиций, считался блюстителем нравов не только на флоте, но и в академической среде вместе с такими аристократами духа, как Тамм, Капица, Гинзбург.

Министр представил Картоса как звезду микроэлектроники. Губер посадил Андреа рядом с собой, обласкал.

– Вы заполучили сокровище, – сказал он министру. – Когда-нибудь ему поставят памятник,

– Вам, ученым, хорошо, – сказал министр. – Вас ждут памятники, а вы слышали, чтобы какому-нибудь министру поставили памятник?

На это Рудольф Иванович вспомнил, как в Древнем Риме один из друзей сказал Катону Старшему: “Безобразие, что в Риме тебе до сих пор не воздвигли

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru памятника”. Катон ответил: “Лучше пусть спрашивают, почему нет памятника Катону, чем почему он есть”.

– На памятнике Картосу, может, сделают барельеф, где и я буду изображен, – хмыкнул министр.

Он демонстрировал Картоса, как свою охотничью собаку: хвалился отличными машинами, которые тот сделал, американцы отзываются о них с уважением, признают наше первенство, прохиндеи...

За столом было несколько адмиралов-подводников, генерал от Генштаба, приятель Губера по лагерю. Адмиралы время от времени возвращались к тому, что пора бы осадить американцев, напомнить, кто истинный хозяин в Европе. С Кубой не получалось, зря Никита стал там задирается, лучше где-нибудь в Европе маленькую войну развязать, показать, что мы можем. Надоело ходить подо льдами, куда только не посылали, толклись у берегов Швеции, Норвегии, добрались до Америки и ничего не видели, кроме ночного неба с чужими звездами. Губер их не осуждал: с ними обращались безжалостно, и они стали такими же. Подводную атомную лодку, которую настигла авария у шведских берегов, как понял Картос, приказано было уничтожить вместе с командой. Подвыпив, они называли Хрущева Никитой, Устинова – Митюхой.

– Западный шпион у вас работать не может, – вдруг сказал Картос.

Каждый раз его слова застигали врасплох – не сразу можно было уловить ход его мысли.

– Почему же не может? – поинтересовался какой-то генерал.

– Нет условий. Самых примитивных.

– Ну уж.

– Мне рассказали про одного шпиона. Опытный был шпион. Договорились, когда его забросили, что свои донесения он будет писать обычными лиловыми чернилами – это про то, что к делу не относится, про ерунду, а то, что важно и правда, – красными. Приходит от него сообщение сплошь лиловыми чернилами и в конце приписка: красных чернил здесь достать невозможно.

Когда отсмеялись, Рудольф Иванович рассказал, как следователь, умучившись с ним, попросил его самого придумать историю своего шпионства. Выхода не было, и Губер решил использовать эту возможность в своих интересах, назвал себя шведским шпионом, якобы передавал секретные сведения о Балтийском флоте шведскому резиденту у Казанского собора, а резидента, дескать, звали Барклаем-де-Толли. Так и вошло в протокол; последняя надежда Губера, что когда-нибудь, разбирая архивы КГБ, расшифруют его сигнал и обелят его память.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Министр обнял обоих, Картоса и Губера.

– Дорогие мои, такие шпионы, как вы, и создали нашу мощь!

Центр, по его словам, набирает силу и скоро сможет на основе сделанных машин выдать сотню таких же. Хватит хвастаться образцами! Привыкли работать на выставку. Сделаем в одном экземпляре и считаем, что схватили царя за бороду! Речь его звучала вольнолюбиво, ему одобрительно кивали.

– Тщеславен, – определил Рудольф Иванович. – Однако скромность сделала куда меньше замечательного, чем тщеславие.

Губер был сухощав, подтянут, высок, смотрел на людей с ироничным сочувствием. Если б они знали, как полезно смиряться со своими бедами, посмеиваться над своими неудачами и не придавать значения своей особе! К сожалению, люди привыкли относиться к своему положению слишком серьезно, адмиралы считали себя адмиралами, министры исполняли роли министров, и никто не смотрел на себя с усмешкой.

Между тостами, хлопаньем пробок, флотскими присказками Рудольф Иванович незаметно помогал Картосу освоиться в этой чужой ему компании.

Кофе перешли пить в соседнюю комнату. Картос спросил у хозяина, чем он сейчас занимается. Слава богу, он не писал воспоминаний, он считал это ужасной старческой болезнью. “Старость – сугубо личная неприятность”. Он продолжал обдумывать давнюю физическую проблему: мог ли Господь создать вселенную иначе, чем она создана? Действительно ли это единственный вариант с единственно возможными физическими законами?

В этот дом приходили главным образом, чтобы послушать Рудольфа Ивановича. Он был хороший рассказчик, и ему было о чем рассказать, он встречался в Англии с Резерфордом, Томсоном, Черчиллем, во Франции – с де Голлем, Жолио-Кюри, знал кибернетиков, таких, как Эшби и Тюринг, работал вместе с Вернадским. У него накопились обширные наблюдения над природой гениальности. К старости он понял, почему не смог дотянуться до гения. При великолепной способности к логическому мышлению, математической одаренности, умении чувствовать физику явлений ему не хватало пустяка – дара мыслить нелогично, щепотки безумия, если угодно, дурости, которая заставляет гения прыгать через пропасть, поступать вопреки очевидности. Его ум был в плену логики и не осмеливался на абсурд. А с помощью логики не прорвешься к звездам, поэтому он звезд с неба не хватал, схватил только адмиральские.

Его насмешки над собой рикошетом поражали и Картоса, ведь, в сущности, и Андреа не хватало того же самого, но он не осмеливался признаться себе в этом. Вопрос в том, насколько не хватало. В лаборатории считали его гением. Было принято во всех случаях оглядываться на него: “Картос сумеет лучше”, “Неизвестно, что скажет Картос”, “Будет вам топтать меня, ведь я не Картос”. Сам он еще в университете твердо решил выйти в гении.

– Что сделал Резерфорд, что делает Капица, что получилось у Вернадского? –

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru рассуждал Рудольф Иванович. – В каждом случае можно проследить, как они сумели стать на непривычную точку зрения. Немножко иначе увидеть атом или нашу Землю. Достаточно чуть сместиться, подняться, допустим, на самолете, и окажется, что деревья – та же трава Земли.

Андреа не уловил, кто первый повернул разговор на опасную тему “ученый и власть”, вполне возможно, что это сделал министр.

– ...они думают, что если придут к власти, то сумеют организовать ее по-научному, – говорил генерал. – Фиг у них это получится, извините за выражение. У нас, допустим, в армии без материны никакая инструкция не сдвинет с места передовую технику.

Мужество ученого состоит в том, считал Рудольф Иванович, чтобы суметь отказаться от соблазна власти. Власть – одно из самых коварных искушений для ученого. Ему кажется, что, достигнув власти, он сумеет быстрее осуществить свои замыслы. Или же внедрить их. Но всегда оказывается, что это сделка с дьяволом. Гений гибнет в паутине сделок и компромиссов. Лишается свободы мышления...

– Слушайте, слушайте, Андрей Георгиевич, это в ваш огород.– Министр председательски постучал по столу.

– А что так? – спросил Рудольф Иванович.

Степин развел руками:

– Рвется к власти, хочет сам руководить центром.

Все посмотрели на Картоса, кто жалея, кто осуждая.

– Зачем вам это? – удивился Рудольф Иванович. – Вот это сюрприз.

Андреа растерялся. Он никак не ожидал, что министр огласит их разговор. Да еще в таком виде. Он попробовал разъяснить несогласие с Кулешовым, но прозвучало это невыразительно.

– Нет-нет, ради бога, дорогой вы мой, выкиньте из головы, – загорячился Рудольф Иванович. – Вас там, наверху, затреплют, будут рвать на части, вы только и будете что отбиваться.

– Да почему же, по-моему, это естественно. И Курчатова и Туполева, они своим делом руководили сами, да и вы, Рудольф Иванович, и в войну и потом...

Его слова вызвали общую усмешку. Все переглянулись как соумышленники.

– Во-первых, замечу вам, Андрей Георгиевич, те назначения производил лично Сталин. Во-вторых, ваше дело особое, вы должны понимать.

– Что вы имеете в виду? – напряженно спросил Картос.

Рудольф Иванович вздохнул:

– Лично я проходил это в лагере. Меня с моими немецкими фамилией и именем лагерное начальство не утвердило в должности банщика. Сочло неполитичным. Я говорю начальнику: мои, мол, предки были аптекарями царского двора еще при Алексее Михайловиче. А он мне на это не без юмора: а при Иосифе Виссарионовиче нельзя.

– Но мы не в лагерях!

Все рассмеялись снисходительно, как над школьником, которого нельзя обижать. Рудольф Иванович предложил выпить за женщин – спасительный тост, – за красавиц женщин, а все женщины, которых любят, – красавицы. Он встал с рюмкой в руке, и все встали, выпили в честь хозяйки дома и внучки.

Вечер кончился вроде бы удачно, но у Андреа осталось тягостное впечатление, будто на нем поставили клеймо. Заклеймили как человека, который жаждет власти, пользуется расположением Хрущева, чтобы заполучить директорство. Обдумывая слова министра и поведение окружающих, он убеждался, что такое мнение наверняка сложилось у всех. Операция Степиным была проведена умело, решительно, его отсекали от попыток взять руководство центром в свои руки. Никто не поддержал, никто не вник в причины разногласия, но всех явно задело то, что ученые претендуют на руководство.

Подводя неутешительные итоги, Картос должен был признать, что даже Губер, чье мнение ему было особенно дорого, принял сторону министра. А Губер представлял группу ученых, которые считались честью и совестью Академии наук.

Через некоторое время Губер зазвал к себе Картоса – на чаек.

В кабинете Рудольфа Ивановича, кроме нескольких словарей и энциклопедии, почти не было книг. Письменным столом служил длинный обеденный стол. Маленький шкаф был туго набит папками. На кожаном диване лежал клетчатый плед. Рядом с диваном – покойные кожаные кресла. Пахло сандаловым деревом и табаком. Блестел паркет. Горел простенький торшер. Хозяин, в уютной суконной куртке, в шлепанцах, сам заварил чай, обратив внимание на рецепт: смесь грузинского с индийским и чуток вишневого.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Я пригласил вас, Андрей Георгиевич, сказать кой-чего про вашу последнюю машину. Я с ней ознакомился у летчиков, – так начал Рудольф Иванович, несколько торжественно, что было на него не похоже. Он перечислил все достоинства машины, прежде всего парадоксальность решений. Она открыла ему образ мышления Картоса, его инженерный талант, редкий по сочетанию научного и технического подхода. Понятно, что машина – творение коллективное, предупредил он возражения Андреа, однако и замысел и отбор решений всегда принадлежат одному человеку.

Впервые Картос слышал анализ не столько особенностей машины, сколько своего стиля работы, качеств своего дарования. Губер был доволен: наконец-то у нас появилась своя школа, свое направление в микроэлектронике и к тому же своя терминология – раз уж мы оказались впереди, то нам и приходится изобретать термины.

– Не знаю, откуда вы такой взялись-появились, не мое это дело, но я рад, что дожил. Наконец-то и мы в честном соревновании оказались впереди! Хрущев, наверное, за то вас и милует. Вы оправдали его прямо-таки нахальный вызов Америке. – Адмирал шагал по кабинету, сцепив руки за спиной. – Я давеча наблюдал за вами и, признаюсь, страдал. Охмелели вы от царских милостей. По какому такому поводу?

– Повод был. И вы это прекрасно знаете.

– Знаю, но не разделяю. И удивляюсь. Вас же лишили еще одной степени свободы. Отныне на вас хомут партдисциплины.

– Я счастлив, что меня приняли в партию, – твердо сказал Картос.

– Да на хрен вам это? С вами же теперь будут говорить по-другому. Руки по швам! Делай, как приказано, а не то партбилет положишь. Хоть и с маленьким номером.

– Я думаю, Рудольф Иванович, авторитет Генерального секретаря достаточно высок, я в этом лично убедился.

– Высок, высок... – Губер зашагал быстрее. – Я к Никите Сергеевичу расположен. Несмотря на это, позволю сказать вам: в фаворитах ходить стыдно. Но это еще полбеда. А беда в том, что вы опираетесь на него. А ну как рухнет?

Поворот был неожиданный и, чувствовалось, не зряшный. Блеснуло, как лезвие, и ясно было, что блеснуло не случайно.

– Ну прекрасно, получите вы начальственное место. Окажетесь сразу на юру. Это значит на самом виду, всем открытый, – и что дальше?

– Мне никто не будет мешать. Я разверну исследования самым широким фронтом. Куб памяти. Пленочный экран. Интегральные схемы. Сейчас мы рискуем не угадать, по

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
какому пути пойдет микроэлектроника. А при широком фронте...

Иметь Губера слушателем было удовольствие. Он схватывал с полуслова, сочувственно, впервые Картос ощутил у кого-то доброжелательный интерес ко всем перипетиям своих путаных обстоятельств.

– У нас есть жесткая сила в управлении, – говорил Андреа, – но нет умной силы. Ум лишили и власти и силы. Я не понимаю, почему власть должна быть отдельно, а наука отдельно?

– Так устроена наша система. Вы же знаете, что переводить систему в другой режим надо очень осторожно. Ученым дать власть? Не уверен. Достаточно поставить у руководства культурных людей.

– Коммунистическое общество предложили ученые. Надеюсь, не отрицаете, что Маркс был ученый и Ленин ученый.

– Не знаю, – сказал Губер. – По их науке о диктатуре пролетариата меня трижды сажали. А я вам скажу, что получится из вашего директорства. Вы станете бельмом на глазу для наших директоров, будут доказывать, что вы пользуетесь покровительством, что вы дутая фигура.

– Пусть. Единственный способ научить чему-то других – это показать пример.

– Если дадут стать примером. Степин – это хорошо, но он карьерист. В вашем положении лучше перетерпеть неудачу, чем успех.

По мнению Губера, министр выражал общее мнение начальства: на первые роли специалистов не пущать. Почему? Да потому что специалист – особа неуправляемая.

– Вы и так достигли того, чего никто из иностранцев не достигал. Вы, можно сказать, главный грек Советского Союза. А теперь хотите и на передний план вылезти. Остановитесь.

– Что же будет с работой?

Рудольф Иванович постоял перед Картосом, любовно тронул его за плечо:

– Образуется, только не наделайте глупостей.

– А чего мне бояться?

– Вы их не знаете.

– Но вы же не боитесь!..

– Отбоился. Россия – страна страха, у нас культура страха, великое множество всяких страхов, больших и малых, окружает каждого. Думаете, они не боятся? – Он дернул головой вверх, к потолку. – Ленин был трус, Киров из трусости Сталину задницу лизал, а Сталин на фронт боялся сунуться. Хрущев единственный, кто набрался смелости. Я ему многое прощаю за это. А вот вы не имеете права на смелость. Вы свой дар обязаны сохранить. Не рисковать.

– Мне некогда бояться. И я не хочу занимать свой ум страхами. Это, может, и было в сталинские времена, а сейчас этого нет. У вас, Рудольф Иванович, старые страхи.

Губер молчал.

– я не хочу болеть вашими болезнями.

– Ваша жена, как они утверждают, общается с иностранцами. – Губер продолжал ходить. – Ее фотография напечатана во французской газете. Они мне это показали. Ее предупреждали, но она продолжает.

– Вам показали? Зачем? – удивился Картос.

– Хотели, чтобы я вас уговорил.

– И вы согласились?

– И я согласился. Взвесил все – и согласился. Хочу, чтобы и вы все взвесили..

– Что у них еще есть?

– Не знаю. Из одного этого можно раздуть дело. Они свою партию разыгрывают.

– Кто они?

– Армия, ВПК, ЦК, министерство. Одним надо перехватить заказы, другим свалить

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru министра. Считают Степина больно уж прогрессивным. Слишком шустрим... В России гениям не живется. У нас климат суровый.

– Что же делать?

– Надо искать другую методику. Кто вы сейчас? Формально никто. Подозрительный иностранец. Чуть что не так – и за шиворот. Вам нужно прочное положение. Защищенность. Вы ведь даже не членкор. Давайте баллотироваться. Я вам помогу. Не отказывайтесь. К сожалению, Андрей Георгиевич, и в этих сферах хватает цинизма. Но вы-то заслуживаете сполна. Ваши машины – весомая штука.

И он сперва по-русски, потом по-английски объяснил, что академик – это пожизненная охранная грамота. Не звание, а своего рода сан, знак породы. Как герцог или овчарка. Нельзя быть бывшим герцогом, так же как бывшей овчаркой. С академиками считаются, поставить академика руководителем еще куда ни шло, так что ближайшая задача – Академия наук. Пока же не возникать, не претендовать, наращивать научный потенциал. Привлекать академиков консультантами, заводить связи. И пожалуйста, без огорчений, переживаний. Наоборот, вам же лучше, не хотели Картоса директором – и слава богу: нет бороды, так и стричь нечего... Его дело – предупредить.

XXX

Это случилось тем же сентябрем, в Москве. Джо ходил взад-вперед по университетскому скверику, ожидая Милю. Движение помогало думать. По холодному синему небу летели желтые листья, свободные, они кружились, высоко поднимаясь над деревьями. Их было много, целые оранжевые стаи. Джо думал о красоте. Может быть, в связи с этим осенним листопадом. О красоте своей текущей работы. Красоты-то там как раз и не хватало. А красота для него всегда была критерием истинности.

Миля вышла с каким-то щуплым пареньком; увидев Джо, помахала ему, сбегала по лестнице, спутник последовал за ней.

– Познакомьтесь, – сказала Миля, – это Ярик, Ярослав, мой жених.

Она явно наслаждалась эффектом. Ярик протянул руку. Джо машинально пожал ее. Одет был Ярик щеголевато – замшевая зеленоватая куртка, джинсы заправлены в мягкие сапожки. Сияя доброжелательством, он пригласил Джо отметить помолвку. Отправились в Дом актера. Администратору он сказал: “Эти со мной”.

Джо никак не мог прийти в себя. Казалось, его отношения с Милей после смерти Лигошина стали и ближе и теплее. Зимой решили поехать на неделю в Подмоскowie кататься на лыжах. Что произошло? С каким-то непонятным ему удовольствием Миля рассказала, как Ярик сделал ей предложение. Джо обязательно должен быть на свадьбе.

Принесли шампанское. Джо поднял узкий бокал, посмотрел, как бегут вверх мелкие

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
пузырьки, и прочел из Шекспира:

Friendship is constant in all other things,

Save in office and affairs of love!

Почему именно это пришло на память? Очень просто: когда-то они читали Шекспира с Вивиан, она повторяла ему эти строки перед отъездом. Ярик похвалил: у Джо, мол, неплохое произношение; его распирало довольство – своей молодостью, столичностью, журналистской профессией. Он сыпал анекдотами, с ним здоровались, он отходил к соседним столикам выпивать, чокаться. Миля посмеивалась и над ним и над Джо. Она была наэлектризована, язвила, старалась вызвать Джо на резкость. Да, Ярик не ума палата – а кто такой Джо, что он из себя представляет? Подумаешь, бывший иностранец. А Ярик, между прочим, будущий иностранец, они ведь собираются уезжать, и не куда-нибудь – в Штаты. Ярика посылают как журналиста, ему нужна жена. Такое правило. Отсюда все и идет. Папаша у него шишка. Так что на лыжах она будет кататься где-нибудь в Северной Дакоте. Их ждет квартира в Вашингтоне, в центре, гараж; квартира, между прочим, уже обставлена, большой холодильник, кухня с электроплитой, так что – простите, мирные долины...

Она вдруг заплакала, Ярик и этим был доволен – невеста должна плакать, по старинному русскому обычаю положено.

Выпив коньяку, он стал рассказывать Джо про американскую жизнь и корреспондентскую работу. Главное, научиться ругать американские порядки, находить изъяны, несчастных людей, еще лучше показать беспощадность капиталистической конкуренции. Пороки системы. Бессмысленность жизни. Если найти верный ключ для обличительных репортажей, можно жить припеваючи.

Он раскраснелся, прядь волос падала ему на лоб, он красиво отбрасывал ее, изображая не то отчаянного журналиста, не то профана. Он гарцевал перед Милей и особенно перед Джо, стараясь достать его, и доставал.

– Зачем же вам ехать в Нью-Йорк, здесь бы и писали свои очерки, – сказал Джо.

– Детали, детали нужны, дорогой мой, да и потом – сравнили Москву с Нью-Йорком. Там настоящая жизнь. Вы были когда-нибудь в Нью-Йорке? То-то. Это вам не ваша дыра Иоганнесбург.

Перед отъездом Миля провела с Джо целый день. Поехали в Переделкино, она повела его на кладбище, посидели у могилы Пастернака. С холма видны желтеющие поля, ручей, выцветшее небо. В маленькой игрушечно-нарядной церкви она поставила свечку за себя и за Джо, за то, чтобы они еще встретились. Все в этот день было печально-трогательным. Длинный пустой перрон, огни семафоров, газетный фунтик с бурым крыжовником, который купили у станции. Миля еле удерживалась от слез.

В аэропорт Шереметьево ехали несколькими машинами. Миля усадила Джо рядом с собой. Ярик сидел впереди с водителем. На Миле был черный с алыми розами большой

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
русский платок, черного бархата жакетка, русские сапожки – словом, типичный, как она считала, русский наряд, такой она хотела предстать перед американцами.

Стоило закрыть глаза – и можно было представить, что это не Ярик с Милей, а он, Джо, еще сегодня через двенадцать часов приземлится в Нью-Йорке. Сказочная эта возможность вдруг приблизилась вплотную, когда они подошли к барьеру, за которым начинался таможенный досмотр.

Регистрацию билетов долго не объявляли. То там, то тут Джо ловил американскую речь, наслаждался ею, угадывал в толпе американцев по жестам, по какой-то неуловимо родной манере держаться. Вдруг издали он увидел Эн. Растрепанная, красная, она металась, кого-то разыскивая. Джо пошел к ней, потерял ее из виду, а когда нашел, она обнимала какого-то высокого мужчину, а двое молодых парней что-то выговаривали ей и пытались отвести в сторону. Мужчина, бледный, очень высокий, с редкой рыжеватой бородкой, показался Джо смутно знакомым.

Появление Джо нисколько не смутило Эн, она тут же привлекла его как свидетеля, пригрозив “этим типам”, что сообщит куда надо. Она “провожает друга”. Он улетает в США.

– Его выслали, его насильно выдворили из СССР.

И тут только Джо вспомнил, где он его видел: художник, который увел Эн когда-то в Русском музее. Так, значит, слухи о романе Эн верны?

Не стесняясь, Эн прильнула к Валерию, держала его руку у своей груди. Парни, которые, видимо, сопровождали художника, хотели было провести его каким-то другим ходом, но Эн не отпускала, и когда они попробовали ее оттолкнуть, вдруг закричала пронзительно по-английски:

– Господа, внимание! Я хочу всем сообщить!

Кто-то из иностранцев тут же наставил фотоаппарат.

Ничто другое, как потом понял Джо, не могло так быстро подействовать на этих молодчиков, как безумная выходка Эн. Они, сменив тон, принялись успокаивать Эн и, ловко орудуя плечами, оттесняли начавшуюся было сгущаться толпу. Бесцеремонно отодвинули и Джо – давай-давай топай отсюда, не задерживайся. Он попробовал возразить: на каком, собственно, основании? Ему вывернули руку: имеются основания, пусть мотает отсюда, пока не получил по хлебалу. Но тут вмешалась Эн, и они отстали. А Эн все гладила своего художника, он стирал пальцем мокрые следы под ее глазами. Они не отрываясь смотрели друг на друга с отчаянием людей, расстающихся навсегда. Он был единственным в этом огромном зале, кого ничуть не волновало предстоящее путешествие. Он уезжал не в Америку, он уезжал от нее.

– Вы должны ее успокоить, – говорил Валерий, обращаясь к Джо. – Она ни в чем не виновата. Все равно они бы меня выжили. Они всех выталкивают. Она берет на себя их грех. Так нельзя. Им только это и надо. Смотрите, какие у них оставленные

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Богом физиономии. Анна помогла мне. Я теперь знаю, что собою представляю. Я там не пропаду. Пора попробовать себя не в подполье.

Эн тоже обращалась к Джо, она не могла себе представить – как же ее художник будет там, в Штатах, без языка, без знакомых? Джо замахал руками, подзывая Милю и Ярика. Сейчас он их познакомит, и на первые дни у Валерия будет хоть кто-то из своих. Успели сказать что-то Ярику сопровождавшие гаврики или нет, Джо не заметил, но Ярик насторожился. Лицо его похолодело, он выпятил подбородок, покачался на цыпочках, отвергающе повел головой.

– Я думаю, дорогой Джо, тот, кто бросает свою родину, не может рассчитывать на нее.

– При чем тут родина? – сказал Джо. – Я же вас прошу.

– Между прочим, я еду за рубеж представлять не себя лично. Да и мне самому не по душе люди, которые, как говорится в Библии, меняют первородство на чечевичную похлебку.

Он не гневался, он исполнял свой гражданский долг.

Эн не хотела уходить из аэропорта, пока не взлетит самолет. Ей казалось, что все может измениться в последнюю минуту. Она ходила с Джо по залу. По радио объявляли: Париж, Мадрид, Стокгольм. Сегодня вечером самолет приземлится в Нью-Йорке! Это никак не укладывалось в голове у Джо. Открытием было и то, что у Эн имелась своя жизнь. Вполне возможно, что Андреа кое-что знал об этой другой жизни своей жены, но это ни на йоту не изменяло его поведения. Какое, однако, сложное устройство человек, в нем свободно совмещаются самые разные программы! Противоречивость человеческой природы угнетала Джо. Человек – это дерево, каждая ветвь живет отдельно, шумит своей листвой, у нее свои гнезда и свой луч солнца. Эн даже не вспоминала про Андреа. Она ни о чем не просила Джо, не оправдывалась, не объясняла. Но ей не хотелось возвращаться домой, не хотела она ехать и в Москву.

Джо остался с ней, она устроилась на лавке, положила голову на колени Джо.

– Что с ним будет? – говорила она. – Один, никого не знает. Если бы можно было, я бы с ним сбежала. Да разве отсюда убежишь. Я дала ему нью-йоркские адреса, а они отняли, записную книжку отняли.

Голос ее, обессиленный, временами переходил в неразборчивый шелест. Такой сникшей Джо никогда ее не знал. Единственного она желала – чтобы о ней забыли и чтобы она забыла обо всех. Затеряться, быть никем. Хорошо быть никем. Ночевать на вокзале. Не иметь ни вещей, ни дома.

Отчаяние довело ее до безразличия, она погружалась в него, тонула на глазах Джо, не принимая протянутой руки.

– Тебе все время надо кого-то спасать, – жестко сказал он. – Просто жить ты не умеешь. Спасала Боба от пьянства, Андреа от ЦРУ, этого художника от чего-то еще.

Это надо же – ей не дают его водить за ручку по Бродвею! Мешают найти ему мастерскую в Гринвич-Вилледж! Сукины дети эти из КГБ! Если бы Джо с Андреа сидели в Штатах в тюрьме, она бы тоже не распускала сопли. Она бы вызволила их, а вот когда Андреа по уши занят любимым делом, ей кажется, что она ему не нужна. Женщина для несчастных! Неужели ее устраивает такая жалкая роль?

Он вдруг обнаружил, что Эн спит. Лицо ее расправилось, порозовело. Лепка ее носа, губ, больших рук, подложенных под щеку, была безукоризненной. Мелкие морщины, как трещинки, тронули эту красоту, удостоверяя ее ценность. Впервые в жизни Джо так отстраненно и бескорыстно рассматривал тайну лица Эн. Во сне она удалялась от своих горестей, блаженно, по-детски посапывая. Красота не может быть несчастной хотя бы потому, что она несет радость окружающим...

Убаюканный ее дыханием, он и сам незаметно задремал.

Эн проснулась от упорного взгляда. На нее смотрел юноша, наголо бритый, с мешком в руках, видно, новобранец. Ушастый, прыщавый, он застыл перед Эн, чуть приоткрыв рот. Некоторое время она исподтишка наблюдала за ним. У него был смешной оторопелый вид, как будто он с разбега натолкнулся на чудо. Эн знала этот взгляд, особенно у молодых, – восхищенно-мечтательный. Она привыкла, нуждалась в этом, хорошо знала, на кого действует ее внешность, даже не внешность, а что-то еще, что составляло ее отличие. Взгляд этот согрел ее, она открыла глаза, улыбнулась ему, мальчик улыбнулся ей в ответ безотчетно счастливой улыбкой, ярко-белые зубы осветили его лицо; вдруг, вспыхнув, он отошел, и сразу как-то особенно стала заметна неулыбчивость людей, хмурых, измученных бытом, грубостью, уставших от ожидания, от собственной злости.

Накануне своего дня рождения Эн поехала на дачу, чтобы прибраться, закрыть все на зиму. Андреа хотел помочь ей, но она отказалась. С тех пор как она вернулась из Москвы, отношения их обрели какую-то стеклянную хрупкость, лучше не сталкиваться, не прикасаться. Очевидно, у Джо состоялся с Андреа разговор, и ее оставили в покое.

День стоял теплый, солнце то выглядывало, то уходило за серебристое пятно сквозящих облаков. Весь участок был завален пальми листьями, они пружинили под ногами, и от земли поднимался сладкий запах осени. Закончив дела по дому, Эн спустилась к заливу, пляжем дошла до ручья, который преградил ей дорогу. Она присела на красноватый нагретый валун. Узловатый ручей, бурча, мчался в залив. Пахло тиной. В душе ее что-то мелькнуло, точно тень летящей птицы. Она огляделась и вдруг вспомнила. Вдруг он всплыл, такой же воскресный день ее детства. Утром она пошла с матерью в церковь, в их англиканскую церковь, где пела вместе со всеми и слушала священника. В той своей проповеди он говорил, что есть два способа жить. Один законный и почетный – ходить по земле, соразмеряя каждый свой шаг, предвидя и взвешивая все с честностью и справедливостью. И есть другой способ – ходить по водам. Тогда нельзя предвидеть и взвешивать, а надо только все время верить. Мгновение безверия – и начинаешь тонуть. После проповеди Эн спустилась с пригорка к ручью. Весь кусок того детского дня сохранился в памяти: как она попробовала ступить на воду – и ничего не получилось, вода не держала ее. Эн заплакала, она сидела на камне, смотрела на свое текучее отражение, в котором не было слез, мускулистые струи воды полосовали ее лицо, стремились унести с собой и не могли. И отраженное небо не

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru могли унести. Вслед за потоком гнулись зеленые ленты осоки. Желтая пыльца неслась по воде, по ее лицу, по кружевному воротничку, словно бы жизнь текла сквозь нее. С тех пор прошло тридцать лет. Вода не изменилась и небо то же самое, а вода все так же не держит ее. Да она больше и не пыталась. Она жила законно, исполняя все положенное, шла и шла по суше. Через три дня ей исполнится тридцать восемь. Приоткрылась щель, откуда несло холодом светлого синего неба, в котором нет солнца. Сияющая пустая синева. Вот к чему она пришла.

Если б она осталась в Итаке? Если бы вернулась тогда, из Мексики? Что было бы – этого она никогда не узнает. В чем ее предназначение? Человеку не дано знать этого. Но почему Андреа знает? И Валера знает. Им предназначено. Божий перст точно указал, и дело Андреа – осуществлять, ему незачем сомневаться, искать. Они оба – и Андреа и Валера – избранные. Почему Господь делит своих детей на избранных и никаких? Разве это справедливо?

Эн все смотрела и смотрела на бегущую мимо мускулистую воду. Последовав за Андреа, она ступила на воды, и они удержали ее. Больше ей на такое не решиться. Потому что она перестала верить. Она не знает, во что верить...

Из Москвы приехали Аля и Влад. Они недавно поженились, а в Ленинграде хотели обвенчаться. Аля привезла в подарок Эн Библию на английском языке, словно угадав ее настроение. Столичные события, диссидентские дела переполняли ее, она собирала интервью для Би-би-си, записывала рассказы разных людей. Упросила и Эн наговорить свои впечатления, взгляд приезжего, который, несмотря на проведенные здесь годы, не может примириться – с чем?

Скука “хрущоб”... Постоянные поиски простых товаров – от пуговицы до чайника... Грубость продавщиц... Улицы пресные, как овсянка... Плохие товары, некрасивые, неряшливо сделанные...

Эн старалась, но Алю удивляло скрытое ее сочувствие и к этим продавщицам и к пьяницам, как будто она старалась оправдать их. Можно было подумать, что ей чем-то близка была покорность советских людей, их терпение, запуганность (и при этом открытость): они боялись иностранцев (и тянулись к ним), они были бедны (и не считали денег), были подозрительны (и открыты).

Эн рассказала, как недавно пошла купить пива для гостей в ларек на углу. Прицепились к ней там два раздолбая, полезли обниматься. Спасибо, один мужик отшил их, завязалась драка, он их хорошо успокоил и решил проводить Эн. Оказалось – летчик, симпатяга. Эн пригласила его зайти, но когда летчик узнал, что она американка, шарханул, забормотал, что торопится. Такой вот казус-нонсенс.

– Хоть он и летчик, а в нем сидит наш подлый русский страх. Откуда в тебе это сочувствие? – Аля осмотрела ее и, не найдя ответа, объявила: – Нас не жалеть надо, нас надо пороть и пороть! всю страну заголить и пороть, пока не возмуться. Сколько можно терпеть издевательство над собой! При Сталине терпели, сейчас по новому кругу пошли. Такая страна – и что? Занимаем одну шестую часть суши – и покупаем зерно. Что мы получили от того, что спасли Европу от фашизма? Шиш! Народ завалился на лежанку и пьет. Сучья наша интеллигенция вместе с начальством льстят ему и льстят!

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Остановил ее тоскливый, тихий голос Эн:

– О чем мы говорим?

Аля оторопела, обиделась, но вдруг заметила, как изменилась Эн за месяцы их разлуки: впалые щеки, потухшие глаза, потемневшее лицо, – и то, что представлялось Але таким важным, решающим, сразу упало в цене, она накинулась на Эн с расспросами. В сбивчивом рассказе Эн многое было непонятно, многое явно пропущено из самолюбия. Аля домогалась, бесцеремонные ее вопросы претили Эн, и все же она была им рада.

Превосходство Андреа раньше нравилось Эн, сейчас оно отталкивало, подчеркивало ее собственную ничтожность, а главное, ненужность. Она увидела, что не нужна, никому не нужна. Андреа окружен любовью своих учеников, начальства, ему смотрят в рот, повторяют его изречения. Ему этого достаточно, он реализует свое призвание, и ничего сладостней для него нет, и она, Эн, затерялась в толпе его поклонников.

– Ты с ним говорила?

– О чем? Смешно просить: милый, вернемся к нашим прежним чувствам.

– А у тебя они есть?

– Я могу любить только взаимно.

– Он что-нибудь заподозрил?

– В том-то и дело, что его это не занимает.

Унизительность ее положения состояла в том, что своей жизни у нее почти не было. Преподавание английского тянулось безрадостно, студенты учить язык не хотели, всячески отлынивали. Пробовала перевести на английский какой-то советский роман, перевод вышел беспомощным. Ее великолепный английский гнусавил на одной ноте, перебирая нищенский набор слов.

Поджав ноги, Аля сидела на диване, покачиваясь взад-вперед.

Низкое зимнее солнце освещало угол комнаты Эн, заставленный у окна кактусами.

– Скучаешь по Валере?

Эн замерла, помедлив, ответила четко, как на экзамене:

– Я сама уговорила его уехать.

Он сопротивлялся, она уверила его, что в Штатах он развернется, там все будет поощрять его к смелости, пора ему наконец понять, чего он стоит на мировом рынке, здесь он оправдывает себя тем, что его зажимают. Какой-то скрытый изъян был в ее самоутешениях...

– Все признаки большой любви налицо, – определила Аля. – Ты жалеешь, что уговорила.

– Я сама все разрушила.

– Его бы сослали на Колыму, и он считал бы тебя виноватой.

– Я принесла ему несчастье.

– Ты спасла его.

– Он не знает этого.

– Ты ему не сказала? Ну, дорогая шляпа, ты меня удивляешь. Мужики – тупые животные, им надо все сообщать открытым текстом. По нескольку раз.

– Если б я могла узнать, что с ним там.

– Выход один – забыть его. Можешь забыть?

– Могу... Но не хочу.

– Лучше всего забывать с помощью другого мужчины. Жизнь сразу заиграет. Ты заслуживаешь, чтобы тебя боготворили. Эти оба, они слишком заняты собой. Найди себе по душе. Пока ты в форме, наш век так короток.

– Не дадут. Узнают и опять вышлют или чего-нибудь подстроят, они меня предупредили, им все известно.

Дребезжали оконные стекла от проезжей тяжелой машины. Аля заколотила кулаками по коленям.

– Да, эти нюхачи не постесняются.

Она была переполнена любовью к Эн и ненавистью ко всем ее обидчикам, она обрушилась и на художника, он не имел права убояться ни Колымы, ни ареста, лишь бы остаться здесь, где есть надежда видеться.

– За такую цену ничего хорошего не бывает, – сказала Эн. – Не должно быть. Я рада, что он уехал.

– Не ври... – Аля вгляделась в нее. – А ты бы хотела уехать к нему?

– Это невозможно.

– А вообще ты бы хотела вернуться?

Лицо Эн сломалось, прошлое приблизилось вплотную, полыхнуло жаром.

– Хочешь, хочешь!

Аля бросилась к ней, прижала к себе, успокаивая, ничего крамольного в ее желании нет, надо рискнуть. Андреа должен обратиться к Хрущеву. Безумное только и может удаться в этой стране. Просить Хрущева, чтобы он напрямую разрешил Эн отправиться в Штаты, она не засекречена, она имеет право повидаться с детьми, она должна требовать, надо пользоваться, пока Андреа ходит в любимчиках, все может перемениться в любой момент, и Хрущев тоже.

– С какой стати Андреа станет просить?

– Настаивай. Ты не хочешь больше с ним так жить. Откажет – значит, ты ему нужна. Может, опомнится. А может, согласится. Может, у него действительно все кончилось. Вот и проверишь.

Идея казалась несбыточной, но ничего другого не оставалось, как-то надо было порвать сеть, в какую попала Эн, где она билась, ища выхода. Аля видела, что в этом треугольнике, в котором все правы, погибает тот, чьи чувства сильнее, то есть Эн.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
После обеда они отправились в Никольский собор договариваться о венчании. Пока Аля искала канцелярию, Эн отыскала в боковом притворе икону Божьей матери. Ей было легче открыться. Как на исповеди. Конечно, привычной священник, его участливые тихие вопросы. Но Эн знала, что знака не будет, ей самой решать, что делать.

А как решать, если она переполнена обидой и боится поступать по обиде, а не по любви? Ей самой не разобраться, где любовь, где жалость; неужели Джо прав – ей действительно нужны несчастные? Нет, ей нужна какая-то цель... Стоило только представить Шереметьево, отлет, как сразу больно натягивались жилы привязанности к Андреа, они еще не отмерли, там, впереди, были страх и неизвестность. Если у Валеры все наладится, она ему тоже будет не нужна.

“Пресвятая Дева, не дай мне желать ему худа, дай мне желать ему добра и счастья отдельно от меня. Дай мне силы сказать все Андреа...”

Назад они возвращались по набережным, мимо вмерзших в лед теплоходов, лесовозов, речных трамваев. Эн увидела белоснежный красавец “Александр Герцен”, на котором они плыли по Ладоге до Валаама, он стоял пустынный, опухший от снега.

– Ты счастливая, – говорила Эн. – У вас с Владом общее дело. У меня с Андреа тоже было когда-то... Сейчас я нужна, как нужна машина или радио. В какие-то часы. Смешно вступать в отношения с радио. Ты знаешь, в Америке я могла бы его бросить, а тут – куда я денусь.

Это были те самые слова, которые и Андреа сказал Джо. Приехав из Москвы, Джо попросил его быть к Эн внимательней, ни о чем не расспрашивать, уделять ей больше времени, на что Андреа холодно поинтересовался, откуда его взять, время, когда не хватает даже на работу. И добавил: “Ничего с ней не приключится, куда она денется”. Прозвучало жестко, но ведь это относилось и к нему, им всем ведь только кажется, что они свободны, на самом деле они прикованы, им тоже некуда податься.

– Ты имеешь полное право уехать, – настаивала Аля. – Они не смеют держать тебя! Мы можем поднять кампанию!

– Но мы давали подписку.

– Подумаешь, подписка. Это противозаконно. Государство само не соблюдает законы. Оно никогда не считается с нами. Нас запугали словом “измена”. Отъезд – измена родине! А что это такое? Где я клялась любить ее или служить ей? Я ей ничем не обязана. Я обязана родителям, это да. А у этой родины нет на меня никаких прав, тем более на тебя.

– Они меня спасли.

– Чтобы вы на них работали? Если бы твой Андреа был просто маляром, фиг бы с ним возились.

– Они спасли нас, – упрямо повторила Эн. – Неблагодарность – худший порок. Я в долгу перед Россией...

– Неужели вы приговорены навечно работать на нас? Ужас!

Когда Эн рассказала ей про свой разговор в КГБ, Аля спросила, знает ли Андреа об этом. Нет? Почему?

– Я не хочу, чтобы он чувствовал себя обязанным мне.

– Ну, сестрица, ты меня удивляешь. Это сюжет!

Поднаторев в делах своих инакомыслящих, Аля была уверена, что, пока Андреа под покровительством Генерального, Эн не тронут, и надо этим воспользоваться. Все хорошее в этом государстве быстро кончается. Хрущева хватит кондрашка – и все, дверь захлопнется.

Мысль об отъезде волновала Эн сама по себе, независимо от Андреа, от всей ее здешней жизни. Будут агенты ФБР, допросы, но все это она пропускала и видела лишь тот момент, когда окажется в Нью-Йорке...

Аля приставала к Андреа с расспросами – мешает ли любовь ученым занятиям и может ли после сорока мужчина обходиться без любви, такое ли уж большое место в жизни современного человека, увлеченного работой, занимает любовь. Андреа ответил откровенно:

– Бабы нужны мужику долго, а любовь – это уж как повезет. Любовь – это украшение, это радуга.

Перед отъездом в церковь кто-то неизвестный позвонил Джо и посоветовал ему и Андреа не участвовать в церемонии. Венчание прошло скромно, венчались сразу несколько пар. Аля и Влад сияли. Влад был старше ее на целых шестнадцать лет, но сейчас они выглядели одинаково молодыми, обновленными. Влад восхищался словами, которыми благословлял их священник.

– “Оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей...”, “Узришь сыны сынов твоих”. Как сказано! – восклицал он. – “Недобро быть человеку одному на земле”. А о браке как он сказал: “Тайна сия велика есть” – это не про сам брак, а про рождение новой жизни, одной плоти из двух. Как это верно насчет тайны. И биология наша только подтверждает, что жизнь – тайна и появление жизни – великая тайна!

У Влада в петлице черного костюма была маленькая ромашка. Аля тоже приколола к

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
платью крохотный, красный, какой-то диковинный цветок. Все прошло тихо, без песен, водки, шумных гостей и тостов.

Эн расцеловала их со слезами счастья и зависти.

XXXI

Мини-ЭВМ среди специалистов произвела сенсацию. Приезжали полюбоваться Туполев, Мясищев, Келдыш, пожаловал и сам Королев – главный заказчик. Медлительно-широкий, кряжистый, он стоял перед машиной, что-то обмысливая. Сопровождавший его охранник выглядел по сравнению с ним чахлым юнцом. “Это подойдет, – сказал Королев. – Молодцы”. Он явно оценил усилия, какие понадобились, чтобы превратить прежний большой шкаф в эту изящную штуковину, втиснуть ее в портативный кожух; Королев мало что понимал в компьютерах, но ему тоже приходилось биться с начинкой ракет, и он знал, что такая наглядная разница дается за счет новых принципов. “Молодцы”, – повторил Королев, для Андреа этой похвалы было достаточно.

Каким-то образом в Штатах провели о новой машине, в американских журналах появилось короткое сообщение о том, что русские сумели создать ЭВМ, по основным параметрам превосходящую новое поколение американских.

Начальник по режиму забеспокоился: произошла утечка информации! Начались проверки, поиски – почему, как. Радость была попорчена. Молодежь, чтобы исправить Андреа и Джо настроение, устроила праздник: крестины новой машины. Ее тут же выдвинули на Государственную премию. Местное начальство в Ленинграде задержало выдвижение до выяснения вопроса о нарушении секретности. Несмотря на это, Москва присудила премию всем выдвинутым специалистам во главе с Андреа и Джо. В тот же день пришла поздравительная телеграмма от Хрущева. Зачитав ее на общем собрании, Андреа не удержался, сказал, что американцев тоже следовало бы поблагодарить, без их сообщения никто не поверил бы в наше превосходство, в то, что создана в мире мини-ЭВМ. Зажогин повздыхал: незачем дразнить гусей. На активе пропагандистов городской идеолог сказал в докладе, что первой фигурой делают человека идеологически чуждого, не нашего, с душком, расхваливают его научные достижения, как будто это главное.

И тем не менее это был успех. В ЦК Никита Сергеевич несколько раз на совещаниях приводил в пример Картоса, который без всяких обещаний и обязательств обгоняет Америку. Значит, и мы можем, если правильно поставить дело.

На волне успеха Андреа попробовал взять руководство центром в свои руки. У него состоялся решительный разговор с Кулешовым. Тот настаивал на своем: все силы производству, сделали мини-ЭВМ – прекрасно, будем готовить ее к массовому выпуску. А исследователи пусть дорабатывают, пусть займутся технологией. Главная же задача – дать скорее оборонке сотни, может, тысячи таких машин. Иначе что же получается, какой толк в том, что мы обогнали американцев в одном экземпляре? В доводах Кулешова не было ничего нового, та же массивная уверенность, за которой несомненно стояло нечто большее.

– Для вас я чиновная сошка, – сказал он. – Мелочь. Ну что же, согласен. Наукой не занимаюсь. Кому-то надо пахать. Но знаете, Андрей Георгиевич, мы хоть и лаптем щи хлебаем, а спуску америкашкам не даем. Оборонка наша на уровне. И не у

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
всех оборонщиков такие претензии, как у вас.

– Не понимаю. Если вы хотите идти впереди, то как же без науки обойтись?

– Эх вы... Думаете, раз вырвались вперед, удастся удержаться в лидерах. Вам просто повезло. При наших-то приборах, при наших материалах о том, чтобы держаться впереди, и мечтать нечего. Железо гнуть – это мы можем. Танки, автоматы, самолеты. А с вашей продукцией потруднее.

– Хорошо, сейчас вы хотите запустить в производство нашу мини-ЭВМ. А дальше что? Через год, два? Нужен научный задел.

– Моя задача не за приоритетами гнаться. Мне надо армию обеспечивать, а не амбиции ученых. Я буду делать грузовики, а не гоночные машины. И не надейтесь. Если на мое место поставят другого, он станет проводить ту же политику. Это я вам как замминистра обещаю.

– Смотря кто придет.

– Вы на себя рассчитываете? Вам не светит.

– Почему?

– Не та масть, – глядя в лицо Андреа, ответил Кулешов. И даже позволил себе как бы вздохнуть. – Еще потому, что вы ученый. Ваше дело думать, а не руководить.

Андреа рассмеялся:

– Руководителям думать, конечно, не положено.

– Не ловите меня на слове. Случись что, министру сразу втык: кому доверил? своих мудаков тебе не хватает? Мы и своим-то академикам не даем командовать, зачем же нам чужие. И чего вы так рветесь, не пойму. Премию мы вам дали, должность имеете, моим замом – пожалуйста, обеспечивайте научное сопровождение центра. Нет, обязательно верховодить! Да поймите – не обогнать вам по-настоящему эту самую Америку, и нехорошо играть на этом и морочить голову правительству.

– Не понимаю, – стоял на своем Картос. – Не понимаю я такой политики. Зачем же добровольно уступать? Бороться надо, куда есть силы. Хрущев говорил, чтобы так держать.

– Хрущев много чего наговорил. Вы что, не понимаете?

Он посмотрел на Картоса с удовольствием шахматиста, съевшего последнюю фигуру, и подлил себе из термоса кофе.

– Не желаете?

Он явно что-то недоговаривал и не скрывал этого. Андреа попробовал зацепить Кулешова:

– И чем же вы собираетесь заменить ученых и науку? Соцобязательствами?

– У нас кое-что получше есть.

– Лучше науки? Не верю. Извините, у вас первоклассная наука!

Его поучающий тон вывел из себя Кулешова.

– Вы уж меня, ради бога, не учите патриотизму. У нас много чего первоклассного. У нас, например, разведка первоклассная.

– При чем тут разведка? – отмахнулся Картос.

– Она обеспечивает нас.

– Чем?

– Новинками. Зачем нам ждать, пока кто-то из академиков сообразит? Скопируем – и порядок.

– Вот оно в чем дело! То есть вы программируете отставание, чтобы мы попали в полную зависимость.

– От кого? От наших ребят? – Кулешов расхохотался. – С ними проще иметь дело, чем с вами.

– Это верно, – согласился Картос.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Как там сделают что-нибудь стоящее, они нам доставят – и порядок.

– То есть наше дело повторить?

– Пожалуйста, ведите свои разработки. Сделаете что получше – ради бога, мы разве против?

– Не обгонять Америку, а плестись следом?

Кулешов миролюбиво подмигнул.

– Не теряя ее из виду!

– Шпионы вместо разработчиков?

– Вы меня не перетолковывайте. Ленинградскую лабораторию мы вам оставляем. Творите. И здесь и в центре работ никто не сворачивает. Только стратегия будет не та, какую вы наметили.

Картос опустил голову.

– Андрей Георгиевич, что вам нужно, лично вам? Дачу в Подмосковье хотите?.. Личную машину?

Картос исподлобья смотрел на него.

– Хотите, мы вас в Академию наук выдвинем? Не помешает. Наши должности, они временные, академиком будете пожизненно.

– Зачем же я старался создать центр? – тихо, как бы про себя заговорил Картос. – Хлопотал перед Хрущевым?

– Вы что же, для себя старались?

– Не для вашей же стратегии я создавал центр!

Кулешов постучал ногтем по столу.

- Андрей Георгиевич, центр создан партией и правительством, а не вами.
- Значит, я ни при чем?
- У нас инициатив хватало и без вас.
- Могу ли я вашу позицию считать за позицию министерства?
- Можете.
- Я вынужден буду обратиться к Никите Сергеевичу Хрущеву.
- Через голову министра?
- Мне Хрущев разрешил.
- Жаловаться будешь? Значит, на Никиту ставишь?
- Я вопрос ставлю.
- Ставь. Вопрос не фуй, он простоит долго. – Кулешов тяжело поднялся, мясистое лицо его раздулось, влажно заблестело в морщинах. – Жаль, что с тобой нельзя по-хорошему. Ты и талант и работник, но во всем остальном ты дерьмо собачье. Куда ты лезешь, думаешь, мы будем мудохаться с вами? А этого не желаешь, мать вашу? – Он похлопал себя по ширинке.
- У меня своего достаточно, – вежливо отказался Картос.
- Ну и лады, определились... Только я тебе так скажу напоследок: ты, можно сказать, убил бобра, а не добыл добра, ты у меня теперь повертись, попросишь задницу мою полизать – не дам!

По воскресеньям уезжали на взморье, на озера, большим автобусом, семьями. Удили рыбу, жгли костер, собирали грибы и, разумеется, слушали Джо. На него собирались и грибники, и рыболовы, и картежники. Жанр его баек определить трудно – выдумка соседствовала с реальными происшествиями, здравые идеи с фантастическими проектами. Особым успехом пользовались описания его жизни в ЮАР, как его похитили зулусы и он оказался в селении, где мастерили музыкальные инструменты. Там он изобрел инструмент из морских раковин и систему, поглощающую свет, так

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru что можно было в разгар солнечного дня сделать круг тьмы, кусок ночи. Он научил нескольких обезьян рисовать углем и красками превосходные картины, абстрактные и реалистические портреты. Картины пользовались исключительным успехом, их продавали по бешеным ценам на аукционах в Претории...

У зулусов его выменяло на двух слонов богатейшее племя герера. Он быстро вошел у них в совет жрецов, так как сочинил им гимн и сделал системы биологических барометров из насекомых, которые чувствуют приближение дождя, холодов, ураганов. А через полгода сбежал от них на воздушном шаре. Кстати говоря, тогда-то он и разработал подогрев воздуха от солнечных батарей, расположенных на оболочке шара. На этом шаре добрался до бушменов, у которых возглавил национально-освободительное движение.

Никто не смеялся над сказочными похождениями Джо, все понимали, что он гонит фуфло, но что-то там было, где-то его выдумки касались действительности, отражаясь цветной лабудой от таинственной засекреченной жизни, может, еще более романтической. Да, его истории не состыковывались, об этом он и не заботился, и никто его в этом не уличал. Стоило ли задерживаться на таких мелочах, если их ждали блестящие соображения Джо о механизме памяти. В этой вековой сложнейшей проблеме его догадки выглядели то сумасшедшими, то озаряющими, они будоражили воображение. Машинная память, человеческая память, память биологических систем. "Память и есть личность", – утверждал Джо. "Я" складывается из памяти прожитых лет. Когда он разбирал "я" по винтикам, то ничего не находил там, кроме памяти. Память имели и стрекоза, и корова, и микроб. Все события, самые мимолетные, записывает память. Все виденное, слышанное оставляет в ней хоть какой-то знак. Задача состоит в том, как восстановить слабые следы, как извлекать прошлое из темных вод забвения. У него имелись идеи по стимуляции памяти. Методика оживления, ликвидация забывания. Он выяснил разные причины забывания, отчего они наступают. Некоторые дела люди стараются забыть. Память стирает ненужное, неприятное. Капризы памяти загадочны. Забвение – то ли здоровье памяти, то ли ее болезнь. Люди слишком легко забывают уроки прошлого, свои клятвы и обещания. Забывают, как они были детьми, как влюблялись, сумасбродничали. Как плохо относились к своим родителям. Память определяет нравственный уровень человека, да и всего общества. Войну забывают, голодуху, очереди...

Джо предложил так называемые программные стимуляторы памяти. Требуется припомнить, допустим, фильм "Новые времена" Чаплина, сунул голову в стимулятор, щелк-щелк – и все освежилось, будто только что из кинотеатра вышел, даже вспомнил соседа, с которым сидел, как от него луком пахло. Можно забраться поглубже, в нежное детство, вызвать дорогие образы бабушек, теток, первый класс в школе.

Складывалось впечатление, что там, в Иоганнесбурге, Джо и впрямь сумел создать подобные стимуляторы, потом что-то с ними случилось. Как и с ним. Его не решались спрашивать.

Иногда ему и самому казалось, что он сделал такие стимуляторы. Он видел их явственно, знал, как они действуют. Он ставил программный искатель на ту музыкальную свою весну в Париже, появлялась Тереза, ее силуэт, вырезанный из черной бумаги стариком на Монмартре, появилась его морщинистая физиономия, цветной зонтик над ним. Если бы не ЭВМ, Джо всерьез занялся бы памятью. У него получилось бы. После успеха с мини-ЭВМ и калькуляторами он уверился в своих силах. В нем прибавилось категоричности. Теперь он знакомился с женщинами без всяких оговорок и пояснений, просто говорил: "Я бы хотел с вами познакомиться, вы кажетесь мне интересной, может быть, я ошибаюсь, но вряд ли..." Что-нибудь в этом духе, нагло и почтительно. Отказы его не смущали. Отказов было немного, больше разочарований. Залысина его быстро росла, на висках появилась седина, но он сохранил безостановочную подвижность, его тощая фигура, как ось волчка,

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
вовлекала людей в свой водоворот.

Несмотря на неприятности, которые чинил им Кулешов, настроение у Джо было отличное. Новые идеи расцветали в нем, он утешал Андреа – все пройдет, пройдет и это. Жизнь состояла из смены радостей: музыка, женщины, книги, поездки на машине к озерам, на взморье в Прибалтику, белые ночи. Филармония, новые пластинки, купанье, горячий песок пляжа... Работа занимала лишь малую часть играющего всеми красками, запахами, звуками мира, которым надо успеть насладиться.

Отношения Картоса с Кулешовым перешли в открытую войну. Кулешов вытеснял Андреа со всех позиций: отнял у него право самостоятельно брать на работу научных сотрудников, формировать научный совет, заказы на оборудование разрешил делать только через другого своего заместителя. Картос остался без власти, его научное руководство сводилось к выписке литературы и журналов.

Он мотался в Москву, разрывался между центром и лабораторией. В центре его людям становилось трудно заниматься своими темами, их лишали средств.

Лето пришло жаркое. Зной перемежался грозами с короткими бессильными дождями, затем опять наступала жара. В Москве было душно, пыльно. Картос возвращался в Ленинград, но и здесь нечем было дышать. Ночи в спальнях вагонов “красной стрелы” изматывали его. Каждые два-три часа он выходил в коридор отдышаться. Болело сердце. Он видел, что проигрывает борьбу за центр, надо было обратиться к Хрущеву, но он медлил. “Чего ты ждешь? – не понимал Джо. – Теперь у тебя есть все основания, тебя превращают в вывеску: красивое имя и никаких прав”.

Однажды ночью в коридоре “красной стрелы” Андреа встретил генерала Колоскова. Генерал тоже страдал от жары и бессонницы. Краем уха генерал слышал о “некоторых разногласиях” в центре. Кулешова он не любил. Кулешов старался всучить военным приборы, плохо доведенные, лишь бы приняли. Картос признался, что хочет обратиться к Хрущеву. Генерал одобрил – если есть такая возможность... Докурив, он вдруг добавил:

– Только не тяните.

Тон, каким это было произнесено, подействовал на Андреа.

Он позвонил по телефону, который ему дал Хрущев. Ему сказали, что Никита Сергеевич отдыхает на юге. Можно ли ему написать письмо? Конечно, пишите на Москву, мы сразу же перешлем. С Андреа говорили приветливо, ясно было, что про особое отношение Хрущева к нему известно, и Андреа, отбросив сомнения, решился. В письме даже легче было найти слова и сформулировать суть. А суть была не только в Кулешове, за Кулешовым стоял Степин. Для очистки совести Андреа позвонил Степину, попросил о приеме. Помощник холодно сообщил, что в ближайшее время министр принять не сможет, и переадресовал его к Кулешову.

Письмо получилось длинным, четыре убогих страниц, потом уж они с Джо ужали до двух. Загогин отредактировал некоторые выражения, чтобы звучали по-русски, хотя была какая-то прелесть в иностранном акценте и корявых конструкциях, в которых было “больше, чем слышит ухо”.

Письмо перепечатали. Зажогин вызвался доставить его в ЦК.

Ночью к Андреа явился Джо, он просил не отправлять письмо.

Стояли в передней, Андреа заспанный, в желтой полосатой пижаме, Джо в мокром плаще. Сослался на предчувствие, точнее не мог объяснить, что-то видел во сне, что-то плохое, которое надвигается.

– Не отошлем – и что дальше? – допытывался Андреа. – Смириться, миром поладить, как советовал Алеша Прохоров?

Накануне Андреа показал ему письмо. Читая письмо, Алеша вздыхал. Обвинения, предъявленные министерству, выглядели серьезно, но тон письма был вполне корректен. Автор не требовал отстранения, расправы, но давал понять: найти общий язык с министром не удастся. Алеша, неловко побряхтев, напомнил, что министр первый поддержал идею центра, организовал приезд Хрущева и последующее решение о строительстве. Говорил он вяло, косноязычно, вообще производил впечатление сонного, мечтательного лежебоки. Запинаясь, процитировал по-английски Шекспира: дурное, дескать, вырезается на меди, а хорошее пишется на воде, – признался, что боится, как бы война с министром не поглотила Картоса: за малое судиться – большое потерять. Ну пусть поотстанем от американцев, не ради них стараемся.

Вот и Джо тоскливо нудил: не отправляй письмо. Он не слушал Андреа, не видел его, он видел перед собой что-то другое, и это другое вселяло в него страх.

Андреа долго ворочался в постели. Одно дело не верить во всякую мистику, другое – бросать им вызов, всем этим пифиям...

XXXII

Людей, подобных Зажогину, часто недооценивают. Типичный заместитель, избегающий самостоятельных решений, осторожный, в отношениях с инстанциями он умел быть незаменимым, и многие его считали бесцветной личностью. Крестьянский сын, Зажогин презирал этих городских колупаев, болтарей, сиднюков, не знающих, что такое настоящая работа. Картос был первым “умником”, которого он признал. Картос был хозяин, а главное, работник. Таким в детской памяти Зажогина был дед, работавший с рассвета до темна – то с топором в руке, то с лопатой, то с вилами, то с рубанком. Сам Зажогин привык работать вполсилы, в большем и нужды не было. Нехитрая мудрость чиновничьей жизни требовала не высовываться, помалкивать, не умничать, главное – четко отрапортовать. К этому и принооровился, сообразив, что так, с прохладцей, удобнее, а почету столько же. Картос же, по словам Зажогина, довел его до дела, до такого, что требовало ума. “Конечно, – говорил он, – я уже человек траченный, ржа меня поела, но кое-чем я ему пригожусь”. Действительно, вел он себя как заботливый дядька.

Впоследствии Зажогин восстановил случившееся в эти дни почти по часам. Он передал пакет в ЦК в руки помощника Хрущева во вторник, в одиннадцать тридцать.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Помощник обещал завтра же переслать с почтой своему шефу. Разговор был доброжелательный, никаких сомнений у Зажогина не вызвал. Письмо опоздало. Утром в среду почта была задержана. За Хрущевым приехали на дачу, посадили в самолет, привезли в Москву на срочное заседание Политбюро. В самолете Хрущев, сообразив что к чему, потребовал у летчика повернуть на Киев, но тот отказался. Передавали, что Хрущев кричал на него: “Ты знаешь, кто я? Исполни!”

Известие о снятии Хрущева разразилось над лабораторией, над центром как гром среди ясного неба, налетело смерчем, все перевернуло. Казалось бы, перемена произошла где-то там, в верхах, в поднебесной высоте, при чем тут питерская лаборатория, но то, что случилось на Пленуме ЦК, а затем спустилось на местные трибуны, вторгалось и в их существование.

Картос слушал доклад секретаря обкома в Таврическом дворце: “Хрущев ведет линию на подрыв руководящей роли партии!.. Ведь до чего дошел: партия на втором месте, а специалисты впереди...” Зал сверху донизу отозвался согласным возмущением. Парторг какого-то завода кричал с трибуны: “Поэт говорил в военные годы: “Коммунисты, вперед!” – а Хрущев перелицевал этот лозунг на “специалисты, вперед!”. Но нам эта перелицованная одежда не подходит!”

В перерыве просторное фойе растревоженно шумело, лица азартно горели, все больше ликующе. Полузнакомый районный деятель подошел к Андреа, дожевывая бутерброд: “Ну как ваш огород, Андрей Георгиевич, полно камней? Видите, партия навела порядок, партия ни с кем не будет считаться! – Он вытер рот и покровительственно похлопал Картоса по плечу. – Волюнтарист!” – и захохотал.

Как потом стало известно, в кабинете Хрущева были изъяты все бумаги, в сейфе среди прочих документов комиссия обнаружила и письмо Картоса на имя Генерального секретаря. Его передали министру Степину “для сведения”.

Министр вызвал Андреа. Разговор был короткий.

– Вы выступили против меня. Вы что же, хотели меня подсидеть? Я этого не прощаю, Андрей Георгиевич. Кто не умеет быть благодарным, тому не стоит помогать, так что на мою защиту больше не надейтесь... – Степин сожалеючи покачал головой. – Ведь предупреждали вас. Эх вы, поставили на Хрущева, нельзя ставить на личность, – он усмехнулся, – надо ставить на две личности.

На том разговор закончился. Дальнейшие события следовали одно за другим словно по графику. В так называемом шахматном зале Смольного, где столики расставлены в шахматном порядке, состоялось обсуждение работы лаборатории. Вел заседание секретарь горкома, присутствовали работники аппарата горкома, райкома. Набилась довольно много желающих послушать, как будут разделять хрущевского любимца. Зажогин умолял шефа: только не спорьте, не защищайтесь – валите все на Хрущева и на непонимание обстановки. Зажогин чувствовал себя виноватым. За то, что тянули с письмом, за то, что отвез его, за то, что не заставлял Картоса ездить сюда, в Смольный, и сам не наладил отношения с секретарями, особенно после визита Хрущева, возомнил, думал, теперь кум королю.

На заседании припомнили Картосу все – и кадровую политику, и противопоставление себя партийным органам, и заносчивость, и политическую незрелость, и восхваление капиталистических порядков, и потерю бдительности. Секретарь райкома сказал, что

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru не случайно Хрущев приехал именно к Картосу, именно его выделил, это наиболее вызывающий пример противопоставления специалиста партийным кадрам. Хрущев продемонстрировал пренебрежение партийным руководителям города. И жаль, что товарищ Картос и его окружение попались на эту удочку.

Тут Андреа не выдержал. Все же странно, сказал он: ругать Хрущева, критиковать его следовало, когда он был при должности, – зачем же ругать вслед? у нас это не принято.

– А как у вас принято? – с ехидством спросил выступающий.

– Ругать самих себя принято, – сказал Картос. – Поскольку мы выбрали.

Кое-кто не выдержал, заулыбался. Председатель постучал по столу.

– Ваши попытки защищать Хрущева показывают, что вы не понимаете решения Пленума.

Второй раз Андреа сорвался, когда его стали учить политэкономии и марксизму.

– В отличие от вас я изучал Маркса по своей воле, в нелегальных кружках, – сказал он.

Загогин дернул его за пиджак. Картос сел и вернулся к наблюдению за игрой пылинок в солнечном луче. Это позволило отключиться. Смысл происходящего, слова в его адрес становились фоном, на котором пылинки перемещались почему-то вверх-вниз, горизонтального движения и косо почти не было.

Обсуждение кончилось. Луч погас. Андрею Георгиевичу Картосу было указано на неправильное поведение и предложено то-то и то-то. Партбюро должно в кратчайшие сроки то-то... Никто не понимал, почему он так дешево отделался.

Свояк Загогина служил в Смольном, при одном из начальников. Свояк не любил начальника за напыщенность и придирки, звал его пупырь, жаловался, что пупырь алкаш. Приехал свояк вечером, привез финскую наливку, у Загогина была поллитра да еще два “малыша”, так что поддали прилично, тут-то свояк и сообщил Загогину, что известно о его звонках в Москву и то, как он просил у Королева и военных моряков заступы своему шефу. На Загогина рассердились, потому что спутал все карты. Загогин, желая пострадать, признался, что это он отвез письмо Хрущеву. Свояк развеселился:

– Эх ты, сельхозпродукция!

И он рассказал про то, как готовили снятие Никиты. Его, пупыря, включили в делегацию куда-то за рубеж. В самолете глава делегации Брежнев пригласил к себе,

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru усадил рядом, повел разговор про генсека: есть, мол, мнение, что политика Никиты ведет к ослаблению роли партии. Пупырь поддержал, поскольку и сам ощущал, что ущемляют. А Брежнев опять намекает: надо, мол, меры принимать, освобождать Хрущева. Пупырь догадался, что вот выпал и ему счастливый случай, и разговор пошел уже в открытую и по делу.

Зажогин плевался, печалился, свояк утешал его:

– Ты пойми, шлепа ты лапотная: пал Хрущ – и все его фавориты должны пасть. Таковы законы придворной жизни. Чтобы спастись, надо поносить его.

– А я не согласен. Никита – наш царь-освободитель, твои пупыри Александра Второго убили!

Его с трудом утихомирили.

История взлета лаборатории привлекает своей необычностью. Последующие гонения на нее удручают. Подлоги, клевета, приемы удушения скучны своей неразборчивостью. Исполнители не отличались выдумкой, они мстительно изводили лабораторию во имя торжества заурядности, другой цели у них не было. Машина была запущена и с хрустом совершала положенные операции.

Коллегию министерства провел заместитель министра Хомяков, молодой, верткий, он прерывал каждого выступающего длинными своими репликами, пока кто-то из директоров не заметил вслух: “Как Хрущев, тот тоже встревал”.

Из доклада Хомякова следовало, что государство вложило большие деньги в лабораторию, удовлетворило все запросы, а результатов нет. За столько лет ничего существенного. Потенциометры – отходы, мини-ЭВМ – всего лишь пробный экземпляр, серийного производства нет. Руководство пытается скрыть свою несостоятельность с помощью демагогических заявлений. И пошло, покатилось. Кое-кто из конкурентов с удовольствием подливал масла в огонь, другие считали, что выволочка полезна для острастки, чтобы не зазнавались. Все ходят с выговорами, пусть и этому любимчику вкатыят. Были, правда, и такие, что напоминали о научных достижениях, все же создано поколение управляющих машин, каких не было в мире. Хомяков на этих правдолюбцев не обращал внимания. “Как видите, Андрей Георгиевич, коллегия считает, что никуда не годны технологические проработки, не доведено до серии”. Постановили: выговор руководителю и предложение – взять курс на внедрение изделий в крупное промышленное производство.

Сразу же после коллегии Хомяков отправился в Ленинград – довести решение до сведения коллектива лаборатории. Коллектив, все полторы тысячи, не сделал ничего стоящего, саботирует указания министерства, зазнался, испорчен волюнтаризмом. Когда он произнес “запоминающееся устройство”, зал принял это как оговорку, но он повторил, и стало ясно, что он ничего не понимает в компьютерах. Почему-то это исправило настроение. Люди зашептались, захихикали. А когда он произнес вместо “мнемотехника” “мнимотехника”, зал развеселился.

Картоса развенчивали перед сотрудниками, обвиняли в показухе, называли демагогом. Внешне он сохранял привычную невозмутимость, черные кудрявые волосы

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
его лежали как литые, даже какое-то подобие живости сохранялось в глазах.

– Ничего себе прислали нам грамотея, – сказал ему Виктор Мошков.

– Большому кораблю и карты в руки, – ответил Андреа, создав еще одну из своих знаменитых пословиц.

Никакого обсуждения Хомяков не разрешил. Коллектив должен был принять его мнение к сведению. В обкоме пришли к заключению, что коллектив лаборатории, типичное порождение хрущевской эпохи, заражен технократизмом, лучший способ оздоровить коллектив – это влить его в большое производственное объединение, поварить в рабочем котле, лишить самостоятельности. Так и было сделано. Их передали производственному объединению, под командование главного инженера Бухова. Туполев, Келдыш, Королев написали письмо с протестом. Письмо пошло в ЦК и к Степину. В ответ Степин отзвонил каждому из них, объяснил, что решение вынужденное, настаивали местные партийные руководители, реорганизация временная, чтобы сохранить и Картоса и Брука, им надо переждать непогоду под чьей-то крышей.

Отсюда, из будущего, рассматривая судьбы этих людей, читая материалы о них, воспоминания, слушая разные толкования их поступков, зачастую противоречивые, видно, что они творили историю, не подозревая об этом. Ибо то, что они делали, составляло историю цивилизации. “Люди делают историю, не зная истории, которую они делают”. На всякий случай я поставил эту фразу в кавычки, наверняка кто-то уже произнес ее, слишком уж она очевидна.

Сами они, эти люди, уцелевшие, ныне, после смены декорации, тоже с удивлением разглядывают себя на сцене истории. Досмотрев пьесу до конца, они понимают, что, конечно, действовали неумно. Они ругают себя, досадуют на упущенное. Я успокаиваю их, уверяю, что в истории нельзя морализировать. Не надо спрашивать: осень – хорошо это или плохо? Так же нелеп вопрос: смена власти – хорошо или плохо? Так было. И мы не знаем, что было бы, если бы этого не было. Истории нельзя выносить приговор, ее приходится принимать как она есть. История зависит от современности. Великое становится эпизодом, эпизод становится великим событием.

В 1990 году, в семьдесят третью годовщину Октябрьской революции, на Дворцовой площади в Петербурге несли плакат: “7 ноября – день национальной трагедии”. За три года до этого, когда праздновали семидесятилетие Октября, на транспарантах было написано: “Слава Великому Октябрю!” – а в 1980 году над колоннами демонстрантов плыло уверенное: “Дело Октября будет жить вечно!”

Для римского историка Иосифа Флавия казнь Иисуса Христа была малозначимым событием, едва достойным упоминания.

Смерть Сталина казалась непоправимым несчастьем. Сотни миллионов людей во всем мире скорбели и плакали. Спустя сорок лет историки представляют ее как избавление страны от тирана и нового произвола.

Век электричества, век атома, век компьютера – что ж, у каждого века были свои

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
творцы и герои.

Картос был одним из творцов нового века. Но он не любил историю. Он не признавал ее как науку. Наука должна иметь законы. У истории нет ни законов, ни правил, ни выводов, она ничему не учит. Оглядываясь на прошлое, он видел лишь кровь и трупы, насилие и зло, нагромождение глупостей и ошибок. Его смешило, что весь мир, все города уставлены памятниками полководцам, как будто они что-то создали, чем-то помогли людям. Каждый историк изготавливал свою историю, использовал ее, как уличную девку, для своих целей. Попробовал бы кто-нибудь так обращаться с математикой или физикой. Он отвергал историю за то, что она не допускала эксперимента. С ней нельзя было поставить никакого опыта и узнать, что было бы, если бы...

Нет, Андреа не любил историю, вполне возможно, что происходило это от нарастающего чувства беспомощности. События швыряли его то вверх, то вниз словно щепку, ничего нельзя было предугадать. Падение Хрущева, письмо к нему, внезапная опала показывали, что в этой стране все непредсказуемо. Казалось бы, плановое хозяйство, социалистическая система, все скрупулезно рассчитано на пять лет вперед – и вдруг бац, и все летит вверх тормашками. Группка людей меняет руководителя, захватывает власть, и назавтра политики доказывают, что действовали не заговорщики, а необходимость исторического процесса.

Профессор Быховский, который приезжал к Андреа консультироваться – он писал теперь статью во славу кибернетики, – убеждал в неизбежности ухода Хрущева. Андреа учтиво напоминал профессору про его статью о Хрущеве за месяц до отставки. Профессор не смог предугадать хода событий. История играла с ними в кости, случайность была единственным правилом игры.

Если бы летчик испугался Хрущева и посадил самолет в Киеве, Хрущев удержал бы власть и не было бы никакого “волюнтаризма” и “нового курса”.

Расправа с лабораторией встревожила и военных и ученых. Запротестовали ракетостроители, наиболее влиятельные в то время. Картоса и Брука вызвали в ЦК, попросили успокоить общественность. Обещали создать все условия в лаборатории и что центр тоже будет выполнять их заказы. “Политическое положение как никогда раньше требует сплоченности, надо показать, что уход Хрущева не поколебал единства наших рядов... Враги надеются, что у нас начнутся распри... Вам не надо объяснять ответственности этого момента и ваших действий...” Они отвечали растроганно: да, да, мы понимаем, понимаем. В них говорило воодушевление солдат, польщенных доверием; они мысленно лихо щелкнули каблуками: есть сплотиться!

По улице шли молча, жадно глотая свежий сырой воздух. Первым заговорил Андреа, сконфуженно признался, что не понимает, с кем им надо сплотиться – с министерской шушерой, которая подпевает министру, с главным инженером Буховым, выпивохой, невеждой... И вообще.

– Что вообще? – поинтересовался Джо. – У партии могут быть высшие соображения, неизвестные нам.

– Только пути Господа неисповедимы. Партия не Господь Бог.

– Они действуют среди вражеского окружения.

Андреа зло поправил:

– Они сами создают себе вражеское окружение. Почему мы так ведем себя?

– Как ведем?

– Жалко! Ничтожно! Как бараны! Блеем послушно, повторяем их глупости. Нас превращают в людей второго сорта – мы радостно согласны. С какой стати? Мы такие же коммунисты, как и они. Чем я хуже Кулешова? Я не иностранец, я советский человек!

Это была не вспышка гнева – из глубины его души прорвался накопленный жар протеста, желчи. Он издевался над собой, над ними обоими, трусливыми подпевалами, – не смеют спросить, зачем убрали Хрущева, боятся поспорить, отстоять себя. Во что превратился он, Андреа, который никогда ни перед кем не гнулся?

– Давай-давай, – подначивал Джо, – займись борьбой вместо работы вроде Влада – много ли ты успеешь.

Он тоже мог размахивать кулаками и качать права: ему не дают проявить себя, любую инициативу зажимают, выгодные дела, предложения отвергают, не дают ходу. Ему тоже неприятно слышать от Бухова, что компьютеры – это ваши еврейские штучки, не для русского человека, что роботы – евреи, у них еврейское мышление. И Джо Брук терпит. У него нет альтернативы. Он приехал сюда строить социализм, и если нет других, он будет строить его вместе с идиотами и подонками.

– Социализм, построенный подонками? Это нечто новое в строительстве.

– Тебя избаловали аплодисменты, – сказал Джо. – Ты думал, что так будет все время. Нет, милый мой, привыкай к неуспеху.

– Смириться? То есть потерять себя?

– Наоборот – сохранить. Влад не смирился, ушел из науки – и что?

– Влад счел, что борьба важнее. Я уважаю его выбор.

Но Джо понесло:

– Если бы ты не бился за директорство, мы бы постепенно ужились с Кулешовым, он все же лучше Бухова.

У Картоса воинственно поднялись усы, надменно откинулась голова – малый рост, да разве бывает малорослым король? Основатель современной микроэлектроники, великий и несравненный предводитель нового направления, новой эпохи! С какой стати он должен с кем-то уживаться? Разве он не доказал свое право на руководство? Его признал сам Хрущев, какого же черта, он будет или хозяином, или никем...

Никем – это должно было что-то означать; что именно, Джо не знал. Разговор оборвался, и вдруг Джо тихо спросил:

– Ты скучаешь?

Андреа выматюгался впервые в жизни, старательно, с наслаждением выговаривал он эти русские слова.

– А я скучаю, – еле слышно пробормотал Джо.

XXXIII

К тому первому разговору Эн тщательно подготовилась, отрепетировала свои доводы, возражения, однако все пошло совершенно непредвиденно – Андреа не закричал, не возмутился, ходил по комнате, недовольно бормоча: вполне возможно, что Хрущев в связи с письмом вызовет его в Москву, тогда он и поговорит о разрешении на отъезд, конечно, две просьбы – плохо, но, может, и хорошо, хоть одну да выполнит. Вышло, что решение Эн уехать не вызвало у Андреа ни вопросов, ни возражений, его удручала лишь процедура – то, как этого добиться. Впрочем, буркнул, что и сам бы уехал, если бы мог.

Судя по некоторым замечаниям Картоса, он тогда уже понимал, что положение осложнилось и переломить отношение к центру даже Хрущеву будет нелегко, противодействие аппаратчины возрастает. Помощь Хрущева могла лишь временно остановить кулешовых. Что же касается частной просьбы, тут шансов больше, тут Хрущев может пойти на широкий жест, отворить калитку, позволить Эн вернуться к детям. Допустим, под видом разрешения навестить... Слово обсуждая условия эксперимента, Андреа позволил себе представить ход событий: рейс Москва – Нью-Йорк, пересадка в Амстердаме. Она посмотрит там то, что Винтер им не позволил. Вероятность получить разрешение, по его предположениям, фифти-фифти.

Эн потом призналась Але, что деловой тон мужа снял тяжесть с ее души, все стало простым и легким. Но она вдруг увидела и то, чего не замечала: лиловые набухшие вены на висках Андреа, лицо, изношенное работой, на котором бравые усики выглядели почти пошло.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Вдруг она уверилась, что уедет, что он все устроит.

– Ты плохо выглядишь, – сказала она. – Тебе надо в санаторий.

Ей хотелось погладить его по голове, кто бы мог подумать, что его литую черную шевелюру нарушат серебристые проблески. Она с жалостью рассматривала бывшееместилище своей любви. Вспомнилось, как сидела на полу в коридорчике передзапертыми дверями его кабинета, подслушивала: он пел для себя под гитару, отэтого одинокого пения у нее катились слезы, отчаянно-счастливые, сладкие слезы.

Был музыкальный вечер дома у Джо. После музыки “Битлз”, обожаемых Андреа, егоосторожно принялись уговаривать заняться новой машиной. Ему льстили – только они вытянет. Андреа размяк, обещал подумать. Ради этих ребят он на многое могпойти, правда тут же заворчал:

– Поразительно, как легко вы принимаете унижительные условия. У вас на всеготово оправдание – во имя дела. Ваши родители так же покорно сидели и ждалиареста.

– А что они могли сделать? – спросил Марк.

– Бежать. Хотя бы бежать.

– Куда?

– Куда угодно.

– Легко сказать.

– Я знаю, что говорю.

Марка затолкали, задержали, чтобы не спорил.

– Рабская психология, – настаивал Андреа. – Интересы дела выше интересовличности – это мораль рабов.

– Что же, по-вашему, интересы личности выше?

– Конечно, – не задумываясь ответил Андреа. – Выше интересов личности ничего не должно быть.

Его утверждения отпугивали, они не вязались с детства усвоенными понятиями, что жизнь их принадлежит Родине, партии.

– Если таковы ваши убеждения, ради бога, жертвуйте собою. Но требовать этого от каждого нельзя. Вы ничем не обязаны ни правительству, ни народу. Вы свободные люди, поймите это.

Вокруг него ходили на цыпочках, льстили, принося свежие известия о триумфальном шествии их машины “10-01”, “Шехерезады”, как называли ее. Ракетчики, атомщики, подводники, авиаторы хвалили ее, требовали.

Отношения с главным инженером объединения не складывались. Характер у Бухова был вздорный. Хорошо хоть генеральный директор сдерживал его. Директор говорил Картосу: “Ваша заступница и покровительница – “Шехерезада”. Из-за нее на совещаниях у самого Устинова возникают ваши имена”.

Однажды Бухов пригласил Картоса на охоту – “ради налаживания отношений”. Андреа согласился. Никого не убили, зато в охотничьем домике их ждало роскошное застолье. Бухов принял еще в лесу. Количество водки, которое он мог выпить, ужасало Андреа. Он обнимал Андреа и умилялся: откуда вы прилетели к нам? как попугайчики в тайге.

Перейдя за литр, Бухов поклялся застрелить свою жену за то, что изменяет ему с грузинами и евреями. Допытывался у Андреа, на чью разведку он работает, правда ли, что Берия спас его. Ну если не Берия, то Сталин-то спас, и провозгласил тост за великого Сталина, потребовав, чтобы Картос выпил за своего спасителя. Между прочим, если Сталин приблизил к себе Берию, значит, так надо было, Берия держал всех в страхе – и был полный порядок.

– Я понимаю, у тебя конспирация. А вот я всем говорю: я сталинист. Ленин много болтал, Сталин сделал нашу державу великой.

Когда генеральный директор заболел и вышел на пенсию, вместо него назначили Бухова, хотя министр был против. Местное партийное начальство поручилось за Бухова как за твердого руководителя, на парткоме Бухов пообещал показать всем, что такое настоящий директор. “Обеспечивая тылы”, назначил своим замом сына секретаря обкома. Кроме тылов, нужен был, однако, и быстрый успех или хотя бы какое-нибудь звонкое многообещающее начинание. Неизвестно, кто ему посоветовал, но Бухов решил создать новый компьютер на основе американского образца. Вызвал Картоса и предложил возглавить работу. Андреа отказался: дескать, копировать – значит тормозить живую мысль коллектива, который лидирует в этой области. Бухов же доказывал: “американка” верняк, с ней не ошибешься, есть готовенький образец, полюбуйся, добыли в США кое-что из технологий, обещают еще. Упрашивал, сулил золотые горы, такая мощная лаборатория может вести работы параллельно.

Но почему Бухов не верит в своих людей, а верит в американцев? Да потому что наши в толчке хороши, америкашки – это гарантия! Так ничего и не добившись, Бухов обиделся: не хочешь – как хочешь, за нами не пропадет. Он насобирав по отделам большую группу, переманил из лаборатории трех специалистов, отобрал

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
первый этаж, дал повышенные оклады, и работа закипела.

А в лаборатории все шло как обычно, Картос никого не подгонял, не обращая внимания на конкурентов. Алеша Прохоров и Виктор Мошков нервничали: если американскую машину сделают раньше, то лаборатории несдобровать, станут доказывать, что выгоднее перейти на копирование зарубежных моделей. Мошков предлагал объявить аврал, работать по десять, двенадцать часов. Мол, надо мобилизоваться, иначе не победить. Картос смотрел на них с отрешенностью сфинкса.

– Победить? В чем?

– Не понял, – сказал Мошков.

– Я тоже, – сказал Картос.

– В соревновании, – неуверенно предположил Мошков.

– Соревнование в чем?

Картос спрашивал их так, как будто они вновь стали юнцами, поступавшими к нему на работу. За десять лет дистанция почти не сократилась. Все так же он опережал их, это восхищало Алешу и выводило из себя Мошкова.

– Над нами, Андрей Георгиевич, навис не дамоклов меч, а топор, обыкновенный русский топор, неужели вы не видите?

Мошков был убежден: шеф не понимает обстановки, не хочет считаться с тем, что отношение к лаборатории изменилось и Картос уже не баловень судьбы. Однажды он объявил Алеше:

– Гений и руководитель – две вещи несовместные.

– Что ты хочешь этим сказать? Андрей Георгиевич и как руководитель гениален, – удивился Прохоров.

– В тепличных условиях, – настаивал Мошков.

– Что значит работать по десять часов? – не слушая его, рассуждал Алеша. – Разве можно думать быстрее?

– С гениями никогда прав не будешь, – хмурился Мошков. – Даже если гений обделается, он не будет засранцем, как мы с тобой. Это будет “ошибка гения”.

А между тем новая модель не давалась. Теоретически она выстроилась, а практически не получалась. Архитектура, если так можно выразиться, не складывалась. Картос бродил как в тумане, на что-то отвечал, что-то подписывал, не вникая в суть дела. На дачу не ездил, природа мешала ему, ибо требовала внимания. По воскресеньям с самого утра он бродил по городу. Среди обезличенной сутолоки прохожих, машин, трамваев хорошо думалось. Решения приходили и отвергались. Вечером звонил Джо, отчитывался: шесть находок, все блестящие и все негодные. Отдельные узлы торчали сами по себе, не желая соединяться в общую композицию.

Бухов вызвал, интересовался, торжествовал:

– Вот видишь, не идет, поди, застрянешь еще на год. А мои орлы строгают без проблем.

К осени отдел Прохорова выдал отличный карманный калькулятор. Бухову шепнули, что в калькуляторе – американская схема. Он поверил этому охотно и на возражения Прохорова подмигивал – не лепи горбатого, в наших условиях такую штуку не сделать. Хвастал калькулятором в министерстве, показывал военным как доказательство правоты своей политики: “Надо использовать западную технику, нечего стесняться”. Первое время он еще ссылался на Кулешова, теперь же выдавал установку на копирование за собственную тактическую линию.

Ведущие инженеры лаборатории обратились с коллективным протестом в министерство, из Москвы приехала комиссия и довольно легко установила отечественное происхождение калькулятора. Бухов принял заключение комиссии с восторгом, произнес речь – “знай наших!”, пора, мол, поддержать отечественные достижения, распространить их, показать всем, то есть выпустить массовую партию калькуляторов.

Буховская “американка” застряла, харьковские и московские машины тоже не получались, к пятидесятилетию советской власти министерство не смогло похвастать новыми достижениями, а тут еще приближалось столетие Ленина и требовалось во что бы то ни стало, любой ценой выложить подарок. Десять тысяч калькуляторов, нет – пять тысяч! Шла торговля, ставились условия, в конце концов Картоса уломали. Его прельстила надежда на НИИ. Больше ничем нельзя объяснить его решение принять такой огромный заказ.

Ни оборудование, ни помещение – ничто не было готово. Андреа успокаивал всех, ссылаясь на обещания министерства, но при всем старании больше чем сто штук за месяц выпустить не смогли. Картос обратился к заводу за помощью, завод отказался: наладьте выпуск у себя, отработайте технологию, тогда посмотрим.

Загогину эта история показалась подозрительной. На Картоса его аргументы не действовали: советским людям всюду мерещатся заговоры. Мошков внушал: в советских условиях доверчивость – самое опасное качество. Андреа действительно при всем его умении рассчитывать далеко вперед легко мог клюнуть на пылкие заверения какого-нибудь чиновника, верил честному слову, бумажке, считая, что

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
это незыблемо.

А тут еще у Джо стало что-то получаться с давней его затеей – персональным компьютером. Он был счастлив и целиком зарылся в это дело, шутка ли, на свет появилось прелестное создание, которому предстояло большое будущее. Таких малюток скоро будут сотни тысяч, а может, и миллионы! Из всех отделов приходили полюбоваться на его “малыша”.

Когда Устинов спросил у Картоса, какое применение в военном деле может иметь персональный компьютер, тот лишь пожал плечами – при чем тут военное дело? Важны возможности, которые получает человек, эта миниатюрная машина способна вместить целую библиотеку, играть в шахматы, в покер... Этим он хотел подчеркнуть ее высокий, универсальный уровень. Устинов недовольно покачал головой.

Встретились они случайно, на Северном флоте, куда Андреа вызвали по поводу “Шехерезады”. Командование просило по возможности упростить методику обучения. “Так, чтобы любому адмиралу было понятно”, – пошутил Картос, фразу эту ему потом припомнили.

Устинов, будучи на крейсере, издали узнал Картоса. Памятливость начальства восхитила Андреа. Восхищала и его неутомимость. Грузный старый человек, Устинов лазал по трапам, поднимался, спускался, загонял адмиралов. После короткого разговора о возможностях персональной ЭВМ отношения их разладились. Устинов сразу посуровел: ученые, дескать, жируют на военных заказах, а быть благодарными не научились. Картос не понял – за что благодарить? И что это значит – военные деньги? И вообще, зачем столько оружия? Оно же морально устаревает. Устинов повысил голос: “Знаем мы эту пацифистскую болтовню!” Картос стал подтверждать свою правоту цифрами, что всерьез рассердило Устинова. Присутствие адмиралов подстегнуло его. Широкая его фигура раздалась, орденские планки выпятились. “Видали, какой стратег! Не воевал, на фронте не был, а все знает. Нет, уважаемый Андрей Георгиевич, мы не допустим, чтобы нас еще раз врасплох застали. Достаточно народ наш настрадался...” Ничего нового в его речи не было, обычные доводы военачальников того времени. Заслуживает внимания лишь фраза в адрес лично Картоса: “Вы на кого работаете?”

Самая лучшая слухопроводность в секретных учреждениях: про разговор Картоса с Устиновым немедленно стало известно и в министерстве и в лаборатории.

Вечером Бухов ввалился к Андреа; наполнив кабинет спиртным перегаром, принялся ругать Устинова:

– Как облупленного его знаю, рвался наверх, удержу не было. Недавно ему сказал: “Митрий, уймись, ты же стал главным растратчиком страны, все на шинель хочешь ухлопать. Народишко тоже хочет во что-то одеться”. А он мне, как водится: “Народ голяком согласен, лишь бы не было войны”. А я ему: “Ты войной пугаешь, забыть ее не даешь, чтобы вокруг тебя все вертелось”.

Орал он безбоязненно, Картос завидовал его свободе, а Бухов тыкал в него пальцем:

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Ты на меня не донесешь, верно? Интеллигент! – Удивлялся: – Чего ты полез с ним цапаться? Не твой вес... Оно неплохо, что кто-то воткнул ему перо в задницу, а то привык, чтобы лизали без остановки. Имеешь право!

Потом признался под секретом, что “американка” не идет, получается телега вместо тепловоза. Жаловался на своих разработчиков. Упросил Картоса прислать своих мудрецов – разобраться. Картос послал, однако объяснил Бруку, что из “наших продуктов ихнее блюдо не приготовишь”.

Алеша Прохоров уверял всех: шеф заранее знал, что скопировать “американку” не удастся, поэтому и не беспокоился.

Подобных легенд бытует немало, и никакие просчеты Картоса, никакие его ошибки не могли поколебать твердого убеждения в провидческом даре учителя. Что касается Джо, то его интуитивное чутье, иногда таинственно спасительное, почему-то никого не удивляло.

Несторы российской кибернетики сходятся на том, что лабораторию ликвидировали не случайно. Одни считают, что дело было в калькуляторах. Другие убеждены, что сорванный заказ – только повод. А причина в том, что Бухову было выгодно проглотить лабораторию. Третьи кивают на Устинова.

Все эти обстоятельства несомненно имели место. Но у общеизвестных причин были свои сокрытые причины, до них обычно не добираются. К тому времени, то есть к середине семидесятых, Картос уже явно не укладывался в существовавший порядок вещей. Слишком много глупостей творилось кругом – вместо серьезных научных работ стряпали никчемные диссертации, гнались за премиями, званиями. Картос ожесточился, давал безжалостные отзывы на работы других институтов, выступления его стали резкими.

С лабораторией поступили хитро – ее передали КБ. Почти полторы тысячи человек присоединили к маленькому КБ, появилось большое КБ, а лаборатории не стало. И сделали это в тот самый момент, когда Картос нашел-таки решение и все пошло, даже странно было, как это они раньше не сообразили. И ракетчики, которые любили Картоса, дали понять, что не в силах его отстоять. Генерал Колосков так прямо и сказал: плевать им на машину, если хотят власть показать.

Джо настукал на машинке своим ужасным слогом письмо Генеральному секретарю Брежневу. В нем он перечислил заслуги Андреа – первый в мире персональный компьютер, первое поколение управляющих машин, поколение запоминающих устройств, потенциометры... вертикальная интеграция... ферритовые пластины... создание центра... Надо создать условия, страна может наверстать отставание. Еще не поздно, повторял он, помогите...

Это было страстное, сумбурное, совсем не политическое письмо.

В поведении Картоса ничего не изменилось. Минута в минуту он появлялся в своем кабинете, снимал пиджак, надевал полосатую темно-зеленую куртку. Все так же регулярно они с Джо посещали библиотеку Академии наук, заказывали копии интересных статей. По-прежнему рукодельничал в своей маленькой мастерской.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Выступил на семинаре о будущем кибернетики. Никто не помнит, чтобы он держался как обиженный человек. В тот день, когда лаборатории закрыли счет в банке, Картос явился к Бухову. Спокойно отсидел в приемной, дождался своей очереди, положил заявление с просьбой об увольнении. Судя по точности формулировок, оно было написано заранее.

Бухов поинтересовался, куда это он переходит. Картос спокойно ответил: никаких предложений у него нет, просто увольняется. Поняв, что это всерьез, Бухов разорался, наложил размашисто резолюцию: “Отказать!”

– Будешь как цуцик являться. Нас заявлениями не испугаешь. Думал, я перед тобой на задние лапки встану? На-кась! – И выставил шиш.

Картос терпеливо объявил: как только сдаст дела Зажогину, так и откланяется. Бухов рассвирепел:

– Ты что, с ума сошел? Под суд пойдешь! Не таким рога ломали!

– На суд я готов. Пожалуйста.

Через месяц он на работу не явился.

XXXIV

Люлька висела на высоте третьего этажа. Подштукатуренный петербургский дом начала века красили охрой, чтобы свежей и ярче выглядели белые лепные наличники. Маляр тщательно прокрашивал кистью барельефы. Красил и пел во весь голос, благо звуки скрадывались уличным шумом.

Весть о том, что Картос работает маляром, достигла Москвы. У Бухова состоялся неприятный телефонный разговор с инструктором ЦК. На самом-то деле он сразу же сообщил в Москву о выходке Картоса, но там теперь делали вид, будто это новость, и сердились, почему, мол, Бухов не принял мер. А что он мог сделать? Подать в суд ему же не разрешили.

– Это недопустимая демонстрация.

– Я ему передам ваше мнение.

– Вы свой юмор приберегите. Если иностранные корреспонденты пронюхают?

– Я могу с милицией договориться. Его возьмут.

Москва долго молчала.

– Тяжелая ситуация.

– Видите, не все так просто, – обрадовался Бухов.

– Это с вами тяжелая ситуация.

– Что же делать?

– Это ваш вопрос, вы и решайте.

Бригадир отказался спустить люльку, командный тон Бухова ему не понравился: “Дядя, орать на рабочий класс не надо”. И ощерился белыми крепкими зубами.

Из лаборатории приезжали, дабы удостовериться, до чего же довели их начальника. Женщины плакали. Образ Картоса окутался романтической дымкой. Недовольные во главе с Мошковым уверяли, что это акт беспомощности и упрямства. Картос, мол, принес лабораторию в жертву своей маниакальной идее самостоятельности. При виде Картоса, работающего в люльке кистью и пистолетом-распылителем, побеждало сочувствие.

Нина Федоровна, секретарь Картоса, побывала в бытовке во время перерыва. Бригада ела хлеб с колбасой и плавленными сырками, стояли бутылки с кефиром рядом с морковью и зеленым луком. По ее словам, Андрей Георгиевич сидел в центре, рядом с бригадиром; прочитав письмо Бухова, попросил передать: если трест по настоянию начальства его уволит, это ничего не изменит, он пойдет в артель маляров, которые халтурят по квартирному ремонту, “хомут на свежую голову всегда найдется”.

Рассказы о Картосе-маляре до сих пор сохранились в объединении, вошли в фольклор вместе с его неуклюжими поговорками. Покажут при случае и дом, окрашенный им снаружи по фасаду, и лестничные пролеты.

Оказалось, что позиция, занятая Андреа, практически неуязвима.

Зашли в пивную на Большом. Пиво Картос любил. Взяли по кружке, уселись в полутемном углу за столик. Картонку “Стол заказан” Филипп Алиевич убрал. Держался он здесь по-хозяйски. Это был упитанный толстячок, большеголовый, с лицом бледным и длинным, как бы от тощего высокого человека. Правильные черты его были словно тщательно стертые, так, что не осталось ни красок, ни морщин. Одет человек был в когда-то хороший костюм и полосатую рубашку без галстука. Двигался Филипп Алиевич неспешно, увесисто, временами твердо придерживал Картоса

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
за локоток.

Отпив полкружки, объявил Картосу, что в органах специально занимался его персоной, обрабатывая всю “прослушку”, так что материалом владеет. Теперь же его, Филиппа Алиевича, отстранили. Никаких сведений он разглашать не собирается, но может кое-что показать, так, мелочь, из частной своей коллекции, нигде не зарегистрированное, в порядке личной симпатии. Филипп Алиевич вынул из внутреннего кармана пухлый потертый конверт и положил его перед собой на чуть влажную пластмассу столика.

– У меня, как вы понимаете, естественное к вам чувство, столько лет были моим объектом, знаю про вас, можно сказать, весь интим, а в непосредственный контакт не вступал. Не положено. В первый раз выхожу на контакт. Даже странно. Вы знали, конечно, что за вами наблюдают. Мне казалось иногда, что вы меня чувствуете. У вас ведь никаких серьезных срывов не было. Очень вы аккуратно себя держали. Например, отказались читать “Архипелаг” Солженицына, Брук читал, а вы нет. Извините, Андрей Георгиевич, но для интеллектуала высшего сорта такая ровная линия неестественна. Неправдоподобна! Такая геометрия знаете на что похожа? На очень глубокую конспирацию! Так считали там, наверху. Я-то понимал, что это не так. Но было удобнее согласиться. Когда же вы, извиняюсь, отмочили нынешний номер, мне это в вину вменили, почему, мол, не предсказал.

Заказали еще по кружке. Бледное лицо Филиппа Алиевича немного оживилось.

– Вы и не знаете, какая вокруг вас шла борьба! Есть великие шпионы: Абель, Клаус Фукс, Берджес, еще несколько. Лоуренс. Считается, что все они разоблачены. Те, кто остался в неизвестности, – те мастера. Некоторые требовали искать на вас компромат. Были, правда, и другие... – Рассказывая, он вскидывал глаза на Картосу, пытаясь обнаружить хоть какой-то отклик. – Благодаря вам я стал аналитиком. Вы, можно сказать, развили мой ум. Как ни смешно, но я вырос на ваших хлебах. Разумеется, у меня имелись и другие задания, но вы были моим постоянным клиентом в течение десяти лет – подумать только! Иногда я представлял себе, как встречу с вами, разумеется, в своем кабинете, на допросе. И вот вместо кабинета пивнушка и вы, извините, в рабочей куртке, а я вроде как проситель. Но честное слово, мне ничего не надо, я с полным бескорытием. Любопытство меня мучает: до какой степени я просчитался, в чем? Мне же известно, что однажды вы уже уходили в маляры, но тут ведь другое! Это, как говорит мой сын, большая залепуха с вашей стороны. Начальство наше навзничь опрокинулось. Наша беда, что мы рассматриваем характер объекта как нечто постоянное. Наше учреждение исходит из убеждения – в каждом человеке имеется говнецо. С этой установкой и разрабатываем. Любого. А вы не поддаетесь. Вижу: вы гадаете, какую я цель преследую. Могу чистосердечно сознаться: я поступок хочу совершить... Вот оно, письмо. Случайно попало ко мне, не зарегистрированное, изъято из частных рук. Думали, не имеет значения. Не знали, кому адресовано. А я знал. К сожалению, отдать не могу.

На тонкой бумаге четкий печатный почерк. Писано черным фломастером, без обращения:

“Чем лучше я тут устраиваюсь, тем больше тебя не хватает. Мастерскую, про которую я тебе писал, оборудовал светильниками, жалюзи, шкафами. Получилось прилично, район Гринвич-Вилледж, ты знаешь, самый подходящий. Считай, повезло мне с этим боссом-славянином. Места по-своему красивые, яркие, люди тоже, каждый бросается в глаза, в мои глаза, пока еще дымка романтики не развеялась. Я чувствую себя словно в командировке, поддерживаю в себе эту уловку, чтобы не затосковать”.

– Позвольте, – спросил Картос, – это письмо кому?

Филипп Алиевич поклонился.

– Анне Юрьевне.

– Ей и передайте.

– Не могу. – Филипп Алиевич виновато усмехнулся. – Ей нельзя. Она шум поднимет.

– Я не читаю чужих писем.

– Это не чужое, тем более что Анна Юрьевна его не увидит.

Картос молчал.

– Я взял его ради вас. Читать чужие письма не преступление, использовать их во вред – вот что преступно.

– Из чего вы хлопчете? Вам-то какая корысть?

– Андрей Георгиевич, я человек. Представьте себе, несмотря ни на что, че-ло-век! Я хочу иметь свои поступки.

Картос разглядывал его, раздумывая, – так разглядывают загадочную картинку.

– Хорошо. – Он слегка кивнул.

“...знакомые завелись, русские, соседи – художники, местные евреи, почти все понимают по-русски, у каждого предки из Одессы или Белоруссии. Появилась еще одна галерея, которая берет мои работы. Помнишь мужчину в черном костюме на пустом пляже? Купили сразу же, галерейщик оставил ее на две недели повисеть, народ задерживался у нее, спрашивали про автора. Автор же вдруг иссяк. Перестал находить вокруг себя странность. Мир с головы встал на ноги, обрел успокаивающую нормальность. Родимый абсурд исчез как сон. Абсурд нашей жизни, от которого некуда было деваться, я о нем вспоминаю с нежностью. Здесь люди перестали казаться мне странными, улыбаются друг другу, никто не хочет лягнуть, выругаться. При этом головы выбриты наполовину, вторая половина – ультрамариновая, и мне это нравится, и я примиряюсь, примирение мешает работать. Написать про мои ощущения не могу, когда я держу тебя за руку, ты понимаешь мой

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru недосказ. В письме – чертеж, по дороге из головы до бумаги краски пропадают. Внутри у меня живопись, а напишу словами – и пропало. Знаю, что в здешней жизни абсурда достаточно, а не вижу, ослеп. Ты мне нужна позарез. Я бы прозрел. Как бы хорошо нам жилось и мне работалось! Что тебя там держит? У тебя же нет там чувства родины, да и любви к социализму. Сейчас стало посвободнее. У тебя тут дети, ты имеешь право настаивать. Думаю, твой муж должен понять. Не будет же он тебя задерживать только в отместку. Тогда он не заслуживает твоей жалости, и нечего с ним считаться. Никогда его не видел, не питаю к нему ничего плохого, думаю, что он был достоин тебя. Он должен понять, что чувство изживает себя – и тогда люди расстанутся. Уверен, что он мог бы добиться разрешения.

Пробовал писать тебя – не выходит. Каждую частицу твоего тела помню. Шея, волосы, плечи, рот, но все они живут по отдельности. Начну писать – сносит на тот портрет, что писал до тебя. Та, которую узнал, – ускользает. Будь ты здесь, я писал бы одну тебя. На улице, в баре, у окна, на лошади, в Центральном парке, куда изредка выбираюсь. Только тебя как разнообразие мира. Модильяни писал различных мужчин и женщин как единое отношение к миру, а я тебя – как множество состояний. От черного до молочно-белого, от восторга обладания до ужаса потерять. Ты стоишь среди мрамора древних статуй, они с отбитыми руками, ты – единственно целая, куда прекраснее их своим живым несовершенством.

Неделю назад получил от тебя впервые записку через К. Н. Аккуратно пишет один Кирюха. Из трех его писем два доходят. Так что свобода набирает силу. Обо всех нас, изгнанных, забыли, обо мне тоже, вернемся ли мы когда-нибудь – не знаю. Была у меня тут выставка. По сравнению с нашими провальная: подвальчик из двух комнат, двадцать посетителей за день, ни споров, ни шума. Единственная радость – каталог издали приличный. Чуть что, я сую его: полюбуйте, не проходимец, не фуфло. Господи, если бы ты приехала ко мне, каждый вечер молюсь об этом, я вымолю тебя, не может того быть, чтобы нас разлучили навсегда.

Письмо посылаю с оказией. Торопят, обнимаю”.

Из конверта выпали блестящие квадратики слайдов. Картос просмотрел их на свет. Картины в тонких белых рамках. На одной обнимались кентавры – вместо конского туловища кузов и автомобильные колеса. Было и фото четырехэтажного грязно-белого дома. Внизу бар с зеленой вывеской, чахлый куст в деревянной кадке, окна, прикрытые жалюзи, кусок улицы, типичный Гринвич-Вилледж. Пожалуй, Андреа знал этот уголок.

С профессиональным вниманием Филипп Алиевич следил за тем, что творилось с лицом Картоса, как сползала маска невозмутимости, гасли краски, он старел на глазах.

– Знаете, я многим рисковал.

Андреа молчал, разглядывая узор пластика на столе: клеточки, кружочки.

– Вы не могли бы отправить это по почте? Адресату, – сказал он, не подымая глаз.

– Для меня – чревато. Я нарушил правила...

– Снимите копию.

Филипп Алиевич откинулся на спинку стула.

– Значит, вы хотите, чтобы адресат получил письмо? Правильно я вас понял?

Картос кивнул.

– Не ожидал. А впрочем... – Филипп Алиевич почесал в затылке. – Если я отдам его вам, что вы с ним сделаете? Потребуете объяснений? Вы ведь ничего о них не знали. То есть подробностей.

– Зато вы все знали. Все подробности. Не так ли? И хотите знать дальше.

– Я же отключен теперь от всякой информации.

– Плохо ваше дело.

– Вы смеетесь, а я расстроен. Мне стыдно за нее. Прошу прощения, но как она могла...

– Не надо об этом.

– Вот вы бросили вызов, маляром стали. Для меня это был удар. Вы, можно сказать, уничтожили портрет, который я создал. Но я не о себе пекусь. Я не хочу, чтобы вы пострадали. Представьте: трос обрывается и люлька ваша падает... Не верите? Клянусь вам! Я столько лет жил вашей жизнью, я знаю вас как никто. Я уважаю вас, честное слово, я понимаю, что это странно.

– Не знаю, как отблагодарить вас, – пробормотал Картос.

– Берите письмо, пожалуйста, больше я вас беспокоить не буду. Для вас я – гебешник. Я надеялся, что вы способны понять человека, который... да что говорить.

XXXV

Предложение поступило от президиума Академии наук. Подписанное вице-президентом. В самых разлюбленных тонах: "Учитывая заслуги... реальные достижения... огромный

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru опыт... ваш талант руководителя...” Короче: “Мы были бы счастливы, если б вы, Андрей Георгиевич, согласились возглавить Институт вычислительной техники в Сибири”. Академический институт. Препный директор уходит на пенсию. Институт нуждается в реформе. Президент также присоединяется к просьбе.

Вручил письмо академик Фомичев, командированный специально для переговоров. Он появился в дверях квартиры Картоса с большим букетом роз, поцеловал руку Эн, обнял Андреа, словно лучший друг. Не давая опомниться, без околичностей приступил к переговорам. Академический институт – это полная независимость, структура академии дает автономию, защиту от министерских и прочих властей. Сам себе хозяин. Через несколько месяцев, поняв что к чему, можно перетащить из Ленинграда своих людей. Самое же существенное то, что должность влечет за собою академическое звание. Директору положено звание академика. Минимум членкора. Разумеется, через выборы, но все считаются с должностью. Да и выборы-то в наших руках, с этим делом научились справляться.

Пили чай. Фомичев нахваливал прическу Эн, ее пышные волосы, ее синее платье с вышивкой, незатейливые его комплименты доставляли Эн удовольствие.

В первый день он не добился от Андреа никакого ответа и, пользуясь разрешением Эн, явился на следующий вечер. Ленинградскую квартиру советовал оставить за собой; на директорство, если откровенно, следует смотреть как на командировку за званием.

Он щеголял своим цинизмом, вызывая Картоса на протест, хотя бы на замечание. Картос рассеянно кивал. Неплохой рассказчик, Фомичев описывал свои недавние поездки в Париж и Токио. Он был наглядным доказательством того, что жизнь прекрасна незнакомыми странами, хорошей едой, красивыми женщинами, он был доволен своим галстуком, купленным на улице Риволи, ботинками на толстой кожаной подошве, в свете подобных перспектив сомнения Андреа Георгиевича превращались в мелочи, не стоящие серьезных размышлений.

Джо был доволен: прислали Фомичева, этот не отступится. Фомичев не мыслит, чтобы его постигла неудача. Кто прислал Фомичева, они не знали, но ясно, что не только президент академии; Джо был уверен, что сработало его письмо Брежневу. Но стоит ли Андреа уезжать в Сибирь – вот в чем вопрос, беспокоился Зажогин, а что, если его просто-напросто выводят из игры, если его там закупорят?

Фомичев игриво жаловался Эн:

– Андрей Георгиевич относится ко мне, как Фауст к Мефистофелю, но у меня нет ни хвоста, ни рогов, можете освидетельствовать.

Он привез Эн корзину с французскими винами, коробкой конфет и печеньем, все “прямо из Парижа”, признался без обиняков:

– Хочу вас подкупить.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Эн посмеивалась:

– Не знаю, не знаю, моего мужа, кажется, устраивает работа маляром, целый день на воздухе, он окреп.

Андреа согласно кивал.

Варианты Фомичева были один обольстительней другого. Эн может остаться в Ленинграде, Картос едет один, на лето она приезжает к нему. У него будет коттедж. Академическую жизнь стоит вкусить, это и почет и блага, всегда при машине, полная обеспеченность. Фомичев не скупился на обещания, ссылаясь на президента академии, и действительно, президент лично позвонил Картосу домой, просил принять предложение во имя интересов дела.

Андреа обещал подумать. По мнению Фомичева, он просто набивал себе цену. Другого объяснения не было. Предложение достаточно выгодное. Вряд ли он мог рассчитывать на большее.

После звонка президента Фомичев приступил к решительному разговору:

– Вы, мой друг, стремились к самостоятельности, не так ли? Академия наук дает вам такую возможность. Берите, хватайте, пока не поздно. Извините, милейший, вы ведете себя как *enfant terrible*.

Отужинав, они сидели вдвоем, Эн ушла на кухню мыть посуду.

– Вы вполне заслуживаете академика сразу, но я тоже прошел через глупое членкорство.

Фомичев никак не мог понять, что удерживало Картоса, какая-то невидимая зацепка, которую, похоже, он и сам не решался высказать.

– Вы будете первым иностранцем, возглавившим институт. В наших условиях это великое дело, я рад, что способствовал. А дальше пойдет, покатится. Лиха беда начало! Ну как, по рукам?

– Видите ли, у меня есть одно условие, – сказал Картос.

– Какое?

– Чтобы мою жену отпустили в Америку.

От изумления Фомичев замер с открытым ртом.

– Как так? Совсем? – почему-то шепотом выдохнул он.

– Совсем.

Воцарилось молчание.

– У нее там остались дети, – пояснил Картос.

– Ничего себе... И вы что, согласны?

– Это мое условие.

– Андрей Георгиевич, но как же вы, коммунист... – Фомичев смотрел на него в ужасе. Вальяжная барственность слетела с него, он отодвинулся подальше, роскошный блейзер его сморщился. – Покинуть нашу страну – и в Америку! Если бы куда-нибудь в Грецию, а то в Америку. Вы понимаете, что это значит?

– Она имеет право.

– Не знаю... Я, конечно, передам.

– Пожалуйста.

Был сырой теплый вечер, светлая заря догорала между деревьями. Ребятня собирала на газонах желуди. Мокрые листья липли к белому мрамору статуй Летнего сада.

Эн шла, помахивая сумкой. Они старались говорить спокойно. Кругом было много народу.

Когда Джо узнал о предложении Фомичева, он приуныл, мысли о расставании с Андреа удручали. Он не представлял, как сможет работать без интуиции Андреа. А тут еще эта глупость с Эн...

– Надеюсь, что ничего у тебя не выйдет. Начальство пошлет тебя подальше с такой просьбой. Куда-нибудь под Вологду. Вот чего ты добиваешься. Шутка сказать, такой политический акт предложить, ты понимаешь, что он означает?

- Действительно, что сие означает? – поинтересовался Андреа.
- Что твоя жена не хочет жить в стране социализма.
- Строящегося, – поправил Андреа. – Это несколько ее оправдывает.
- Что она предпочитает капитализм. Терпенье их лопнет. Вышлют, обоих вас вышлют.
- Вместе? – спросила Эн. – Он же хочет от меня отделаться.
- Я тебя привез сюда – и я же должен освободить. Нам с Джо отсюда не выбраться. Пусть хоть ты вернешься домой.
- А что, мы здесь не дома? – горячился Джо. – Ты говоришь так, будто мы попали в ловушку.
- Ловушку?.. Может, так оно и есть. Ловушка, когда нельзя вернуться.
- Ай-я-яй, ты так говоришь про социализм. Социализм – это гарантия мира.

Андреа зажал уши.

– После разговора с Устиновым слышать это не могу. Он ястреб, хуже всяких милитаристов. У него психоз – оружие, еще оружие, больше оружия. Они не могут остановиться...

Впервые он выкладывал об Устинове, о Сербине то, что у него накопилось:

- Они загоняют страну в нищету, уродуют науку.
- Довольно, – сказала Эн. – При чем тут я, ты что, хочешь спасти меня от нищеты? По-моему, я тебе никогда не жаловалась на здешние условия.
- Она не сама по себе уедет, – сказал Джо. – Она уедет как твоя жена, ты подставляешься, чуть что, тебе предъявят.

Эн остановилась у статуи какой-то греческой богини, сняла с нее прилипший влажный лист.

– Джо, ты его не можешь понять, ты никогда ничем не жертвовал ради любви. Твои романы не доставляли тебе хлопот. Ты предохранялся от настоящей любви как от триппера.

Эн не стеснялась. Беломраморная богиня над ней играла на лире и загадочно улыбалась.

– Почему вам ваши машины важнее семьи? Несчастные вы люди.

– Послушай, чего бы ты хотела? – спросил Джо.

– Я?.. – Эн задумалась. – В идеале я бы хотела, чтобы мы все вместе вернулись домой.

– Это невозможно, нас никогда не отпустят. Даже если здесь отпустят, там арестуют.

– Уже все забыто. Ты бы уехал?

– Я об этом не думал.

– Боишься об этом думать.

– Не думал, потому что мне здесь достаточно интересно. И послушай, женщина, мы ведь устроены по-другому. Вот Андреа ругает, поносит начальство, ему действительно не дают ходу, его лишили центра, который он создал. Все так. Но я скажу то, что никому не говорил: он здесь, в Союзе, расцвел! У нас замечательные ребята, эти русские индуцировали его, я думаю, в Штатах такую лабораторию нам не удалось бы подобрать. Недаром мы обогнали всех. Пусть фыркает, он знает, что это так. Нигде бы ему не удалось сделать столько, сколько здесь.

Похвалы Андреа принимал как должное. Когда Кулешов на коллегии упрекнул его в нескромности, Андреа спросил: а почему, собственно говоря, он обязан быть скромным? Скромность, говорят, украшает человека. Но какого человека? Скорее всего посредственность. Пушкин не был скромным. И Маяковский. И Микеланджело. Скромным он готов быть перед учеными, которых признает великими, перед Шенноном, Тюрингом, Винером, перед ними он склоняет голову.

Им навстречу шел Алеша с рюкзаком, из которого торчала теннисная ракетка. Он был разгорячен после удачной игры. Андреа взял его под руку, они заговорили о новой

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
машине. Джо и Эн, поотстав, следовали за ними.

– Ты думаешь, они согласятся? – спросила Эн.

– Если будешь стоять на своем. Андреа узнал что-нибудь новенькое про твоего художника?

– Он прочел письмо. От него. Оттуда...

– Каким образом?

– Не знаю.

– И что же? Устроил сцену?

– Нет. В том-то и дело. Его удерживает гордость, он идиотски самолюбив. Особенно теперь, после неудач.

– Ну и что? Не все ли равно, если ты хочешь уехать.

– Я жалею его. И Валеру тоже. Я жалею обоих, вот что ужасно. Я не хочу выбирать. Если останусь, буду тосковать по Валере, он ждет меня, теперь-то я знаю это. Если уеду, буду стыдиться самой себя.

– Не мучайся, скорее всего тебе откажут.

– Фомичев отнесся к этому серьезно.

– Ты знаешь, почему набожные евреи носят на голове кипу или шляпу? Они признают, что есть что-то выше их. Есть кто-то и повыше Фомичева.

– Будь как будет. Пусть судьба решит за меня. Так легче.

Потом она говорила о том, что ей с Валерой, конечно же, хорошо, но, в сущности, они ведь и не жили вместе, с ним придется начинать как бы заново, начинать третью, нет, уже четвертую жизнь. Девичество, Роберт, Андреа и Валера...

Она будет вспоминать этот сумрачно-холодный город, несчастный и нежный, полный
Страница 283

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru таинственных уголков, заброшенных особняков, где в нише полуразрушенного фасада вдруг видишь остатки прекрасной мозаики, облупленные фигуры каких-то древних греков. Бесчисленные мосты, мостики, каналы, протоки. За эти годы она исходила весь Васильевский остров, Петроградскую сторону, набережные фонтанки, Мойки, заходила во дворы, проулки. Когда Валерий писал свои петербургские фантазмагии, она была его гидом. Конские головы, узорные ворота, балконные решетки – город был набит следами былой красоты; ее глаз выискивал в заснеженных улицах изящные безделушки, она радовалась своим находкам одинокой радостью путника... С какой-то неестественной четкостью запомнится ей и этот сырой вечер в Летнем саду. Каждое слово, весь разговор с Джо, малейшие подробности сохранятся в ее памяти – коротко стриженный затылок Алеши с глубокой ложбинкой, красные уши Андреа, зеленоватые сумерки сада, а за высокой решеткой, над Невой – золотое вечернее небо. И как Андреа втолковывал Алеше: “Ты считаешь, что Россия – большая жопа Европы, а я все же думаю, что она член Европы, детородный член”.

Валера тогда писал свою серию “Боги”. Там был изображен сад, отдаленно похожий на Летний, мраморные боги в пиджаках, плащах, шляпах толпились вокруг обнаженной женщины. Гранитный постамент. С него она и обращалась к богам. На второй картине – спины и затылки уходящих из сада богов. Из прекрасного сада, где остались пустые постаменты; боги в плащах, юбках, брюках покидали его. Листья облепили их мраморные затылки и мраморные ноги. Обнаженная женщина напоминала Эн, она хотела следовать за богами и не могла.

“К сожалению, выяснилось, что я до сих пор люблю его, – говорила она в тот вечер Джо, – я была жестока с Андреа – зачем? Я думала, что не нужна ему, я не понимала, что вошла в него и он перестал замечать меня, как не замечают собственного сердца”.

“Продолжай, – требовал Валера, он писал под аккомпанемент ее рассказов, – еще, еще, – просил он, – про то, как тебя вызвали”. Странно, но текст заявления, которое попросили ее написать, она плохо помнила, обыкновенное заявление, шариковой ручкой, с просьбой разрешить выехать повидаться со своими детьми, обращается впервые, соскучилась, обязуется не нарушать подписанных ранее обязательств...

Все произошло поспешно, бестолково, Эн даже не успела ни с кем толком попрощаться. Она надеется вернуться, так она сказала советскому вице-консулу, который встречал ее в Нью-Йорке. Он предупредил: госпожа Картос может сделать это в любое время, если только не перекроет себе дорогу назад какими-либо враждебными акциями.

Появление Эн в Нью-Йорке прошло незамеченным. На сей счет, как говорили, существовала договоренность с ЦРУ. Она сняла себе квартирку неподалеку от Валеры. Когда в 1987 году он приезжал со своей выставкой в Москву, Эн с ним не было. К тому времени В. Михалев стал известным художником – две монографии, в Париже альбом с рисунками; был там и снимок Эн, она стояла у окна с распущенными волосами, слишком молодая, Кирилл утверждал, что это монтаж.

XXXVI

О сибирском житье Картоса сведения скудные. Известно, что власти встретили его приветливо. Отвели солнечную трехкомнатную квартиру, обставленную новенькой немецкой мебелью. Окна выходили в парк, дом был правительственным, из серии “дворянское гнездо”. Прикрепили машину, выдали пропуск в спецмагазин и

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru спецстоловую. Андреа сделался достопримечательностью города: залетная птица заморского оперения, кроме английского говорит еще и по-гречески и по-испански, что, как всякое излишество, свидетельствует о европейском блеске. Временная опальность притягивала к нему внимание, начальство не противилось, потому как понимало: товарищ Картос попал к ним транзитом, рано или поздно, после того как получит академика, его заберут в столицу. Дамы за ним ухаживали с удовольствием – мужчина одинокий и приятный.

Коллектив института оказался слабеньким, больших работ здесь не вели, привыкли исполнять то, что поручали, а поручали им лишь то, к чему они привыкли. Оборудование допотопное, зарплата аховая, помещение ветхое, холодное, линолеум в коридорах дырявый, даже лампочки без плафонов. Сотрудники – народ милый, тихий, занятый своими огородами и садовыми участками.

Адреа несколько раз собирал их, пробовал заинтересовать проблемами искусственного интеллекта. Он пришел к выводу, что, создавая искусственный интеллект, необязательно имитировать человеческий мозг. Следует искать новые подходы. Его внимательно слушали, задавали вопросы, иногда дельные, но на этом все и кончалось. Охотников заняться этой проблемой всерьез не нашлось.

Начальник второй лаборатории, Савельев, в открытую говорил, что народишко здешний отсырел. Молодежь, кто поспособнее, норовит податься в центр, в крайнем случае в Новосибирск. Вот и он, Савельев, в свои сорок лет оставил диэлектрики и переключился на огурцы, ныне заслуженный огородник. Картос прочел две его работы, напечатанные в местных “Трудах” лет десять назад. Обещающие были работы, Савельев не продолжил их, а теперь все заросло.

Пассивность сотрудников удручала Андреа. Семинары проходили скучно: отбывали, подремывая, ждали, когда отпустят. Однажды он все-таки сорвался, наговорил обидных слов, обозвал деградантами. Сидели, виновато опустив головы, никто не возразил, разошлись молча. Он задержал Савельева. Савельев не оправдывался. И остальные сотрудники встречали его замечания виновато, не спорили. Он тыкал их в научные отчеты, приготовленные кое-как, лишь бы сдать.

Он убедился, что интерес людей вызывало другое – надо было консервировать овощи, заготавливать травы для чаев, закладывать на зиму картошку, доставать кирпич, мел для дач и садовых домиков. Мелкие заботы жужжали повсюду, забираясь в пространство рабочего дня, и отогнать их Картос не мог. У кого-то болели куры, проблему куриных хворей обсуждали повсеместно, горячо, с помощью специальной литературы. Копали погреба. “Определить оптимальную глубину погреба – это тебе не схему рассчитать”, – писал Андреа в одном из писем Джо.

Местная жизнь не совпадала с прежней жизнью Андреа. В Н-ске укрыться было негде, приходилось посещать юбилеи, свадьбы, являться на приемы, торжественные заседания, активы, сидеть в президиумах. Одинокий директор института, брачного возраста, чем дальше, тем больше волновал женскую часть населения. Андреа засыпали предложениями помочь по хозяйству, ему давали кулинарные советы, наносили визиты с дарами – соленья, печенья. А тут еще уговорили по случаю приобрести катер и выезжать по озерам и протокам на рыбалку. Красота прозрачных сибирских рек захватила его, было блаженством плыть вдоль диких обрывов, природа была тут могучая, с красой извечной, пахучей. Зимой его утаскивали на подледный лов. Закутанный в овчину, Андреа часами просиживал посреди белых просторов озера. Мысли об интегральных схемах посещали его все реже...

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Он писал Джо:

“Ум мой постоянно очищается. Я начинаю видеть, что люди ходят на службу не ради высоких целей, они растят детей, ловят рыбу, любят, ссорятся, жизнь как таковая для них дороже работы. Развитие микроэлектроники никого особенно не волнует. Я со своей идейностью выгляжу здесь посторонним. Я был упоен предназначенностью, своими машинами, а ведь ничего от них не останется, прогресс все сожрет. То, что мы делали, станет позавчерашним обедом. А я пожертвовал всем... Мне недавно приснилась Эн, и я увидел то, с чего у нас началось: обольстительный шрамик у нее на скуле, след нашей общей строительной горячки на Итаке... Не знаю, удастся ли нам дожить... Сколько ни думал, придумал лишь одно: прогресс – это увеличение срока человеческой жизни. А все остальное – успехи техники, науки, политики – не понять, лучше от них человеку или хуже.

Дома в деревнях здесь деревянные, каждый дом пахнет теплым некрашеным деревом, запах этот смешивается с запахом реки. Вернусь в Москву – все исчезнет: и запахи и сомнения; опять помчусь – куда, зачем? Знаю, что не нужно, и знаю, что не вырваться мне, не изменить свою жизнь!”

Поздней весной Савельев повез картоса к себе на садовый участок. На шести сотках – больше не положено – стоял ярко-желтый с синим домик, теснились несколько укутанных соломой яблонь, кусты черноплодки, блестел обтянутый запотелой пленкой парник, нежная зелень доверчиво выбивалась на свет, торчали двулистки – знак огурцов, знак моркови, знак кабачков, знак редиски. Савельев разглядывал зеленые иероглифы, и его измятое заботами лицо приняло такое счастливое выражение, какого Андреа никогда у него не видел.

В письме к Джо Андреа подробно описывает участок Савельева: колодец, насос, сколько чего выращивают, систему земледелия, кпд выше китайского, обеспечивает семью Савельевых (пять человек) на всю зиму овощами, вареньем, яблоками. Без огорода, на одно жалованье, не прокормиться. Зарплата – пустые бумажки, здесь ни масла не купишь, ни колбасы, совсем другая жизнь, чем питерская или московская. Савельев повел его по соседям. Такие же участочки, домишки, каждый на свой лад, у кого с печкой, у кого с камином, с электробатарейями. Один дом с башенкой, другой в виде гриба, чтобы землю экономить. Вот куда направлена выдумка.

Андреа восхищается изобретательностью владельцев, сетует – на что, дескать, расходуется изобретательность, и снова обрывает себя, вспоминая, с какой гордостью они показывали ему свои достижения. “Они не менее счастливы, чем наши ребята при удачном завершении очередной машины. Несравнимо, да? А собственно, почему? Работа на себя дает этим людям удовлетворение, которого они лишены в институте. Увы, несмотря на шестьдесят лет советской власти, чувство собственности пришло и без всякой агитации запросто одолело социалистическое сознание со всеми его блестящими надеждами, Марксами и прочими первоисточниками. Несчастных шесть соток! Почти каждый выступает на своем участке как творец и создатель. Минкин, старший лаборант, сказал мне: “Я жил-жил и не знал, какой у меня вкус, а тут вот покрасил свой домик, вижу – безвкусица, значит, что-то проклянулось!” Для них занятия эти – не мелкие, а насущные. Какое право я имею свысока смотреть? Сегодня жизнь здешнюю облегчают не ЭВМ, сегодня надо, чтобы за зиму картошка не проросла. Боюсь, что и завтра то же самое будет. При этом они себя виноватыми чувствуют, понимают, что институту отдадут полсилы. Спорить со мною не смеют. Наши, когда я посылал помогать в колхоз, какой хай поднимали, эти же безропотно едут”.

Сохранилось всего три его письма из Сибири. В последнем Андреа пишет:

“Затягивает меня здешнее неспешное житье. На днях поймал большого тайменя. Удовольствие огромное. Собрались на него. Выпив, я вдруг впервые без просьбы сыграл и спел несколько песен. Об этом узнало начальство, пригласило меня на суаре в качестве менестреля. Я стал отказываться, тем более что приехал Мошков, мы с ним работой занялись, и я как бы шутя условие поставил: приду, если дадите еще несколько садовых участков. И что ты думаешь? Согласились! Но сказали: вы, мол, жаловались на частнособственнические инстинкты сотрудников, а теперь что – сами их поощрять будете? На вечеринке разговор зашел о пережитках капитализма в сознании людей. Кто-то пошутил: дескать, еще пожалеем, что искоренили эти самые пережитки – восстанавливать придется. Шутка начальникам не понравилась, но двадцать участков я таки получил. Земля немереная, а жмутся, один из местных идеологов рассуждает так: “Владелец участка обретает независимость, независимость приводит к индивидуализму, уходу в мир мещанских интересов”. На вид дуб дубом, однако доказал, с цифрами, первобытность такого земледелия, нужно-де передовое, машинное, но другой, не колхозной заинтересованности. Слушал его и убеждался: да ведь он в душе – фермер, дали бы ему землю, кредиты, то-то бы развернулся! Сколько кругом погасших, нереализованных талантов! Русский человек никогда не имел возможности заняться своим делом. Русский народ – это залежи не востребуемых талантов. Причем во всех областях. Начиная с математики, кончая музыкой. Их можно сравнить с древними греками. И при этом у меня косный коллектив, не способный выполнить более или менее приличную работу. И при этом тот же Савельев додумался до интегральных схем одновременно с нами. Его группа подошла к ним вплотную. Как водится, никто на это не отозвался. Сам он, когда я ему это сказал, обрадовался. Но никакого огорчения от того, что не досталось ни первенства, ни славы. Удивительное безразличие. Обрадовался своему уму, то есть тому, что самостоятельно дошел, и этого ему достаточно”.

По воспоминаниям, Картос вел себя с женским персоналом осторожно. Официально считалось, что супруга его отбыла за рубеж, развода не было, в анкетах он числился состоящим в браке. Под старый Новый год оказался вдвоем в сауне с тридцатилетней заведующей поликлиникой, заводная, крепкая чалдонка, ее портрет был когда-то даже напечатан на обложке “Огонька”. Как да кто подстроил им эту сауну, неизвестно, но уж раз так получилось, Маргарита потребовала, чтобы Андреа подтвердил свои мужские возможности, иначе она подтвердит слухи о его недееспособности. Такую вот выгодную для Андреа версию она преподнесла.

Легкой связи у них не получилось. Никто не ожидал, что острая на язык, циничная разведенка может, как она сама признавалась, вляпаться. Рита ухаживала за ним, сопровождала его и на рыбалку и на лыжах, внимание ее временами тяготило Андреа, она понимала это и ничего не могла поделать с собой, навела в его квартире уют, стряпала ему вкусно, обильно, он жаловался, что толстеет.

Наконец-то он стал доступен журналистам, и они накинулись на него:

– Может ли машина думать?

– А кто ж еще у нас может думать?

– Удастся ли вам здесь сделать то, чего вы хотите?

– Боюсь, что никто не живет как хочет, разве что дураки.

О себе, о своей биографии Андреа ничего не сообщал.

Наконец одной журналистке удалось раздражить его, и он разразился монологом, который она полностью опубликовала в местном журнале:

– Поединки с природой? О чем вы? Мы заняты мелкой, скучной работой, к тому же грязной. В ней нет ничего от величия задач, которые она якобы решает. Обычная возня – из-за материалов. Тащат друг у друга, а больше – у казны. Прежде всего спирт – валюта науки. Время уходит на добычу, что, где выменять. Грызня с производственниками. Элегантные молодчики, которые сыплют остротами, спорят о поисках истины, при этом сплошь альпинисты и философы, – выдумка литераторов. Если и попадаются, то это большей частью поверхностные ребята. Природа с нами хитрит, лишь бы не проговориться, врет, притворяется...

XXXVII

В один из своих приездов в Москву Андреа познакомился с проектом работ по волновому воздействию на противника. Режимы должны были обслуживаться системой ЭВМ. Проект сопровождался рекомендациями и рецензиями ученых, среди которых было несколько известных. Непонятно, как они могли вляпаться в явную аферу. Новые лучи якобы и лечат, и убивают, и обеспечивают связь на любых расстояниях. Возможности их всемогущи, они увеличивают всхожесть зерна, они снижают потребление топлива. Эффект неисчислимый. Секретность наивысшая.

На вопросы Андреа академик Фомичев уклончиво процедил: нельзя-де с порога отвергать, чем черт не шутит... Андреа сочувственно кивал и также сочувственно стал объяснять, что столь фундаментальным открытиям трудно найти себе место внутри незыблемого каркаса науки. Физика налагает суровые ограничения на новые силы и поля. Их надо искать снаружи, за пределами обычных условий.

От его менторского тона Фомичев взорвался: нечего его учить. Он всю эту шарлатанщину видит насквозь, лучше Андреа и если ввязался, значит, на то есть причина. Мало разбираться в физике, надо еще разбираться в том, что над физикой. А над ней царят денюжки. Да-с, самое что ни на есть пошлое золото. Военные, которые купились на посулы изобретателя и отвалили большой кусок своего пирога, пообещали Фомичеву выделить на его новую лабораторию. Он понимает, что рискует своим именем, но надеется, что его прикроют секретностью. Посоветовал и Андреа сделать то же самое: поддержать проект, пообещать какую-то разработку, а под нее получить деньги для института. Оказалось, что в этом дутом проекте участвуют еще несколько ученых на тех же условиях.

Андреа подумал и согласился.

Впоследствии бумаги, подписанные им, каким-то образом всплыли. На них ссылались, доказывая, что Картос не разбирался в физике, что репутация его преувеличена.

Выборы в Академию наук приближались. Кандидатов оказалось много, на одно место, кроме Картоса, претендовали еще шесть человек. За каждым стояли влиятельные

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru академики, институты, работники ЦК, обкомы. Попытки договориться привели к тому, что за две недели до выборов из семи претендентов остались четверо. Никто из них не уступал. Механизм очередности не сработал, все получилось не так просто, как сулил Фомичев. По настоянию Загогина организовали группу поддержки Картоса. Он уверял Андреа, что у всех кандидатов есть нечто подобное. Группа обрабатывает академиков – членов отделения, их жен, их детей, их сотрудников, использует любые связи. Убеждают, обещают, раздают подарки, из южных республик везут фрукты, вина – таков обычай, так заведено. Загогин связался с Савельевым, с Маргаритой, из Н-ска прибыло самолетом два ящика с рыбой. Загогин готов был развезти ее по нужным людям, но это было бы бестактно; Андреа скрепя сердце отправился по адресам. Поднимался с пакетом, потел, краснел, вручал, бормоча: наловил самолично нашей сибирской рыбешки, попробуйте. К его облегчению, академики принимали пакеты охотно, с шутками, один хитро подмигнул: подарки любят отдавать, не так ли? И тут же вручил ему на отзыв диссертацию некоего Сагдулаева. В тот же вечер к нему в гостиницу явился и сам Сагдулаев, застенчивый мягкий узбек, принес “макет готового отзыва, чтобы вам не затрудняться, зачем мучить себя”.

Позвонил академик Родин, попросил выступить в Доме ученых на юбилейном вечере его друга-профессора, тоже кибернетика. Этого профессора Андреа терпеть не мог, однако отказать было неудобно. Как будто все сговорились использовать Картоса, пока он еще не выбран, пока зависим.

Внешне он держался по-прежнему холодновато, слушая, учтиво наклонял седеющую голову, шутил своим обычным нескладным русским языком, то ли виновато, то ли хитровато – не поймешь. Но все чаще застывал посреди разговора, переставал слушать. Смотрел словно бы издалека. Два человека – Джо и Загогин – знали, что творилось с ним. Он предупреждал, что больше не выдержит, нет сил терпеть, притворяться, унижаться... “Еще немного, потерпите”, – умолял Загогин. Джо звонил из Ленинграда, тревожился: раз так трудно, может, плюнуть? Андреа сердился, он не умел отступить, не в его характере сдаваться, это Джо готов смириться с поражением, гнить на вторых ролях, позволять себя эксплуатировать, нет, извините, он своего добьется, академия для него не цель, а средство, рано, рано списывать его со счета... Он орал, не сдерживая себя. В тот раз Андреа много злого наговорил о примиренческом поведении Джо, обвинял его в том, что тот предает их идеалы. Не было никакой логики в его словах, недавно же сам писал из Сибири – как хорошо, дескать, погрузиться в обыкновенную жизнь, сложить камин, заготовливать дрова, самому их пилить, колоть.

Андреа кричал, что он их жертва, что это они вынуждают его идти на унижения, терять порядочность, ему самому ничего не нужно, никакого звания, что Джо, как всегда, устроился за его спиной и первый будет пользоваться плодами, если он, Андреа, станет академиком.

Ночью он позвонил Джо, извинился, сказал, что сорвался, слишком постыдна битва, в которую он ввязался. Ну получит академика, дальше надо будет добиваться возвращения из Сибири, потом добиваться восстановления статуса лаборатории, все истратит на хлопоты, погоню за призраком. Бунта не получилось. Обнадежили, обманули...

Сперва надо было пройти голосование на отделении. Накануне пронесся слух, будто из Совета Министров звонили президенту и выражали сомнения насчет кандидатуры Картоса в смысле политической благонадежности. У отделения дополнительно запросили список его научных трудов, хотя знали – в открытой печати Картос публиковаться не мог. До поздней ночи засиживалась группа поддержки в московской квартире Загогина, курили, пили кофе, подсчитывали, кто и как будет голосовать, возможны ли варианты и кого бы еще подключить. Картос стискивал голову руками, ходил взад-вперед, вдруг вспомнил, как покойный академик Ландау говорил ему: две

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
трети академиков ничего общего с наукой не имеют, а труды вице-президента
Топчиева не более чем размышления о том, что такое автомобиль.

Голосование на отделении принесло победу двум кандидатам, Картосу и старому члену Расторгуеву. Место же было одно. Андреа попросили уступить, он-де еще успеет, а Расторгуев на следующих выборах не пройдет по возрасту, на что Картос ответил: решать должно общее собрание, а не он единолично. Держался Андреа твердо, но после этого разговора чувствовал себя отвратительно. А наутро в день открытия сессии Академии наук отправился пешком по Моховой в сторону Никитских ворот. В девять утра его уже не было в номере, и где он находился до часу дня – неизвестно, но в час или около того, как свидетельствовал буфетчик, Андреа появился в забегаловке у Никитских ворот. Запомнились его бледность, неверные движения. Подумали, с перепоя, свой, что называется, клиент – запойный. Но заказал он чай. Чай и больше ничего. Шатко донес до стола, опустил на стул. Рядом сидел парень в телогрейке, ел макароны. Разыскали этого парня; оказывается, Картос ему пожаловался: плохо, мол, – и даже сказал, что умирает. Парень не вник: погоди, мол, папаша, доем по-быстрому – и мы с тобой примем по стопарю.

Когда он начал сползать со стула, к нему кинулась кассирша, но что он хотел сказать – не поняла...

Джо, расспросив ее, понял, что, умирая, Андреа пытался говорить по-английски... Когда приехала “скорая”, Картос был уже мертв. Он лежал на замызганном, заплеванном полу, загороженный стульями, лицом к стене. За остальными столиками продолжали есть и пить.

В это время на сессии академии шло голосование. Фомичев расхаживал со своим бюллетенем, громко советуясь: не жирно ли будет Картосу сразу прямехонько и в академики? На что Капица Петр Леонидович ответил довольно громко: “Мерзейшая наша русская черта – зависть”. Фомичев изобразил согласие, но агитацию – за Расторгуева и против Картоса – не прекратил. Кандидатура Картоса и в самом деле была спорной. Толки о нем ходили разные. Однако версию о шпионстве всерьез не принимали. К вечеру стали известны первые, неофициальные, итоги голосования. Картос не прошел, не хватило трех голосов.

Когда Зажогин позвонил, Джо решил, что его разыгрывают: Андреа и смерть? Невозможно. Он и на похоронах твердил как заведенный: “Вы шутите? Шутите... Шутите?” Его просили выступить, а он ничего не мог произнести, кроме этой дурацкой фразы...

XXXVIII

Передача шла в воскресенье, в девятнадцать тридцать. Называлась она “Кто вы такой, Джо Берт?”. Анонсировали ее как разоблачение одного из крупнейших советских ученых, который сам выступит в диалоге со знаменитым ведущим Уолтером Круменом.

Час TV – две тысячи долларов, Джо согласился. Ему нужны были деньги, чтобы снять приличную гостиницу. С родными пока не складывалось, и он остановился у своего старого приятеля Сингера на окраине Нью-Йорка. Сингер считал, что следовало поторговаться, биография Джо – это сокровище, киношники за такую жизнь могут

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru выложить десятки тысяч долларов. Наверное, Сингер прав, к нему уже подкатывался молодой журналист Питер Колински, собиравшийся сделать о Джо книгу, он обещал ему половину гонорара, но лишь через полгода. Да еще при условии, что Джо все это время будет помалкивать и уж тем более не якшаться с такими потрошителями, как Уолтер Крумен. Уолтер же заверил, что выступление по телевидению будет хорошей рекламой для киносценаристов.

Короче, Джо убедился: в этой части планеты его биография пользуется большим спросом. Следовало использовать конъюнктуру. И начинать следует с телевидения, то есть с Крумена.

В Нью-Йорке стояла жара. В тени тридцать градусов, город был весь в поту, хотя кондиционеры работали на полную мощность. Режиссер критически осмотрел плотный темно-серый костюм Джо, рубашку с затянутым синим галстуком, платочек, торчащий из кармана. Сам режиссер был в майке, шортах и сандалиях на босу ногу. Он предложил Джо снять пиджак. Джо засомневался – прилично ли, все же он как бы представляет Советскую страну... Режиссер вдруг согласился, пожалуй, это будет в образе; то ли русский американец пришелся ему по душе, то ли он втайне недолюбливал Уолтера, который осточертел требованиями показывать его физиономию. И еще он посоветовал Джо не отступать под напором Крумена, отвечать ударом на удар, нападать на Америку, если Джо оробеет, то зритель потеряет к нему интерес, если же удастся продержаться, то можно будет пустить их на второй раунд через несколько дней.

Уолтер приехал в последнюю минуту – в клетчатой рубашке, джинсах, пыхтя и отдуваясь, этакий симпатичный увалень. Красноносый, видать, любящий закладывать, он шумно сморкался, вытирая большим алым платком потную шею, лоб, и как бы забывая про камеру, спохватываясь с виноватым смешком.

Мне показали видеокопию этой передачи. Джо появляется на экране не сразу. Сперва Уолтер рассказал, как десятки лет агенты ФБР безуспешно разыскивали того, кто помогал Розенбергам и затем скрылся на пару со своим другом Костасом; коммунисты, молодые, талантливые инженеры-исследователи, они ускользнули из рук агентов и словно бы растворились где-то на востоке, в бескрайних просторах России. Считалось, что их обоих выкрало КГБ и то ли уничтожило, то ли запрятало в своих подвалах. Попытки ЦРУ узнать что-нибудь об их судьбе ни к чему не приводили. Ни родные, ни дети, ни одна душа в Америке ничего не знали о них, так же как и о женщине по имени Эн Хиллмен, которая сбежала с Андреа Костасом. Трое американцев исчезли, растворились, пропав без вести. Ныне один из них появляется в Нью-Йорке, имея на руках американский паспорт.

Все трое жили в Советском Союзе под другими фамилиями, имели другие биографии, ЦРУ знало об этих людях, но не догадывалось, что это те самые искомые икс, игрек, зет. Уравнения с тремя неизвестными не удалось решить. Еще одно доказательство высокого качества русской разведки.

– Разрешите называть вас просто Джо?

На экране фотография молодого Джо, черты расплываются, двоятся, из телетумана возникает нынешний Джо, перед камерой он невольно выпрямляется под стать молодому, но видно, как они разошлись. Он ли это? Не мудрено, что Уолтер смотрит на него с сомнением.

– Вы Джо Берт?

– Да.

– А в советском паспорте?

– Брук. Иосиф... Иосиф Борисович.

– Вы выбрали имя в честь Сталина?

– Джо по-русски – это Иосиф.

– Интересное совпадение. Оно сыграло роль в вашей судьбе?

– Что вы имеете в виду?

– То, что вы сделали сталинистом.

– Сталинистами становятся по другим причинам.

– Зачем вы приехали в Штаты?

– Я хочу продать совершенно новый способ производства чипов для компьютеров, это моя собственная разработка...

– Минутку, Джо, у нас за рекламу надо платить. Нас смотрит вся Америка не ради ваших чипов, людям интересно знать, каким образом американец, рожденный здесь, в Нью-Йорке, стал в Москве Иосифом Бруком из Иоганнесбурга. Каким образом вас переправили туда?

– Я сам уехал в Европу.

– Зачем?

– Чтобы заняться музыкой.

– Вы уже были коммунистом?

– Да.

– Кто вас вовлек в партию?

– Я сам вступил.

– Вы знали Розенбергов?

– Мы познакомились студентами.

– Зачем вы вступили в партию?

– Господи, да зачем все вступают. Мне нравилась идея коммунизма, капитализм выглядел отвратительно. Кризис тридцатых годов – вы не знаете, что это такое, а я никогда не забуду, как у Вашингтон-сквер из окна двенадцатого этажа выбросился один коммерсант, он кричал в воздухе и потом шмякнулся на ограду, на пики... – Джо передернулся, закрыл глаза.

– Лучше диктатура пролетариата, концлагеря, расстрелы, уничтожение несогласных?

– Нас привлекали принципы – от каждого по способностям, каждому по труду, а дальше – от каждого по способностям, каждому по потребностям. Разве это плохо?

– Прекрасно. А на самом деле?

– Да, методы некорректны.

– Некорректны! – взвился ведущий. – Уничтожили десятки миллионов людей, больше, чем в гитлеровских душегубках, – это называется некорректным! В книгах о деле Розенбергов пишут, что вы бежали в Европу, узнав об их аресте.

– Я уехал за год до их ареста.

– Ваша музыкальная карьера в Париже удалась?

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Я сочинял шлягеры. Это у меня получалось.

– “Мой первый поцелуй” – это ваш поцелуй?

Уолтер смеется и напевает, вспоминая мелодию. Джо подпевает ему.

– Какого же черта вы бросили музыку и отправились в Москву?

– Может быть, все бы сложилось иначе, если б за мной не стало охотиться ФБР.

– Вы чувствовали за собою вину?

– Нет.

– Чего же вы боялись?

– В обстановке маккартизма коммунистов сажали, не считаясь с законами.

– Выходит, вы тогда уже все понимали, не надеялись на законы. Как же вам удалось перехитрить наших агентов? Откуда вы узнали, что вас выследили?

– Я почувствовал.

– Они себя чем-то выдали?

Джо задумывается.

– Были неуловимые мелочи. Например, я позвонил в посольство, и то, как со мной говорили...

– Какое чутье! Но есть другая версия. Позвольте, я покажу вам видеозапись интервью с одним из агентов, которые были посланы за вами в Париж. Это бывший сотрудник ФБР Мак Морисон.

Уолтер вставляет видеокассету. На экране студийного телевизора появляется усохший господин, у него такая же лысина, как у Джо, висят бульдожьи брылы, в руках толстая палка, он расхаживает, опираясь на нее.

– Мистер Морисон, расскажите, как вы занимались поиском Джо Берта.

– Мы получили задание отправиться в Париж и взять там этого типа. Он нужен был по делу Розенбергов. Вдвоем с напарником вышли на этого музыканта. Но в последнюю минуту он драпанул.

– Как это могло произойти? – спрашивает его сидящий к нам спиной репортер.

– Он не знал про нас. Он звонил в посольство, возмущался, что его друзьям Розенбергам шьют шпионаж, хотел дать показания в их пользу. Мы его ждали в посольстве, но почему-то он не приехал. Тогда мы разыскали пансионат, где он жил, но его там уже не было.

– Его кто-то спугнул?

– Мы разыскали его любовницу. Певичку. Она исполняла его песенки. Эта шлюха три дня морочила нас, пока ее не прижали. Она-то призналась: Берту помогло КГБ.

– Откуда она это узнала?

– Иначе с чего бы он сорвался? Факт, что они имели информацию. Наши действия потом проверяло начальство. Никаких промашек у нас не было.

– Итак, КГБ вас обошел. И Костаса ваши ребята упустили, и эту...

Морисон яростно застучал палкой.

– Коммунисты! На них работали коммунисты. Их, как блох, полно повсюду. Думаете, в нашем посольстве не было? КГБ подкармливал наших коммунистов. Тысячи осведомителей! Их агенты свободно шляются у нас где им вздумается.

– Вы знаете, Морисон, что Джо Берт приехал в штаты?

– Вот видите! Хоть бы хны! Я читал в газетах, что этот наглец восстановил американское гражданство. Какого черта ему тут надо! Уверен, что ему опять помог КГБ. Русские посредством этой старой тряпки демонстрируют свои свободы – так, что ли?

– Наверняка. Но, может, Берта просто потянуло на родину?

– Не верю я ему.

– Прошло столько лет, холодная война кончилась, а вы не хотите ничего простить.

– Знаете, все не так просто. Я не злопамятный человек. Сочинял бы он свои песенки – да ради бога, я бы мог с ним встретиться и угостить пивом. Вот вы говорите – простить. Я себе не могу простить. Мне рассказали, сколько он там со своим дружкой изготовил всякой военной техники. Ведь они работали против нас. Из-за них мы миллиарды тратили на оборону. А все оттого, что вовремя не поймали этого гаденьша. Во сколько они оба за эти годы обошлись нам? Когда я подумаю, что это из-за нас... Да, на старости лет он мне показал хороший кукиш.

Далее шла как бы художественная концовка: Мак Морисон, тяжело опираясь на палку, удаляется по пустынной солечной аллее, расстроенный, потерпевший неожиданное поражение.

– Что вы скажете на это, Джо?

Джо задумчиво смотрит на Уолтера.

– Бог ты мой, они ее разыскали.

– Кого?

– Терезу.

– Ах да, эту... Она помогла вам бежать?

Взгляд Джо остается отрешенным. Уолтер с сочувствием спрашивает:

– Вы любили ее?

– Да...

– Это была счастливая любовь?

Уолтер спрашивает осторожно, совсем иным, домашним тоном.

– Нам было хорошо. Она прекрасно исполняла... у нее был тот голос, который мне нужен, я сочинял для нее.

Позади них на экране телевизора появляется черно-белая фотография Терезы.

– Это она?

Джо оборачивается.

– Откуда она у вас?

– Из вашего досье... Прелестная женщина, я понимаю вас, Джо. И что у вас с ней было дальше?

– Ничего. Мы с ней больше не увиделись.

– Как же так? Почему?

– я должен был бежать. Я не хотел ее вовлекать.

– Откуда она узнала про КГБ?

– Наверняка придумала, чтобы отвязаться, а они уцепились. Это их устраивало.

– Но если не было никакого КГБ, что же вам помешало вернуться к Терезе?

Джо пожимает плечами.

– Вы не жалели о своем поступке?

Джо молчит.

– Счастливая любовь! – с чувством произносит Уолтер. – Бросить ее... Ради чего? Побежать под защиту кремлевских стен. Бесстрашный рыцарь! Ах да, я забыл: коммунист должен жертвовать личными чувствами во имя великой общей цели. Я не клевету?... И вот вы бросаете любимую женщину, отказываетесь от всякой борьбы за

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
нее, зато получаете убежище.

Джо обиженно вскидывается:

– Какая борьба? С кем? С электрическим стулом?

– Вы и не пытались узнать, что стало с Терезой?

– Я не мог. Я дал подписку.

– Уже в Москве?

– Да, но это было не сразу.

– Кем же вы объявились там – композитором?

– Нет, мне предложили работу по специальности.

– То есть?

– Радары, приборы наведения.

– Для кого?

– Для авиации.

– “Аэрофлот”?

– Нет, военная авиация.

– Ну и как – получилось? Не стесняйтесь. Нам ведь не нужны технические подробности. И пожалуйста, Джо, оставьте вашу привычку говорить “мы” – это чисто советское. Переходите на американское “я”.

– Позвольте мне говорить так, как я привык. Мы делали управляемые снаряды. Делали успешно. Потом перешли исключительно на микроэлектронику, на компьютеры.

– Разумеется, для военных нужд. Морисон прав.

– Ваш Морисон может заткнуться. Несчастливая Америка, если ее охраняют такие лопухи.

Казалось, Уолтер вспылит, но он расхохотался, и это получилось у него вполне искренне.

– Советское нахальство – лучшее в мире! И так, вы стали работать против Америки, своей родины, которая обучала вас в университете, доверила секреты наших фирм.

– Я работал на социализм.

– Бросьте, Джо, это же отговорка. Шла холодная война, главным врагом Кремль объявил нас, американцев.

– Холодную войну вели обе стороны.

– Но ваше участие в ней было горячее, я хочу вам показать одного свидетеля.

Уолтер подает знак, и на экране студийного телевизора появляется бронзово-загорелый, лет шестидесяти, бритоголовый крепыш, на вид здоровяк, но камера отдалается, и видно, что он сидит в каталке, ноги укрыты пледом. Каталку толкает Уолтер.

– Пару слов о себе, Фрэнк.

– Я, Фрэнк Прайт, был летчиком во Вьетнаме. Теперь это не звучит, но так было, мы честно воевали, как и положено американским солдатам. На вылете меня подбили. Управляемой ракетой. Я выбросился на парашюте. Попал в плен к вьетнамцам. Шесть лет провел в плену. Там обезножил. Военная пенсия. Но Вьетнам есть Вьетнам, хвалиться нечем. Такая мне досталась жизнь.

– Вы слышали о приезде в Штаты Джо Берта?

– Ему восстановили американское гражданство. Слышал. Может, я чего-то не понимаю. Он ведь создавал ракеты, которыми Москва снабжала вьетнамцев. В сущности, это он помог сбить меня. Из-за него я потерял шесть лет жизни, здоровье и все остальное. Он предатель. Теперь ему собираются дать пенсию. Нет, что-то не в порядке в нашей стране, если убийца американских летчиков получает такие же права, как и мы. Послушайте, Уолтер, вы что-нибудь понимаете в этой

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru жизни? Меня учили, что предательство – это позор, что нести солдатскую службу под звездным флагом – это почет. Теперь, выходит, все сравнялось?

Экран медленно гаснет. Уолтер молчит.

– Война во Вьетнаме – грязная война, – неуверенно произносит Джо.

– Вы знали, куда идут ваши изделия?

– Нас увлекали технические проблемы.

– Погодите, Джо, вам регулярно сообщали об эффективности оружия в ходе боевых действий, о недостатках, не так ли? Так что вы наверняка представляли, сколько вы сбили наших самолетов. Вы имели за это награды?

– Не мы затеяли эту войну.

Уолтер разглядывает его, как ископаемое чудовище, этокое безобразное, некогда опасное насекомое.

– Прошло столько лет, а вы, Джо, ничего не пересмотрели, ничему не научились, ни в чем не...

Происходит непредусмотренное. Джо вскакивает, наставляет на Уолтера палец точно пистолет.

– Вы сегодня посадили бы Розенбергов на электрический стул? Посадили бы? Отвечайте – да или нет?

– Конечно, нет, – спокойно отвечает Уолтер.

– Потому что законы и взгляды ваши сегодня другие. Какого же черта вы судите меня по законам того времени! Вы не имеете права! Это подлог, бесчестный подлог. Америка была символом империализма. Американская молодежь оплевывала вьетнамскую агрессию.

– Но они не стреляли в своих. Они оставались патриотами, – парирует Уолтер.

– Не произносите при мне это слово – патриот! Что это такое? – Джо почти кричит.
– Хотите знать, что такое ваш хваленый патриотизм? Хотите?

– Давайте выкладывайте.

– Это убежище подлецов, последнее, к чему они прибегают. Так сто лет назад сказал Лев Толстой.

– Цитаты вам не помогут, Джо. Вы защищаетесь, как будто вы обвиняемый. Вас никто не судит. Судить вы можете только сами себя. И не по нашим законам, а по законам Божьим. Они существуют вечно. И до вьетнамской войны и после. Мое дело помочь вам рассказать о себе, показать беспристрастно, как следовало бы по своему необычному пути. Я вижу, Джо, как вы утомились, не стесняйтесь, вы не привыкли работать перед камерами. Там, в Москве, вы были так засекречены, что никто никогда не видел вас ни в газете, ни на экране. Я не хочу, чтобы потом ваши друзья коммунисты говорили, что я загнал старого джентльмена. Мне интересно видеть вас противником опасным. А может, и не противником...

Уолтер замолчал, испытующе глядя на Джо. На этом эффектно закончилась первая часть передачи, после чего Уолтер пригласил Джо в комнату отдыха, куда принесли кофе с сэндвичами. Джо молча в три глотка осушил свою чашку.

– Вы поступаете нечестно! Я заявляю протест! – сказал он. – Мы с вами, Уолтер, так не договаривались, как вы меня выставляете. Разве это реклама? Вы наносите мне ущерб.

С каждым словом он распался все больше. Как-никак он добровольно вернулся в отечество, которое когда-то обошлось с ним несправедливо, преследовало его ни за что ни про что, он-то ведь все простил... Запоздалые аргументы приходили ему, и было ужасно, что он во время передачи не использовал их. Кто мог подумать, что Уолтер так коварно все вывернет.

– Успокойтесь, Джо, вы можете все исправить в следующей части через четыре дня, – говорил Уолтер. – Главное мы сделали – вызвали интерес к вам. От вас теперь зависит создать выгодное впечатление. Мне кажется, это лучше всего сделать, если вы предстанете как жертва коммунистических иллюзий. Расскажите, что они из себя представляли: Хрущев, Брежнев, Андропов, вся эта клика, их генералы, министры.

Выглядеть жертвой Джо не собирался, роль несчастливца не подходила ему, он требовал свою долю почета и похвал. Что знал Уолтер о его жизни, исполненной успехов, озарений, замечательных конструкций, с какой стати он должен перечеркивать ее?

– Поймите, Джо, вы блудный сын, который вернулся домой, – мягко растолковывал Уолтер. – Я был в Эрмитаже. Помните картину Рембрандта “Возвращение блудного сына”? По-моему, лучшая вещь Эрмитажа. Вы помните, как он стоит на коленях перед своим старым, слепым отцом? Вам надо тоже преклонить колени и покаяться.

– С какой стати? В чем каяться? С чего вы взяли, что блудный сын каялся? К вашему сведению, Уолтер, отец встретил его с радостью, велел заколоть теленка

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru или овцу, не помню уж, во всяком случае пир устроил – а вы мне что устраиваете? Америка не следует библейской притче.

Уолтер рассмеялся. Можно считать, что они договорились. А через два дня группа сенаторов, двадцать девять человек, выступила с заявлением, требуя лишить Джо Берта американского гражданства. Джо позвонил Уолтеру. Тот считал, что сенаторы подбавили интереса к следующей передаче, для лишения гражданства законных оснований нет, все будет о'кэй.

– Вы столько лет были Иосифом Борисовичем Бруком, вам заменили биографию, ваши жена и сын не знали, кто вы на самом деле. Кем же вы сейчас себя ощущаете?

– Пожалуй, я больше Брук, Иосиф Брук.

– Из Иоганнесбурга, а не из Нью-Йорка?

– Это была вынужденная мера, меня хотели обезопасить.

– Вас не расспрашивали ваши сотрудники, не пытались уличить?

– В закрытом учреждении не принято расспрашивать.

– Ужасная система. У вас есть родные в Штатах?

– Два брата и сестра.

– И племянники. Что же, вы ни разу не дали им знать о себе?

– Не полагалось. Да и им это могло причинить неприятности.

– Вы ни разу не ездили за границу?

– Конечно нет.

– Не встречались с американцами?

– Ни с какими иностранцами.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

- А когда в Москве проходил международный симпозиум по микроэлектронике?
- Мы не могли принять в нем участие.
- Ради чего вы обрекли себя на такую уродливую жизнь? Ведь вы же не были шпионом или резидентом...
- Таковы правила секретности. Конечно, она нам мешала. Но, к вашему сведению, в шестидесятые годы мы захватили лидерство. Мы обогнали американские фирмы. Наша машина имела лучшие показатели в мире.
- Какую должность вы занимали?
- Главный инженер лаборатории. Потом главный инженер центра микроэлектроники.
- Это высокая должность?
- В нашей лаборатории работало около двух тысяч человек.
- Ого!
- А в центре – больше десяти тысяч. Он определял развитие ЭВМ в стране.
- Вы еврей?
- Да.
- Почему вас назначили на такую должность?
- Меня рекомендовал Костас. А его сделали руководителем потому, что он был гениальный инженер.
- Вы сталкивались с антисемитизмом?
- Нет.

– Нигде?

На экране высветились быстрые страдальческие морщинки у Джо на лбу, они набежали и исчезли.

– Нигде.

– Правда ли, что вам покровительствовал Хрущев?

– В какой-то мере да.

– Может, потому вас не трогали?

– Я думаю, что нас защищали наши результаты.

– Благодаря двум американцам была создана советская кибернетика. Правильно я говорю?

Было видно, как Джо покраснел.

– Чуть! Знаете что, Уолтер, то же самое можно сказать и об американцах.

– Не понимаю.

– А то, что американское атомное и ядерное оружие было создано венграми, немцами, англичанами и прочими эмигрантами из Европы.

– Вы защищаете русских, но уклонились от ответа. Итак, вы достигли высокого положения в России, вошли в элиту военно-промышленного комплекса. Зачем вы приехали в Штаты?

– Это моя родина. Меня здесь несправедливо обвинили в шпионаже, меня хотели уничтожить, я хочу восстановить справедливость. Здесь мои друзья, мои родные.

– Как они вас встретили?

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– По-разному.

– Вы, наверное, ожидали другой встречи, более сердечной?

Джо как-то неуверенно соглашается.

– Я их ни в чем не виню, – поспешно предупреждает он.

– Позвольте показать интервью с вашим старшим братом.

Мистер Берт-старший появляется на экране в пышном обрамлении седых волос, седой бороды, уверенный в себе, благополучный, примиренный со всей этой суетной жизнью.

– Я никогда не разделял взглядов Джо, думаю, что, если б не казнь Розенбергов, он бы вернулся домой, завел свое дело, у него хорошая голова, которой не повредило образование. Жаль, что с ним приключилась такая беда. Но я не судья своему брату. Я давно уже не знаю, кто прав в этом мире. Мое дело только сочувствовать тем, кто в беде.

Следом на экране появляется младший брат, похожий на Джо, – такое же узкое лицо, залысина, он кажется старше обоих братьев, у него глубокие морщины, угрюмый вид неудачника.

– Когда Джо позвонил мне, я не поверил своим ушам, я подумал, что он звонит с того света. Я спросил его, где он мне выбил зуб. Он долго вспоминал, но вспомнил. Тогда я его признал и сказал: убирайся, знать тебя не хочу.

– За что же вы его так?

– После того как он сбежал, к нам повадились агенты ФБР. Допытывались, нет ли от него вестей, куда он мог скрыться. Несколько лет не давали покоя. Как вы думаете, это приятно? Перед соседями? Я уверен, что моя торговля пострадала из-за этого. Со мною боялись иметь дело.

– Но никаких обвинений вам не предъявляли.

– Что с того? А репутация? Я выглядел ненадежным партнером, которого могут арестовать. Мы переехали в другой район. Покойная жена молила Бога, чтобы скорее прибрал этого лабуха. Он помешал мне большего достичь, я детям не мог помочь вовремя, они мне этого не простили. Теперь Джо появился со своими братскими чувствами. Вспомнил. Да провались он. Пусть его спросят на Страшном суде: где твой младший брат, что ты с ним сделал? Я бы хотел, чтоб его Бог наказал.

Экран гаснет.

– Вините в этом ФБР, при чем тут я! – выкрикивает Джо.

– Хотите еще? Ваших внучатых племянников.

– И что они?

– Они смеются над вами.

– Они бы не смеялись, если б я приехал с несколькими миллионами.

Кажется, Джо обиделся всерьез и не мог этого скрыть.

– Сколько у вас в банке? Примерно.

– Мы не думали о деньгах.

– Вы опять употребляете множественное число. Кстати говоря, вы, лично вы потребовали большой гонорар за эту передачу.

– Еще бы, вы мне приготовили столько неприятностей. В России относятся к деньгам иначе, чем здесь. Мы там куда свободнее. Здесь только и разговору что про деньги.

– Я думаю, к вашей сестре это не относится. Давайте послушаем ее.

– Стоит ли? Будет то же самое.

– Не совсем.

Видно было, что Джо схватил Уолтера за руку, оператор успел крупным планом дать этот жест.

– Не надо, прошу вас. – Он начисто забыл о камере, о зрителях.

– Извините, Джо, я знаю, что вам будет неприятно, но хочется пробить вашу коммунистическую броню. Вы пребываете в излишнем моральном комфорте... Включите запись!..

Крашенные черные волосы и косметика делали ее моложавой, она была из тех женщин, привлекательность которых остается с ними до конца. Общим с Джо были только толстые добрые губы и размашистая жестикуляция. Она рассказывает, что любила Джо больше всех других родных. Он всегда защищал ее, в этой большой бестолковой семье они поклялись всегда стоять друг за друга. Она научилась делать шляпки, неплохо зарабатывала, давала ему деньги на ученье.

– ФБР знало, что мы дружили, ко мне приставали больше других. Я тоже не понимала, почему он не дал мне знать. Он говорит, что не мог? Но он даже не вспомнил обо мне! Я это знаю. Мой первый муж ушел от меня, мы ссорились из-за того, что я защищала Джо, и с братьями я поссорилась. Я все ждала хоть какой-то весточки от него. Иногда я себе говорила: хорошо, что он избежал тюрьмы. Вы знаете Виви, его невесту? Я убеждала ее подождать, она любила его. Я виновата перед ней, не надо было его ждать.

– Вы узнали его?

– Он стал лысый. Нет, это не мой Джо, он стал совсем чужой.

– Вы отвыкли.

– Нет, у него внутри ничего не осталось.

– Но он же приехал к вам.

– Зачем? Я давно оплакала его и похоронила. Чего он ждал? Дети, внуки объявили мне, что не хотят его знать, дядя-коммунист, дядя, которого хотят лишить гражданства, – им от этого радости не будет. Он говорил, что стал известным специалистом. У него всегда была хорошая голова, но мой сын, инженер, никогда не слышал о нем. Мне стыдно, что у меня не осталось к Джо даже жалости. Это нехорошо, что я не обрадовалась ему.

В глазах ее слезы, она смахивает их снова и снова.

– Они заставили ее, – сказал Джо. – Не может быть, чтобы Ида такого наговорила. Ее заставили.

– Посмотрите на себя со стороны, Джо. Это там, в России, вы лауреат, автор того-то и того-то. А кто вы здесь? Для вашей родни? Источник новых неприятностей. Гордиться вами они не могут. Нечем. Я запросил городскую

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru библиотеку. Вы не упоминаетесь ни в одном словаре. Даже в советских энциклопедиях нет ни вас, ни вашего друга Костаса. Вы говорите, он отец микроэлектроники. Казалось бы, его имя должно войти в пантеон.

– Он ученый мирового класса.

– Охотно верю. Вы, наверное, тоже. Много ли в России ученых мирового класса? Думаю, что немного.

– Когда-нибудь они отдадут должное Костасу, – пробормотал Джо, после монолога сестры он сник, потерял интерес к передаче. Уолтер победил, но теперь ему никак не удастся оживить Джо.

– Сделай вы то же самое для Америки, вы были бы здесь героем, вы были бы обеспечены.

– Всю жизнь я стремился создать более справедливую систему. Разумную, – вяло говорит Джо. – Мы думали, что компьютеры помогут этому.

– Оказалось, что дело в системе, а не в электронике, – говорит Уолтер. – Ваши умные компьютеры не могли спасти социализм.

– Знаете, Уолтер, как говорят в России: еще не вечер!

– Вы задумывались когда-нибудь над притчей о блудном сыне? Куда он возвращается?

– Домой... К отцу.

– А может, к себе? – В голосе Уолтера сомнение, и Джо молчит в раздумье.

– Может, к себе, – осторожно соглашается он. – Вернулся к себе, а меня нет, не могу найти. Ида права: я никому тут не нужен.

– Если б это было так, мы бы не устраивали ваше выступление. – Уолтер похлопывает его по руке. – Мы не хотим вас отвергать. Как сказано было: раскаявшийся грешник дороже праведника. Вы вернулись, вы ищите себя – это уже много. Ваша судьба исключительна, не мудрено, что некоторые люди не могут простить вам, не осуждают их; не старайтесь доказать, что они не правы, на этом пути вы не найдете мира, постарайтесь понять и их чувства...

Он слегка пародировал тон проповедника, но Джо этого не замечал, он был слишком удручен.

– Все началось с маккартизма! Если б не охота на коммунистов...

Уолтер поморщился.

– Это было пакостное дело, но зато мы провели дезинфекцию страны. Вы и ваши друзья были фанатики. Америка убедилась в этом во время суда над Розенбергами.

– Они невиновны! – ясно было, что тут Джо не уступит.

– Мы с вами не можем разрешить этот спор.

– Не было случая, чтобы суд Соединенных Штатов признал свою ошибку.

– Русские могли бы нам помочь, почему бы им не выложить карты на стол? Пусть они опубликуют материалы дела Розенбергов. Виновны ли они. И насчет других, например Роджера Холла или руководителя М-15. Но русские только болтают о дружественных отношениях. КГБ печет свои пироги из той же грязи. Правда, теперь они готовы продавать прошлогодние секреты. Те самые, за выдачу которых когда-то расстреливали.

– Как говорил Костас, не будем ловить блох, если мы не понимаем идеи. Мы жили и работали, считая себя счастливыми. Удача сопутствовала нам. Мы создавали, мы строили умные машины. Было хорошо. Отсюда, с другой стороны Земли, все это выглядит иначе, постыдно. Вы хотите, чтобы я сказал, что истина у вас? Потому что вы богаче? Я этого не скажу. Я не знаю, где она. – И тут он выругался по-русски, длинно и тщательно.

Уолтер рассмеялся:

– Вот и хорошо. Если вы не знаете, это уже замечательно. Чтобы коммунист не знал, кто прав, – такого не бывало.

Потом Уолтер попросил рассказать о Хрущеве, об Устинове, которого Джо назвал главным милитаристом, потом об Андропове.

– Послушайте, Джо, – вдруг спросил его Уолтер, – а вы понимаете, что происходит?

Джо захлопал глазами.

– Вы понимаете, что вы на Страшном суде?

– Глупости, – сказал Джо.

– Я мог бы добавить к перечню ваших грехов имена тысяч афганцев, уничтоженных вашей техникой. На кого вы работали, Джо Берт? На сатану? Рейган назвал вашу страну империей зла. Ваш вклад в это зло немалый. Бог наделил вас талантом. Кому вы отдали свой божественный дар? Они, эти дяди, слиняли, а вы остались, и вам придется отвечать за всех.

– С какой стати?

– Как вы себе представляете Страшный суд?

– Я атеист. И потом, Страшный суд, насколько я понимаю, это суд Божий. А вы-то какое право имеете судить меня?

Уолтер был доволен, красноносый толстячок с тряским животиком, его веселье казалось неуместным, но это-то и производило впечатление, он любил использовать этот прием, о веселых вещах говорил мрачно, о страшных – весело, подмигивая; в передаче с Джо ему удалось своими смешками помешать Джо перейти к серьезной защите. Джо Берт явно не замечал, какая удручающая панорама его жизни развернулась. Горе, которое он причинял людям, его грехи, его преступления, его предательство, отступничество... Где были те, кому он принес счастье? Где они?

Когда он вернулся домой, в Петербург, и стал просматривать видеозапись, толстые добрые губы его дрожали от обиды и досады. Впервые в жизни он видел себя на экране телевизора. Его поразило, что он, оказывается, уже старик: разболтанные жесты, крикливость, развязность, особенно стыдные по сравнению с благожелательно-учтивым ведущим, впечатление невыгодное – растерянность, беспомощные, ненаходчивые ответы. В сущности, он проиграл, не сумел отстоять свою жизнь...

XXXIX

Субботним утром нежданно-негаданно нагрянули американские гости. Джо был еще в пижаме, мокрый, после душа. Сначала вдвинулось в квартиру брюхо Уолтера, за ним влетела женщина, Джо не сразу ее узнал. С той, прежней Милей она соединялась как бы толчками. Господи, сначала он ужаснулся – как постарела, затем увидел, что эта новая Миля прекрасно выглядит и ей очень идет широкое длинное пальто с красным шарфом. На третьего американца, в ярком пиджаке, он обратил внимание лишь после того, как Миля представила его: Фрэнк Кидд, мой муж. Они прямо из Нью-Йорка, специально к нему, Джо, исключительно ради него, дело в том, что... Далее последовал захлебывающийся от восторга рассказ, как она и Фрэнк смотрели телепередачу и у Фрэнка возникла мысль сделать из истории Джо документальный роман. Они тотчас связались с Уолтером и прихватили его с собой.

За чаем Миля и Уолтер по очереди ознакомили Джо с заслугами Фрэнка Кидда: автор

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru тридцати книг (шесть вышли в бестселлеры), двадцати сценариев, лауреат таких-то национальных и международных премий. Кроме того, у Кидда “опережающее чутье читательского интереса”, и если уж он решил взяться за эту тему, значит, можно не сомневаться в успехе.

Мистер Кидд внимательно выслушивал похвалы, иногда жмурился, как кот, которого чешут за ухом. Сквозь прищур, однако, холодно следил за Джо, примериваясь, стоит ли иметь с ним дело. Было ему лет шестьдесят, матово-смуговое лицо, фарфорово-белые зубы – все было прочно, качественно. От его сутулой плечистой фигуры – фигуры человека, привыкшего к сидячей работе, – исходило ощущение мужской основательности, которая, очевидно, и привлекла Милю.

Джо и он придирчиво разглядывали друг друга, и Джо догадался: мистери Кидду известно про его отношения с Милей.

С тем же въедливым интересом Кидд осматривал квартиру, обошел кухню, спальню, кабинетик, не спросясь заглянул в стенной шкаф, где висел нехитрый гардероб Джо, постоял у книжных полок, заставленных пластинками, справочниками, банками с вареньем и зеленым горошком. Дольше всего задержался в большой комнате, где были рояль и мощный стереопроеигрыватель. Стены, отделанные крашеной фанерой, тщились придать помещению вид музыкального салона, но Кидду все это напоминало деревенский зал для танцулек начала века. Кидд выкладывал свое мнение не стесняясь и удивился, узнав, что у Джо нет ни загородной виллы, ни квартиры в Москве. Не преувеличивал ли Уолтер значимость этого человека? Не о рядовом ли инженере он, Фрэнк Кидд, собирается писать роман?

– Роман? Обо мне? – Только сейчас Джо уяснил цель визита, его недоумение выглядело несколько глуповато.

Уолтер и Миля тут же бросились растолковывать ему исключительность его жизненной истории. Телепередача была толчком. Кидд подтвердил: передача возмутила его – ну как можно такой потрясающий материал засрать политикой и не увидеть главного? А вот когда Миля сказала, что знает этого мистера Берта, он, Кидд, понял, какие возможности тут скрываются.

Уолтер благодушно оправдывался законами жанра: журналистика требует одного, роман – другого.

– При чем тут законы жанра? – разгорячился Кидд. – Вы профукали суть. Вам лишь бы коммунистов облаять. А вы, Джо Берт, вы-то хоть представляете, в чем суть вашей истории? Нет? Тогда слушайте меня. Два молодых американца, с ними роскошная девка, после бурных приключений попадают в Советский Союз и вскоре благодаря особым обстоятельствам оказываются ключевыми фигурами военно-промышленного комплекса. И все это в разгар холодной войны – такое не придумать ни одному фантасту. Головокружительную карьеру они делают так тихо и скрытно, что ни одна разведка не расчухала. Знаете почему? Потому что невероятно: американцы создали оружие для врагов Америки! – Он торжествующе оглядел всех, принимая безмолвные аплодисменты. – Теперь, конечно, когда вы бросили свой материал на проезжую дорогу, любой может подобрать его. Слава богу, что никто, кроме меня, еще не увидел этого сокровища. Думаете, мне нужно ваше согласие? Ничуть. Изменяю фамилии – и дело в шляпе. Для чего же тогда приехал? Потому что надоело сочинять. Я чувствую: у людей изжога от романов. Проза воняет ложью. Сегодня поразить может лишь подлинность. Она не имеет конкурентов. Без выстрелов. Без суперменов. Подлинные факты, даты, адреса обеспечат этой истории

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
настоящий успех. Нужно, чтобы в основе была правда.

Уолтер раскладывал перед Джо уже изданные шедевры – толстенные, завлекательно-яркие, в золоченых обложках. В этой же серии, поясняла Миля, выйдет и роман о Джо, только вместо полуголых красавиц и пистолетов на обложке будет его длинная физиономия – молодого, симпатичного, как на старой фотографии, распечатанной для агентов ФБР. Стопки таких книг появятся в книжных магазинах Бразилии, Австралии, Канады...

Мистер Кидд остановил ее – еще не все решено, не будем забегать вперед, он ведь прибыл в Петербург, чтобы приглядеться, принюхаться, прикинуть, годится ли Джо Берт в герои. Не теряя времени попусту, мистер Кидд, человек дела, выпроводил Милю с Уолтером – пусть погуляют по городу, – а сам стал записывать на магнитофон воспоминания Джо. Ему нужны были детали: на какой машине ездил Хрущев, что за кабинет был у Устинова, что ели, что пили, как звали помощника министра... “Точность в деталях – свобода в остальном”, – приговаривал он.

Время от времени Кидд прикладывался к виски и, наклоняясь к магнитофону, комментировал: “Голос у Джо крикливый, мгновенно набирает высоту... Из окна видны красные железные крыши... У московской водки зеленая наклейка...”

Потом Джо вывалил из старого чемодана свой небогатый архив. Собственно, это был не архив, скорее ворох бумаг, старых вещичек: значки, похвальные грамоты, концертные программы, записные книжки, морской кортик с дарственной надписью, письма, обломок пропеллера, фотографии, детский рисунок, свиток со стихами...

Кидд, сидя на полу, перебирал бумаги. Вытащил открытку с изображением мечети, попросил перевести текст. Старательным ученическим почерком по-русски Андреа писал из Средней Азии про какого-то эмира Исмаила, жившего в IX веке, которого народ так любил, что после смерти как святой он правил еще сорок лет.

Среди фотографий было много женских. Красотки чувственно улыбались из своей счастливой поры. Кидд обладал странной способностью сразу находить то, что ему было нужно. В руках его оказалась фотокарточка Мили, совсем юной. На обороте была надпись в стихах, которую Джо отказался переводить.

– Я покупаю у вас все, – сказал Кидд.

– Берите даром.

– Лучше оформить покупку, хотя бы за символическую цену.

– Да ради бога.

– И эту фотографию.

Джо покачал головой, выставил жесткую улыбку.

– Не продается.

Кидд нахмурился. Так дело не пойдет. Хозяин положения он, Фрэнк Кидд. Они постояли друг против друга. Телевизионный Джо в Нью-Йорке был Кидду понятней – виноватый, растерянный старик, поначалу он еще пыжился, все же бывший советский туз, а потом скис. Здешний Джо Берт его раздражал, в нем не было ни благодарности, ни восторга. Держит себя так, будто это он, Кидд, зависит от него.

Когда вернулись Миля и Уолтер, они еще работали; Кидд записал штук пять кассет, и это при том, что он беспощадно обрывал рассуждения Джо о созданных им технологиях. Как всякого технаря, Джо то и дело сносило на перипетии борьбы за совершенство электронных умников. Философия искусственного интеллекта, тайны микроэлектроники – ничего этого Кидд не собирался помещать в роман. Ему нужны были поступки, сюжет должен разворачиваться динамично, не давая воли ни правому, ни левому полушарию своих героев, им некогда думать, тем более болтать.

Нельзя сказать, чтобы Джо был хорошим рассказчиком, но Кидд умел выпрашивать, одно цеплялось за другое, тянулась и тянулась тонкая нить жизни, и не было ей конца.

Назавтра они опять работали до обеда. Кидд не любил ресторанов, Миля накупила продуктов и приготовила домашний русский обед с борщом, селедкой, картошкой, судаком, арбузом.

– Все же хотелось бы знать, что вы со мной будете делать.

– Фрэнк, – сказала Миля, – Джо имеет право.

Кидд попробовал отделаться общими фразами, но, начав, не смог остановиться, видно, ему и самому было интересно впервые изложить эту историю, импровизируя, радуясь находкам, следя за слушателями, ловя их внимание... Завязка – в Париже. Берт – молодой, многообещающий композитор, автор модных шлягеров, их исполнительница – Тереза. И вдруг судилище над Розенбергами. Его друзей казнят, и он, пылкий коммунист, клянется отомстить Америке за несправедливую расправу. Америка, его родина, обернулась убийцей, воплощением капиталистического зла. Вскоре к Джо присоединились его друзья Костас и Эн, которые бежали от маккартизма.

Кидд смещал даты, менял последовательность событий, придумывал мотивы, по которым Эн решила последовать за Андреа, секс и политика удачно сплетались у него с характерами. Многие факты он преподносил убедительно, угадывая то, о чем Джо умалчивал. Драки, погони, поединки с агентами ФБР – против этого Джо не возражал, но ему все меньше нравилась его роль – роль мстителя. Чем дальше, тем жестче Джо Берт выглядел коммунистическим карателем, партийным графом Монте-Кристо.

По Кидду получалось, что к русским они отправились для того, чтобы мстить, и русские выразили им свое доверие как мстителям.

Правда, вскоре у Андреа появилась и другая линия. Когда им доверили секретную работу, в нем проснулся честолюбец. По Кидду, у Андреа был комплекс малорослого человека, который хотел возвыситься, получить признание. В чужой, враждебной к американцам стране он поднимается к вершинам технической власти. Вместе с Джо они сумели преодолеть недоверие русских к кибернетике. Получив хорошие результаты, обеспечили себе поддержку военных, а затем и самого Хрущева. Благодаря своим связям с женщинами Джо проник и в круги атомщиков, однако в отличие от своего друга не стремится к власти, для этого он слишком жизнелюбив, охотно уступает первенство Андреа, у них отношения смычка и скрипки. Смычок – Андреа, он воплощает идеи, поданные Джо, он чувствует себя гением. Единственное, чего не хватает ему, – признания в Штатах, чтобы там знали, кто наточил меч, карающий их. Сам Джо уверен, что строит социализм, они обогнали Америку по компьютерам, так будет и в остальном. Антисемитизм, бедность, воровство, показуха – ничто не смущает его. Он истово верующий коммунист.

Таким видел его Кидд, и это поразило Джо. Те же имена, те же факты – и получалась неизвестная Джо версия его собственной жизни, простенькая, черно-белая, и все люди в ней либо плохие, либо хорошие.

Что касается Эн, то, по версии Кидда, в советской жизни она сумела почувствовать несправедливость людей, покорно терпящих свое унижение; проснулась в ней и тоска по Америке. На этом ее и подловил КГБ, толкнув в постель к одному американскому дипломату. Потом к следующему. Ее взяли на крючок. Но она повела свою игру, твердо решив вернуться, и в конце концов стала любовницей начальника архива КГБ, чтобы получить доступ к материалам о Розенбергах.

На этом месте Джо засопел, забулькал, Миля приложила палец к губам, умоляя не прерывать Кидда, который описывал потрясение, пережитое его героями после того, как они узнали о виновности Розенбергов; партийная цельность Джо надломилась; стоило хоть раз усомниться – и гипноз его социалистического идеала разрушился. Режим между тем по-прежнему нуждается в таланте Берта, уже прозревшего, но притворяющегося слепцом, ведь система уничтожала зрячих и вообще всех, кто не укладывался в ее рамки. Именно в этом причина смерти Костаса. Костас гибнет, но все-таки успевает освободить Эн. Она уезжает и там, на Западе, открывает тайну трех беглецов. Ее тоже устраняют, однако сделанное ею заявление меняет судьбу Берта: его изгоняют из ВПК, и он, уже в горбачевские времена, появляется в Нью-Йорке. Родные отвергают его. Друзья отворачиваются. Отверженный, презираемый (в глазах американцев Джо – предатель, коммунист), Джо понимает: единственное, что у него осталось, это его биография. И он продает ее. В конце романа, точнее сериала, Берт-Брук едет по русской дороге на белом “кадиллаке”. После своего страшного драндулета он наслаждается легким ходом мощной машины, которая осторожно перебирается через лужи, ухабы, колдобины. Кидд – как знаток для знатока – со вкусом описывал достоинства американского автомобиля.

– А как вы узнали, что я автофанат?

– Все русские мужчины мечтают о хорошей машине.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
Это была правда. Умирающая железная кляча двигалась лишь молитвами Джо;
изнемогая время от времени, она останавливалась, дрожа от слабости и желания
рассыпаться.

– Наши машины – лучшие машины для наших условий, – сказал Джо. Помолчав, он
спросил: – И это все?

Кидд налил себе виски, взгляд его потеплел, очеловечился. Биография героя была
завершена, бабочка вылезла из кокона, вот-вот расправит крылья и взлетит.

Джо сидел сгорбившись – сморщенная оболочка, использованная, опустевшая, и было
странно услышать такое решительное “нет!”. Нет, Розенбергов он Кидду не уступит.
Все что угодно, но не это. Они не были шпионами. Документальных улик нет.
Выдумка Кидда про архивные материалы – вздор! Своим участием Джо не хочет
подтверждать клевету.

Кидд не уступал, ему нужно, чтобы идея мести потерпела крушение. Он не понимал,
какого черта Джо упрямится. Розенберги все равно останутся в истории советскими
шпионами. С этим свыклись, и никто не будет ворошить это старье.

– Я с этого не сдвинусь, – упрямо стоял на своем Джо.

Уолтер осторожно поддержал его – не стоит лезть в дело Розенбергов, вокруг
которого до сих пор идут споры.

Образ Эн тоже не устраивал Джо – нельзя превращать ее в шлюху. Если у нее что-то
бывало, то совсем по-другому, она была свободным человеком, и КГБ тут ни при
чем.

– КГБ ни при чем? – Кидд усмехнулся, и они все трое переглянулись.

– Джо, ты разве не знаешь, что стало с Эн? – спросила Миля.

– Она уехала из Нью-Йорка в Германию со своим художником.

– А потом... Она покончила с собой. Ее затравили.

– Откуда это известно?

Уолтер объяснил: вскоре после телепередачи к нему явился один русский,
отрекомендовался бывшим сотрудником МИДа, каким-то образом он остался в Штатах,
и выложил кое-что про Костаса, Берта и Эн, в частности о ее романе с художником.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Уж он-то знает, как она получила визу на выезд. Весьма пикантные подробности. По просьбе Кидда Уолтер записал показания бывшего мидовца на магнитофон, за что тот потребовал, кстати, триста долларов.

– Дорогой Джо, вы не можете всего знать о своих друзьях, – успокаивал Уолтер. – Да и о самом себе вы многого не знаете. Кстати, этот тип утверждает, что за приличную сумму готов раздобыть нам копию вашего досье. Но Фрэнк не любит связывать себя фактами. Он писатель, а не историк. Какая вам разница, снимала Эн свои трусики для троих мужиков или для пятерых. Она делала это охотно – вот что важно Фрэнку.

– Вы недооцениваете Советскую страну, – говорил Кидд. – Здесь возможно все. Это идеальное поле для любых авантю.

– Что конкретно тебя не устраивает? – удивилась Миля. – Самоубийство Эн подозрительно, об этом уже писали немецкие газеты. А тебе разве не приходило в голову, что и мой дядя как-то слишком вовремя умер? Как раз перед тем как ты должен был получить от него бумаги. Инфаркт Андреа тоже устраивал чересчур многих.

– Заткнись! – вдруг рявкнул Кидд. – Вы оба с Уолтером заткнитесь! Мне не нужно, чтобы Берт знал то, чего он не мог знать. Не портите мне его.

– Фрэнк, не сердись, – сказала Миля. – То, что ты придумал, по-моему, великолепно.

– Ничего похожего на ту туфту, которую выпекают о большевиках, – подтвердил Уолтер. – Даже в таком сыром виде это серьезная вещь.

И он предложил выпить за здоровье Джо, который еще не понял, что ожидает его, когда его биография разоидется по всему миру, когда она станет легендой.

– Биографические книги имеют успех, – доказывала Миля.

Джо потирал шею, морщился, вздыхал, поглядывая на свое блистательное будущее.

– Тебя что-то мучает?

Он смотрел на Милю как глухой. Миля перешла на русский.

– Скажи что, и я его уговорю. Можно обусловить.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru
Но вряд ли он слышал ее.

– Видишь ли, я все еще благодарен России. Я не считаю ее лучшей страной. Но если бы...

Раздался звонок в дверь.

Их было трое – Алеша Прохоров, Виктор Мошков и Марк Шмидт. Хорошо поддатые, они приехали с прощального обеда. Давал его Марк по случаю отъезда в Германию с семьей, навсегда.

Джо представил американцам своих сотрудников. Перейдя на английский, они дружно приветствовали знаменитого писателя, утверждая, что читали какой-то его роман, какой – не помнят, но потрясающее произведение, из тех, что неразличимо слились с Шелдоном, Ле Карре, Кларком и прочими классиками триллера.

Марк захватил с собой бутылку водки и большую речь о Джо, своем наставнике, учителе, создателе Золотой Эры, неистощимом источнике идей. Заключение он ее, исполнив по-русски “Последний нынешний денечек гуляю с вами я, друзья...” в знак любви к родине, пусть и безответной. Алеша сообщил, что его жена тоже не прочь уехать, дескать, спеши, пока есть спрос, а он не согласен, его поставили руководить лабораторией, и он не имеет права покинуть корабль.

Виктор по-хозяйски разыскал в шкафу банку соленых огурцов, утверждая, что лучшей закуски для водки наука не нашла, достал какие-то консервы, название которых никто не мог перевести.

Пил Виктор с таким аппетитом, с таким прищелкиванием, кряканьем, подмигиванием, что соблазнил и американцев.

Мистер Кидд ошутимо захмелел, хлопал русских по плечу и спрашивал, не считали ли они, что Джо Берт шпион. И догадывались ли, что Джо приехал не из Южной Африки, а из Нью-Йорка, что оба их шефа – американцы и совсем не те, за кого себя выдавали.

– Прямой он мужик у вас, – обратился Виктор к Миле по-русски. – Никого не стесняется.

Разъяснил Кидду, что шпион шпиону рознь: советского, дескать, называют разведчиком, а капиталистического – шпионом, но и те и другие ни в чем толком разобраться не могут, воруют что ни попадя. Иосифу же Борисовичу незачем было воровать, он сам мог все придумать и сделать своими руками. Ну а начальство, оно всех иностранцев считало шпионами – такая была установка. Его безразличие к проблеме шпионства расстроило Кидда. А тут еще и Алеша спросил: неужели Кидд и впрямь задумал шпионский роман? Ради этого не стоило приезжать. Шпионских романов тьма.

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru

– Наши же учителя – совсем другое месторождение.

– Что вы имеете в виду? – не понял Кидд.

Алеша подмигнул ему:

– Сами знаете, с какой стороны хлеб маслом мажут.

Но Кидд по-бульдожьки помотал головой, не отпуская его.

– Нет, вы уж сформулируйте...

– Как я могу вас учить.. Вы в этом генерал, а нам в армии старшина доказал, что с нами интересно разговаривать, когда мы молчим.

– А все же как вы их видите?

Алеша встал, поднял стакан с водкой, держась за него как за столб. Он рассказал, как двое молодых мечтателей приехали строить социалистическую систему в Советской стране. Они свято верили в ее идеалы, и просто невероятно, сколько они сумели сделать. Андреа Картоз был Моцарт микроэлектроники, а Иосиф Борисович – ее Гермес (“нет, он Орфей!” – запротестовал Марк). Они – дуэлянты, бросившие вызов и Америке и России, их генералам, секретным службам, правителям. И если они американцы, то они Великие Американцы! Да, участвовали в холодной войне, но их талант не позволил стать этой войне горячей. Они восстановили достоинство и права оболганной кибернетики, сократили сроки нашего отечественного позора. Они сражались с нашими долдонами, рискуя всем. Они миссионеры. Америка может гордиться ими.

– В вашем небогатом пантеоне их имена будут сиять. У вас не много американцев, которые помогали другим народам. Кто у вас там, в пантеоне, – генералы, президенты, миллиардеры?..

Захмелев от водки и пуще от своей речи, Алеша со слезами на глазах благодарил мистера Кидда за намерение открыть американцам глаза.

Виктор прошелся насчет американской науки. До сих пор ее двигали русские эмигранты, а тут американские эмигранты творили русскую кибернетику.

Уолтер принялся было защищать американские позиции, но ему предъявляли имена русских, работавших в Штатах: Зворыкин, Бахметьев, Пригожин, Питирим Сорокин, Подлесский, Гамов.

– Позвольте, позвольте, – кричал Уолтер, – при чем тут русские, они все американцы русского происхождения, все американцы имеют какое-то происхождение!

– Глупейший спор, – определила Миля. – Кто такой Иосиф Борисович? Американец русского происхождения. Он же – еврей американского происхождения. А здесь, в России, русский американского происхождения, точнее русско-американский еврей, имеющий американское происхождение, которое в свою очередь имело российское происхождение...

– Сцена из жизни отдела кадров, – определил Марк. – Вычисляем, у кого сколько процентов. А сперматозоид-то был один-одинешенек, беспаспортный. Наши ни за что не согласятся считать каких-то америкашек праотцами отечественной кибернетики.

Виктор разъяснил мистеру Кидду: из Джо у него должен получиться не супермен, не шпион, а герой интеллекта, воплощение торжества таланта над властью, партийными указюками, стукачами, чинушами. В лаборатории Картоса боготворили, а Джо просто любили.

– Но он же коммунист, – удивился Кидд.

– Последний советский коммунист, оставшийся идейным коммунистом!

Уолтер захохотал:

– И тот – американец!

Кидд поднял руку, требуя внимания.

– Ваши великие – это не наши великие. Американец, который работал против Америки, – какой же это герой? Да, Америка оттолкнула своих сынов. Сделала их врагами, мстителями. Но почему? Вот вопрос! Я хочу рассказать о страшной энергии заблуждения. Не мое дело находить выход, мое дело – загнать читателя в тупик, чтобы он почесал в затылке и сказал: “Ну и сукин сын этот Кидд! Неужто он прав?”

Когда он кончил, Уолтер и Миля заплодировали. Алеша же настаивал на своем: Джо великий человек, уже потому великий, что вернулся в Россию.

По мнению же Уолтера, никакой доблести в том, что Джо вернулся, не было, ибо не остался он в Штатах только потому, что ни родные, ни друзья его не приняли.

– Идиоты, – пьяно оборвал его Кидд. – Они снова отталкивают человека.

Неизвестно, слышал ли Джо их перебранку. Он отключился. Воспоминания отделяли его ото всех.

Уолтер жаловался, что Джо не радуется будущей книге, капризничает, не ценит такого счастливого случая. Да и остальные наседали, уверяя: надо увековечить память Андрея Георгиевича, надо заявить миру об их лаборатории, об их существовании – разве можно отказаться от такой рекламы?

– Вы не имеете права отказываться, – убеждал Марк.

– Такой роман для Марка – лучшая рекомендация в Германии, – пояснил Виктор.

– Поздно делать научную карьеру, лучшая часть моей жизни кончилась. Ах, Иосиф Борисович, не лишайте нас бессмертия, вы наш единственный шанс остаться в истории.

– А может, у него уважительная причина? – сказал Алеша.

– Даже по уважительной причине смешно отказываться от долларов, – хмыкнул Виктор.

Уолтер кричал, что вместо благодарности, вместо делового разговора идет какая-то муть, неизвестно, чего хочет этот вздорный старик.

Говорить в таком тоне об учителе было здесь не принято. Уолтера осадили. Виктор с подчеркнутой почтительностью обратился к Джо – вероятно, у него имеется свой вариант интерпретации, свой интерфейс, свой инфракон, подобно всякому интроверту...

– А как же, – сказал Джо, – имеется. Мне ни импортный вариант, ни экспортный не подходит. Один слишком мал, другой велик.

– А вас никто не просит примерять сюжет на себя, – заметил Уолтер и ловко прошелся насчет костюма, который висел на Джо. Человек сам себя не видит, он видит только других. Почему Джо полагает, что ему виднее? Может, из Америки виднее? Оттуда многое в русской жизни виднее. Он польстил ученикам мистера Берта, дескать, только они и могут воздействовать на упряма, и не следует думать, будто мистеру Кидду можно навязать истолкование.

– Свободу мистеру Кидду! – провозгласил Виктор.

И ученики тут же заверили, что берутся уговорить учителя.

- Ваша книга вставит большой фитиль нашим богдыханам.
- Вы не любите их? – полюбопытствовал Кидд. – У вас хороший народ.
- Люди у нас хорошие, а народишко попорченный.

Гости галдели, опять позабыв про Джо. Впрочем, и он позабыл о них. Этот Берт умел каким-то образом исчезать из виду, погружаясь в свое. До сих пор это свое принадлежало лично ему, теперь в его прошлом хозяйничали другие. Ребята, как оказалось, знали лучше, чем сам Джо, и что он делал, и каким он был, и Кидд знал и про него и про Андреа – знал то, чего не знал Джо Берт.

Никто не заметил, как Миля увела его на кухню. Джо сел там верхом на табуретку, лицом к окну, за которым шел дождь, с мокрого клена слетали последние листья, их красные ладошки помахивали ему.

У Кидда действовали какие-то гомункулы, не похожие ни на Андреа, ни на Эн, и он, Джо, неузнаваем. Где-то в стороне осталась их действительная жизнь со всеми ее страхами, глупостями, праздниками. Обидно: откуда-то прилетел чужой человек и за два дня во всем разобрался, все обозначил, расставил, каждому дал роль, и выстроилась острая, занимательная история.

- Итак, супруги Кидд покупают мою жизнь, – сказал он. – Выгодная сделка, а?

Миля помолчала, потом подхватила его тон:

- Выгодная для тебя. Мы-то покупаем сырье. Россия, как всегда, продает только сырье.

- Наконец-то я пристроил свою биографию. Отделался от нее.

- Не беспокойся, она попала в хорошие руки. Ты всегда сможешь внести поправки.

Если б он знал, что следует поправить.

- Представляю, какого из меня сделают цветастого попугая. Твой муженек придумает мне текст, и я буду повторять его.

Миля подошла, повернула его к себе, положила руки на плечи.

- А ты хочешь, чтобы Фрэнк рассказал все как есть? Зачем? Уолтер это попробовал...

Он никогда не оглядывался на свое прошлое, не представлял, как оно выглядит со стороны. А теперь все они, чужие, читали письма его жизни, и лишь один он не

Бегство в Россию. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru мог расшифровать ее тайный смысл. Куда вела его фортуна, зачем появлялась она в крайние минуты, предостерегала, не позволяла сбиться с дороги, уберегла в Париже, спасла в Хельсинки, потом в Праге? Был же какой-то умысел в ее заботах? Может, ему что-то надлежало выполнить. Выполнил ли он? Господи, неужели ему не дано узнать об этом? Он никогда не видел ее лица, она возникала из ниоткуда, выдавая себя шелестом туники, и исчезала. Руки у Мили были жилистые, руки увядшей женщины. Он снял их с плеч, погладил, вспомнив, как Виктор шепнул ему: “Вкусная бабенка, вполне...” Он не испытывал к ней ничего, кроме жалости, и от этого жалел и себя.

Низкий хриловатый ее голос читал:
Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится,
Не узрит он минувших лет.
Глаза ее наполнились слезами. Она с трудом сдерживала их.

– Хорошо, что мы увиделись.

– Я очень изменилась?

– Ты была девчонкой, а стала красивой женщиной.
Она благодарно ткнулась ему в плечо.

– Вот увидишь, все получится. Спасибо, что ты согласился. Я так рада. Все же какая-то польза и от моей жизни.
Она вытерла слезы, взяла кофейник, пошла к гостям. Фигура ее вытянулась, заструилась, не хватало только туники.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!